

ISSN 1818-4936

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АСТРАХАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2011
№ 3 (39)

Журнал издается с 2000 г.

*Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК
для публикации основных результатов
диссертационных исследований
по направлениям «Филология», «Юриспруденция»,
«Педагогика»*

Астраханский государственный университет
Издательский дом «Астраханский университет»
2011

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2011
№ 3 (39)

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Исаев*

Редакционный совет:

- Н.Ф. Алефиренко*, д-р филол. наук, проф. Белгородского государственного университета;
Х. Баран, д-р филол. наук, проф. Университета Олбани, США;
В.Г. Вестстейн, д-р филол. наук, проф. Амстердамского университета, Нидерланды;
Р. Вроон, д-р филол. наук, проф. Калифорнийского университета, США;
В.А. Гутман, канд. пед. наук, доц., министр образования Астраханской области;
А.А. Данилов, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории
Московского педагогического государственного университета;
А.А. Демченко, д-р филол. наук, проф. Педагогического института Саратовского университета;
В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. Волгоградского педагогического университета;
Е.А. Лукьяненко, зам. Председателя Правительства Астраханской области;
А.П. Лунёв, д-р экон. наук, проф. Астраханского государственного университета;
А.Н. Чумаков, д-р филос. наук, проф.,
первый вице-президент Российского философского общества, г. Москва

Редакционная коллегия:

- Ю.А. Повх*, ответственный секретарь;
С.В. Виноградов, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой истории и архивоведения
Астраханского государственного университета;
П.В. Казаков, канд. истор. наук, доц. кафедры истории России
Астраханского государственного университета;
Л.П. Гвоздарёва, канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории
Астраханского государственного университета;
Е.А. Мясоедова, канд. пед. наук, доц., ректор Астраханского института
повышения квалификации и переподготовки;
Л.Я. Подвойский, канд. филос. наук, доц. кафедры философии
Астраханского государственного университета;
Е.М. Стомпель, канд. филол. наук, доц. кафедры английской филологии и СТО
Астраханского государственного университета;
И.Н. Кайгородова, д-р филол. наук, проф. кафедры общего языкознания
Астраханского государственного университета;
А.П. Романова, д-р филос. наук, проф., директор Гуманитарного института
Астраханского государственного университета

Журнал выходит 4 раза в год

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться.
Все материалы, поступающие в редколлегию журнала,
проходят независимое рецензирование.

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом
«Астраханский университет», 2011

© Скоблев В.Д., оформление обложки, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ

Н.С. Алфёрова

Особенности дискурса «авторитарного» типа языковой личности
в эмоциональной ситуации «гнев» 6

Е.В. Варламова

Интернет-дискурсивное пространство германских леворадикальных партий..... 11

А.А. Давыдова

История создания и функционирования
газеты «Бургань-Таракки» (1906–1911 гг.) 17

А.Г. Джамалудинова

Об одной суперсегментной единице харахинского говора аварского языка..... 25

М.Г. Делинад

Культурно-семантическая маркированность
славянской и иранской фраземики 28

Н.И. Дорохова

Номинации – ценностные прагматонимы
в хабитате англосаксонского этноса V–XI вв.: семантика и семиотика 32

Ю.В. Жукова

Синтаксические способы выражения пояснения в политическом дискурсе..... 36

Е.В. Илова

Ассоциативный образ театра в англоязычном социуме..... 40

А.И. Казакова

Дискурсивные стимулы фразеомобразующих компонентов
(на материале фразеологических единиц из кинофильмов) 45

С.И. Маджаева

Семантика медицинского термина в когнитивно-дискурсивном аспекте
(на материале предметных областей медицины «СПИД» и «Диабет»)..... 50

Т.В. Михайлова

Национальная специфика концепта «катастрофа»
в русском и английском языках..... 54

И.Н. Очирова

О некоторых способах репрезентации идеи небытия
(на материале русского и калмыцкого языков) 57

С.Г. Половинина

Функциональный аспект средств выражения двойного отрицания
в рекламных текстах (на материале немецкоязычных газет и журналов) 61

С.В. Попова

Лингвокультурный типаж «школьная учительница» в жанре анекдота..... 66

И.М. Рахимбирдиева

Звуковые законы в истории немецкого языка как раздела германистики 72

Е.И. Розалёва

Учебное лексикографическое конструирование алгоритмов
этимологизации фразеологизма..... 75

Е.А. Роменская

Тактики формирования эмоционального настроения адресата
(на материале докладов А. Меркель)..... 80

У.А. Савельева

Категория «театральность» в политическом дискурсе
(на примере выступлений кандидатов в президенты США)..... 86

Е.М. Стомпель, М.С. Илюхина Паремиологические характеристики лингвокультурного типажа «английский бизнесмен»	92
Д.А. Умерова Унификация системы коннотативных и функциональных помет в словарях.....	98
Ю.А. Черноусова, Т.А. Ширяева Контракты в англоязычном деловом дискурсе: сущность, основные характеристики, типология.....	104
Е.І. Glinchevskiy Function of Verbal Influence as Means to Manifest Humans' Mental World in Semantics of Language Units (Mass Media Language as Example)	110

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

И.А. Ахмедова Функционально-стилистические и структурные особенности парентезы в новеллах А. Гавальда.....	117
Ю.В. Бельская Гастрономические образы в художественной картине мира Ф. Горенштейна.....	121
Д.М. Бычков Система стилевых признаков агиографической традиции в романе Д.М. Балашова «Похвала Сергию».....	124
Г.Г. Исеев Художественная репрезентация духовной самоидентификации лирического героя в поэме А. Кусикова «Искандарнаме»	133
А.В. Кондрашева Образ Рима в «Римских сонетах» Вяч. Иванова	143
Е.В. Кузнецова Тема творчества в художественно-публицистическом наследии Г. Газданова	148
А.Н. Кунусова Смерть Венеции и смерть в Венеции: интерпретация смертности в русском поэтическом венецианском тексте первой трети XX в.	153
Т.И. Малахова Своеобразие художественного конфликта в пьесах А. Володина.....	159
Е.С. Манченко Г. Уэллс и А.Н. Толстой: к вопросу о литературной преемственности	163
З.З. Мизова Традиционные морально-этические нормы адыгов в исторической прозе Э. Мальбахова.....	168
Ю.А. Повх Образ петербуржца в русской прозе 1990–2000-х гг.	171
Л.Я. Подвойский, Н.М. Байбатырова «Я славлю жемчуг слова...»: узбекскому поэту Алишеру Навои – 570 лет	179
Б. Ронкетти Образ поезда в поэтическом мире Велимира Хлебникова	182
Л.В. Спесивцева Биографическая основа лирической поэмы В. Соловьёва «Три свидания»	190
Е.А. Шевель Феноменология жанра: «Кролики и удавы» Ф. Искандера	196
Е.А. Шкурская Способы выражения нонсенса в английском детском фольклоре и произведениях Э. Лира и Л. Кэрролла	202

<i>Т. В. Вузина</i> Translation, translation environment and social order: Russian translations of Shakespeare	207
ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ШКОЛА	
<i>Л. А. Апалькина</i> Исторические и социальные истоки педагогической традиции Северокавказского региона	214
<i>Г. Г. Ибрагимов</i> Первичное восприятие музыки в музыкально-эстетическом воспитании молодежи	216
<i>Н. А. Молоцова</i> Формирование воспитательных моделей в среде народов Северного Кавказа	219
<i>С. П. Шурина</i> Реализация концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания	222
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. ТЕОРИЯ ПРАВА	
<i>А. В. Петров</i> Проблемные вопросы теории и практики прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела	229
<i>А. Н. Харитонова</i> Значение политико-правового наследия Б. А. Кистяковского для политико-правовой мысли России начала XX столетия	235
<i>Л. Ш. Шамарданова</i> Значение Устава товарищества собственников жилья	240
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	250
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ	252

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА «АВТОРИТАРНОГО» ТИПА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ «ГНЕВ»

Н.С. Алфёрова

Статья исследует дискурс следующего типа языковой личности – «авторитарная» языковая личность. Психосоциальные характеристики данного типа рассматриваются с позиций лингвистического анализа. В статье исследуются прагмалингвистические особенности дискурса авторитарной языковой личности в эмоциональном состоянии гнева на основе текстов немецкой художественной литературы. Анализ предполагает также учет языковых особенностей оформления дискурса на лексическом и синтаксическом уровнях. Тем самым подчеркивается важность такого комплексного анализа «авторитарного» типа языковой личности в эмоциональной ситуации «гнев».

The article dwells on the discourse of such a language personality type as “authoritarian personality”. Psychosocial characteristics of this type are analysed from viewpoint of linguistic aspect. The article describes pragmatic representations of the authoritarian language personality in emotional condition of anger in German literature. But those ones are analysed both in pragmatic point and in the language (lexical, syntactical) aspect. In this way the complete representation of the authoritarian personality should be given.

Ключевые слова: тип языковой личности, дискурс, авторитарная языковая личность, прагматика, лексические и синтаксические особенности, эмоциональное состояние гнева, эмоциональная ситуация «гнев».

Key words: language personality type, discourse, the authoritarian language personality, pragmatic, lexical and syntactical representations, the emotional condition of anger, the emotional situation “anger”.

Прежде всего, необходимо раскрыть понятие языковой личности (ЯЛ), под которой мы вслед за Ю.Н. Карауловым понимаем совокупность (и результат реализации) способностей к созданию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной отражения действительности и определенной целевой направленностью [8]. Данные языковые и речевые способности отражены в структуре ЯЛ, которая представляет собой единство трех уровней: вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационно-прагматического. Задача изучения ЯЛ в лингвистике сложна и интересна еще и тем, что личность – явление многоплановое, в котором переплетены психологические и социальные особенности. Поэтому они должны быть, по нашему мнению, учтены при изучении речи ЯЛ, ее дискурса. Дискурс в этой связи можно определить как сложный коммуникативный процесс создания речевого произведения языковой личностью, результат которого отражает зависимость созданного этого речевого произведения (текста) от экстралингвистических обстоятельств, знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В.И. Карасик относит мотивы и цели участника речевого общения, то есть структурные компоненты мотивационно-прагматического уровня, в трактовке Ю.Н. Караулова к «прагмалингвистическим параметрам личности» [7]. Кроме того, к прагмалингвистическим параметрам личности можно отнести такие психологические особенности структуры личности, как характер, система ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций; психологические и социальные роли, которые проигрывает ЯЛ, будучи участником коммуникативно-речевого процесса [9]. Прагматический уровень или интенциональный уровень речи в терминологии С.А. Сухих [13], уровень коммуникативно-речевой компетенции позволяет выявлять типологические особенности ЯЛ в результате лингвистического анализа дискурсивных единиц на этом уровне, а именно интенционально-ориентированных речевых

высказываний и в итоге – стратегий и тактик. Однако лингвистический анализ ЯЛ должен быть комплексным, то есть проводиться на всех уровнях языка как на прагматическом макроуровне (Makroebene), так и на микроуровне речи (Mikroebene): фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях [18].

Исследованию явления эмоциональности в языке и речи посвящено в последнее время достаточно много работ, например, исследования Л.Г. Бабенко, С.В. Ионовой, Н.А. Красавского, Р.С. Саакиевой, В.И. Шаховского и др. В рамках коммуникативно-деятельностного подхода эмоциональная ситуация «гнев» рассматривается нами как ситуация речевой коммуникации. Обычно это категориальная ситуация, в которой «эмоция "гнев" вызывается определенными специфичными для этой эмоции причинами» [15]. В психологии довольно масштабно исследованы эмоция «гнев» и причины, вызывающие ее. Гнев представляет собой «активную», или, выражаясь языком психологии, стеническую эмоцию, которая является базовой. Эмоцию гнева испытывают, таким образом, все индивиды, однако проявления гнева у людей различны. Эмоция гнева имеет в современном обществе как физические, так и социальные причины [15]: препятствие на пути к достижению цели, социальную несправедливость, ограничение свободы, личное оскорбление. Причина гнева, как показывает анализ примеров ситуаций гнева в текстах художественной литературы, как правило, лично-относительно значима для человека. В эмоциональной ситуации эмоция «гнев» рассматривается нами в комплексе с другими эмоциями так называемой «триады враждебности»: отвращением и презрением [5], которые, как показал анализ эмоционального дискурса персонажей художественной литературы, часто сопутствуют эмоции «гнев».

Личность трактуется в психологии как относительно стабильная организация мотивационных предрасположенностей, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением и условиями [11]. Таким образом, как уже было сказано выше, ценностные ориентиры личности, ее убеждения, социальные нормы и конвенции непосредственно отражаются в ее дискурсе. В связи с этим С.А. Сухих вводит понятие «диспозиция личности», которая представляет собой совокупность вышеперечисленных факторов [14]. К психологическим факторам речевой коммуникации В.В. Богданов относит постоянные личностные психологические характеристики: темперамент, интровертную или экстравертную ориентацию; текущие характеристики или состояния: настроение, цели, задачи, интересы; степень знакомства с собеседником, устойчивые вкусы, пристрастия и привычки [2]. На дискурс ЯЛ, как уже отмечалось, оказывают, наряду с психическими особенностями личности, разнообразные социально значимые условия языковой коммуникации, что еще раз подчеркивает деятельностный характер речи, разворачивающийся в условиях совместной деятельности людей, в их коммуникации. Анализ этих социально значимых условий дискурса личности осуществляется с позиций микросоциолингвистики. Подобный подход, как отмечает К.Ф. Седов, ориентирован на индивидуально-психологические особенности ЯЛ, а поэтому его уместно называть социопсихолингвистическим [12]. Таким образом, все психосоциальные особенности личностной структуры будут выражаться в характерных особенностях вербального и невербального поведения. ЯЛ могут быть положены в основу типологии языковых личностей.

Проблема типологизации ЯЛ в современных лингвистических исследованиях предпринимается, прежде всего, с позиции выделения набора определенных признаков, которые характеризуют предрасположенность субъекта коммуникации к определенному способу вербального поведения. Эмоциональные проявления ЯЛ в эмоциональной ситуации «гнев» могут быть типологизированы, можно говорить о «эмоциональных характеристиках» того или иного типа ЯЛ. Так, выделенный нами психосоциальный тип ЯЛ «авторитарный» имеет определенные прагмалингвистические особенности в эмоциональной ситуации «гнев», которые мы рассмотрим на примере проявления эмоции гнев персонажа романа Дитриха Шваница «Кампус» Габриелы Хакман [17]. Анализ «поведенческого компонента» [7], а также совокупность всей текстовой информации об этом персонаже (прямые характеристики автора произведе-

дения и оценки других героев романа) позволяют определить тип этой личности как «авторитарная». По нашему мнению, для данного психосоциального типа ЯЛ характерны, прежде всего, определенные психологические и социальные особенности в эмоциональной ситуации гнева. В эмоциональной ситуации гнева авторитарная ЯЛ склонна к выражению агрессии. С позиции теории Э. Фромма о социальной направленности характера, данный тип личности может быть обозначен как личность с «неплодотворной ориентацией характера» [16]. Такая личность склонна к манипулированию людьми; выражая гнев, она пытается подавить партнера по коммуникации. С позиций теории межличностной коммуникации можно говорить о низком уровне развития у данного типа личности коммуникативной компетенции.

Успешную коммуникативную коммуникацию определяют такие факторы, как мотивация, знания и навыки. К факторам мотивации относятся желание партнеров прийти к взаимопониманию, значимость контакта, взаимная симпатия, открытость для новой информации. Факторы знания включают представления об объекте и ситуации, знание сходства и различий, допущение возможности более чем одной точки зрения, знание альтернативных интерпретаций. Среди навыков важны эмпатия, навыки постоянного сбора и обновления информации, создания новых категорий, коррекции своего поведения [10]. Много в понимании авторитарной личности может дать теория Э. Берна о моделях эго-состояний личности [1]. В поведении авторитарной личности в гнев проявляется эго-состояние Родителя: автоматически оценивающее, порицающее, наказывающее, обвиняющее, ищущее виновного, приказное, авторитарное, запрещающее, догматичное, претендующее на правоту [4]. С одной стороны, она проявляет себя как авторитарная личность, не признавая мнения других, с другой, испытывает зависимость от стереотипов, склонна к подчинению вышестоящим. Авторитарная ЯЛ проявляет гнев в полной мере, что проявляется на всех уровнях ее дискурса: в использовании инвективной лексики, соответствующих экспрессивных синтаксических конструкций, жестких императивов. На прагматическом уровне ЯЛ проявляется в использовании выражений с прагматикой оскорбления, упрека, колкости, таких конфликтных тактик и стратегий, как угроза, запугивание, манипулирование. Дискурс имеет явную негативную тональность. В большинстве случаев дискурсной особенностью данного типа ЯЛ является конфликтность, что может быть объяснено в психологическом плане с позиции «Я-концепции» как явно выраженная завышенная самооценка личности и вследствие этого недооценка партнера по общению, неспособность принять его позицию.

Габриела является в романе обладательницей высокого социального статуса, у нее высокий материальный уровень жизни. В психологическом плане она взбалмошная, эгоистичная женщина, склонная к театрализации своих эмоций. Она старается жить по принципам, которые считает верными, не принимает критику в свой адрес и часто испытывает гнев, если окружающие поступают не так, как она этого хочет. В очередном разговоре со своей женой Ханно, ее муж, пытается объяснить ей свое поведение, но она не хочет слышать его доводы, разговор заканчивается вспышкой гнева со стороны Габриелы, об интенсивности которого свидетельствует описание невербальных кинесических реакций автором романа: *Sie fuhr herum. Ihr Gesicht war rot vor Wut, und dann explodierte der Vulkan.*

Прагматические характеристики речи авторитарного, манипуляционно-агрессивного типа в терминологии С.А. Сухих [13] подчеркиваются и языковыми особенностями речи этого персонажа в состоянии гнева. Эти языковые черты проявляются в использовании повторов на лексическом и синтаксическом уровнях, например, в следующих предложениях:

...Das ist unglaublich. Du bist einfach unglaublich. <...>

...Sieh dich doch an in deiner Pennerhose. Du bist selbst ein Penner! Du liebst Penner – du fährst lieber zusammen mit dem Abschaum in der U-Bahn, anstatt unseren Mercedes zu nehmen. <...>

...Alle haben mich bedauert, alle!...

...Und diese dürre Schäfer ging sogar so weit mich zu trösten, diese Ziege. <...>

...*Ich kenne deine Erklärungen. Sitzungen, Tagungen, Reisen, Verpflichtungen.*

Использование синтаксических конструкций свидетельствует о высокой степени парцелляции: изолированное восклицательное предложение *Weißt du, was du bist, Hanno? Eine traurige Figur!* Также используется большое количество вопросов особой прагматической направленности. Эти вопросы не имеют своей целью получить ответ. Они направлены в речи авторитарной личности на манипулирование оппонентом, к которому испытывают гнев:

...*Hattest du eine Verabredung? War dir plötzlich was Besseres eingefallen? Wolltest du mich unmöglich machen? <...>*

Aber wenn du unbedingt mit dieser Studentin schlafen willst, mußt du das ausgerechnet während des Empfangs der Akademie tun? <...>

...*so war es doch, nicht wahr? Und steigst schließlich selber in die Pennerhose, ja? Und du erwartest, daß ich das glaube?* В данном случае героиня использует тактику давления на партнера, где вопросы представляют собой речевые действия упрека с целью вызвать жалость к себе и заставить партнера испытывать стыд. Интенсивность испытываемого чувства героини подчеркивает интонация, которая на синтаксическом уровне выражается в использовании восклицательных предложений с интенциями возмущения, упрека, угрозы:

✓ *Und wie sie mich dabei angeschaut haben! ... Und jetzt kommst du in einer anderen Hose nach Hause! <...> Alle haben mich bedauert, alle!* – упрек, возмущение;

✓ *Ich hätte ihr den sehnigen Hals umdrehen können! <...> Noch einmal so ein Vorfall, und ich nehm ihn dir weg, hast du verstanden!* – угроза.

Высказывания, имеющие интенцию угрозы, как и вся речь «авторитарной» личности, имеют негативную направленность, что определяется не столько спецификой эмоции «гнев», которая имеет отрицательный оценочный знак «-» («плохо»), сколько личностными особенностями данного психосоциального типа: склонность к доминированию, манипулированию людьми, вследствие чего личностные качества других нивелируются, не признаются. Личность собеседника в гневе унижается, подавляется авторитарной личностью. Адресат воспринимается как объект манипулирования в своих целях. Императивная направленность многих высказываний персонажа подчеркивает авторитарность ЯЛ:

Du schläfst besser in deinem Arbeitszimmer. ...

“Ich kontrolliere jetzt die Fragen”, dekretierte sie. <...>

Und daß du Bescheid weißt: Ab sofort bleibt dein Vogel in der Garage.

Жесткую директивность высказываний подчеркивает и синтаксическое оформление – использование повествовательных предложений в функции директив. В данном случае можно говорить о транспозиции утвердительного предложения с целью повышения эффекта эмоционального воздействия высказывания [3].

На лексическом уровне эмоция гнева в речи ЯЛ авторитарного типа проявляется в использовании эмотивов с самой негативной оценки: *Hochstapler – аферист; Penner – неудачник, verdammt, Abschaum – отбросы, отребье, подонки*. Использование инвектив, ругательств является признаком агрессивности, конфликтности персонажа [12]: *Und diese dürre Schäfer ging sogar so weit mich zu trösten, diese Ziege*. Особую интенсифицирующую функцию имеют используемые в речи данного персонажа оценочно-модальные частицы (Modalpartikeln), семантика которых выявляется из контекста:

✓ выражение возмущения, например, частица *doch*: ...*so war es doch, nicht wahr?*;

✓ интенсифицирующие наречия *sogar, unbedingt, ausgerechnet, einfach*: *Und diese dürre Schäfer ging sogar so weit mich zu trösten, diese Ziege. <...> Aber wenn du unbedingt mit dieser Studentin schlafen willst, mußt du das ausgerechnet während des Empfangs der Akademie tun? <...> Du bist einfach unglaublich.*

Речи авторитарного типа часто присущи стилевые черты сарказма: *Du rennst aus der Akademie, reißt dem nächsten Penner die Hose herunter, zwängst ihn in deinen Smoking, sie schrie jetzt hysterisch vor Lachen, so war es doch, nicht wahr? Und steigst schließlich selber in die Pennerhose, ja? Und du erwartest, daß ich das glaube?*

Речевые тактики данного персонажа романа, который представляет ЯЛ авторитарного типа с использованием речевых высказываний упрека, насмешки, «жестких» директивных конструкций (требований, одергиваний, приказов), отражают мотивы языковой личности [6]: желание вызвать к себе жалость, заставить почувствовать угрызения совести с целью манипулирования партнером по общению, но, прежде всего, унижить, подчинить собеседника. Эксплицитно выражена направленность на подавление собеседника и его оскорбление в предложениях с прагматической направленностью оскорбления, угрозы, проклятия, высмеивания. Реализация подобных речевых действий отражает общую целевую направленность данного психосоциального типа ЯЛ – воздействие на адресата и манипулирование им.

Изучение прагматических как высших структурно-системных составляющих дискурса ЯЛ вкупе с языковыми особенностями оформления ее дискурса является сегодня перспективной и актуальной задачей в лингвистике, решение которой открывает возможности для глубокого изучения языковой личности и человеческой личности в целом. Изучение эмоционального дискурса, особенно дискурсивных особенностей выражения такой актуальной для человека эмоции, как гнев, представляется нам особенно интересным. Выделение психосоциальных типов в эмоциональной категориальной ситуации «гнев» (нами была описана лишь «авторитарная» ЯЛ) требует глубоко лингвистического анализа.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – М., 1988.
2. Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л., 1990. – С. 29.
3. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М., 1990. – С. 253.
4. Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации / О. Я. Гойхман, Т. М. Надина. – М., 1997. – С. 193.
5. Изард К. Эмоции человека / К. Изард. – М., 1980.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М., 2008.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М., 2002.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007. – С. 245.
9. Ларионова А. С. Основные компоненты агрессивной вербальной и невербальной коммуникации / А. С. Ларионова // Вестник МГОУ. – 2008. – № 3. – С. 10. – (Сер. Лингвистика).
10. Лузаков А. А. Психология взаимопонимания / А. А. Лузаков, С. А. Сухих // Язык. Коммуникация. Среда. – 2004. – Вып. 3.
11. Платонов К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М., 1986.
12. Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004. – С. 56.
13. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : дис. ... д-ра филол. наук / С. А. Сухих. – Краснодар, 1998.
14. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 72.
15. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск, 1992.
16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М., 2008. – С. 130.
17. Dietrich S. Der Campus / S. Dietrich. – Berlin, 1995.
18. Kosarekova S. Linguistische Mittel zum Ausdruck von Gefühlenn beim Gespräch / S. Kosarekova // Universität Hll. Kyrill und Method. Philologische Fakultät. Institut für Germanistik. Diplomarbeit. – Veliko Tanovo, 2001.

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕРМАНСКИХ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

Е.В. Варламова

Попытка классификации форм левого радикализма всегда вызывала затруднение отечественных исследователей в связи с тем, что левый экстремизм представляет собой конгломерат разнообразных политических доктрин, философских исканий, программных установок, практических методик вооруженных действий и т.д. В рамках современных процессов идеология леворадикальных течений направлена на противодействие глобализации, информационному тоталитаризму, разрушению экологической среды обитания населения передовых стран. Для проведения дискурсивного анализа германских леворадикальных интернет-статей необходима систематизация того когнитивного фона, который позволяет декодировать и интерпретировать электронные политические тексты.

It has always been difficult for researchers of our country to classify the forms of left-wing radicalism since left-wing extremism is a conglomerate of various political doctrines, philosophical strivings, policy-making principles, armed activity practices, etc. Besides, within modern processes the ideology of left-wing radical currents is aimed at resistance to globalization, information totalitarianism, ecological environment destruction of advanced countries population. It is necessary to arrange cognitive background, which enables to decode and interpret electronic political texts for carrying out a discourse analysis of German left-wing radical Internet articles.

Ключевые слова: леворадикализм, этаблированные партии, программы партий, автономная группа, дискурсивное пространство, интернет-сайт.

Key words: left-wing radicalism, established parties, party programs, autonomous groups, discourse space, website.

Существенным элементом дискурсивного анализа германских леворадикальных интернет-статей является систематизация того когнитивного фона, который позволяет декодировать и интерпретировать электронные политические тексты.

Левый радикализм изначально представлял собой попытку установить справедливый общественный порядок наиболее быстрыми и радикальными средствами. Концепция социальной справедливости в левом радикализме возникла из умозрительного представления о «свободном» и «справедливом» обществе равных. Эта концепция имела крайне неопределенный и вместе с тем фанатико-религиозный характер, порождая убеждение, что во имя святой освободительной цели доступны любые средства [2, с. 34].

Левыми отыскиваются новые формы активности: экологические и антивоенные движения, фундаментальная работа в сфере культуры. Среди большей части бывших приверженцев левачества начинает превалировать идея широкого демократического контроля, противостоящего элитарным структурам, которые предельно усиливаются в век новых технологий [1, с. 150–151].

В этой связи в качестве определения можно предложить следующую формулировку понятия: *левый радикализм есть социально-политическое явление, выраженное в стремлении определенных политически активных групп социума или отдельных индивидов реализовать следующие основные задачи: создание декларируемого «более справедливого» общества на идеологической основе заимствований как из социалистических и коммунистических концепций, так и собственных новейших леворадикальных доктрин, руководство которым осуществляется всеми доступными средствами, не исключая насилия; общедемократический протест против наступления на демократические свободы и социальные завоевания трудящихся.*

Попытка классификации форм левого радикализма всегда вызывала затруднение отечественных исследователей, в связи с тем что левый экстремизм представляет собой конгломерат разнообразных политических доктрин, философских исканий, программных установок, практических методик вооруженных действий и т.д. К тому же в рамках современных процессов идеология леворадикальных течений направлена

на противодействие глобализации, информационному тоталитаризму, разрушению экологической среды обитания населения передовых стран.

В связи с этим следует упомянуть типологию левых движений, разработанную западногерманскими обществоведами коммунистической ориентации [9]. Они выделяют «традиционных коммунистов», «неортодоксальных марксистов», «маоистов», «неоформленных левых» и «левых гедонистов».

Однако при любом подходе к сканированию организаций леворадикального толка следует иметь в виду, что радикализм левого движения в Германии на современном этапе приобрел иное содержание, чем в эпоху противостояния в мире двух общественно-политических систем. Если раньше главным программным требованием левых радикалов было ниспровержение существующего строя с использованием как легальных, так и главным образом террористических средств, то сегодня во главу угла ставятся действия, не противоречащие Конституции. Такие организации или имеют легальный статус субъектов публичного права, или выступают в качестве «разрешенных» государством представителей внепарламентской оппозиции. Их радикализм в этом случае направлен не столько против системы общественных отношений, существующей в стране, сколько против государственной бюрократии и негативных явлений, порожденных «технологической эйфорией» и связанными с нею экологическими угрозами человечеству, а также против глобализации по американской «макдональдизированной» схеме. Организации, не признающие Основной закон и поэтому не санкционированные государством, являются противозаконными и преследуются органами по защите Конституции и спецслужбами ФРГ по всем азимутам внешней и внутренней политики.

Мы будем придерживаться следующей классификации леворадикальных организаций Германии, предлагаемой германскими исследователями [5–7, 9]: этаблированные партии, неэтаблированные партии, личные инициативы. Следуя этой классификации, необходимо вначале охарактеризовать леворадикальные партии по следующим параметрам: время создания, численность, лидеры, издания партии.

Леворадикальные этаблированные партии

Германская Коммунистическая Партия (*Deutsche Kommunistische Partei – DKP*) [10] основана в 1968 году, штаб-квартира находится в округе Рур-Вестфалия г. Эссен. Лидеры партии – Хайнц Штер, Патрик Кебеле, Анне Фронвайлер. Численность членов ДКП колеблется от 4500 до 4800 человек. Партия имеет основные печатные издания – еженедельный журнал “Unsere Zeit” («Наше Время») с тиражом около 8000 экземпляров, а также журнал “Marxistische Blätter” («Марксистские листовки»), который выходит дважды в месяц достаточно большим печатным тиражом около 3000 экземпляров.

На официальном сайте данной партии в Интернете (<http://www.dkp.de>) представлены ее программа и статьи на актуальные темы, отражающие происходящие в мире события. Анализ материалов данного сайта показал явно антифашистскую, антиимпериалистическую и частично антиамериканскую направленность. Статьи, помещенные на сайте, критикуют современную политику ФРГ, милитаристские устремления правительства, общественно-политические процессы, такие, как дискриминация, безработица, ослабление преследований праворадикальных группировок. Характерной чертой является радикальная дистанцированность от социалистических лидеров времен холодной войны и «солидарность» с единомышленниками по всему миру.

Социалистическая Германская Рабочая Молодежь (*Sozialistische Deutsche Arbeiterjugend – SDAJ*) [11]. Официальный сайт партии: <http://www.sdaj-berlin.de>. Среди леворадикальных молодежных организаций в Германии, состоящих преимущественно из работающих молодых людей, близкая к ГКП Социалистическая Германская Рабочая Молодежь (SDAJ) одерживает верх и укрепляет свои позиции, становясь многочисленной, а также самой дисциплинированной организацией. В ее распоряжении на сегодняшний день, по разным сведениям, от 8000 до 10000 человек. На первом плане, как и на сайте Коммунистической партии, представлены критические

оценки современной политики. При этом большое внимание уделяется важным проблемам, которые интересуют молодежь: нехватка учебных мест, расизм, милитаризм.

Партия Демократического социализма (Partei des Demokratischen Sozialismus – PDS) [12]. Официальный сайт: <http://www.sozialisten.de>. Партия была создана 15 октября 1990 г. Место расположения центрального штаба партии – Берлин. Лидеры партии – Габи Циммер, Андреа Касперцик, Кнут Фекинг; численность колеблется от 74000 до 83000. Партия имеет печатное издание “PDS LANDESINFO” – журнал для членов партии, а на интернет-сайте можно найти как информацию об отдельных первичных организациях федеральных земель и дочерних организациях, так и программу партии, сведения о различных акциях, статьи на политические темы и официально-деловые документы. Сайт ПДС является сайтом классической парламентской партии без прямых экстремистских тенденций.

Марксистско-ленинская партия Германии (Marxistisch-Leninistische Partei Deutschlands – MLPD) [13]. Официальный сайт: <http://www.mlpd.de>. Партия была основана в 1982 г. Место расположения штаба – Гельзенкирхен. Лидер – Штефан Энгель. Эта партия и ее молодежные объединения “Rebell” и “Rotfüchse” представлены более чем в 200 городах и регионах Германии. Партия выступает за рабочую солидарность в Западной и Восточной Германии и борется за то, чтобы раскол на “Wessis” и “Ossis” (западных и восточных немцев) исчез, чтобы трудящиеся совместно могли улучшить свое положение. Партийные группы действуют как в высших учебных заведениях, так и в сельской местности. Численность партии колеблется от 25000 до 34000 человек. Печатный орган “Rote Fahne” является еженедельным изданием тиражом около 7500 экземпляров. Интернет-сайт существует с мая 1997 г.

Коммунистическая партия Германии (Kommunistische Partei Deutschlands – KPD) [14]. Официальный сайт: <http://www.kpd-online.info>. Коммунистическая партия Германии – основная организация «ортодоксально-коммунистического» направления леворадикализма. Она была основана в 1968 г. в Гамбурге как последовательница старой Компартии, которая в 1956 г. была запрещена правительством Аденауэра. Цель партии – революционное свержение капиталистического строя и установление власти рабочих. Коммунистическая партия Германии борется за улучшение материальных и политических условий жизни трудящихся, особенно трудящихся в Восточной Германии. Она обозначает себя как «революционная партия рабочего класса», которая неизменно стремится к марксизму-ленинизму и революционному преобразованию общества. КПГ стремится к распространению коммунистического мировоззрения в социальных движениях и активной деятельности в плюралистических союзах, поддерживая внепарламентскую борьбу. Председатель – Хайнц Штер.

Партия зеленых (Die Grünen) [15]. Официальный сайт: <http://www.gruene.de/index.htm>. Партия относится к молодым партиям в Германском Бундестаге. Ее «главный идеолог» – Йошка Фишер. На федеральном уровне она была образована в 1980 г. Ее парламентские представители, отчасти также ее избиратели и сочувствующие зачастую являются выходцами из внепарламентских движений протеста, например, антиядерного движения, движения за мир, движения гражданских инициатив, а также групп защитников окружающей среды. Изначально цель «зеленых» состояла в том, чтобы заменить традиционную политику, которая рассматривалась ими как опека граждан со стороны профессиональных политиков, на политику, проводимую снизу, «базисом». Относительно большой успех движений протеста на выборах в Европейский парламент в 1979 г. воодушевил отдельные группировки сплотиться и выступить с единым списком кандидатов на выборах в Бундестаг 1980 г. В 1983 г., набрав 5,6 % голосов, они впервые смогли пройти в Германский Бундестаг после того, как они уже имели своих представителей в нескольких земельных парламентах.

В составе партии преимущественно молодые люди, причем высокий процент составляют служащие и госчиновники. По данным «зеленых», их партия насчитывает 40000 человек. Партией руководят на паритетных началах сопредседатели (сопредседательницы).

Леворадикальные неэтаблированные партии

«Новые левые». Официальный сайт: http://de.wikipedia.org/wiki/Neue_Linke [16]. Термин «новые левые» объединяет партии и политические движения, а также отдельные личности и группы, прежде всего, из Западной Европы и Северной Америки, которые с конца 1960-х гг. представляли различные течения социализма, а также анархистские и другие политически левоориентированные с революционным притязанием движения. При этом их основные требования созвучны с антиавторитарными и интернациональными идеалами.

«Новых левых» разделяют на догматичных и недогматичных. К догматичным «левым», как правило, причисляют так называемые К-группы, включая троцкистов, к недогматичным – анархистов, а также группы леворадикального спектра, такие, как сегодняшние Автономы.

Сегодня «новые левые» придерживаются во внешней политике теорий социалистического интернационализма и антиимпериализма, во внутренней политике они выступают за распространение демократических и гражданских прав. Борьба против расизма, компании солидарности в защиту политически и социально обделенных меньшинств, например, в защиту беженцев и политически преследуемых относятся также к политическим акциям «новых левых», включая сопротивление правоэкстремистским и фашистским группам и партиям (например, Antifa).

После исчезновения студенческого движения конца 1960-х гг. «новые левые» были и остаются активными участниками Нового Социального Движения (Neue soziale Bewegungen), антимилитаристского Движения за мир (Friedensbewegung), антиимпериалистического Движения противников атомной силы (Atomkraftgegner), а также набирающего активность с середины 1990-х гг. критиков глобализации (Globalisierungskritiker).

Сегодня лишь немногие группы догматично настроенных «новых левых» общенационально организованы: среди них до сих пор считается сталинистской Марксистско-Ленинская Партия Германии (MLPD), которая вышла в 1982 г. из KABD. На троцкистской стороне находятся «интернациональные социалистические левые» (“internationale sozialistische linke” (isl)), Партия за социальную справедливость (“Partei für Soziale Gleichheit” (PSG)), “Linksruck” и «Социалистическая Альтернатива» (“Sozialistische Alternative” (SAV)). К догматичным «новым левым» относятся и так называемые К-группы.

Буква «К» означает сокращение от слова «коммунизм» и сигнализирует об идеологии этих групп, представленной марксизмом, основанным Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом и дифференцированным Лениным в марксизм-ленинизм. Германские К-группы часто представляются как последователи Коммунистической партии Германии и/или ссылаются на определенные образцы и идеологии из международной истории коммунизма. Очень многие К-группы в 1970-е гг. переориентировались на китайский социализм и идеи Мао Дзе Дуна или на Советский Союз до начала развенчания идеологии сталинизма.

Недогматичные группировки «новых левых» не объединены в партии или организации, но гибко используют определенные догмы коммунистической и социалистической идеологии. К таким группам относятся:

- ✓ Spontibewegung поздних 1960-х и ранних 1970-х гг. Предшественниками этого движения были Фритц Тойфел, Дитер Кунцелманн, Райнер Лангханс и другие представители Западноберлинской Коммуны 1 Westberliner Kommune 1;
- ✓ автономные группы;
- ✓ относящиеся к левотеррористической сцене в поздние 70-е и 80-е гг. активные группировки «Революционные ячейки» – Revolutionäre Zellen (RZ) и их феминистские ответвления, «Красная Звезда» (Rote Zora).

Личные инициативы

К сожалению, не представляется возможным дать более полную характеристику леворадикальных организаций, публикующих материалы на нижеописываемых интернет-сайтах, подобно тому, как это было представлено о партиях.

Linksruck-Netzwerk: <http://www.linksruck.de> [17]. На этом сайте объединены различные проекты левоориентированных организаций. В основополагающих тезисах объединения декларируется цель для всей Германии: «Это движение есть будущее левых в Германии – и возможность преодолеть разобщенность». Также предлагается помощь при проведении различных акций протеста, целью которых является объединение сил леворадикальных организаций. Каждый посетитель сайта имеет возможность ознакомиться с работами В.И. Ленина, К. Маркса, Р. Люксембург и др., повышая уровень своего политического образования. Кроме того, существует приложение к сайту, на страницах которого поддерживаются единомышленники во всех общественных областях, поэтому здесь можно найти интернет-заметки по темам «школа», «университет», «предприятие».

Nadir: <http://www.nadir.org> [18]. Информационная система «Надир» предлагает различным направлениям и движениям левых базовую платформу в сети. На этом сайте можно ознакомиться со статьями из различных газет леворадикального толка, войти в контакт с единомышленниками, получить информацию о работе других леворадикальных групп. «Nadir» располагает подробным списком других региональных групп, например, «Antifaschistische Aktion Berlin», «Autonome Antifa» из Геттингена или «Bündnis gegen Rechts Leipzig». «Nadir» – сайт, подробно информирующий о левых радикалах.

Partisan.net: <http://www.partisan.net> [19]. «Партизан» представляет собой, как и «Надир», портал для сайтов леворадикальных организаций и публикаций в Интернете. Здесь обсуждаются разнообразные общественно-политические темы (социальная политика, актуальные проблемы современности, культура) и представлены различные молодежные левоориентированные группы.

Radikale Linke: <http://www.nadir.org/nadir/initiativ/redside/rl> [20]. Организованные автономны как локальное организованное образование возникло в начале 1993 г. в Нюрнберге в результате объединения до тех пор самостоятельно работающих групп «Prolos» и «Autonome Proletarische Aktion». Обе группы подразумевались как общеполитически активные революционные образования в рамках автономного движения. Организованная Автономия пыталась там организовать классовую борьбу снизу, против социальной реальности и идеологической гегемонии капитала.

В 1999 г. к ним присоединились активисты из «Антифашистской борьбы 90-х годов» и совместно с ОА (Организованной Автономией) принимали участие в антифашистских акциях федеративной организации до ее роспуска в 2001 г. Сегодня ОА насчитывает несколько рабочих групп, которые открыты для вступления в них новых активистов и единомышленников.

Стратегическая и тактическая программа достаточно подробно изложена на сайте этого движения. Она ориентирована на борьбу за свободное коммунистическое общество, в котором дома, фабрики, предприятия, страна и естественные ресурсы принадлежат народу, то есть бесклассовое общество, которое распределяет все богатство равномерно, а в исследованиях, науке и планировании все организуется в интересах общества, за то, что все общественные богатства, которые при разделе гарантируют каждому человеку экономическую стабильность, образование и развитие по его потребностям и способностям; за мир без национальных государств и без границ, где пространство должно быть солидарно и международно, то есть за интернационализм; за общество, в котором все люди независимо от их (в том числе и биологических) различий и сексуальных ориентаций равноправны и защищены от давления и дискриминации; за такое устройство общества, в котором люди рассматривают себя как часть природы, как часть процесса эволюции, а техника в подобном обществе будет восприниматься как не нечто существующее вне природы.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурсивное пространство германских организаций леворадикального толка представлено партиями и объединениями, главной целью которых является создание коллективного сообщества на основе идеи единения всех леворадикалов в рамках глобальных проблем. В то время как на интернет-страницах крупных леворадикальных организаций, особенно партий, зачастую предлагается обширная информация об организации, ее программе, то страницы автономных групп, как правило, содержат призывы к массовым акциям и объявления. В большинстве своем данные организации существуют в рамках Интернета. Как и многие другие современные направления и движения, леворадикализм использует в рамках агитации и знакомства с идеями партии различные электронные средства, в том числе Интернет. Левые радикалы видят преимущества Интернета в следующих пунктах:

- ✓ оптимальное национальное / интернациональное распространение информации, которое служит пропаганде, рекламе и мобилизации;
- ✓ выгодные, удобные возможности распространения (быстрота и доступность);
- ✓ шанс избежать штрафных санкций [7].

Выбор леворадикалами Интернета обусловлен тем, что «...Интернет снижает издержки политического процесса; хорошо выстроенная интернет-презентация позволяет отмежеваться от политической конкуренции, и сделать политическую активность возможной и необходимой, организуя ее по новым информационным технологиям» [4, с. 105]. Новые технологии становятся современной формой саморазвития политических организаций всех направлений, для того чтобы противостоять социальной изоляции. Так как под Интернетом понимается свободное средство информации и коммуникации, то при этом не остается неохваченной ни одна область политической жизни общества. По образному выражению М. Бончера, «Интернет-сеть делает мир деревней» [4, с. 108]. Особенно это касается радикальных организаций всех направлений, будь то левые или правые, или даже инициативные группы, которые незначительно связаны с политическим процессом. Следует отметить, что применение интернет-технологий на политическом рынке изменяет правила политической коммуникации.

Необходимо отметить, что практически весь спектр леворадикальной сцены Германии представлен в Интернете. Министерство ФРГ по защите прав конституции охарактеризовало содержание текстов леворадикальных организаций, размещенных в Интернете, так: «Различные домашние страницы представляют свое содержание относительно трезво, пишут профессионально» [9]. Леворадикалы на своих интернет-сайтах не рассчитывают на «эффект шоу», а делают ставку на подачу информации и потребности спроса.

Список литературы

1. Аверьянов Ю. И. Политология : энциклопедический словарь / Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Москов. коммерч. ун-та, 1993. – 353 с.
2. Витюк В. В. Левый экстремизм и идея социальной справедливости / В. В. Витюк, С. А. Эфиров // Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. – М. : Прогресс, 1982. – Кн. 2. – 342 с.
3. Халмухамедов А. М. Молодежь ФРГ: от политического нигилизма к движениям протеста : дис. ... канд. филос. наук / А. М. Халмухамедов. – М., 1986. – 180 с.
4. Boncher M. Grassroots in Cyberspace – Using Computer Networks to Facilitate Political Participation / M. Boncher // Arbeitspapier präsentiert beim 53. Annual Meeting of the Midwest Political Science Association (6 April 1995). – Chicago, 1995. – P. 102–124.
5. Gruhler A. Das Ende der “totalen” Freiheit im Internet? Die Auswirkungen inkriminierter Inhalte auf die Informationsgesellschaften / A. Gruhler. – Режим доступа: <http://www.hausarbeiten.de/faeche/hausarbeit/kok/1219.htm/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
6. Gürtler Ch. Politische Kommunikation am Internet / Ch. Gürtler. – Режим доступа: <http://bau2.uibk.ac.at/guerti/polwi/#I>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
7. Richter M. Das Internet Plattform für extremistische Gruppierungen / M. Richter. – Режим доступа: www.hausarbeiten.de/faecher/hausarbeit/soi/20141.htm/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

8. Linke Gewalt in Berlin. – Режим доступа: www.verfassungsschutz-berlin.de, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
9. Bundesamt für Verfassungsschutz. – Режим доступа: www.im.nrw.de/verfassungsschutz, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
10. Deutsche Kommunistische Partei. – Режим доступа: <http://www.dkp.de>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
11. Sozialistische Deutsche Arbeiterjugend. – Режим доступа: <http://www.sdaj-berlin.de>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
12. Partei des Demokratischen Sozialismus. – Режим доступа: <http://www.sozialisten.de>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
13. Marxistisch-Leninistische Partei Deutschlands. – Режим доступа: <http://www.mlpd.de>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
14. Kommunistische Partei Deutschlands. – Режим доступа: <http://www.kpd-online.info/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
15. Die Grünen. – Режим доступа: <http://www.gruene.de/index.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
16. Neue Linke. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Neue_Linke, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
17. Linksruck-Netzwerk. – Режим доступа: <http://www.linksruck.de>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
18. Nadir. – Режим доступа: <http://www.nadir.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
19. Partisan.net. – Режим доступа: <http://www.partisan.net>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.
20. Radikale Linke. – Режим доступа: <http://www.nadir.org/nadir/initiativ/redside/rl/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. нем.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГАЗЕТЫ «БУРГАНЬ-ТАРАККИ» (1906–1911 гг.)

А.А. Давыдова

Статья освещает историю возникновения в системе массовой информации Астрахани начала XX в. национальной прессы. Излагаются основные этапы создания газеты «Бургань-Таракки» и биография ее редактора и идейного вдохновителя. Деятельность М. Измайлова – важный эпизод в истории астраханской прессы.

The article reflects history of appearance of national press in the system of mass information of Astrakhan in the beginning of the XXth century. Basic stages of creation of the newspaper “Burgan-Tarakki” and the biography of its editor and ideological inspirer are given there. M. Izmaylov’s activity is an important episode in the history of Astrakhan press.

Ключевые слова: газета, цензура, редактор, издатель, региональная пресса.
Key words: newspaper, censorship, editor, publisher, regional press.

С 1808 г. в России регулярно предпринимались попытки создания газеты на татарском языке со стороны представителей как русской, так и татарской научно-культурной мысли. Однако правительство вплоть до 1905 г. упорно не желало проводить какие-либо прогрессивные преобразования в статусе мусульманской общины и не давало разрешения издавать татарские периодические издания. Только 16 сентября 1905 г. в Петербурге вышел в свет первый номер первой татарской газеты «Нур» («Луч»), редактором-издателем которой стал военный ахун Г. Баязитов. На страницах этого издания, особенно в начальный период, печатались в основном материалы, соответствующие «видам правительства», отражающие интересы и умонастроения имущих слоев населения, духовенства.

События первой русской революции, Манифест от 17 октября 1905 г. позволили начать издание газет и журналов на родном языке с использованием арабской графики, а Временные правила о периодической печати от 14 ноября 1905 г. отменили предварительную цензуру и существенно облегчили создание новых органов прессы.

Социально-исторические перемены в России оказали значительное влияние на самосознание татарской интеллигенции и нации в целом. Накануне первой русской революции русские социал-демократы придавали огромное значение революционно-просветительской деятельности среди татарских рабочих и учащейся молодежи. В разных городах империи начали выходить печатные издания на татарском языке: «Казан мухбире» («Казанский вестник»), «Фикер» («Мысль», Уральск) и «Ульфат» («Дружба», Петербург). В следующем 1906 г. в Казани («Йолдыз» («Звезда»), «Кояш» («Солнце»), Оренбурге («Вақыт» («Время»), Уральске («Фикер» («Мысль»)) вышли в свет еще девять газет и семь журналов. С начала возникновения периодической печати народ, впервые в истории получивший возможность печатать на своем родном языке, проявил энтузиазм. В период 1905–1907 гг. в России в разное время на татарском языке легально выходили 21 газета и 12 журналов [4, с. 5]. В большинстве случаев наименования этих изданий заимствовались издателями татарской прессы из уже выходивших российских журналов и газет. Органы татарской периодической печати разных регионов Российского государства за короткое время завоевали огромную популярность среди народа, что не могло не повлиять на общественно-культурную ситуацию жизни татар России. Эти издания являлись носителями интересов самых разных классов и слоев общества: революционно-демократических, социал-демократических, либерально-демократических, а также клерикально-монархического характера с тем или иным оттенком.

Особую роль в развитии татарской культуры сыграла Астраханская губерния – уникальная территория, где связи с мусульманами Туркестана и Турции были налажены лучше, чем в каком-либо другом регионе России. К началу XX в. татарский капитал занимал значительное место в общей структуре оборота капитала губернии. К 1910 г. насчитывалось 33 торгово-промышленных предприятия, продуктовые и мануфактурные магазины, рисоочистительная фабрика, лавки. В 1890 г. в Астрахани и Астраханском уезде насчитывалось 12 мечетей, и при них находилось 9 медресе. В начале XX в. Астрахань, наряду с Казанью, Уфой и Оренбургом, стала средоточием национальной культуры: с 1907 г. заработал татарский театр, в городе функционировали 12 книжных лавок по продаже восточной литературы и 2 книжных издательства. Вследствие революции 1905–1907 гг. татарский народ обрел возможность развития своей культуры и значительный потенциал для самоидентификации. Как и во всей Российской Империи, видные общественно-политические и религиозные деятели, представители творческой интеллигенции Астраханской губернии создавали общемусульманские общественные организации, призванные консолидировать национальное движение.

После объявления Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. в Астрахани возникло два мусульманских общества: «Джамият-Исламия» («Мусульманское собрание») и «Маджалис Шурай Ислам» («Дом мусульманских собраний»). Учредителем второго общества, образованного в 1906 г., стал выходец из Азербайджана – Мустафа Лютфи Измайлов. Из донесения начальника Астраханского жандармского управления от 23 ноября 1909 г. № 6450 следует, что «устав этого общества был написан при горячем содействии состава сотрудников закрытой в Астрахани газеты "Прикаспийский край" – крайне левого направления» (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 23). В донесении начальника Астраханского губернского жандармского управления Астраханскому губернатору от 23 ноября 1909 г. № 6450 имеются следующие биографические сведения о нем: «Мустафа Лютфи Гаджи Садрадуин Оглы Измайлов, 33–34 лет, приписан к числу жителей г. Шемахи, Бакинской губернии, имеет в г. Астрахани, вместе со своим братом, по Персидской улице дом, женат на Салер Эдинди-Казы, урожденной Эминовой – 25 лет и имеет сына Махилида 6 лет. Образование Измайлов получил, видимо, только мусульманское и в русских школах не был. Но по-русски он грамотен. Высшее мусульманское образование Измайлов получил в Константинополе, где он учился с 1903 по 1905 г. (в какой школе неизвестно). По объявлении Манифеста 17-го октября 1905 г. Измайлов возвратился из Турции в Астрахань и сразу выделился среди астраханских мусульман своею общественною деятельностью»

(ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 23). Несомненным свидетельством того, что Мустафа Измайлов в среде астраханской татарской интеллигенции являлся заметным общественным деятелем, стало его участие в работе III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде 16–21 августа 1906 г.

Являясь ярким адептом продвижения идей панисламизма в Астраханской губернии, Мустафа Измайлов предпринял ряд мер, содействующих расширению сферы его воздействия на умы мусульманского населения. 17 января 1907 г. № 397 от губернатора им получено разрешение на владение типографией «Мизан» (5 уч. г. Астрахани, против Черной мечети, в доме Маракаева) (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 848. Л. 58). Вследствие прошения г. попечителем Казанского учебного округа от 3 июля 1906 г. № 7562 ему разрешено было открыть в г. Астрахани частное учебное заведение 3-го разряда для детей мусульманского исповедания «Дэрел Эдэп» («Даруль-Эдеп», «Сокровища всяких благ») (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 799. Л. 258). Создание школы доставило Мустафе Измайлову много проблем с Губернским жандармским управлением. В 1908 г. в порядке 1035 ст. Устава уголовного суда во время производства дознания, Измайлов находился под стражей в Астраханской губернской тюрьме с 23 января по 5 марта. При этом дознании выяснилось, что школа вначале была открыта Измайловым от имени муллы Нугиевской мечети Фариды Муртазаева, затем общество «Шурай Ислам» с одной стороны, а Мустафа Измайлов с другой просили дирекцию Астраханской губернии о передаче школы в ведение общества «Шурай Ислам». В этой школе учащиеся находились в возрасте от 7 до 16–17 лет. Мустафа Измайлов понимал, что состав учителей училища имеет большое влияние на склад воззрений учащихся. При производстве дознания также было выяснено, что М. Измайлов самовольно дал ученикам форму турецкого образца, учащиеся слишком много обучались гимнастике учителем, привезенным из Турции, изучение русского языка начиналось только вследствие настояний местной дирекции. Учителями в школе «Даруль-Эдеп» были Мухтаилим Ярлыгаев, Ахмед Адемев, Маруба Ярлыгаева и Зулейка Ханым-Измайлова, которые были привезены Измайловым из Турции. Кроме них, активную педагогическую и просветительскую деятельность вели сподвижники М. Измайлова Хусиян Хаятов, Мухамед-Садык Рахимкулов и Фарид Муртазаев.

Главным достижением просветительской деятельности Мустафы Лютфи Измайлова являлась организованная при его активном содействии система национальной печати. 24 ноября 1908 г. № 8918 на его имя было получено свидетельство, разрешающее выход ежедневной коммерческой литературно-педагогической политической и народной газеты «Мизан» («Весы») (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 882. Л. 4). 14 марта 1914 г. Астраханский губернатор отмечает в своем донесении Главному управлению по делам печати, что разрешил Шемахинскому жителю Измайлову редактировать и издавать в городе газету «Хакь» [1, с. 145]. Разновременно в Астрахани начинают появляться издания, редакторами которых выступали ближайшие сподвижники Мустафы Измайлова, преподаватели его школы, члены общества «Шурай-Ислам»: Хабибулла Умеров (сатирико-юмористический журнал «Топ» («Пушка»), свидетельство от 19 янв. 1907 г. № 429) (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 655. Л. 3), Мухамед-Садык Рахимкулов (научно-литературно-культурный журнал «Магариф» («Культура»), прошение на имя губернатора подано 14 ноября 1908 г.) (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 881. Л. 5). Появление подобного многообразия национальных изданий стало возможным после приобретения определенного опыта редактирования. Таким проектом явилось создание и продолжительное функционирование первой в Астраханской губернии мусульманской газеты «Бургань-Таракки».

12 апреля 1906 г. на имя астраханского губернатора Мустафа Измайлов пишет заявление о разрешении издавать в Астрахани тюркоязычную газету «Бургань-Таракки». Уже 14 апреля 1906 г. «Прикаспийская газета» публикует объявление, в котором анонсируется выход при содействии «прогрессивного элемента среди мусульманского населения» [3, с. 2] первого номера ежедневной литературной и политической газеты на татарском языке «Борһане тэрэкькый» («Бургань-Таракки», «Доказательство прогресса»). 30 мая 1906 г. Мустафа Лутфи Измайлов получил свиде-

тельство № 14508 на право издания под своим личным издательством и редакторством газеты «Бургань-Таракки» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 686. Л. 10).

В прошении на имя губернатора генерал-майора Б.Л. Гронбачевского предлагалась следующая программа издания: действия и распоряжения правительства; агентские телеграммы; статьи по общественным вопросам и вопросам мусульманства в частности; местная жизнь; биржа; судебная хроника; разные известия внутренние и внешние; фельетон: беллетристика и стихотворения; справочный отдел и объявления. Периодичность выхода издания – не менее 3 раз в неделю. Подписная цена в год составляла 4 руб., полгода – 2 руб. 50 коп., в месяц – 60 коп., отдельный номер – 3 коп.

Сообщалось, что газета будет печататься в типографии П.Г. Никифорова, но уже в заявлении на имя губернатора от 10 декабря 1908 г. Мустафа Измайлов указывает: «газета эта будет печататься в принадлежащей мне типографии "Мизан", помещающейся в 5 уч. г. Астрахани, против Черной мечети, в доме Маракаева» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 686. Л. 44). Учредив общество «Шурай Ислам», на базе которого издавалась газета «Бургань-Таракки», открыв школу «Даруль-Эдеп», Мустафа Измайлов занял значительное положение как в обществе, так и в мусульманской среде Астраханской губернии. Дальнейшая его общественная, во многом противоправительственная деятельность вызвала ряд соответствующих мероприятий (наложение штрафа, арест), в ходе которых ему пришлось занимать «для взноса у своих друзей за неимением личных средств» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 996. Л. 62), а в прошении на имя астраханского губернатора от 27 октября 1910 г. указывать: «принадлежащий мне типографский станок продан мною киргизу Внутренней Киргизской Орды Имсину Бюйрину, имеющему разрешение на открытие типографии в Ханской ставке согласно свидетельства, выданного ему 4 июня 1910 г. за № 4611 и вместе с сим прошу разрешить мне издаваемую мною газету "Бургани-Таракки" с 1 ноября сего года печатать в типографии А. Апресянца и А. Акурова в доме Багирова по ул. Московской» (ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 686. Л. 50). Кроме того, в 1910 г. семье Измайловых пришлось поменять место жительства: из собственного дома по Персидской улице они были вынуждены переехать в дом Г. Садыкова против Белой мечети по Адмиралтейской улице.

За пять лет (1906–1911 гг.) существования газеты в свет вышло 146 номеров.

В периоды, когда М. Измайлов отсутствовал в городе, его работу продолжили люди, чей личный вклад в развитие местной печати нельзя оставить без внимания. В августе 1906 г. Мустафа Измайлов обращается к астраханскому губернатору с прошением о том, что газета «Бургань-Таракки» временно будет издаваться астраханским мещанином Закиром Ходжаевым и редактироваться шемахинским жителем Мухамедом Али Салимизада. В 1906–1911 гг. в разное время редакторскую должность занимали крестьянин Уфимской губернии Загидулла Шарифуллин, астраханский купец Курбан-Али Эрембетов, крестьянин Самарской губернии Фатих Шаммазов, крестьянин Астраханской губернии Наджиб Гасри (Наджиб Мавлюбердиев), житель Елисаветпольской губернии Абдул Самед Ширинов. Чаше других на должности редактора М. Измайлова заменял крестьянин Хабибулла Умеров, который также преподавал в школе общества «Шурай Ислам». Важно отметить, что Мустафа Измайлов принимал активное участие в жизни сотрудников редакции газеты Бургань-Таракки: в его доме проживали Мухамед Али Салимизада и Наджиб Гасри, а Хабибулла Умеров, помимо публицистической деятельности, совместно с Мустафой Измайловым занимался учебно-воспитательной работой школе «Даруль-Эдеп».

В целом газета «Бургань-Таракки» ориентировалась на программу Конституционно-демократической партии, на что указывают заглавие и содержание статей, преимущественно обладающих ярко выраженным противоправительственным содержанием оригинальных текстов, а также перепечатанных аналогичных фельетонов и заметок из русских газет революционного направления, донесения начальника Астраханского жандармского управления от ноября 1909 г. № 6450 (ГАОО. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 297. Л. 68), взаимодействия с журналистским коллективом «Прикаспийской газет». Из секретной справки Астраханского губернского жандармского управления от 20 января 1911 г. следует: «Газета Измайлова "Бургань-Таракки" содержит в себе

главным образом статьи, взятые из газет турецких, персидских, выходящих в России; татарских, выходящих в России, и Бакинской русской газеты «Каспий» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 297. Л. 164), «Основав Общество "Шурай-Ислам", Измайлов начал издавать газету на татарском языке "Бургань-Таракки", в которой помещал статьи противоположительного содержания, а также и перепечатывал подобные статьи из русских газет революционного направления. Газета "Бургань-Таракки" может служить очевидным доказательством революционного направления и взглядов Измайлова» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 297. Л. 68). В статьях в большей степени говорится о неудовлетворительном положении пролетариата России, а, следовательно, и рабочих-крестьян из числа татар-мусульман. В рубрике «Чит мэмләкэтләрден хэбэрләр» («Новости из-за границы») освещается жизнь Турецкого султаната. Параллельно с этим на страницах газеты публикуются статьи о работе общества «Шурай Ислам», обсуждается его годовой бюджет, говорится о планах на будущее новометодной школы «Даруль-Эдеп». Не остаются незамеченными и действия членов общества «Джамият-Исламия», подчеркиваются устаревшие и поэтому ошибочные действия данного кадимистского общества и духовенства – приверженцев старых взглядов. Почти в каждом номере газеты «Бургань-Таракки» публикуются фельетоны. Они по своему содержанию напоминали прокламации и листовки РСДРП. Автором данных статей, судя по некоторым источникам, являлся Зариф Садыков – казанский большевик, который скрывался в Астрахани от всесторонних политических гонений [2, с. 176].

С появлением первого татарского издания «Бургань-Таракки» в Астрахани возникла необходимость в формировании и постоянном функционировании в губернии цензуры на восточных языках. До того момента, как Мустафой Измайловым в обращении к губернатору была заявлена инициатива об издании им газеты на татарском языке, в городе не было цензора восточной литературы. Для решения этого вопроса 10 мая 1906 г. астраханский губернатор обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разъяснить, как ему поступить в создавшейся ситуации. В ответ на это обращение начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард рекомендует: «Благоволите поручить наблюдение за татарской газетой по вашему усмотрению лицу, знающему татарский язык» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 686. Л. 7). Руководствуясь полученными предписаниями, астраханский губернатор указывает: «Не имея лица, на которого можно возложить цензуру татарской газеты, прошу указать, могу ли разрешить выпуск газеты с последующей цензурой в Казани» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 686. Л. 9). Результатом данной переписки стало установление особого порядка проведения надзора, при котором астраханские периодические издания и литература на восточных языках, наряду с местной цензурой, подвергались рассмотрению еще и Казанским временным комитетом по делам печати. С административной точки зрения, настойчивое желание астраханского губернатора в принятии подобной процедуры можно объяснить тем, что исторически и географически основным центром татарской периодики была Казань, и подобное кураторство давало дополнительную возможность контролировать издания на татарском языке.

Говоря о печати дофевральского периода, следует отметить, что ее зарождение, становление и развитие проходили в условиях непрерывных полицейских гонений, цензурных репрессий. Кроме того, независимо от идейно-политических позиций, татарские газеты и журналы были вынуждены вести постоянную борьбу за свое существование. Определенную роль в организации процесса надзора и, по мере необходимости, карательных действий, исполнял наблюдающий за выходящими в Астрахани периодическими изданиями на мусульманском языке учитель 1-го инородческого училища Исхак Искандеров, фигура неоднозначная в истории становления национальной периодической печати и этнокультуры губернии. Не без содействия И. Искандерова за историю своего существования «Бургань-Таракки» не раз подвергалась арестам, неоднократно возбуждалось уголовное преследование в отношении редактора-издателя М. Измайлова и его соратников.

22 января 1908 г., по инициативе Исхака Искандерова и некоторых мулл Астрахани против Измайлова было сфабриковано дело, избличающее его в противоправительственной пропаганде и агитации среди мусульман, вследствие чего был произведен обыск в его квартире, а 23 января он был арестован на основании 1 части 103 ст. и 129 ст. Уголовного уложения. Ему было предъявлено обвинение «в устной противоправительственной пропаганде среди мусульман г. Астрахани, в возбуждении мусульман против русских и Государя Императора, а также в помещении в издаваемой им газете "Бургань-Таракки" статей с выражениями преступными в политическом отношении» (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Ед. хр. 722. Л. 68).

Мысль о противоправительственном характере публикаций в «Бургань-Таракки» не лишена основания. Критике коллектива авторов подвергалась Вторая Государственная дума: «Правительство всеми силами старается не допустить в эту Думу людей, стремящихся к прогрессу. Старается не допускать таких, пуская в действие и зубы, и ногти. Правительство старается составить Думу из черносотенцев – помещиков и из крестьян с имущественным цензом, и с ними рука об руку, думает высосать последнюю кровь голодающих» (1906. № 40). Экспрессивно обсуждался национальный вопрос: «До издания манифеста мы, как истоптанные под ногами нации, ходатайствовали о даровании нам некоторых прав или просили об отмене противодействующих нашему быту изданных узаконений. Нам отвечали: "Вы, мусульмане, зачем беспокоитесь, к чему подавать прошения, живите спокойно, никто Вас не стесняет, живите и теперь, как жили раньше". Вот нам ответ, а на иные просьбы – молчание» (1907. № 63). В каждом номере газеты звучал призыв к объединению всех мусульман: «Прошел старый век, но для нас стало еще хуже. Теперь только наступило время, когда мы можем сплотиться вместе и соединиться в узкую товарищескую связь. Будьте, товарищи, солидарны, чтобы прошли наши необходимые нужды. В случае нашей неудачи мы вместе будем и страдать. В нашей солидарности будет большая сила, и мы легко достигнем своей цели. Но, если мы будем работать каждый для себя, то из наших нужд мы не увидим ни одной капельки» (1907. № 3) (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Ед. хр. 722).

В постановлении от 29 февраля 1908 г. полковник Бураго указывает, что из дополнительных показаний удалось установить: обвиняемый Мустафа Измайлов объяснил, что автором некоторых статей противоправительственного содержания, помещенных в № 30, 31, 37, 40, 63, 65 газеты "Бургань-Таракки", был Ибрагим Муратов (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Ед. хр. 722. Л. 83). Указание на авторство другого лица, болезненное состояние редактора газеты «Бургань-Таракки» позволили «первоначальную меру пресечения содержание под стражей в Астраханской тюрьме, заменить другой, менее строгой. Руководствуясь ст. 416–421 Уставного уголовного суда, по соглашению с прокурором Астраханского окружного суда М.В. Отт, постановил: Шемахинского жителя Мустафу Измайлова из-под стражи освободить и отдать под особый надзор полиции в г. Астрахани, о чем ему объявить» (ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Ед. хр. 722. Л. 89).

19 марта 1908 г. на имя Мустафы Измайлова поступило письмо от ахуна Хасяна Максюдова, одного из обвинителей, в котором он признался в клевете и в том, что действовал умышленно под давлением Исхака Искандерова. 17 августа того же года настоящее дознание в виду недостаточности улик против Измайлова производством было прекращено с отменой принятой против него меры пресечения – особого надзора полиции.

Данное разбирательство стало одной из первых попыток прекратить выход газеты «Бургань-Таракки» и дискредитировать ее редактора в глазах общественности. Кроме того, был создан прецедент, в котором прямо называлось имя противника просветительского дела – Исхака Искандерова. В дальнейшем в своих прошениях на имя астраханского губернатора Мустафа Измайлов неоднократно обвинял его в искаженном, предвзятом переводе статей из газеты, открыто называя его своим врагом.

В случае с опубликованием в «Бургань-Таракки» (1909. № 98) статьи «Доктор Нариманбек» судебное расследование было вызвано тем, что сама фигура Наримана Нариманова носила весьма одиозной характер. Будучи видным партийным и госу-

дарственным деятелем, главой социал-демократической партии «Муджахид», в августе 1909 г. он был выслан в Астраханскую губернию сроком на 5 лет. Задачей биографического очерка стало уведомление о прибытии в город выдающейся «драгоценной личности» Нариманбека, в котором автор призывает всех мусульман воспользоваться присутствием в городе подобного человека.

Подобный объект изображения и восхваления не мог остаться незамеченным цензурующим. Последовало наказание: постановлением Астраханского губернатора от 13 октября 1909 г. редактор татарской газеты «Бургань-Таракки» Мустафа Измайлов подвергся денежному штрафу в размере 200 рублей (ГААО. Ф. 1. Оп. 286. Ед. хр. 518. Л. 18). Показательным в отношении данного очерка стал тот факт, что в другой мусульманской газете – «Идель» (1909. № 195) – под заголовком «Изгнанные мусульмане» вышла статья, также превозносящая личные заслуги Нариманбека, но наказание за подобное преступление на редактора означенной газеты Загидуллу Шарифуллина не было наложено. Это неравноценное отношение по поводу одного и того же деяния стало поводом для обращения М. Измайлова к губернатору. В своем прошении на высочайшее имя он указывал: «Это наказание я понес также совершенно незаслуженно и исключительно благодаря неправильному и искаженному переводу с татарского на русский язык статьи цензором Исхаком Искандеровым. Искандеров, питая ко мне личную вражду, систематически преследует меня, стараясь при первом случае сделать мне неприятность. Во всем и всюду, чтобы не возбуждалось против меня, я вижу месть и вражду Искандерова, который явно обманывает Ваше Превосходительство. В виду могущих быть в будущем недоразумений по вине цензора, назначить вместо г. Искандерова другое лицо по Вашему усмотрению, которое было бы вполне и основательно знакомо с переводом татарского на русский язык» (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 45). Данное предложение не получило удовлетворения: Исхак Искандеров остался при исполнении своей должности; просьба снять штраф в 200 рублей, довольно значительной суммы, на выплату которой Измайлову пришлось занимать деньги, также не был отозван. Фискальная мера была приведена в исполнение только в отношении редактора газеты «Бургань-Таракки».

Данный случай навсегда укрепил вражду между двумя изданиями. Отношения между творческими коллективами осложнились еще и тем, что общественно-политическая, экономическая и литературная газета «Идель» являлась печатным органом общества «Джамият-Исламия» («Мусульманское собрание»). Это общество со времени своего возникновения не вызывало у Жандармского управления никаких вопросов о противоправительственной его деятельности. Учредителями этого общества были главным образом муллы: Абадрахман Алиев, Мухамет Хадужаев, Абдрахман Умеров, Абдулла Баев и другие. В связи с этим программа его была ориентирована на нужды состоятельного класса. Это противостояние нашло отражение в следующих мыслях: «Известный астраханский ученый мударрис и автор Абдрахман Умеров ясно высказал, что "Джамият-Исламия" учреждается с целью погубить Общество "Шурай Ислам"» (статья «Беда от доноса». 1909. № 103), «Цель оповещения этих писем заключается в том, что доносы на училища "Шурай Ислам", как думают, сделаны членами "Джамият-Исламия". На самом деле, если почетные члены "Джамият-Исламия" не причастны к этим доносам, и если они наверно знают, что действия "Шурай Ислам" не противны правительству, то пусть за подписом всех членов "Джамият-Исламия" вышлют нам опровержение; в противном случае "Шурай Ислам" до крайности будет преследовать это дело» (статья «Вечный упрек к Обществу "Джамият-Исламия" и нравственная обязанность его» (1909. № 107)).

Опубликование заведомо скандального, актуального материала, могущего возбудить уголовное преследование в отношении редактора, никогда не останавливало коллектив авторов издания. Так, 22 марта 1907 г. вице-губернатором Масальским было возбуждено уголовное преследование редактора-издателя издающейся в г. Астрахани на татарском языке газеты Мустафы Измайлова по 129–131 ст. Уголовного уложения о приостановлении выхода этой газеты «в виду проявленного уже ею вредного направления» напечатанной статьи «Так ли надо?» № 41 от 12 ноября

1906 г. графа Л.Н. Толстого (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 794. Л. 4). Статья «Неужели это так надо?» (в газете «Бургань-Таракки» в перевод с татарского языка «Так ли надо?») относится к ряду публицистических произведений 80–90-х гг., которые во многих случаях не допускались к печати в России. Стремясь ограничить влияние антиправительственной деятельности писателя, Министерство внутренних дел рассылало сообщения следующего содержания: «Министр внутренних дел за № 2275 уведомил Астраханского губернатора, что 19-го февраля сего года С.-Петербургским Комитетом наложен арест на бесплатное приложение к журналу "Ясная поляна" (полное собрание сочинений графа Л.Н. Толстого т. XI, ч. 5 выпуск 41, 50). Вследствие этого предлагаю Вам немедленно сделать распоряжение о задержании и отобрании означенных номеров приложения в случае появления их во вверенном Вам участке» (ГААО. Оп. 1. Т. 2. Ф. 290. Ед. хр. 3603. Л. 45). Но произведения Л.Н. Толстого вопреки цензурным запретам распространялись в литографированных или гектографированных копиях, переписывались. Одним из наиболее действенных способов пропаганды антиправительственных идей писателя было переложение текстов статей на другие языки, что существенно расширяло читательскую аудиторию и предоставляло возможность избежать наказания. 10 мая 1907 г. Саратовская Судебная палата определила: «Уголовное преследование против виновных в напечатании в № 41 газеты "Бургани-Таракки" от 12 ноября 1906 г. статьи графа Л. Толстого под заглавием "Так ли надо?" не возбуждать, прекратив возбужденную по сему предмету переписку и отклонив ходатайство Астраханского вице-губернатора о приостановлении деятельности названной газеты» (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 794. Л. 5).

Нападкам подвергались как столичные, так и местные власти, а именно директор народных училищ Амосов (статьи «Кто доносчик», № 107, «По отношению училищ», № 118). Частым предметом обсуждения был вопрос о запрещении преподавать в училище Хамидуллин Халил-Эфенди, Хабибуллы Умерова, Садику Рахимкулову и протест против закрытия «Даруль-Эдеп».

В результате интриг, как отмечает в рапорте губернатору от 14 сентября 1910 г. астраханский полицмейстер, «в 1908 г. авторитет Измайлова среди местного татарского населения пал, и многие вышли из членов общества. Средства общества иссякли. К 1910 г. в школе осталось не более 200 учащихся. Выпуск газет также был прекращен и только одна – газета "Бургань-Таракки" выходила в 1911 г., дав последний номер 7 марта. Ко всему этому г. Попечитель Казанского учебного округа телеграммой от 27 января 1910 г. предложил Директору народных училищ закрыть школу общества "Шурай Ислам", каковая тогда же и была закрыта. В августе месяце 1910 г. Измайлов отказался от председательствования в обществе "Шурай Ислам". Теперь общество не имеет никаких средств и, вероятно, скоро совсем прекратит свое существование» (ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 95–97). После проведенного расследования на предмет сочувствия председателя общества «Шурай Ислам» идеям панисламизма и последовавшего его предварительного заключения Мустафа Измайлов был отправлен в ссылку за антигосударственную пропаганду на страницах «Бургань-Таракки». После окончания срока высылки он, из-за закрытия общества и училища оказавшись в крайне стесненных обстоятельствах, под давлением властей был вынужден покинуть Россию и уехать в Турцию в 1911 г. С отъездом Мустафы Измайлова из Астраханской губернии газета «Бургань-Таракки» прекратила свое существование.

Для системы астраханской печати газета «Бургань-Таракки» имела большое значение: издание использовало широкие возможности изобразительно-выразительных ресурсов и средств публицистического стиля. Только в данном случае газета «Бургань-Таракки» могла стать доступной всем слоям общества не только татарского населения, но и всего тюрко-мусульманского мира начала XX в. и, подтверждая свое название, стать доказательством прогресса. На тот факт, что издание имело прогрессивный характер, указывает и стремление редактора газеты поддерживать развитие национальной печати у других народов. Так, в донесении начальника Жандармского управления от 21 февраля 1912 г. председателю Временного совета по управлению Внутренней Киргизской Ордой отмечалось: «По имеющимся у меня

сведениям народный учитель Букеевской Орды Астраханской губернии Илеусин Бюйрин в 1910 и 1911 гг., проживая где-то в Астраханской губернии, издавал газету под названием "Казакстан". <...> Редактор Бюйрин, нуждаясь в средствах на издание газеты, при содействии и посредничестве местных татарских газет "Бургань-Таракки" и "Хак" вошел в союз с издателями Кавказских газет с целью поддержания его газеты» (ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 297. Л. 361). Несомненно, что столь продолжительное функционирование такого передового издания, как «Бургань-Таракки», и многогранная личность ее редактора заложили основы развития национальной печати в Астрахани на долгие годы.

Список литературы

1. Курмансеитова А. Х. У истоков ногайской книги / А. Х. Курмансеитова. – Черкесск, 2009.
2. Миннуллин Б. К. Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века / Б. К. Миннуллин // Научный Татарстан. – 2009. – № 4.
3. Прикаспийская газета. – 1906. – 1 января. – С. 2.
4. Рамеев И. Татарская периодическая печать: Альбом (1905–1925) / И. Рамеев. – Казань, 1926.

ОБ ОДНОЙ СУПЕРСЕГМЕНТНОЙ ЕДИНИЦЕ ХАРАХИНСКОГО ГОВОРА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

А.Г. Джамалудинова

В статье речь идет о появлении долгих гласных в харахинском говоре хунзахского диалекта аварского языка. Можно утверждать, что система гласных относительно хорошо развита в диалекте, занимая в нем значительное место, выступая результатом разных комбинаторных процессов в языковой системе.

This article is about appearance of long vowels in Charach talk of Khunzakh dialect of the Avar language. It can be stated that system of vowels is relatively well-developed in the dialect occupying a significant place in it, arising as a result of various combinatorial processes in the system of the language.

Ключевые слова: долгие гласные, диалект, фонетические изменения, выпадение, слияние, аварский язык.

Key words: long vowels, dialect, phonetic changes, loss, merge, the Avar language.

Харахинский говор – одна из малых территориальных единиц хунзахского диалекта аварского языка. В качестве суперсегментных единиц выступают, как правило, ударение и долгота гласных. В настоящей статье рассмотрим природу долготы и пути ее возникновения в исследуемом говоре.

Многие исследователи аварского языка [5; 8] предполагали, что долгие гласные представлены только в диалектах южного наречия и в андийских языках, а в северном наречии аварского языка отрицали их наличие. Тем не менее, результаты исследований последних лет показывают, что долгие гласные в диалектах северного наречия аварского языка встречаются не реже, чем в южном наречии [2; 7; 9]. В малоизвестной работе М.-С.Д. Саидова [6] «Нахахиндальские говоры» довольно четко описано наличие долгих и назализованных гласных в говорах, относящихся к хунзахскому диалекту.

Долгота гласных представлена во многих дагестанских языках, но в каждом из них она являет собой разнородную картину.

В рутульском языке различаются краткие и долгие гласные, но за исключением *a* они «выступают как аллофонические варианты простых гласных».

Рассматривая долгие гласные в диалектах даргинского языка, Ш.Г. Гаприндашвили [1] отмечает, что слияние гласных или гласного с согласным – один из самых распространенных процессов в диалектах урахинского типа, а долгота при этом «но-

сит исключительно позиционный характер. Следовательно, нельзя долгие гласные выделить в качестве самостоятельных фонем».

Аналогичное положение относительно долгих гласных кубачинского диалекта даргинского языка было высказано А.А. Магометовым [4]: «Долгие гласные, с которыми встречаются в кубачинском, получены в результате слияния гласных или для компенсации утери согласных».

Результатом определенных фонетических изменений (чаще всего основы – как результата редукции конечных гласных и целых слогов) является и долгота в чамалинском языке. Наличием или отсутствием долготы без изменения места и силы ударения различаются формы, а в отдельных случаях и семантика слова [3].

Таким образом, долгота гласных представлена во многих дагестанских языках, и, как признают исследователи, во всех языках, где она представлена, это явление вторичное. Долгота гласных обусловлена законами экономии сил языка, рассматриваемых как причины фонетических изменений, вызывающих слияние гласных (как одинаковых, так и разных). В исследуемом говоре зафиксировано пять долгих гласных: [ā], [ū], [ō], [ȳ], [ē].

Долгота гласных в исследуемом говоре, как правило, наблюдается на стыке морфем. Чаще всего она возникает путем комбинаторного изменения звуков: после утери промежуточного согласного (б, д, л, н, гл), и в большинстве случаев замены его на полугласный, оказавшиеся рядом гласные ассимилируются, удлиняются. Например:

ЛЯ		ХГ
<i>абун тараб</i>	«сказанное»	<i>бун тара</i>
<i>батизе буго</i>	«найдете»	<i>батизе бӯ</i>
<i>гъеб мехалда</i>	«в это время»	<i>ѣхала</i>

Рассмотрим по отдельности случаи возникновения долготы в харахинском говоре (ХГ), сравнивая с соответствующими формами литературного аварского языка (ЛЯ).

1. Стяжение комплекса комплекса *-ийе* в формах дательного падежа имен существительных приводит к возникновению долгого гласного *-ī*, ср.:

ЛЯ		ХГ
<i>буртIийе</i>	«козленку»	<i>буртIī</i>
<i>тIанчийе</i>	«птенцу»	<i>тIанчIī</i>
<i>къагIрийе</i>	«ягненку»	<i>къагIрī</i>

2. Долготу препозитивного гласного вызывает выпадение элемента форманта вопросительного наклонения *-ц*, ср.:

ЛЯ		ХГ
<i>босарабиц?</i>	«взял?»	<i>босарайī?</i>
<i>гъабурабиц?</i>	«сделал?»	<i>гъавурайī?</i>
<i>букIарабиц?</i>	«было?»	<i>букIарайī?</i>
<i>йахъарайиц?</i>	«встала?»	<i>йахъарайī?</i>

3. Возникновению долготы смежного гласного способствует также выпадение конечного элемента форманта вопросительного наклонения *-й*, ср.:

ЛЯ		ХГ
<i>вачIанадай?</i>	«пришел?»	<i>вачIанадаа?</i>
<i>гъабунадай?</i>	«сделал?»	<i>гъоунадаа?</i>
<i>хъванадай?</i>	«написал?»	<i>хъванадаа?</i>
<i>анадай?</i>	«ушел?»	<i>анадаа?</i>

4. Долготу может вызвать стяжение конечного гласного *a* в вопросительных формах со значением переспрашивания, например:

ЛЯ		ХГ
<i>квананайа?</i>	«поел?»	<i>квананайā?</i>
<i>букIанайа?</i>	«было?»	<i>букIанайā?</i>
<i>бачIанайа?</i>	«принес?»	<i>бачIанайā?</i>

5. Компенсирующую долготу препозитивных гласных [э, о] вызывает и выпадение форманта *-ж* в косвенных падежах личных местоимений множественного числа *ниж* «мы» (эскл.) и *нуж* «вы» (инкл.), например:

ЛЯ			ХГ
Им.п.	<i>нуж</i>	«вы»	<i>нуж</i>
Эрг. п.	<i>нужеца</i>		<i>нѓца</i>
Род. п.	<i>нужер</i>		<i>нѓр</i>
Дат. п.	<i>нужее</i>		<i>нѓе</i>
Лок. I	<i>нужеда</i>		<i>нѓда</i>
Им. п.	<i>ниж</i>	«мы»	<i>ниж</i>
Эрг. п.	<i>нижеца</i>		<i>нѓца</i>
Род. п.	<i>нижер</i>		<i>нѓр</i>
Дат. п.	<i>нижее</i>		<i>нѓе</i>
Локатив I	<i>нижеда</i>		<i>нѓда</i>

6. Исследуемому говору не свойственны сочетания согласных, консонантные комплексы стремятся к упрощению, например, в аналитических образованиях на стыке двух слов зубных согласных *т* и *д*, *д* и *д* происходит дальнейшее их выпадение, ср.:

ЛЯ			ХГ
<i>МухIмад даци</i>	«дядя Магомед»		<i>МахIѓци</i>
<i>АхIмад даци</i>	«дядя Ахмед»		<i>АхIмѓци</i>

7. В харахинском говоре наблюдается тенденция к выпадению губно-губного *б* в разных позициях и в разных частях речи. Выпадение смежного губно-губного *б* также приводит к слиянию двух гласных и способствует возникновению долгих гласных:

ЛЯ			ХГ
<i>табар</i>	«кожа»		<i>тѓр</i>
<i>хабар</i>	«рассказ»		<i>хѓр</i>
<i>хѓабахъ</i>	«тыква»		<i>хѓѓхъ</i>

Под влиянием подударного предшествующего *-а* в формах локатива пятой серии также выпадает согласный *б*, в результате чего происходит стяжение двух гласных, которое приводит к образованию долгого гласного и выпадению классного показателя:

ЛЯ			ХГ
<i>чвантаяльуб</i>	«в кармане»		<i>чванталѓѓ</i>
<i>хIуржсаяльуб</i>	«в читальне»		<i>хIуржалѓѓ</i>

Аналогичный фонетический процесс (возникновение долгих гласных в результате выпадения губно-губного *б*) мы наблюдаем и при склонении во множественном числе в местных падежах существительных. Комплекс *-аба* в процессе стяжения превращается в долгий *ѓ*:

ЛЯ			ХГ
<i>кIкIалабахъ</i>	«в руинах»		<i>кIкIалѓхъ</i>
<i>хѓалабахъ</i>	«во дворцах»		<i>хѓалѓхъ</i>
<i>росабыхъ</i>	«в селах»		<i>росѓхъ</i>

8. Стяжение препозитивного гласного иногда связано с выпадением сонорного *м*:

ЛЯ			ХГ
<i>гъаримас</i>	«бедным»		<i>гъарѓнс</i>
<i>гIадамаца</i>	«людьми»		<i>гIадѓца</i>

9. В единичных случаях зафиксировано появление долгих гласных в результате выпадения согласных *д* и *н*, ср.:

ЛЯ			ХГ
<i>кванараб</i>	«то, что поел»		<i>квѓраб</i>
<i>цадахъ</i>	«вместе»		<i>цѓхъ</i>

10. В глаголах будущего времени в результате стяжения комплексы звуков *-аби, -ави, -айи, -ари* превращаются в долгий *ā*:

ЛЯ		ХГ
<i>гъаризе</i>	«сделать»	<i>гъāйзе</i>
<i>абизе</i>	«сказать»	<i>āйзе</i>

Таким образом, можно констатировать, что в исследуемом говоре функционирует относительно развитая система вокализма, в которой значительное место занимают долгие гласные, возникающие в результате различных комбинаторных процессов в системе языка. Пути возникновения долгих гласных весьма разнообразны и в основном связаны со стремлением носителей исследуемого говора упростить звуковые комплексы для удобопроизносимости речевых норм.

Список литературы

1. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка / Ш. Г. Гаприндашвили. – Тбилиси, 1966. – 28 с.
2. Магомедмансуров М. Г. Фонетические и морфологические особенности данухского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Магомедмансуров. – Махачкала, 2006. – 25 с.
3. Магомедова П. Т. Чамалинско-русский словарь / П. Т. Магомедова. – Махачкала, 1999. – 437 с.
4. Магометов А. А. Основные особенности кубачинского диалекта даргинского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Магометов. – Тбилиси, 1948. – 23 с.
5. Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов / Ш. И. Микаилов. – Махачкала, 1958. – 159 с.
6. Саидов М. С. Нахахиндальские говоры аварского языка / М. С. Саидов. – Рук. фонд. ДНЦ РАН, 1953. – 172 с.
7. Султанбегова Ш. М. Фонетические и морфологические особенности глайлухского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ш. М. Султанбегова. – Махачкала, 2005. – 27 с.
8. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание / П. К. Услар. – Тифлис, 1889. – Т. III: Аварский язык. – 550 с.
9. Юсупова Р. М. Фонетические и морфологические особенности инховского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. М. Юсупова. – Махачкала, 2007. – 26 с.

КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛАВЯНСКОЙ И ИРАНСКОЙ ФРАЗЕМИКИ

М.Г. Делинад

В статье через структурный и семантический анализ идиом славянских и иранских языков показано значительное сходство в концептуальной сфере славянской и иранской фразеологии по сравнению с языковой. Хотя в славянских и иранских языках проявляются разные способы вербализации одного и того же концепта, большинство идиом репрезентируют одни и те же концепты. Однако при их сопоставлении крайне редко обнаруживается полная фразеологическая эквивалентность.

Considerable similarity in the conceptual field of Slavic and Iranian phraseology in comparison with the language one is shown in the article through the structural and semantic analysis of idioms. Though different ways of verbalizing the same concept are shown in the Slavic and Iranian languages, a majority of idioms of representation are the same concepts. However, when compared they rarely demonstrate complete phraseological equivalence.

Ключевые слова: славянская фраземика, иранская фраземика, концепт, эквивалентность.
Key words: Slavic phraseology, Iranian phraseology, concept, equivalence.

Тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследований фразеологии. На протяжении многих лет в работах утверждалось, что фразеологические единицы (далее – ФЕ) представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа [3,

с. 37]. Например, А.М. Бабкин утверждает, что во ФЕ неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации [1, с. 7]. Изучение национальной специфики русской, персидской и таджикской фраземики может способствовать оптимизации процесса общения между этими культурами [8, с. 197–198].

«Целесообразно выделить два принципиально различных понимания национальной специфики. В первом случае национально культурная специфика некоторого явления данного языка определяется относительно некоторого другого языка. Такой подход может быть назван сравнительным или сопоставительным. Во втором случае речь идет о представлениях носителей того или иного языка о национальной маркированности соответствующих единиц языка вне сопоставления с другими языками. Такой подход с известной долей условности может быть назван интроспективным» [3, с. 48]. При лингвокультурологическом подходе важно помнить, что культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются неслучайными и имеют культурно обусловленные причины и/или культурно значимые следствия [3, с. 40]. Национальное своеобразие фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических, семантических свойствах. Однако наиболее ярко национально-культурная специфика проявляется в семантической организации фразеологизмов [6, с. 35].

Национальная особенность фразеологии того или иного языка может проявляться как в характеристиках ее внутриязыковой организации, так и в уникальности различных фактов национальной культуры, получивших отражение во ФЕ [2]. Исследователи полагают, что национальная неповторимость ФЕ складывается из следующих составляющих, обусловленных экстралингвистическими особенностями:

- ✓ ФЕ могут отражать национальную культуру своими актуальными фразеологическими значениями, служащими экспрессивному наименованию явлений, присущих только данному народу;
- ✓ фразеологизмы могут отражать национальную культуру прямым значением переменного словосочетания (генетического прототипа), положившего основу фразеологизма; словосочетания, являющиеся основой ФЕ, описывают определенные традиции, особенности культуры, быта, исторических событий страны;
- ✓ ФЕ могут отражать специфику национальной культуры в прямых значениях лексических компонентов, входящих в их состав.

Концепты, выражаемые ФЕ, знакомы носителям языка, однако образы, лежащие в основе их фразеологических значений, в разных языках специфичны, так как выражают неповторимую этнопсихологию народов. Большинство ФЕ дословно не переводимо, они передаются на другие языки с помощью фразеологических эквивалентов или аналогов, построенных на иных образах. Именно фразеологический образ чаще всего сохраняет национальную специфику ФЕ, поскольку он опирается, как правило, на реалии, известные только одному народу – творцу и носителю соответствующего языка. Например, ФЕ *пятое колесо в телеге* означает «нечто абсолютно излишнее». Таким образом, именно носитель языка, опираясь на знание своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологической единицы, но остающиеся непонятными для носителей иной лингвокультуры. Национальная специфика ФЕ *пятое колесо в телеге* связана с тем, что в сознании русского народа разграничены понятия «телега» и «воз»: *телега* – это «четырёхколесная повозка, являющаяся средством перевозки грузов», *воз* – «повозка с кладью, грузом». Представление о четырёхколесном средстве передвижения, перевозки, для которого пятое колесо – совершенно ненужное, нелепое дополнение, образно мотивирует целостное значение ФЕ – «совершенно ненужный в каком-либо коллективе человек». Однако такое представление может оказаться чуждым другому языковому сознанию. Они могут посчитать пятое колесо запасным и поэтому нужным, а не лишним. Это объясняется тем, что народы, живущие в разных социальных и природных условиях, имеющие разную историю, религию, нравы, принципы морали, психологию и т.п., смотрят на мир по-другому.

Национальная специфика фразеологического представления отражает образ жизни и характер народа, его историю, духовную жизнь, своеобразные традиции, обычаи и этнический быт в специальном отборе лексических компонентов для той или иной фразеологической единицы [7, с. 59]. Маркированность национальной специфики фразеологического образа часто создается отбором весьма специфической для данного народа лексики, например, собственно анималистическим компонентом ФЕ. В связи с тем, что иранский народ – носитель восточной культуры, а русский – славянской, один и тот же анималистический компонент фразеологизма вызывает различные ассоциации. Например, персидская и таджикская ФЕ *sag xord* (букв. «собака съела») передает значение неблагодарности, жестокости, свирепости. Все иранцы без особого труда понимают значение этой ФЕ, так как собака у них – носитель негативной коннотации – злости, низкородности. У русских же наоборот, собака ассоциируется с верностью, преданностью и одновременно с заброшенностью, отсутствием комфорта. Отсюда выражения русского языка «собачья преданность», «собачья жизнь» и др. Все это объясняется тем, что русская и иранская культуры имеют совершенно разные философские истоки и основы формирования, в частности, географические, что обусловило значительные их расхождения.

В формировании русского национально-культурного ареала важную роль сыграло христианство. В русском языке имеется достаточное количество фразеологизмов библейского происхождения, например, в *поте лица* – ‘усердно, без устали, не переставая, очень старательно (делать что-либо, трудиться и т.п.)’; *волк в овечьей шкуре* – ‘жесткий, жестокий, злой человек, прикрывающий свои дурные намерения или действия видимостью добрых и мягких речей и поступков’ и т.д., а в персидском и таджикском языках фразеологизмов, связанных с религией, гораздо меньше, поэтому фразеологические образы часто различаются.

Итак, фразеологический образ как один из компонентов плана содержания ФЕ является основным «хранителем» национальной специфики фразеологизма [7, с. 61]. Выявление национально-культурных особенностей ФЕ очень важно при анализе фразеологизмов и позволяет не только обогатить образные ресурсы родного языка, но и в некоторой степени приобщиться к видению мира в иной языковой системе. Таким образом, есть все основания, исследуя национально-культурный аспект ФЕ, акцентировать внимание на примате действительности по отношению к языку, на том, что неадекватное семантическое содержание ФЕ, в первую очередь, ФЕ может быть обусловлено принадлежностью сферы означаемого к той или иной социокультурной системе [5 с. 119–120].

В соответствии с вышеуказанным, мы обнаружили ФЕ, выражающие одни и те же концепты, но содержащие в своей структуре национально-специфические свойства. Такие соответствия ФЕ мы называем частичными фразеологическими эквивалентами и фразеологическими аналогами.

ФЕ *по пальцам можно сосчитать* (кого, что); ср.: персидская ФЕ *be teedade angostane dast* (букв. «по количеству пальцев руки») выражают один и тот же сигнификат «очень мало». Жесты, которые обозначаются этими двумя ФЕ, содержат национальную специфику, хотя жесты совпадают по значению, но расходятся по форме. И русские, и иранцы считают на пальцах. При этом русские сгибают пальцы к ладони, но иранцы не сгибают пальцы. Тожественная семантика и частичное тождество в плане выражения делают данные ФЕ частичными фразеологическими эквивалентами.

Вышеуказанные соответствующие ФЕ *пятое колесо в телеге* и *sar bar* (букв. «сидящий на голове») мы называем фразеологическими аналогами. В отличие от частичных эквивалентов, фразеологические аналоги различаются и по семантике (обычно по образности) при одинаковых концептах.

Кроме фразеологических эквивалентов и аналогов, при анализе ФЕ русского и персидского языков мы обнаружили также лакунарные и безэквивалентные единицы, которые можно считать признаком национального своеобразия одного языка и одновременно источником неадекватного или неполного понимания данных ФЕ носителями этноязыковой другой культуры [8, с. 202]. Фразеологические лакуны – это от-

сутствие соотносимой ФЕ во фразеологической системе одного из сопоставляемых языков при наличии общего концепта. Так, ФЕ *вкручивать [вкрутить] мозги* – ‘преднамеренно внушать что-либо заведомо неправильное, ложное, стараясь обмануть, провести кого-либо’ – в персидском языке вообще не имеет сопоставимой ФЕ. Значение этой ФЕ передается словами. Фразеологизмы-лакуны обычно компенсируются словами или словосочетаниями. Безэквивалентные ФЕ – это ФЕ, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в другой в связи со спецификой национальных концептосфер. Большая часть русских безэквивалентных ФЕ взята из Библии, греческой мифологии, русской истории и русского фольклора. Например, *ради [для] прекрасных глаз* кого, чьих обозначает ‘из одной симпатии к кому-либо, даром, бескорыстно (делать что-либо)’. В персидской концептосфере данный концепт отсутствует. Иранцы толкуют его как элемент иноязычной концептосферы только с помощью словосочетаний, развернутых описаний.

Л.Г. Золотых предлагает различать дискурсивное пространство фразеологизма, характеризующееся протяженностью и объемом, как «интернациональную категорию, представляющую собой речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации», а дискурсивное поле фразеологизма – как «пространственную идиоэтническую категорию, в пределах которой проявляется *взаимодействие* идиоматики, сознания и культуры» [4, с. 72]. Выявление соотношения и взаимодействия семантики ФЕ и лежащих в их основе знаний, отформатированных в виде представлений, образов, концептов и фреймовых структур, становится возможным в процессе когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения. «Дискурсивное пространство устойчивых денотативных ситуаций является естественным источником порождения единиц косвенно-производной номинации, способных одновременно репрезентировать социальную, мировоззренческую и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов» [4, с. 72–73].

Таким образом, безэквивалентные ФЕ одного народа сигнализируют об отсутствии концепта в концептосфере другого народа, а лакуны – об отсутствии ФЕ при наличии у них общего концепта. Здесь необходимо заметить, что безэквивалентность можно понимать в широком смысле: безэквивалентными считать и ФЕ-лакуны, так как лакунарные и безэквивалентные фразеологизмы обладают принципиальным лингвистическим сходством: фразеологизмам одного языка соответствуют в другом не ФЕ, а слова или словосочетания.

Лингвокультурологический анализ ФЕ в русском, персидском и таджикском языках позволяет сделать вывод о существовании большого количества ФЕ, выражающих одни и те же концепты, и почти полном отсутствии между ними полной фразеологической эквивалентности.

Список литературы

1. Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография / А. М. Бабкин. – Л., 1979. – С. 4–19.
2. Верещагин Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1982. – С. 89–97.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
4. Золотых Л. Г. Иди туда – не знаю куда, найди то, что не знает никто / Л. Г. Золотых // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 3. – С. 71–75.
5. Мамонтов А. С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А. С. Мамонтов. – М., 2000. – 187 с.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
7. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
8. Сорокин Ю. А. Национально-культурные аспекты речевого мышления / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 184–202.

**НОМИНАЦИИ – ЦЕННОСТНЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ
В ХАБИТАТЕ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЭТНОСА V–XI ВВ.:
СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА**

Н.И. Дорохова

Статья посвящена диахронно-лингвосемиотическому изучению вербальных знаков-прагматонимов, рефлектирующих базовые ценности англосаксонского этноса V–XI вв. Исследуется лингвосемиотика ценностной сферы хабитата англосаксов, семантика и прагматика лексем, номинирующих три области аксиологии (семейные отношения, артефакты интеллектуальной и сакральной деятельности, средства защиты жилища англосакса от врага, символизирующие его воинскую доблесть). Описаны паремии как ценностный маркер повседневной жизни англосаксов изучаемого исторического периода.

The article dwells upon the diachronic lingual and semiotic research of verbal signs denoted as “pragmatonyms” that reflect fundamental values of Anglo-Saxon ethnos in the V–XIth centuries. Lingua-semiotics of axiological sphere within the Anglo-Saxon habitat is under analysis together with the study of semantics and pragmatics of words nominating three axiological areas – family and kinship ties, intellectual and sacral activities’ artifacts as well as means of military protection against the enemy that symbolize Anglo-Saxon’s military glory. Anglo-Saxons’ proverbs as everyday routine axiological marker are described and analyzed.

Ключевые слова: лингвосемиотика, прагматоним, этнос, англосаксы, хабитат, аксиология, номинация.

Key words: lingua-semiotics, pragmatonym, ethnos, Anglo-Saxons, habitat, axiology, nomination.

В предлагаемой статье рассматриваются англосаксонские прагматонимы, под которыми понимаются условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: объекты жилища, предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда и т.п. [2].

Ценностные прагматонимы – это знаки аксиологического характера, рефлектирующие ценности англосаксонской культуры и лингвокультуры. Англосаксонское жилище в ходе истории становилось средоточием культуры, что выражалось в ряде тенденций.

Прежде всего, жилище являлось аксиологическим знаком укрытия от возможного врага, природных катаклизмов, «крыши над головой», места рождения, жизни и смерти его резидентов – членов клана (номинации **cynn**, *n* (-es/-) family, kin; **cynling**, *m* (-es/-as) clan). Соответственно, базовой ценностью англосаксам представлялись семейные отношения между резидентами. Знаки, рефлектирующие эти отношения, очень рано появились в лингвосемиотическом пространстве англосаксонской лингвокультуры: наименования членов семьи зафиксированы ранее V столетия.

То, что англосаксы прекрасно представляли себе свою роль наследников ценностей семьи, рода, клана, подтверждается следующим фактом: уже в начале описываемого исторического периода в жизни этноса англосаксов существовали номинации, семиотирующие основателей родственных отношений. Прародители пользовались таким уважением, что даже обожествлялись (ср. полисемию лексемы **fæder**, *m* (-es/-as) father; male ancestor; the Father, God; *pl* parents, конституированную лексико-семантическими вариантами «отец», «предок», «Бог» и в целом «[пра]родители»). В лексиконе первых англосаксов для обозначения предков зафиксирован такой аксиологический знак, как **ealdor**, *m* (-es/-as) elder, parent; *pl* ancestors.

Семья как основа поддержания жизни в жилище уже в начале данного исторического периода имела свою лингвосемиотическую актуализацию. В лексиконе англосаксов V столетия зафиксированы практически все родственные связи членов семьи в виде соответствующих знаков (**fæder**, *m* (-es/-as) father; **ǣcennicge**, *f* (-an/-an) mother; **bearn**, *n* (-es/-) son, descendant; **dohtor**, *f* (-/-) daughter; **sweostor**, *f* (-/-) sister; **bróðor**, *m* (-/-) brother; **eald** ~ grandfather; **þridda**, **fēowerða** ~ great-grandfather, great-grandfather).

Интересна история номинаций свойственных отношений в англосаксонском клане: понятий «свекор», «свекровь», «тесть», «теща», «деверь», «золовка», «невестка», «зять» не существовало; это стало возможным после полного оформления государственности в Англии только с воцарением кодекса семейных отношений и наследования в пору правления короля Генриха VIII. Именно тогда для фиксации права наследования в семейной цепочке возникла казуистическая формула *in-law* (*father-in-law, mother-in-law, etc.*) [7].

Дифференцированно номинировалось понятие «дядя»: если родственник такого статуса был по материнской линии, использовалась лексема **éam**, *m* (-es/-as) *uncle* (*maternal*); в случае, если дядя был таковым по отцовской, употреблялась номинация **faedera**, *uncle paternal*). Дядя обладал теми же правами на руководство своими племянниками (**nefa** – *nephew*) и племянницами (**nift** – *niece*), что и их биологический отец.

Не существовало отдельной номинации для обозначения связи «тетка»; в том случае, если следовало обозначить такую родственную связь, использовалась номинация **modor** – *mother*, то есть в статусном отношении тетка считалась полноправной матерью ребенка. Языковые знаки для обозначения таких отношений, как *uncle, aunt, nephew, niece*, были введены только в XIII столетии в норманнский период завоевания Британских островов; соответственно, англосаксонский вариант номинирования был постепенно вытеснен [7].

Попутно отметим, что англосаксы практически всегда проживали компактно-кланово, большой семьей и под одной крышей, поэтому было совершенно нормальным, когда родители «второго эшелона» заботились о детях на правах заместителей родителей. Эти отношения сохранялись в Британии длительное время, вплоть до времен золотого века – времени правления королевы Елизаветы I: дяди и тетки имели полное право своим словом разрешить или запретить женитьбу или замужество наследникам даже при жизни их прямых родителей.

Рефлектирована иерархия этих связей – как по принципу старшинства наследования, так и по принципу экономического (имущественного и производственного) превосходства.

Обычно хозяином и главой клана, от решений которого зависело благополучие всех членов семьи, являлся муж и фактический владелец жилища; это зафиксировано в семантике номинаций **hláford**, *m* (-es/-as) *lord, master, ruler; husband*; **húsbonda**, *m* (-n/-n) *householder, master of a house*; **húshláfurd**, *m* (-es/-as) *master of the house (husband)*. Права супруги (**wif**, *n* (-es/-) *woman, female, lady; wife*) были существенно ограничены, что становится понятным при анализе соответствующей дефиниции: **húsbonde**, *f* (-an/-an) *mistress of a house*; как видим, в ней отсутствуют семантические маркеры власти и распоряжения имуществом, которые имеются в дефиниции номинации супруга (*lord, ruler, householder*); наоборот, имплицитно присутствует семантический маркер прескрипции ограниченного внутрикланового поведения – только ублажение супруга, ведение хозяйства и воспитание детей (*mistress = wife, housekeeper, mother*).

Тот факт, что родственные отношения признавались в англосаксонский период высшей ценностью, подтверждается наличием в лингвосемиотике этноса прагматонима **fréond**, *m* (-es/friend) *friend, relative; lover*; как видим, в значении лексемы присутствуют эксплицитные семантические маркеры позитивного отношения к родственнику – с ним дружат, с ним рождаются и его любят (часто не по-родственному).

Жилище украшалось тем, что его обитателям представлялось сакрально-охранным, являлось ценностью, унаследованной от предков. В языческий период это были артефакты богов, защищавших благополучие и здоровье резидентов (номинация **cofgodas**, *m pl household gods*).

В капище, которое располагалось неподалеку от жилища, язычники-англосаксы, потомки кельтской религии друидов, обычно поклонялись дереву; его сакральная функция защиты от злых сил в период христианизации англосаксонского этноса трансформировалась – дерево стало крестом, что ясно из семантики лексемы (номинация **beam**, *m* (-es/-as) *tree, beam, piece of wood; cross*).

У богатых и образованных англосаксов христианского периода, умеющих читать (что являлось редкостью: в общей массе англосаксы были неграмотными, несмотря на зажиточность), в поместье могли храниться рукописи хроник жизни клана (номинация **cranic**, *m* (-es/-as) record, chronicle) как свидетельство героической жизни и смерти предков.

Только жилища монахов – монастыри – могли содержать сакральные книги (номинация **bóc**, *f* (bóce/béc), *n* (-es/-) book, writing, Bible), письма (латинское заимствование **epistola**, *m* (-n/-n) letter), юридические документы (монахи часто по совместительству исполняли функции судьи и стряпчего) – речи вождей, завещания, декреты, законы (**cwide**, *m* (-es/-as), **ge~n** (-es/-u) speech, sentence, will, decree, decision, judgment; [cweðan]) и артефакты, имевшие культурную и лингвокультурную ценность (номинации **hearg**, *m* (-a/-a) altar, sanctuary item; **Crístes bók** – gospel).

В жилище англосаксов-монахов кипела бурная «жизнь познания»: монастыри вели исследования, скапливали национальные ценности, сокровища изобразительного искусства и скульптуры, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, формировали библиотеки, составляли географические карты, изучали сельское хозяйство и т.д.

В англосаксонском социуме описываемого исторического периода концепт «наука» еще не выделился окончательно в самостоятельную когнио-ментальную единицу и не образовал собственную концептосферу. Наука, религия, ремесла, искусство, техника, литература и магия все еще были слиты воедино; это можно утверждать, пользуясь свидетельствами лексической семантики и лингвосомиотики. Так, номинация **cræft**, *m* (-es/-as) physical strength, might, courage; science, skill, art, ability, talent по своей семантике являлась широкозначной (эврисемантической)¹, обозначая широчайшие горизонты познания, физической силы, таланта, искусности, науку и т.п. Постепенно эта единица превратилась в словообразовательный форматив, вначале означая обширные познания и эрудицию (номинация **lár-cræft**, *m* (-es/-as) knowledge; erudition), а затем стала основой как для номинаций научных дисциплин, ремесла, искусства, так и того, что впоследствии, в более просвещенные эпохи цивилизации, стало отрицаться как знание псевдонаучное. Лексикон фиксирует:

✓ названия наук (**flit-cræft**, *m* (-es/-as) dialectics, logic; **eorð-cræft**, *m* (-es/-as) geometry; **fyrngemynd**, *n* (-es/-) ancient history, **rím-cræft**, *m* (-es/-as) arithmetic, reckoning, computation; **weorc-cræft**, *m* (-es/-as) mechanics);

✓ названия ремесел (**feðer-cræft**, *m* (-es/-as) embroidery; **wignoð-cræft**, *m* (-es/-as) fighting skills, ability to conduct military actions, warfare, war); обратим внимание на то, что ведение военных действий для англосаксов данного исторического периода являлось ремеслом; как наука и искусство война стала восприниматься только со времен королевы Елизаветы I Английской [8];

✓ номинации видов искусств и литературы (**léoð-cræft**, *m* (-es/-as) poetic art; поэт, poetry; **sang-cræft**, *m* (-es/-as) art of singing, composing poetry, or playing an instrument; **scop-cræft**, *m* (-es/-as) poetry; **word-cræft**, *m* (-es/-as) poetic art, eloquence);

✓ номинации магии и волшебства (**dwol-cræft**, *m* (-es/-as) occult art, magic).

Безусловно, к ценностным прагматонимам, номинирующим объекты, содержащиеся в англосаксонском жилище, следует отнести предметы вооружения: как известно, значительную часть этноса составляли именно воины разного статуса и ранга. Распри между вождями англосаксов, набеги викингов, клановая борьба заставляли население – от короля до керла – держать в доме оружие. Это была истинная ценность для англосакса-мужчины, поскольку в менталитете и философии этноса она напрямую связывалась со славой воина, погибшего в битве [4]. Так, в «Беовульф» (2002) неизвестный поэт пишет об этом следующее:

Swa sceal man don þonne

he æt gude gegan þenceð

longsumne lof, na ymb his lif cearað

So man shall do whenever in war

he wins to earn him lasting fame,

nor fears for his life.

¹ Термины В.Я. Плоткина и Л.Я. Гросул [1].

Как полагает И.Ф. Янушкевич, «...к персональному оружию, и особенно к мечу, воины-англосаксы относились с почтением, уважением и любовью как к богу данному мистическому защитнику: не случайно в сагах и военных хрониках часто встречается метафорическая номинация **gúðwine**, *m* battle-friend, weapon – оружие как военный собрат и друг <...> Мечи, как правило, имелись только у воинов благородного происхождения. Меч, являясь персональным оружием командира, вождя племени, короля или сюзерена, имел своего малого собрата – кинжал или короткий нож (**cníf**, *m* knife; **seax**, *n* knife, hip-knife, dirk, dagger). Стрелы и копье, а также молот или топор (**hamor**, *m* hammer; **war-axe**) считались оружием простых солдат» [5, с. 230].

Оружие (номинация **gúðsceorp**, *n* armor) всегда занимало в доме англосаксонского воина почетное место: неслучайно в лексиконе зафиксированы следующие номинации оружия:

✓ многочисленные наименования стрел (**earh**, *f* arrow; **gúðflá**, *f* battle arrow; **heoruflá**, *f* arrow; **herestræþ**, *m* arrow; **earhfaru**, *f* flight, or shooting, of arrows; **stræþ**, *f* arrow);

✓ копий и их укороченного варианта – дротиков (**æscþracu**, *f* brunt of spears; **ætgar**, *m* a short spear, a kind of dart or other weapon to cast at the enemy **gar**, *m* spear, dart; **hereseaft**, *m* spear; **ord**, *m* spear; **spere**, *n* spear; **þræcwudu**, *m* spear; **wigar**, *m* spear, lance; **wigspere**, *n* war-spear, dart);

✓ разнообразных видов и типов мечей (**beaduméce**, *m* battle-sword; **ecg**, *f* edge, point; weapon, sword, battle-axe; **hæftméce**, *m* hilted sword; **málswyrd**, *n* sword with inlaid ornament; **heoruwápen**, *n* sword; **þéohseax**, *n* hip-sword, short sword that could be worn on the thigh; **méce**, *m* sword, blade; **wápen**, *n* weapon, sword; pl arms **wigbill**, *n* sword).

Среди прочих артефактов вооружения, занимавших почетное место в жилище воина-англосакса, обнаружены знаки-прагматонимы обеспечения безопасности воина во время военных конфликтов или захватнических рейдов:

✓ шлемы разных конфигураций (лексемы **beadugrima**, *m* war-mask, helmet; **grima**, *m* mask, helmet; **héafodbeorg**, *f* helmet, protection for the head; **wigheafola**, *m* helmet; **walu**, *f* rib; metal ridge on top of helmet; **helm**, *m* protection, helmet);

✓ щиты (**randbéag**, *m* boss (of a shield), shield **scield**, *m* shield; protector; defense);

✓ кольчуги – специальная одежда, изготовлявшаяся кузнецами из мелких и крупных металлических колец (**beaduhraegl**, *n* coat of mail; **hringloca**, *m* coat of ring-mail; **herebyrne**, *f* corslet); кольца препятствовали поражающему эффекту летящих стрел.

Наконец, говоря о ценностном отношении англосаксов к своему жилищу, следует упомянуть особый тип прагматонимов – паремии, то есть пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения и фразеологические единицы, которые «...метафорически (иносказательно или напрямую) отражают отношение того или иного этноса к окружающему миру, собственному бытию, институциональному устройству сформированного социума и т.п.» [3, с. 192].

Отношение англосаксов к своему родному жилищу как к непреходящей ценности, к надежно защищенному пространству семиотически позитивно рефлексивно рефлексировано в таких хорошо известных паремиях, как *East or west – home is best* (*В гостях хорошо, а дома лучше*); *There is no place like home* (*Нет лучше места, чем собственный дом*); *My home is my castle* (*Мой дом – моя крепость*). Гендерно-маркированная оппозитивная паремия *Men make houses, women make homes* (\approx рус. *Стены ставит муж, а дом из них делает жена*) семиотизирует различия в ролях мужчины и женщины, которые они играют при обеспечении ценностных параметров жилища. В паремии *The wider we roam, the welcomer home* (\approx рус. *Чем дальше разлука, тем слаще встреча с родным домом*) семиотически «зашило» ценностное отношение к своему жилищу как к аксиологически важному объекту / пространству бытия.

Существуют, впрочем, и англосаксонские паремии, предупреждающие о необходимости беречь свое жилище как убежище, не допускать раздоров, споров и ссор (*A house divided against itself cannot stand*; \approx рус. букв. *Раздор в доме разрушит его*); фиксирующие возможность не получить ожидаемого комфорта в жилище, где царят сложные семейные отношения (*A house is not yet a home*; \approx рус. *Стены – еще не дом*).

Такова в целом ценностная вербализация концепта «жилище» в концептосфере «быт» англосаксонского этноса, рефлектирующая лингвосемиотику и лингвопрагматику его бытия в жилище как локусе проживания.

Список литературы

1. Плоткин В. Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория / В. Я. Плоткин, Л. Я. Гросул // Теоретические проблемы семантики и их отражение в иноязычных словарях. – Кишинев : Штиинца, 1982. – С. 81–86.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
3. Самохина Е. А. Репрезентация концептосферы “LAND” в английской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Самохина. – Волгоград, 2010. – 280 с.
4. Шапошникова Е. А. Семантика древнеанглийских поэтических наименований славы (опыт текстоцентрического анализа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Шапошникова. – Иваново, 2001. – 23 с.
5. Янушкевич И. Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры : дис. ... д-ра филол. наук / И. Ф. Янушкевич. – Волгоград, 2009. – 494 с.
6. The Beowulf-Manuscript // Old and Middle English // An Anthology / ed. by E. Treharne. – Blackwell Publishing, 2002. – P. 890–1400.
7. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
8. Strong R. The story of Britain / R. Strong. – London : Hutchinson, 1996. – 560 p.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЯСНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Жукова

В статье описываются различные синтаксические способы выражения пояснения в современном политическом дискурсе; рассматривается соотношение пояснения с другими типами синтаксических конструкций; анализируется пунктуационное оформление пояснений на примере русского и английского языков.

The article describes various syntactical methods within the expression of explanation in political discourse; it focuses on the correlation of explanation with other types of syntactical constructions; it analyses the organization of punctuation within explanation on the basis of the Russian and English languages.

Ключевые слова: пояснение, синтаксические способы, политический дискурс.
Key words: explanation, syntactical methods, political discourse.

Политический дискурс как тип общения политика с широкими массами граждан характеризуется публичностью и нацелен обычно на кларификацию сообщаемого. Важное место в реализации цели дискурса занимает пояснение, которое трактуется как «развитие содержания основного состава высказывания путем его детализации» [1, с. 343]; «принцип соединения слов или предикативных единиц, при котором второй компонент образуемого сочетания оформляется как поясняющий, уточняющий первый компонент» [3, с. 246].

Исходя из того, что пояснение основано на логических отношениях тождества, суть которого заключается в отнесении разных номинаций к одному и тому же объекту действительности, считаем необходимым рассмотреть синтаксические способы выражения данного вида отношения между членами предложения или предложениями.

Анализ текстов в электронных и печатных масс-медиа позволил выявить следующие синтаксические способы оформления пояснения в русском и английском языках.

1. Конструкции с пояснительными союзами *то есть, а именно, или, как то, будь то*. Например: «Во всяком случае, это приближение к этому смыслу, **а именно** свой-

ство представлять интересы жителей и властей всех российских земель, то есть быть полноценной палатой регионов» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10087>). В ряде случаев возможна парцелляция как прием коммуникативно-стилистической организации текста с целью актуализации наиболее значимой синтагмы: «Администрация США в последнее время пошла в мощное наступление, чтобы убедить парламентариев проголосовать за этот документ в "сессию хромой утки". **То есть** до того, как на Капитолийском холме в январе приступит к работе обновленный состав сенаторов» (Известия. 2010. 8 декабря); “President Hu and President Obama jointly inaugurated a new stage in China-U.S. ties **that is our joint effort to build a cooperative partnership based on mutual respect and mutual benefit**” (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/08/19>).

2. Конструкции с особыми связующими словами и сочетаниями, выражающими пояснительно-присоединительные отношения: *даже, особенно, в особенности, например, главным образом, в частности, в том числе, притом, и притом, причем* и др. Например: «Реализация социальной политики остается ключевым приоритетом развития любого государства, **и нашего в том числе**» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10087>); «Финские компании вкладывают в энергетику, **причем счет идет на миллиарды евро**» (В.В. Путин. <http://premier.gov.ru/events/news/13357>); «Латинская Америка давно проводит гораздо более самостоятельную политику по сравнению с "великими" державами, **например, Великобританией или Японией**» (Известия. 2011. 20 января); «Госсекретарь США Хилари Клинтон и верховный представитель ЕС по иностранным делам Кэтрин Эштон в совместном заявлении резко осудили насилие, **особенно "избыточное применение силы против кандидатов в президенты, активистов, журналистов и представителей гражданского общества"**» (Наша версия. 2011. № 50); “**In particular, I look forward to learning more about the Bokan project firsthand during my visit later this week**” (<http://begich.senate.gov/public/index.cfm/pressreleases?>); “**And our commitment to veterans health care cannot wane, even years after a vet ends his active military service**” (http://benet.senate.gov/newsroom/floor_statements/statements/?).

3. Конструкции с оборотами *так называемый, другими словами*. Например: «В будущем нужно добиться унификации возможностей отдыха, включая создание единого проездного билета, **так называемого ски-пасса, который связал бы все существующие возможности**» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10008>), «Модернизация (**другими словами, поступательное и качественное развитие**), на наш взгляд, – это прежде всего вложение в человека, в его способности, таланты, в создание условий для самореализации и инициативы» (В.В. Путин. <http://www.km.ru>); “**The fourth step in our approach is to reduce spending in the tax code, so-called tax expenditures**” (Barack Obama. Speech on Fiscal Policy at George Washington University 13 April 2011. <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamafiscalpolicy2011.htm>); “**One of the Senators, the chairman, suggested perhaps some flexible Federal financing would be a good thing for Tennessee; in other words, loaning some money to the State of Tennessee to build roads**” (<http://alexander.senate.gov/public/index.cfm?p=SpeechesFloorStatements&ContentRecord>).

4. Обособленные обороты со словами *включая, исключая, наряду с, кроме*. Например: «И, конечно, это должен быть диалог с различными нашими общественными структурами, причем самыми разными, **включая проблемные регионы**. <...> Мы должны создавать нашу современную российскую культуру, **включая и русскую культуру тоже**» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10008>); “**Manufacturers in Montana accounted for two billion dollars in output in 2010, including 1.2 billion dollars of exported goods**” (http://baucus.senate.gov/?p=press_release&id=632); “**Even more shocking is the fact that Democrat leaders and the President himself have endorsed every feature of this legislation except one: and that’s the fact that it doesn’t allow the President to avoid another national debate about spending and debt until after the next Presidential election**” (<http://mccconnell.senate.gov/public/index.cfm?p=PressReleases&ContentRecord>).

5. Вставные конструкции, в том числе выполняющие синкретичные функции. Например: «В ряде стран (**Сербии и Украине**) гибридные режимы облегчили их либерализацию» (Новая газета. 2010. № 131); «Нужно признать, что пока протесты носят в значительной мере импровизированный характер. Но с каждым годом (**а в последнее время с каждым месяцем**) они собирают все больше людей» (Аргументы и факты. 2010. № 47); «Путин реагирует быстро, отвечает изобретательно, кратко (**жестом**) и эмоционально» (Новая газета. 2010. 22 ноября).

6. Однородные члены предложения, в том числе при обобщающем слове. Например: «Штурм был крайне агрессивным, так как толпа на своем пути громила практически все: **магазины, офисы банков, все без исключения государственные учреждения**» (Российская газета. 2011. 13 января); «Развивается многостороннее сотрудничество с ЮАР: **товарообмен, политические контакты, совместные военные маневры в Южной Атлантике**» (Известия. 2011. 20 января); “And as we must keep our promise to you, we must do the same for all future veterans serving America in **Iraq, Afghanistan and across the globe**” (http://bennet.senate.gov/newsroom/floor_statements/statements).

7. Придаточные предложения с пояснительно-присоединительными отношениями. Например: «Стоит досконально изучить тот раздел экономики, который именуется фандрайзинг, **что означает аккумуляцию внебюджетных средств**» (Астраханские известия. 2004. № 48); “The diminishing ice pack has spurred an increase in Arctic maritime and other activity **which means increased Coast Guard responsibilities**” (<http://cantwell.senate.gov/news/record.cfm?id=333846>).

8. Распространенные и нераспространенные приложения. Например: “One of the strangest beliefs of some politicians is that if they treat nature like a troublesome opponent and ignore it, it might go away and stop bothering them. In the opinion of many scientists George Bush, **America’s retiring president, was just such a politician**” (The Economist. 10.01.2009); “In the 21 st century, we all – **Americans, Russians, and everyone else** – have an interest in fostering world economic growth that benefits us all” (Барак Обама. Интервью «Новой газете». <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/071/30/html>).

По своему синтаксическому устройству пояснительные конструкции во многом сходны с сочинительными рядами. Как и большинство однородных членов, они состоят из параллельных членов, которые, подобно составляющим однородного ряда, относятся к одному и тому же члену предложения. Сравним: *Кандидат выступал (уверенно и убедительно)* – однородный ряд относится к сказуемому; *Результаты выборов утвердили (на следующий день, то есть в пятницу)* – пояснительная конструкция относится к сказуемому.

Однако синтаксически и по смыслу члены пояснительной конструкции отличны от однородных членов предложения. Во-первых, однородные члены составляют одноплановые, по смыслу различные явления: *Предвыборные встречи организованы в различных городах и селах* (однородные члены предложения называют разные виды населенных пунктов); пояснительная конструкция относится к одному предмету или явлению: *Предвыборная агитация проведена на различных промышленных предприятиях, в том числе на заводах* (завод – один из видов промышленных предприятий). Во-вторых, однородные члены логически равноправны; члены пояснительной конструкции находятся в бинарном отношении, характерном для подчинения (поясняющее зависит от поясняемого, подчинено ему): *Некоторые политики, особенно консерваторы и радикалы, активно отстаивали свои позиции* (поясняющий элемент конструкции – однородный ряд *консерваторы и радикалы* – зависит от поясняемого; внутри однородного ряда отношения равноправные; по отношению к поясняемому однородный ряд выступает как единый поясняющий член, то есть пояснительная конструкция остается двучленной). В-третьих, члены однородного ряда часто допускают перестановки; порядок членов пояснительной конструкции значим и обычно не может быть изменен.

Пояснение по синтаксической функции соотносится с присоединительными конструкциями. Присоединение – это включение члена предложения в законченное

по содержанию и форме высказывание в качестве дополнительного замечания, пояснения. Например: *В настоящее время экс-депутат практически не участвует в политической жизни, тем более в выборных кампаниях; Сенатор подготовил важное выступление, и притом без спичрайтера.*

Присоединительные и пояснительные конструкции имеют значительную область пересечения, связанную с использованием одних и тех же служебных слов (особенно, даже, например, в том числе и т.д.), что дает основание некоторым исследователям относить все подобные конструкции к присоединительным. Однако в целом пояснительные конструкции отличаются от присоединительных по синтаксической организации: первые строятся на базе параллельных членов с учетом логических отношений выделения из множества, вторые не требуют синтаксического параллелизма, семантика их не ограничена (присоединяться могут элементы с достаточно широким кругом значений). Например: *Политическая активность возрастает в стране осенью, особенно в сентябре* (пояснение) – *Политическая активность в стране возрастает, особенно в сентябре* (присоединение).

Особым видом пояснительной конструкции является выделение, или включение, которое возникает на базе логических отношений общего и частного, выражающихся словами разной частеречной принадлежности (например; как; такие, как; скажем; в том числе; в частности и др.) и словами, имеющими выделительную функцию (особенно; в особенности; главным образом; прежде всего; в первую очередь; по крайней мере; даже и др.). Например: *«Особо надо сказать о предвыборной кампании в Калифорнии, за которой внимательно следят в самых разных регионах США (в том числе в бывшей "криминальной столице" страны Чикаго)»* (Новые известия. 2010. 1 ноября); *«Президент США Барак Обама договорился с лидерами Республиканской партии, согласившись продлить срок действия налоговых льгот для всех американцев, в том числе и самых богатых»* (Известия. 2010. 8 декабря); *«Я знаю, что коллеги этим занимаются, в том числе и коллеги, которые представляют бизнес»* (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10008>).

Исследование важных признаков, характеризующих «пояснительность конструкций» [2, с. 34], соотношения пояснения и смежных с ним типов синтаксических конструкций служит целям адекватности описания данного явления языковой системы. В рамках данной исследовательской стратегии считаем релевантным обращение к такому аспекту, как пунктуационное оформление пояснительных конструкций, поскольку пунктуация включает в себя систему позиций, которые, наряду с единицами других уровней, обеспечивают смысловое единство и членение текста.

Для пунктуационного оформления пояснений используются различные знаки препинания:

✓ **тире:** *“We quickly learned that the 9/11 attacks were carried out by al Qaeda – an organization headed by Osama bin Laden, which had openly declared war on the United States and was committed to killing innocents in our country and around the globe”* (Барак Обама. <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobama-osamabinladendeadth.htm>); *“Will draw on all my experience with the world and its leaders, and all the tools at our disposal – diplomatic, economic, military and the power of our ideals – to build the foundations for stable and enduring peace”* (John McCain’s Speech. <http://netradionetwork.com>); *«Нам необходимо одно, но ключевое условие, и вы сами знаете, какое – это гражданский мир»* (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10087>); *«Понятно, что экономически обоснованные коррективы должны быть, иначе коммунальное хозяйство развалится – имею в виду инфляцию и другие процессы»* (В.В. Путин. <http://premier.gov.ru/events/news/13888>);

✓ **скобки:** *«Думаю, что проверять достоверность и полноту сведений могут, собственно, не только сами государственные органы, которые занимаются этими декларациями (госналогслужбы, другие структуры), здесь должен присутствовать более высокий элемент публичного контроля»* (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10067>); *«Российские компании (а их в Монголии работает несколько десятков) активно инвестируют в развитие транспортной инфраструктуры, в строи-*

тельство новых железных дорог, разведку и разработку угольных, урановых и других месторождений» (В.В. Путин. <http://premier.gov.ru/events/presscon-ferences/13397>);

✓ **двоеточие:** “Tonight I’d like to lay out for you what our battle plan is going forward: what we’re doing to clean up the oil, what we’re doing to help our neighbors in the Gulf, and what we’re doing to make sure that a catastrophe like this never happens again” (Барак Обама. Из обращения к нации. <http://www.americanrhetoric.com>); «От появления Палестинского государства выгадают все: выгадают, конечно, палестинцы, выгадают израильтяне, выиграет регион, все народы Ближнего Востока» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10093>);

✓ **запятая:** “Earlier, I asked Ray Mabus, the Secretary of the Navy, who is also a former governor of Mississippi and a son of the Gulf Coast, to develop a long-term Gulf Coast Restoration Plan as soon as possible” (Барак Обама. Из обращения к нации. <http://www.americanrhetoric.com>); «Эта реформа, как и любая реформа, призвана вернуть Совету Федерации определенный специальный политический смысл, если хотите, изначальный политический смысл, которым его наделяет Конституция» (Д.А. Медведев. <http://президент.рф/выступления/10087>).

Таким образом, проведенный анализ синтаксических способов выражения пояснения позволил выявить наиболее частотные из них и отграничить пояснение от других синтаксических явлений, подобных ему по форме. Данный материал может послужить основой для дальнейшего изучения функционирования пояснительных конструкций в политическом дискурсе, для рассмотрения пояснения как коммуникативного действия, востребованного в общении и способствующего более полному пониманию интенций политика.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 574 с.
2. Котова Л. Н. Приложение, уточнение, пояснение: принципы разграничения / Л. Н. Котова // Русский язык в школе. – 2009. – № 4. – С. 32–35.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – Т. 2.

АССОЦИАТИВНЫЙ ОБРАЗ ТЕАТРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Е.В. Илова

В статье рассматривается образ театра через призму концептов-ассоциатов, существующих в сознании англоязычного социума и объективируемых в английском языке. Эти концепты помогают глубже понять и точнее описать такое важное для английской культуры явление, как театр.

The article considers several associative concepts that help to form the image of the theatre existing in the mentality of the English people. The variety of language illustrations discloses the full image of the phenomenon which ranks high in the English culture. These concepts help better understand and describe more precisely such an important phenomenon for the English culture as theatre.

Ключевые слова: концепт, образная составляющая, ассоциаты, концептуальный признак.
Key words: concept, image, associates, conceptual characteristics.

При рассмотрении образной составляющей концепта «театр» в британском языковом сознании на материале текстовых фрагментов, взятых из аутентичных текстов Национального Британского Корпуса [10] и многочисленных электронных источников, удалось установить несколько ассоциатов, которые помогают увидеть данное явление с разных сторон. Наиболее частотными ассоциатами по отношению к изучаемому концепту являются концепты «живой организм» и «дом». Однако некоторые признаки театра удалось раскрыть через призму других концептов.

Театр предстает в коллективном сознании англичан как волшебная страна. Данное представление связано с концептуальным признаком «таинственность». То таинство, которое происходит в стенах театра, позволяет англичанину ассоциировать визит в театр с путешествием в волшебную страну. Созданию образа волшебной страны способствует употребление лексем, объединенных семой «волшебство»: *magic, glamour, magically*: – *If theatre has any magic it's when that curtain comes down and there is that lovely separation. – Cameron Mackintosh Ltd offers a range of opportunities to schools and teachers at all stages to become involved in the magic of the musicals. – The world of the theatre is about putting up an image of glamour, glitter and romance for a couple of hours each day. – Kids Week will offer children between the ages of 5–16 the opportunity to experience the excitement and magic of London's Theatreland for free!*

Мир театра часто называют *Theatreland* (страна театра). Можно провести аналогию с названием известной сказки Л. Кэрролла “Alice in Wonderland” («Алиса в стране чудес») или с сетью известных парков развлечений “Disneyland” («Диснейленд»). Одна из двух основ в этих названиях “land” имеет переносное значение «царство, королевство», которое входит в область языка сказки. Оно актуализирует такие признаки, как «чудо», «магия», «волшебство», «чары», «чарующая сила», «колдовство». Сказка – это всегда плод воображения и фантазии. Представление театра как сказочной страны часто объективируется лексемами с общей семой «воображение»: *imaginary, fantasy, fantastic*: – *Kids Week 2007 is planning a fantastic fortnight of fun and activities with over 30 top West End shows and over 50 free events. – Liverpool Children's Festival needs performers to fill its imaginary city that appears magically for the day.*

В последнем примере лексема “city” («город») является репрезентантом страны, так как представляет собой уменьшенную в размерах модель государства. Вымышленный город (imaginary city) приглашает посетителей в волшебную страну театра.

Группа предикатов “enthral” («очаровывать», «увлекать»), “revel” («наслаждаться», «получать удовольствие»), “evoke” («вызывать к жизни», «вызывать духов волшебством») создают сказочную атмосферу, так как описывают тот эффект, который сказка производит на слушателей: – *I realized why I was wrong about good theatre, about how it can enthral in a way cinema and television rarely does.*

– *At the theatre the eager theatre-goer could revel in That Fantastic Fantasy.*

– *The production evokes the pity as well as the passion of the epic theme.* Такой образ театра позволяет выделить следующие признаки театра: «игра фантазии и воображения», «сказочность», «нереальность», «удовольствие», «наслаждение», «положительные эмоции», «связь с детством». Все, что связано со сказкой, несет в себе положительные эмоции и соотнесение с детством. Театр в какой-то мере служит связующим звеном, посредником между реальным миром (тем, в котором живут взрослые люди) и сказочной страной, куда всегда мечтают попасть дети (и иногда взрослые).

Посещение сказочной страны можно сравнить с путешествием или приключением. Данное представление эксплицитно выражено в названии электронного журнала “London Theatre Guide” (Гид, проводник в мир театра Лондона), который предоставляет полную информацию в Интернете о театральной активности в Лондоне.

Представление о театре как о пункте назначения дополняет образ путешествия, который объективируется предикатами “pave the way” («прокладывать путь»), “return” («возвращаться»), “reach” («достигать»): – *The second was the break with naturalism, led by Max Reinhardt, which paved the way for expressionist theatre.*

– *This hugely successful production returns to the National.*

– *It never reached the higher ground that it had so much promise to do.*

Сравнение театра с путешествием обогащается за счет метафорического представления театра в виде корабля, который везет людей в сказочную страну. Употребление предикатов “launch” («спуск судна на воду»), “flow” («легко и плавно течь, плыть») и “navigate” («плавать, совершать плавание») облегчают восприятие образа корабля: – *The theatre artists of a high caliber are prepared to launch a production from Plymouth.*

– *How on earth does the newcomer navigate through this theatrical morass?*

– *The scenes did flow with an impressive slick feel.*

Спектакль «спускают на воду», как корабль, и он «плывет» по огромному театральному океану, в котором зрители могут «утонуть», погрузившись в сказочный мир театра: – *I had a feeling that I was drowned by the sheer weight of the production.*

Наличие такого элемента корабля, как штурвал (helm) дополняет образ театр как корабля: – *Many observers will be looking at two theatres to see how they change with new artistic directors at the helm.*

Путешествие всегда связано с приключением, с приобретением нового опыта, и это всегда важное событие в жизни. Такие же характеристики приобретает театр благодаря многочисленным лексемам с семой «опыт» (“experience”): “event”, “occur”, “segment of life”:

– *An entire theatre performance is a metaphor for a segment of life.*

– *The box office has just opened so you can actually go there to see not just a performance, not just a play, but something of an event.*

– *The audience forms an indispensable element in the theatre equation because theatre occurs only when spectators are present to interact with the performers.*

– *Theatre is an experience – a shared, indivisible event that includes both who perform and those who observe.*

Театр, как путешествие, представляется волнующим, интересным, исполненным духом авантюризма и требующим новых открытий. Путешествие всегда связано с географией. Текстовые фрагменты, рисующие образ театра, часто содержат такие географические понятия, как «страна», «город», «океан», «вселенная» и связанное с ним понятие «тотальность». Именно такие характеристики приписываются театру в следующих примерах:

– *This is surely what Total Theatre is about.*

– *London is the center of the theatrical universe.*

Так, театр приобретает признаки «всеобъемлющий», «вселенский», «мировой».

С концептом «театр» сопряжены концепты «сказка», «путешествие», «жизненный опыт», «тотальность». Результаты анализа представления о театре как о волшебной стране позволяют выделить следующие его концептуальные признаки: «волшебство», «чарующие силы», «сказочность», «положительные эмоции», «игра воображения», «авантюризм», «тотальность». Все эти признаки несут положительные коннотации. Театр, ассоциируясь с волшебной страной, обладает сказочным очарованием и является источником наслаждения от волшебных чар, что относит людей в детство. Это именно то, чего им так не достает в реальной жизни. Этим и притягивает театр и вызывает только положительные эмоции.

Театр в английском языковом сознании представляется как спорт или соревнование. Эти два концепта объединяют такие составляющие, как волнение, зрелищность, зрители, оценки, игра. В языке данный вывод подтверждается многочисленными случаями употребления языковых единиц, релевантных для области спорта, в текстовых фрагментах, представляющих образ театра. Например, лексема “kick off” (вводить мяч в игру ударом с центра) обозначает начало спектакля или сезона (подобно началу спортивной игры): – *The season kicks off with the “Not-So Innocent Bystanders” production, a new music theatre piece.*

Период, в который спектакль остается на сцене, обозначается лексемой “run”, основное значение которой – «бег, пробежка, забег»: – *Vanessa Redgrave had to cancel her run at Stratford because of the illness.*

Театральную труппу можно назвать командой (team), термином, который используется для обозначения спортивной команды: – *The creative team of Karen Hebdon and Stephen Edwards have had mixed fortunes.*

Конкуренция, которая существует в мире театра, где идет борьба за зрителя, и дух соперничества присущи обоим феноменам. В отношении театра это подтверждается использованием лексем “contender” («противник», «соперник») и “competing” («конкурирующий», «сопоставительный»): – *One of the RSC’s productions is a strong contender for the best of the year.*

Bath – as with Edinburgh and Brighton, the other fringe contenders – has a competing festival at the same time.

Лексема “scoop”, одно из значений которой – «выиграть, урвать лучший кусок», продолжает мысль о конкуренции и состязательности между театрами. Каждый театр старается собрать «созвездие» актеров для обеспечения успеха своим постановкам и привлечения зрителей: – *The theatre disclosed it has scooped some of Britain’s major stars for its pantomime line-up.*

Выражение “break the records” («побить рекорды»), употребляемое в сфере спорта, также расширяет ассоциативную связь между концептами «театр» и «спорт»: – *The musical about the witches of Oz has broken the record for the highest weekly box office gross.*

Таким образом, представление о театре часто связано с важным для английского национального сознания концептом «спорт». Как утверждают многие исследователи английского характера, основной принцип жизни англичан – *fair play* (приблизительно, «честная игра», надежность, верность определенной позиции [1, с. 218]. Это спортивный термин, а спорт представляет собой чистое действие как таковое. Кроме этого, *fair play* соответствует подвижным формам жизни и означает приспособленность игрока к игре в целом. Игра объединяет эти два важных для английской культуры концепта («спорт» и «театр»). Игры и спорт – неотъемлемая часть жизни студентов и школьников, которых воспитывают, прежде всего, как честных игроков. Спорт так важен в жизни англичан, потому что динамичные игры полностью освобождают ум и страсть для действия, что очень важно, так как в обычной жизни эти психические функции у них подавлены. То же можно наблюдать в театре, где англичанин способен наблюдать за происходящим на сцене, предоставляя тем самым выход для своих нереализованных страстей и эмоций.

Выявленные языковые репрезентации концепта «театр» позволяют выделить его следующие признаки: «состязательность», «зрелищность», «волнение», «коллективность».

Театр также представляется англичанам как промышленность, которая производит товары. Данный образ эксплицирован посредством употребления таких лексем, как “produce” («производить»), “product” («товар»), “industry” («промышленность»), “spending” («расходы, затраты»): – *The West End industry is an economic powerhouse, bolstering the UK economy with thousands of jobs and millions of pounds of tourist and industry spending, whilst creating significant tax yields and a major balance of payments surplus.* Пример изобилует экономическими терминами (*tax yields, balance, spending*), позволяя соотнести промышленность или экономику в основном с театрами Уэст-Энда, которые выживают за счет коммерческих пьес, привлекая миллионы туристов.

Постановку пьес часто сравнивают с производством: – *The Daughters of Oshun was formed by Tambo and are a group of young Black women committed to producing quality theatre.*

– *The Theatre Royal, Plymouth, is about to send a highly commercial product into the West End.*

А театр, ставящий пьесы, носит название “producing house” («производящий театр»).

Предикат “sell” («продавать»), употребляемый в сфере торговли, в театре обозначает аншлаг:

– *This summer the show returns to the UK following a sell out tour in 2005.*

– *The theatre was sold out, night after night.*

Та же мысль актуализируется с помощью выражения “a banker success” («кассовый успех»), употребляемого в сфере экономики: – *Despite a strong cast and good reviews, the producers wouldn’t risk running what looked like a banker success through the spring.*

Как любой товар, спектакль может не быть кассовым (not to reach box office targets, the collapse in ticket sales, declining box office): – *Although largely critically successful, the shows were not reaching box office targets.*

Другой предикат “snap up” («схватить, урвать, ухватить») также соотносит театр с торговлей, когда в определенных случаях товар можно «урвать». Действие, лежащее в основе данного процесса, похоже на действие театра, который «хватает» пьесу у другого театра, пока ее не «ухватил» кто-то другой: – *Her best show for Complicite, a version of Durrenmatt's The Visit, was snapped up by the National Theatre.* Связанная с продажей товаров лексема «витрина» (“shop window”) употребляется для создания образа театрального фестиваля, который является своего рода витриной, дающей возможность неизвестным, в основном альтернативным труппам показать свой товар и себя (provide a shop window): – *The festival is a shop window for local artists and performers.*

И, наконец, у спектакля, как у любого товара, есть качество (quality):

– *Only you will find theatre of the highest quality.*

– *He is known as a member of the cast in a second-rate theatre.*

Лексема “rate” («оценка имущества») позволяет сравнивать театр с объектом имущественной оценки.

Данное представление театра как промышленности позволяет говорить о наличии «конечного продукта производства, (не)имеющего успех у потребителей, и обладающего качеством».

Во многих проанализированных текстовых фрагментах театр представлен как пища. Вероятно, это связано с тем, что питание составляет источник жизни человека, оно неотделимо от его существования. Поэтому пища часто является основой для описания окружающей действительности. Кроме того, пища часто выступает как источник удовольствия. На этом основании и построены те многочисленные метафоры, которые ассоциируют театр с пищей (diet), угощением (theatrical treat):

– *The play is surely far too rich a diet for theatre-goers.*

– *Spend a night at our theatre and get the best theatrical treat!*

Спектакль подается зрителям, как еда. При этом ее не просто приносят или выносят, а подают (serve up), что обязательно связано с эстетическим моментом: – *Alan Bennett has served up Grahame's creatures under his own sauce.* Лексема “sauce” продолжает глоттоническую метафору. Производное от данной лексемы – “saucy” («относящийся к соусу») – сегодня используется для описания спектакля (веселый, живой, дерзкий): – *Enjoy 2 hours of the saucy performance!*

Аналогия с вкусовыми ощущениями лежит в основе атрибута “bitter-sweet” в отношении спектакля: – *This is the first major revival of Bennett's bitter-sweet tale.*

Так, спектакль выступает как объект вкусовой оценки (горький, сладкий), что связано с вкусовым качеством продукта. Наконец, в театре зритель при просмотре одного спектакля получает одну «порцию» данного «блюда» (fill): – *I had my customary fill of theatre in 2005.*

Таким образом, процесс постановки спектакля подобен процессу приготовления пищи. В основе сходства лежит таинство процесса, эстетизация потребления (украшения, сервировка в кулинарии и декорации в театре), формирование категории вкуса и ценностей (как в области потребления еды, так и в области искусства). Формирование ценностей, связанных с потреблением еды, происходит в социализированной среде – кафе, ресторан и т.п. [2, с. 338]. Подобно этому, но только в иной социальной среде, в театре, формируются эстетические ценности. Режиссер, дизайнер, декоратор, актеры, зрители – все вовлечены в коммуникативную среду, подобную глоттонической коммуникативной среде, в которой реализуют себя повар (как дизайнер и изобретатель блюда), бармен (как актер, жонглирующий бутылками и бокалами при приготовлении коктейлей) и посетители заведения (как зрители и потребители продукта). Сопоставление театра с пищей позволяет выделить такие релевантные для него признаки, как «источник вкусовых ощущений», «эстетизм потребления», «угощение».

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие заключения: анализ ассоциативных представлений театра в английском коллективном сознании выявил, что театр ассоциируется у англичан с такими концептами английской культуры, как «спорт», «волшебная страна», «путешествие», «еда», «товар».

Метафора «театр – волшебная страна» позволяет выделить следующие признаки концепта «театр»: «чудо», «магия», «волшебство», «нереальность / сказочность», «наслаждение / удовольствие», «авантюризм».

Театр, как и спорт, характеризуется такими признаками, как «сопоставительность», «зрелищность», «волнение», «коллективность».

Театр как промышленность выпускает качественный или некачественный продукт, имеющий или не имеющий успех у потребителей.

В основании ассоциации театра с пищей лежат такие признаки, как «угощение», «удовольствие», «эстетизм потребления».

Список литературы

1. Мадариага де Сальвадор. Англичане, французы, испанцы / Сальвадор де Мадариага. – СПб. : Наука, 2003. – 244 с.
2. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
3. Режим доступа: <http://www.nationaltheatre.org.uk>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
4. Режим доступа: <http://www.uktheatre.net>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
5. Режим доступа: <http://www.fringereport.com>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Режим доступа: <http://www.britishtheatre.com>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. Режим доступа: <http://www.bathfringe.co.uk>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
8. Режим доступа: <http://www.actorsandwriters.org>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. Режим доступа: <http://www.shakespeares-globe.com>, free, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. The British National Corpus Data Base. – Режим доступа: <http://info.ox.ac.uk/bnc>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

ДИСКУРСИВНЫЕ СТИМУЛЫ ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИХ КОМПОНЕНТОВ (на материале фразеологических единиц из кинофильмов)

А.И. Казакова

В статье исследуются основные дискурсивные стимулы образования фразеологических единиц в дискурсе отечественного киноискусства. Рассматривается процесс семиотизации (кодирования) в образовании фразеологизмов. Также проводится анализ функции фасет и концептов в процессе фразеологизации.

Main discursing stimuli forming the phraseological units in discourse of Russian cinematography are considered in the article. Process of coding in formation of phraseological units is considered. Analysis of facets functions and concepts in the process of phraseological units formation is done.

Ключевые слова: стимул, кодирование, дискурс, концепт, фразеологическая единица, фасета.

Key words: stimulus, coding, discourse, concept, phraseological unit, facet.

Лингвисты всегда обращались, обращаются и в наши дни к проблеме исследования причин появления новых фразем, это свидетельствует об актуальности проблемы в современной лингвистике. Данный процесс, несомненно, по мнению О.А. Габинской, обусловлен потребностями общества: это не только необходимость назвать «новую реалию, понятие, распространенные и существенные для всего общества, но и выразить тонкие оттенки индивидуальных переживаний, настроения, оценить определенные явления действительности» [5, с. 76].

Стимул – это «побудительная причина, толчок, заинтересованность в совершении чего-либо» (С.И. Ожегов), или побуждение к действию, побудительная причина поведения (БЭС). Если говорить о фразеологии, то стимул фразеологизации мож-

но определить как ассоциативно-когнитивный знак или дискурсивную причину образования фразеологических единиц в дискурсивном пространстве.

Во фразеологии под влиянием различных стимулов происходит постоянное обновление и пополнение запаса идиоматических выражений. Эти идиомы рождаются в дискурсивном пространстве кинофильмов и отражают культурные, исторические и ценностные изменения, которые происходят в жизни общества. В ходе языковой эволюции используется и содержательно-смысловой потенциал, заложенный во фразеологическом составе: изменение значений дискурсивных идиом, переосмысление, наращивание новой семантики, стилистические переоценки слов – все это, наряду с рождением новых идиом в дискурсе отечественного киноискусства, значительно расширяет и обогащает словарь языка.

Исследование дискурсивных стимулов фразеомобразующих компонентов невозможно без обращения к информации о тех средствах, которые активизируют языковую память говорящих членов этнокультурного сообщества. Так, языковая память фраземы *«Не царское это дело, не царское!»* из дискурсивного поля кинофильма «Варвара-краса, длинная коса» поддерживается прилагательным «царское» и существительным «дело», а также словами-ассоциатами: *работа, лень, занятие, не делай*.

Используя данные исследования Н.В. Уфимцевой, представленные в книге «Ассоциативный словарь русской национальности», возможно также определить слова-стимулы, являющиеся толчком или причиной для образования новых фразем.

С точки зрения психолингвистической технологии, ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами.

Материалы ассоциативного эксперимента можно рассматривать и как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос.

Таблица

Список фразеомобразующих стимулов

Группы	Примеры
Соматизмы	Голова, глаза, руки,
Топонимы	Лес, город, деревня, гора, река, дом
Семья	Девочка, дочь, мать, дядя, муж, жена, мужчина, женщина, мальчик
Чувства	Любовь, радость, счастье
Характеристика, признак	Больной, красивый, свободный, старый, новый, молодой, голое, упрямый, чистый, большой, маленький, родной, богатый
Предмет	Деньги, памятник, дверь, хлеб, стол
Событие	Встреча, разговор, война
Явление природы	Ветер
Время суток	День, ночь, утро, вечер
Действие	Ходить, ненавидеть, вспоминать, успеть, хотеть, кричать, надеяться, обещать, есть
Цвет	Белый, красный, зеленый, черный
Этика	Добро, зло, справедливость
Другое	Гость, друг, враг, начало, сила, слово, дурак, Бог, путь

Например, фразеомобразующий стимул «Женщина» является наиболее распространенной когнитивно-дискурсивной основой для формирования и образования таких дискурсивных идиом, как: *Женщина – она тоже человек!* («Белое солнце пустыни»), *Женщинам, Ватсон, верить нельзя! Даже самым лучшим из них* («Приключения Шерлока Холмса»), *Мы разучились делать большие глупости! Мы перестали лазить в окна к любимым женщинам!* («Ирония судьбы, или С легким паром»), *Знойная женщина! Мечта поэта!* («12 стульев»).

Особенно актуальным нам представляется исследование природы и сущности фразеологического значения как способа существования в языковом сознании фразе-

мообразующих стимулов, или концептов, объективированных фраземами. Это крайне важно для изучения механизмов образования фразем в дискурсе кино, поскольку фразеологическое значение формируется в результате вторичного отражения культурно-исторического опыта народа. При этом мы исходим из того, что фразеологическое значение объективирует в языковом сознании не только внеязыковые знания, но и знание внутренних механизмов языка, что обеспечивает речевую гармонию между концептами, вербализующимися фраземами из кинофильмов, и дискурсивным содержанием фраземы.

Первый опыт осмысления когнитивных механизмов фразеобразования связан с попытками установить взаимосвязь между фразеобразованием и концептом как основной оперативной единицей когнитивной семантики. Н.Ф. Алефиренко считает, что концепт по своей сути – «синкретическая смысловая единица коллективного сознания: одновременно и суждения, и понятия, и представления» [1, с. 70].

Н.Н. Болдырев считает, что концептуальная информация разного типа выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, фразеологических единиц. Концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения [4, с. 34].

По мнению А.П. Бабушкина, концепт – это «дискретная единица коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [2, с. 45]. Так, один из базовых концептов «Дом. Уют» вербализуется в следующих дискурсивных идиомах: *Засосало мещанское болото* («Москва слезам не верит»), *Дом – это не четыре стенки с потолком* («Высота»).

В. фон Гумбольдт связывает язык с духом народа, полагая, что он (язык) – «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, <...> понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию». Человек «больше того, что можно выразить в словах: но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки» [6, с. 122].

Рассуждая о процессе познания мира человеком, А.А. Потемня вводит «закон апперцепции», суть которого в том, что основой познания являются представления. Повторяясь и накапливаясь, они позволяют создавать понятия: «Осознание нового на основе старого, создание нового понятия, нового слова есть "акт апперцепции"». Он также отмечает различие в понимании одной и той же словесно выраженной мысли, то есть фраземы, у говорящего и слушающего и называет следующие условия понимания: «закрепление за словом определенного значения, наличие внутренней формы, накопленные традиции использования выражений, а также опыт ассоциирования» [11, с. 55].

В.Б. Кашкин утверждает, что в концептах концентрируется и кристаллизуется языковой и когнитивный опыт человека [8, с. 65].

По мнению В.И. Карасика, могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса, например, в дискурсе отечественного киноискусства или дискурсивной ситуации.

Концепт является носителем культурной памяти народа, он представляет собой своего рода символы, эмблемы, указывающие на породивший их дискурс. К примеру, следующие фраземы вербализуют концепты «Водка» и «Пьянство» и отражают дискурсивную ситуацию опьянения: *Пить надо меньше!* («Афоня»), «Калина красная» и др.); *Десять грамм! Для запаха!* («Афоня»); *Я требую продолжения банкета!* («Иван Васильевич меняет профессию»).

Дискурсивное поле кинофильмов является естественной средой порождения единиц косвенно-производной семантики – дискурсивных идиом, которые закрепляются в языковом сознании всего этнокультурного сообщества. Дискурсивные идиомы способны к репрезентации достаточно объемной культурной информации – социальной, мировоззренческой и лингвистической одновременно.

Дискурс может рассматриваться, как утверждает Г.Г. Слышкин, одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка [12, с. 34].

Обращение к концепциям В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.П. Жукова и А.М. Мелерович о внутренней форме фразем как первичном конкретном представлении о предметах, явлениях или событиях, которые послужили основой для соответствующих образных обобщений, определило новые перспективы в изучении начальной стадии когнитивно-дискурсивного фразеомообразования. Это позволяет открыть новые стороны в сущности внутренней формы фраземы, рассматривать ее как интегрированный признак, содержащий в себе деривационную память об источниках фразеомообразования номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера. Именно это свойство дает возможность внутренней форме фразем представлять не отдельные предметы, а целые денотативные ситуации, что, в свою очередь, позволяет выявлять дискурсивно-событийные стимулы и дискурсивно-культурологические факторы формирования фразеологического значения [7, с. 56].

Формирование фразеологического значения осуществляется на базе зафиксированного в языковом сознании концепта, отражающего соответствующее дискурсивное событие, поэтому фразеологический концепт является единицей этноязыкового сознания, проецирующей его этнокультурную специфику на внутреннюю форму, коннотацию, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал. Внутренняя форма фраземы определяется соотношением фразеологического значения и доязыкового предметного смысла фразем, что онтологически связано с особенностями вербализации фразеологического концепта. Кроме этого, возникновение и развитие внутренней формы во многом зависит от способа вербализации концепта, когда смыслы, содержащиеся в свободносинтаксическом прототипе фраземы, попадая в новое дискурсивное поле кинофильма, подвергаются трансформации. Модифицированная таким образом внутренняя форма порождает смысловую конфигурацию фразеологического значения. К примеру, известная всем идиома **Кто не работает, тот не ест** в дискурсивном поле кинофильма «Операция "Ы" и другие приключения Шурика» принимает несколько иную форму и содержание: **Кто не работает, тот ест**.

Именно благодаря такой широте своего когнитивного диапазона концепт служит стимулом и источником формирования фразеологического значения.

Фразеомообразующее стимулирование – это не что иное, как специфическое выражение связи фразеомообразующих компонентов с обозначаемыми фрагментами дискурсивного пространства, соотносимыми с компонентным составом фраземы.

В процессе фразеомообразования участвует семиотизация. Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, семиотизация – это «кодирование какого-либо явления, ситуации, смысла, фиксации их при помощи знаков» [1, с. 69].

Этноязыковое кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями речемыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной.

Можно утверждать, что процесс семиотизации состоит в определенной знаковой фиксации значимых для данного этнокультурного сообщества ситуаций, событий, фактов окружающего мира. Простейший способ кодирования – закрепить за предметом или понятием (явлением) замещающий его в мышлении знак. Например, в обществе существует достаточно ироничное отношение к браку. Это социальное явление выразилось с помощью следующих дискурсивных идиом: **Жениться нужно на сироте!** («Берегись автомобиля»); **Женатый мужчина, что птичка в клетке** («Ханума»); **Нет такого мужа, который хоть на час бы не мечтал бы стать холостяком!** («Бриллиантовая рука»); **Брак – это тайный заговор женщин против мужчин! Это война!** («Укротительница тигров»).

Этноязыковое кодирование культурноносных смыслов начинается с осмысления денотативно-прагматической ситуации, в которой находится предмет духовно-практического освоения.

В основе процесса семиотизации лежат фасеты, определяющие вектор дискурсивного поля, в границах которого вербализуется фразеологический концепт. Очевидна зависимость порождения идиом от фасет, составляющих дискурсивное пространство киноискусства и содержащих различные социальные и культурологические знания.

Этнокультурные знания, объективированные фраземами, формируются определенным набором фасет. Понятие фасеты (франц. *facette* – букв. «грань»; ср. *филигранный* – ‘отличающийся отделкой мельчайших деталей, тонко сработанный’), на наш взгляд, является оптимальным для выделения интерпретанты дискурсивного поля кинофильма, внутри которого рождается и с которым сохраняет свою генетическую связь фразема, преобразующая соответствующее семиотическое содержание объекта культуры в семантику фраземы.

Под фразеологической фасетой Л.Г. Золотых понимает аспектное представление дискурсивного смысла «когнитивного многогранника», содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта – импликационала соответствующего фразеологического значения [7, с. 72]. Фразеологическую семантику русского языка представляют следующие фасеты:

- ✓ «верования»: содержит знания древних (например, языческие верования или религия Древней Греции) и современных религий; знания о предметах культа, оккультные знания, знания различных исторических, общественных и личностных факторов;
- ✓ «обряды»: содержит знания о традиционном порядке совершения каких-либо действий, связанных с определенными днями года (например, жатва) и бытовыми событиями (например, свадьба или похороны);
- ✓ «обычаи»: содержит знания традиционных правил поведения в определенных ситуациях, знания о традиционном порядке совершения каких-либо общественных действий;
- ✓ «нравственные ценности»: содержит знания о правосознании, морали, об отношении людей к свободе и собственности и т.п.;
- ✓ «искусство»: содержит знания, связанные с понятиями, оборудованием, действиями в различных видах искусства;
- ✓ «исторические события»: содержит знания об исторических фактах и датах, об именах, вошедших в историю и память народа;
- ✓ «душа народа»: содержит знания о жизненных установках народа и его ментальности, знания образа жизни народа, правил социального поведения;
- ✓ «мифология»: содержит знания о древних богах и мифологических персонажах, праздниках, обрядах, основных понятиях и символах народной духовной культуры;
- ✓ «имя»: содержит знания ономастики;
- ✓ «архаизм»: содержит этимологические знания;
- ✓ «труд»: содержит знания о современных профессиях и древних ремеслах.

Например, в дискурсивных полях кинофильмов образуется множество фразем, дискурсивной основой которых явилась фасета «имя»: Семен **Семеныч, ну что вы!** («Бриллиантовая рука»); **Людк, а Людк!** («Любовь и голуби»); **Лелик!** («Бриллиантовая рука»); **Надо, Федя, надо!** («Операция "Ы" и другие приключения Шурика»).

Когнитивно-дискурсивное пространство русских идиом связано с процессами генерирования, переработки, трансформации и передачи информации, организованной как текст, взятый в событийном аспекте, в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами. Дискурсивные стимулы фразеобразующих компонентов связаны с историей народа, зафиксированной в концептах русского языка.

Фразеомообразующее стимулирование – это не что иное, как специфическое выражение связи фразеомообразующих компонентов с обозначаемыми компонентами дискурсивного пространства киноискусства, то есть концептами, соотносимыми с компонентным составом фраземы и фразеомообразующими стимулами.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н. Ф. Алефиренко // Мир русского слова. – 2002. – № 2. – С. 69–74.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка : монография / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
3. Бирих А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
4. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 182.
5. Габинская О. А. Типология причин словотворчества / О. А. Габинская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 152 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
7. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики : монография / Л. Г. Золотых. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 280 с.
8. Кашкин В. Б. Универсальные грамматические концепты / В. Б. Кашкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 182.
9. Кожевников А. Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / А. Ю. Кожевников. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 672 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1987. – 750 с.
11. Потенция А. А. Мысль и язык / А. А. Потенция // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология. – М. : Academia, 1997. – С. 51–65.
12. Слышкин Г. Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

**СЕМАНТИКА МЕДИЦИНСКОГО ТЕРМИНА
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ
(на материале предметных областей медицины «СПИД» и «Диабет»)**

С.И. Маджаева

Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов семантики специальных единиц, которые согласно своей семантической неопределенности могут терять те или иные присущие им концептуальные свойства или приобретать новые в зависимости от опыта, позиций, знаний участников коммуникации. Изучаемый феномен описывается с привлечением понятий когнитивной семантики: профилирования, концептуального диапазона, активной зоны.

This article deals with the research of cognitive mechanisms of special items semantics which can lose their conceptual characteristics or get new depending on experience, position, knowledge of the participants of communication. This phenomenon is described with the help of cognitive semantics concepts: profiling, conceptual diapason, active zone.

Ключевые слова: термин, терминоведение, дискурс, активная зона, языковые корреляты, семантика.

Key words: term, science of terminology, discourse, active zone, linguistic correlations, semantics.

В последние годы в терминоведении в противовес традиционному взгляду на термин как на относительно точное обозначение специального понятия все чаще звучит мнение о том, что данным лексемам свойственна неопределенность значения. Подобное смещение акцентов во многом связано с изменением в понимании категоризации, которая, как известно, лежит в основе научного осмысления мира. Так, одним из важных моментов, связанных с представлениями о категориях, является понятие *категоризация*. Это приводит к тому, что «все отчетливее вырисовывается понимание того, что единицы языка далеко не всегда можно соотнести с заданными раз и навсегда концептуальными структурами» [1, с. 70]. В связи с этим в последние годы отечественные и зарубежные терминоведы, отказываясь от строгого классического понимания терми-

на, все чаще отмечают, что точность, отсутствие фиксированности содержания синонимов и другие требования, предъявляемые к термину, не всегда могут соблюдаться [2–4; 6]. Помимо этого, отмечается тенденция употребления термина не только в рамках одной науки, но и в иной функциональной среде, в ином типе дискурса, в ином типе отношений между говорящими, при котором термин как единица специальной номинации, популяризуясь, в той или иной степени теряет присущие ему концептуальные свойства. В результате действия когнитивных процессов подавления происходит нейтрализация его основного специального значения, термин теряет свою специфичность или специализированность, что приводит к частичной или полной деспециализации термина и изменению его концептуального наполнения. Внимание к процессам категоризации и концептуализации в основе семантики термина, с одной стороны, и к их функционированию в разных типах дискурса, с другой, привело к созданию нового направления – когнитивно-дискурсивного терминоведения.

Поскольку материалом исследования являются не только тексты из сферы фиксации терминов (словари, справочники, энциклопедии), но и тексты из сферы его функционирования (статьи, монографии, научные доклады), а также сочетающие в себе свойства обеих сфер (учебная литература), то мы используем метод дискурсивного анализа. Применение дискурс-анализа позволило отобрать для исследования корпус текстов, составляющих медицинский дискурс. Основным критерием отбора послужило свойство тематической когеренции текстов. Термины, являющиеся ключевыми для микросистем «Диабет» и «СПИД», образуют изотопические цепочки и сетки, обеспечивая их связность. Тематическая когеренция особенно проявляется в значительном по объему сегменте дискурса, поэтому фактор объема также учитывается при отборе материала для анализа. Наиболее приемлемым для анализа материала данного исследования представляется следующее определение дискурса: дискурс – виртуальный, постоянно развертывающийся во времени и пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в текстах. В своем исследовании мы дифференцируем дискурс по сферам коммуникации и по типам текстов. Сферы коммуникации «врач – врач»; «врач – пациент»; «врач – родственник», а также другие типы текстов – статья в специальном журнале, доклад, дискуссия, учебник, словарь, справочник, энциклопедия.

Одной из задач современной парадигмы является описание семантических модификаций специальных лексем в дискурсе с привлечением различных методов и понятий, разработанных в рамках когнитивной семантики, к которому можно отнести предложенные Р. Ленекером, Л. Талми понятия профилирования, концептуального диапазона и активной зоны [10, с. 122; 12, р. 245]. Под профилированием Р. Ленекер понимает когнитивную способность выдвигать на первый план тот или иной компонент концептуализируемого события или объекта. Концептуальный диапазон (score, по Р. Ленекеру) – это концептуальное содержание, которое лежит в основе значения языковой единицы. При этом, как правило, лишь часть этого содержания является релевантной в конкретном контексте, поэтому Р. Ленекер предлагает различать максимальный и ближайший концептуальные диапазоны [10]. Под первым понятием подразумевается все концептуальное содержание, которое может активизировать определенная единица (*инсулин* указывает на концепт «эндокринология»). Второе понятие выделяет только ту часть концептуального диапазона, которая непосредственно связана с данным словом (то есть непосредственным диапазоном для *инсулина* служит концепт «диабет», и лишь потом – «эндокринология»).

В контексте нашего исследования под максимальным диапазоном мы понимаем наиболее полное концептуальное наполнение, которое потенциально возможно для того или иного термина в определенной области знаний. Ближайший диапазон (активная зона) будет включать в себя только те участки максимального диапазона, которые сиюминутно задействованы в категоризации профилируемой реальности. Иными словами, это та часть максимального концептуального наполнения слова, которая профилируется в определенном контексте [12, р. 435]. Активная зона представляет собой наиболее мобильную и прагматически зависимую область концептуального диапазона термина, а вербализующие ее языковые корреляты, как правило,

находятся в ближайшем контекстуальном окружении данной терминологической лексемы. Соотношение максимального и ближайшего диапазонов зависит, по мнению Ю.Б. Мотро, от ряда факторов: общих условий коммуникаций, конкретных целей общения (объяснить, информировать, обучить, убедить), объема специальных знаний говорящих [5, с. 184]. Нами были выбраны различные тексты из профессиональных и непрофессиональных источников (монографии, научные журналы, газеты, бюллетени). Для определения соотнесенности активной зоны с максимальным диапазоном мы провели анализ контекстов с учетом языковых единиц и выражений, профилирующих те или иные элементы концептуального диапазона соответствующей терминологической единицы. Ниже приводятся фрагменты текстов, иллюстрирующих модификации термина «СПИД» в английских текстах разного типа дискурса.

1. The prominent AIDS activist, who found he was HIV seropositive 7 years ago, told doctors attending a workshop session during the CMA's 4th Annual Leadership Conference in late February that the disease is changing the way some patients regard doctors [11, p. 179].

2. No disease in modern times has received more attention or produced such hysteria as *acquired immunodeficiency syndrome* (AIDS). The AIDS epidemic constitutes a worldwide public health threat whose magnitude is growing rapidly. AIDS results from infection with a virus called *human immunodeficiency virus* (HIV). (A virus is a protein-coated package of genes that invades a healthy body cell and alters the normal genetic apparatus of the cell, causing the cell to produce viruses. This process often kills the invaded cell in the process. HIV falls within a special category of viruses called retroviruses, so named because they reverse the usual order of reproduction within the cells they infect [13].

3. The effect of HIV infection on proliferation is the net result of different forms of "activation". Broadly there are two modes of T cell activation, depending on the pattern of stimulation to which particular cells are exposed over time: "full activation" leading to proliferation and often also to activation-associated cell death; and "partial activation", resulting in a selective expression of some cellular functions but also in transient resistance to full activation ("anergy").

4. Progression of the disease was attributed to the persistent "stress", resulting in an aging-like process of the immune system in terms of the functional phenotype. These ideas challenged the generally accepted view that HIV "depletes" the CD4 lymphocyte pool by effecting the killing of these cells, directly or indirectly [9, p. 13].

5. HIV statistics tell the story of the HIV/AIDS epidemic. For African Americans in the United States, the HIV/AIDS epidemic is rapidly becoming a health crisis. AIDS data shows that in 2002, HIV/AIDS was among the top 3 causes of death for African American men aged 25 to 54 years and among the top 4 causes of death for African American women aged 25 to 54 years. Back then it was the number 1 cause of death for African American women aged 25 to 34 years. The HIV statistics are quite sobering. HIV/AIDS among African Americans is becoming a desperate problem. Here are some HIV facts to prove we have a lot of work to do [8].

6. Acquired immune deficiency syndrome or acquired immunodeficiency syndrome (AIDS) is a disease of the human immune system caused by the human immunodeficiency virus (HIV). This condition progressively reduces the effectiveness of the immune system and leaves individuals susceptible to opportunistic infections and tumors. HIV is transmitted through direct contact of a mucous membrane or the bloodstream with a bodily fluid containing HIV, such as blood, semen, vaginal fluid, preseminal fluid, and breast milk [13].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что семантические проявления термина модифицируются в зависимости от контекста, на что будут указывать те языковые корреляты, которые вводят в активную зону концептуальные элементы так называемого ситуационного значения. Ни один из текстов не может представить весь концептуальный диапазон в активной зоне вследствие пространственно-временных ограничений, налагаемых на коммуникацию – ограниченность в памяти, внимания и др. Соответственно, мы можем говорить о расширении, сужении или смещении активной зоны относительно потенциально широкого концептуального диапазона кон-

кретного термина. Примеры 2, 4, 6 представляют профессиональный тип дискурса. В данных текстах объем активной зоны зависит от характера коммуникантов: если автор и реципиент обладают сходными профессиональными знаниями, то концептуальное направление данной зоны может быть полным, или, наоборот, сужается. В тексте 6 автор намеренно дает определение, так как он задается целью выработать общее понимание явления в ходе коммуникации. Он желает добиться общности знания, взаимопонимания с собеседником, равным ему по уровню, поэтому подробно объясняет свою позицию, чтобы партнер по коммуникации принял его точку зрения. В иных случаях, когда общая позиция у коммуникантов-специалистов уже выработана, активная зона носит усеченный или суженный характер (2, 4). Если реципиент обладает значительно меньшим объемом знаний по сравнению с говорящим (2, 6), то этот факт может привести к существенному расширению активной зоны термина, так как основная цель подобной коммуникации – подробно разъяснить суть явления.

Если цель коммуникации – дать лишь общее, поверхностное представление о явлении, то объем активной зоны может сужаться. В статьях 1, 5 коммуниканты составляют разные группы населения, то есть в общении участвуют неспециалисты. Основная цель текстов – представить информацию, дать статистику, выразить мнение больного СПИДом. Поэтому активная зона сужается: на первый план выходят лишь некоторые аспекты явления, обозначенные термином. В каждом тексте роль и объем термина разные, поэтому разъяснение термина осуществляется на различных уровнях абстракции – через научную статью, через энциклопедии и научно-популярные статьи. В обоих случаях активная зона включает в себя значительную часть максимального концептуального диапазона или, по крайней мере, в ней профилируются его основные компоненты – основные участники, причины, процессы. При этом сами компоненты реализуются с помощью других терминов, часто с абстрактным значением, то есть показано место термина в терминосистеме, связью с другими понятиями из данной специальной области знания. В тексте 1 термин “AIDS” связан проблемой врача и пациента: он *changing the way some patients regard doctors*. В примере 4 он ассоциируется со словом *stress*, то есть метафоризация происходит, даже тогда когда данная зона подвергается сужению. В тексте 3 активная зона высвечивает результат (*of different forms of “activation”*), следствие (*broadly there are two modes of T cell activation*). Сам термин не разъясняется, но в активную зону помещаются новые корреляты: *pattern of stimulation, time, selective expression, transient resistance*. Мы согласны с мнением Ю.Б. Мотро, что каждый термин воспринимается респондентом по-своему, каждый понимает его в зависимости от своих знаний, опыта и позиций, «каждый оставляет за собой право собственного понимания соответствующей единицы номинации» [5, с. 189]. Термин обладает семантической диффузностью, наполняемость активной зоны зависит от параметров коммуникации. Например, больному объявляется диагноз – *сахарный диабет*, но в медицинском документе «История болезни» он записывается «*сахарный диабет I типа, стадия декомпенсации, склонность к кетоацидозу, гипогликемии, тяжелой степени. Осложнения: кетоацидоз от (дата); гипогликемия от (дата); нефропатия II степени, диабетическая нейропатия*. Для пациента термин «сахарный диабет» свидетельствует о болезни, а для врача в данном диагнозе отражены такие категории, как состояние, признак, причина, время, пространство, следствие, величина.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что семантика термина, его помещение в активную зону зависит от параметров коммуникации. Однако устойчивость и относительное постоянство максимального концептуального диапазона специальной единицы позволяют респонденту идентифицировать его как термин вне зависимости от степени специализации контекста. С этой точки зрения, новое, предложенное в когнитивно-дискурсивном терминоведении, понимание термина не только противоречит традиционной трактовке, сколько дополняет его.

Список литературы

1. Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования / О. К. Ирисханова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. – Калуга : Эйдос, 2007. – С. 69–80.
2. Кириллова Т. С. О синонимических отношениях в медицинской терминосистеме / Т. С. Кириллова // Сборник АГМА. – Астрахань, 2002.
3. Кириллова Т. С. Пути формирования и лексикологические особенности английской терминологии подязыка медицины : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Кириллова. – Пятигорск, 1990. – 17 с.
4. Манерко Л. А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения / Л. А. Манерко // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посв. юбилею В.М. Лейчика. – М. – Рязань : Пресса, 2003. – С. 120–126.
5. Мотро Ю. Б. Семантическая неопределенность терминов в когнитивно-прагматическом освещении / Ю. Б. Мотро // Вестник МГЛУ. – 2009. – Вып. 557: Языкознание. – С. 182–190.
6. Новодранова В. Ф. Новые подходы к определению основных понятий терминоведения / В. Ф. Новодранова // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке : мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 14–16 апреля 2005 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 218–223.
7. Beaugrande R. Systemic versus contextual aspects of terminology / R. Beaugrande, H. Czap, C. Galinski // Terminology and Knowledge Engineering – Frankfurt : Indeks Verlag, 1998. – P. 7–24.
8. Cichocki M. R.N. HIV statistics – HIV/AIDS Among African American / M. Cichocki. – Access mode: http://www.kent.ac.uk/law/ip/resources/ip_dissertations, free. – Title from screen. – English.
9. Kalinkovich A. Immune activation by HIV leads to AIDS / A. Kalinkovich, Z. Weisman, Z. Grossman // International Journal on Immunorehabilitation. – 1998. – № 9.
10. Langacker R. W. Grammar and conceptualization / R. W. Langacker. – Berlin – N.Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – 430 p.
11. Sullivan P. AIDS is changing nature of doctor-patient relationship, doctors at CMA conference told / P. Sullivan // CAN MED ASSOC J. – 1992. – № 10 (146). – 179 p.
12. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy // Concept Structuring System. – Cambridge : MIT Press, 2000. – 565 p.
13. Wikipedia.org. – Access mode: Wikipedia.org/wiki/AIDS, free. – Title from screen. – English.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «КАТАСТРОФА»
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Т.В. Михайлова

Целью данного исследования является представление национальной специфики концептов в русском и английском языках на базе экспериментальных методик.

The aim of this study is to present the national specific character of the concepts in Russian and English on the base of experimental methods.

Ключевые слова: национальное сознание, национальная когнитивная картина мира, национальный менталитет, ассоциативный метод.

Key words: national cognition, national cognitive world view, national mentality, associative method.

Взаимосвязь и взаимозависимость языка народа и его национального сознания волнуют лингвистов на протяжении последних двух столетий. Об этом размышляли в XIX столетии Ф.Ф. Фортунатов, Г. Шухардт, позднее А.А. Шахматов, К. Фосслер, А. Мартине, У. Вайнрайх, Ш. Балли, В. Матезиус, В.И. Абаев, Б.А. Серебренников и многие другие. В трудах этих ученых убедительно показано, что разные явления запечатлеваются в памяти народа и находят свое языковое закрепление. Язык становится «живым свидетельством о народах» (Я. Гримм) [2; 4].

Так, национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны, – некоторая абстракция, с другой, –

когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении – физическом и вербальном. Национальная картина мира обнаруживается в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности [3; 4].

Изучение языковой картины мира (семантического пространства языка) позволяет осмыслить и описать особенности национальной когнитивной картины мира (национальной концептосферы), выявить специфику национального когнитивного сознания [4, с. 57].

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Концепты как ментальные единицы в своем интерпретационном поле хранят когнитивные стереотипы – стандартные суждения о стандартных ситуациях, составляющие основу менталитета. *Менталитет* – это совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок. *Концептосфера* – это национальная информационная база, набор единиц мысли, накопленных национальным когнитивным сознанием [5, с. 22].

В концептосфере каждого народа есть немало концептов, имеющих яркую национальную специфику. Часто такие концепты трудно или даже невозможно передать на другом языке – это верное доказательство национальной специфичности, ментальной уникальности таких концептов. Многие из этих концептов «руководят» восприятием действительности, пониманием происходящих явлений и событий, обуславливают национальные особенности коммуникативного поведения народа. Для правильного понимания мыслей и поведения другого народа выявление и описание содержания таких концептов является исключительно важным. Это явление требует серьезного исследования.

Национальная специфика концептов проявляется в двух аспектах: национальные различия в содержании близких концептов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народа.

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации [2, с. 75].

При этом, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» [цит. по: 1, с. 100].

Экспериментальные методики выявляют особенности национального языкового сознания народа – связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчиненность, яркость тех или иных компонентов значения слова-стимула, их ценностную нагрузку в социуме. Эти данные могут быть интерпретированы как отражение отношений между концептами, вербализуемыми стимулом и реакциями: отношения стимула и реакций овнешняют, объективируют те или иные отношения между концептами в концептосфере, либо вербализуют определенные когнитивные признаки концепта, стоящего за словом-стимулом.

Экспериментальные методики показывают, как сознанием осуществляется идентификация стимула, то есть раскрывают механизмы понимания речи, выявляют определенные механизмы порождения речи, а также показывают, в каком смысловом объеме лексические единицы хранятся в сознании носителей языка.

Анализ ассоциаций на тот или иной стимул позволяет также выявить компоненты концепта, стоящего за стимулом, – оценочное отношение к нему национального сознания, определенные концептуальные слои и компоненты. Для того чтобы получить из ассоциативного эксперимента все указанные выше когнитивные данные, необходимо провести *когнитивную интерпретацию* результатов эксперимента, обобщив полученные ассоциаты в когнитивные признаки. Слова-ассоциаты при этом выступают как языковые средства вербализации, овнешнения тех или иных когнитивных слоев и отдельных когнитивных признаков [5, с. 28].

Результаты сопоставления признаков русского и английского концепта «катастрофа» показывают, что из 466 совокупных признаков 121 (или 26 %) совпадают, а 345 (или 74 %) признаков отличаются, что указывает на высокий уровень национальной специфики концептов.

Полевая стратификация русского и английского концепта позволяет следующим образом представить модель концепта.

Ядро русского концепта «катастрофа»:

1. Приводит к смерти 0,35.
2. Вызывает страх 0,27.

Ближняя периферия русского концепта «катастрофа»:

1. Беда 0,26.
2. Глобальная 0,23.
3. Происходит с автомобилями 0,22.
4. Вызывает разрушения 0,2.
5. Происходит на дороге 0,17.

Ядро английского концепта «катастрофа»:

1. Природное бедствие 0,97.

Ближняя периферия английского концепта «катастрофа»:

1. Причиняет ущерб здоровью 0,41.
2. Влечет разрушения 0,4.
3. Событие 0,4.
4. Катаклизм 0,3.
5. Несчастье 0,3.
6. Это плохо 0,3.
7. Влечет смерть 0,24.
8. Вызывает ужас 0,22.
9. Внезапная 0,2.
10. Может быть неожиданной 0,2.
11. На войне 0,2.
12. Огромная 0,2.
13. Причиняет страдания 0,2.
14. Происходит в экономике 0,2.
15. Происходит повсюду 0,2.
16. Требуется помощь 0,2.
17. Это взрыв 0,2.
18. Это землетрясение 0,2.
19. Это крушение 0,2.
20. Это трагедия 0,2.
21. Вселяет страх 0,15.
22. В окружающей среде 0,1.
23. Влечет ущерб 0,1.
24. Влечет хаос 0,1.
25. О ней говорят в СМИ 0,1.
26. Это кризис 0,1.
27. Это проблема 0,1.

Таким образом, концепт в русском языке обладает меньшей плотностью и большим разрывом в индексе яркости ядерных и ближне- периферийных признаков в отличие от концепта в английском языке, где наблюдается гораздо большая плотность концепта, существенный разрыв в индексе яркости между ядром и периферией, а также более объемная и яркая ближняя периферия.

Сравнительный анализ когнитивных классификационных признаков русского и английского концепта показал, что самым ярким признаком русского концепта «катастрофа» является *последствия* – 1,7, а английского концепта *катастрофа – форма проявления* – 3,8. В целом 83 % когнитивных классификационных признаков в русском и английском концептах совпадают, 17 % отличаются. Большое количество

совпадающих классификационных признаков можно объяснить тем, что многие признаки катастрофы как всеобъемлющего бедствия универсальны: *последствия, локализация, общая оценка, форма проявления, причина, размер, результат, возможность предвидения, темпоральная характеристика, достоверность информации*. Специфические классификационные признаки для английского концепта: *непредсказуемость, возможность планирования*.

Можно прийти к выводу, что национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может относиться к периферии) в различиях в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата: одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой.

Список литературы

1. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
2. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.
3. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
4. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
5. Язык и национальное сознание (Вопросы теории и методологии). – Воронеж, 2002. – 151 с.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕИ НЕБЫТИЯ (на материале русского и калмыцкого языков)

И.Н. Очирова

Статья посвящена синтаксическому концепту «Небытие», его репрезентации в русском и калмыцком языках, а также философскому обоснованию выражения идеи небытия в этих языках.

The article is devoted to the syntactic concept of “Non-existence” of its representation in the Russian and Kalmyk languages, and philosophical explanation of expressing the idea of Non-existence in those languages.

Ключевые слова: концепт, синтаксический концепт, небытие, философия небытия, русский язык, калмыцкий язык.

Key words: concept, syntactic concept, non-existence, philosophy of non-existence, the Russian language, the Kalmyk language.

«Появление того или иного концепта требует его репрезентации. Маркирование концепта осуществляется как языковыми средствами, так и паралингвистическими» [4, с. 21]. Язык называют основным средством объективации концепта (В.В. Колесов, З.Д. Попова, А.И. Стернин, Е.С. Кубрякова, В.И. Казарина и др.). «В процессе коммуникации концепт получает языковое выражение, как правило, не до конца вербализуясь, репрезентируясь, представляясь с помощью языковых средств. Слово отражает лишь часть концепта и потому язык изобилует различными лексическими единицами, возникшими в человеческом стремлении перевести язык мозга на язык речи» [2, с. 11].

В объективации концепта языковыми средствами участвуют лексемы, фразеосочетания, свободные словосочетания, предложения и даже тексты [6, с. 55].

По содержанию концепты подразделяют на представление (мыслительная картинка), схему, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин). В основе типовой дифференциации лежит понимание концепта как комплексной мыслительной единицы, различные уровни которой ак-

туализируются в процессе мыслительной деятельности, являя собой либо чувственное отражение отдельных признаков или целого предмета, явления, либо обобщенную схему структурированных знаний, либо результат осмысления существенных признаков предмета, явления, либо некоторую совокупность знаний о предмете, явлении, либо последовательность эпизодов во времени, либо комплексную структуру отдельных явлений в сознании.

Вслед за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Г.А. Волохиной, В.И. Казариной, М.М. Булыниной в семантическом пространстве языка мы различаем лексические, лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фраземами или синтаксическими структурами.

Если вопрос о возможности лексемы и фраземы быть репрезентантами концепта в лингвистике можно считать решенным и не вызывающим сомнений у исследователей, то вопрос о вербализации концепта синтаксическими структурами является дискуссионным и «находится на стадии разработки» [3, с. 3; 10, с. 77]. Основной причиной дискуссии по поводу синтаксического концепта является то, что категория синтаксического концепта «мало разработана» [4, с. 22].

Наше исследование направлено на разработку способов объективации синтаксического концепта на материале концепта «Небытие».

Репрезентантами синтаксического концепта «Небытие» в русском языке являются структурные схемы простого предложения (далее – ССП) «кого / чего нет (не было, не будет)», «кого / чего нет (не было, не будет) где когда», «у кого нет (не было, не будет кого / чего)», «кто не делает чего», «нет (не было, не будет) ни кого / чего», некого / нечего / нечем / некому / нечему / некуда / негде / незачем / не о чем и т.д. + *inf*, не хватает (недостает) кого/чего, кому не видно / не слышно чего и др. (*И не было лишь, к явному разорению гробовщиков, ни одного смертного случая* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»); *Сундучок Востриковых, к неудовольствию отца Федора, также был оклеен картинками, но не было там ни Буденного, ни батумских красоток* (там же); *Носков под штиблетами не было* (там же); *Искры не было минут десять* (там же); *А на самом деле никогда больше этого не будет* (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»); *У него не было даже пальто* (И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев»); *Ему не хватало только гармоники и новых свистящих калош, чтобы походить на подгулявшего кустаря-одиночку* (там же); *Он (человек) не платит налогов, не имеет жены, знакомые не дают ему взаймы денег «до среды», шоферы такси посылают ему вдогонку оскорбительные слова, девушки смеются над ним: они не любят идеалистов* (там же); *Конечно, я не встретил ни сочувствия, ни понимания* (Л. Улицкая. «Даниэль Штайн, переводчик»); *Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича* (А.С. Пушкин. «Метель»); *Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимой мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений и некому будет передавать эпиграмм моего сердца* (А.С. Пушкин. «Роман в письмах»); *Украсть у нас, кажется, нечего* (Л. Улицкая. «Даниэль Штайн, переводчик»).

Как известно, среди индоевропейских языков только в славянских языках сформировался синтаксический концепт «Небытие». В других языках его нет [3; 5].

Что касается неиндоевропейских языков, то можно сказать, что в монгольских языках, в частности, в калмыцком, идея небытия присутствует не в такой степени, как в славянских, но существует ССП, репрезентирующая исследуемый концепт, правда, не с родительным, а с именительным падежом, называющим отсутствующий объект или субъект: *кен/юн* (кто/что) *уга* (нет) (*Энд усн бээнэ* (Здесь есть вода) – *энд усн уга* (Здесь воды нет)). Если сравнивать с английским языком, то идея небытия в последнем морфологически не реализуется вообще. Отсутствие кого- или чего-либо выражается путем включения в бытийное предложение отрицания: *he is at home* (Он дома) – *he is not at home* (Его нет дома).

Чтобы объяснить это явление, возможно, следует обратиться к философскому вопросу: «С чего берет свое начало мир: с бытия или небытия?»

С точки зрения традиционной западной философии, «философии бытия», небытие – это часть бытия, не отрицание его, а один из способов существования того, что есть.

В отличие от западной культуры, восточной более близка «философия небытия», которая предлагает совсем иное – за исходный пункт, за точку мирового отсчета она берет не бытие, а его противоположность – небытие. Все из небытия приходит и в небытие уходит. Небытие есть отсутствие. Небытие бывает относительным (конкретным) и абсолютным.

Относительное небытие локализовано в бытийном пространстве и времени. Объект, помещенный в небытие, отсутствует в конкретном месте и в конкретное время.

«Абсолютное небытие не имеет пространственной локализации. Собственное пространство абсолютного небытия – бесконечность. Абсолютное небытие всюду в собственном пространстве – бесконечности и нигде в пространстве бытия. Абсолютное небытие – небытийная реальность. Оно реально не существует как бытие, но оно есть в качестве вечности и бесконечности» [12, с. 128].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что небытие трактуется, во-первых, как отсутствие кого-либо или чего-либо в мыслимом пространстве или времени, а во-вторых, как несуществование вообще, а в некоторых случаях и смерть.

Современная концепция соотношения языка, мышления и культуры базируется на условном разделении окружающей человека действительности на реальную, культурную (понятийную и концептуальную) и языковую картину мира. Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека. Концептуальная картина мира – это глобальный образ мира, существующий в сознании человека, то есть «отражение реальной картины мира через призму понятий (концептов), сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [13, с. 39–41].

Языковая картина мира – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [8, с. 57–60].

По мнению Е.С. Кубряковой, опыт человека по взаимодействию со средой отражает язык, и именно такой объективированный в языке опыт образует языковую картину мира. Языковая картина мира отражает уже познанный и освоенный поколениями людей, говорящих на данном языке, мир и содержит результаты его картирования; она предлагает определенные классификации всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей [7, с. 32–34].

На нас влияют не столько образующие языковой картины мира, сколько наши реальные наблюдения за происходящим, формы нашего взаимодействия с миром; наши мысли о мире. Между миром действительности и миром языка надо поместить мир мыслей (обобщений, осознания действительности, ее осмысления, притом не только в вербализованной, но и образной, эмоциональной и, зачастую, подсознательной форме). Языковая картина мира, таким образом, не столько прямо воздействует на мышление и познавательные процессы, сколько ориентирует, косвенно служит «организации и упорядочиванию знаний по заранее заданным схемам и категориям, прототипический характер организации которых разрешает их дальнейшее развитие, преобразование и даже разрушение. На нас воздействуют не столько метафоры, сколько обстоятельства, которые вынуждают их создавать. Различные модели мира и различные языковые картины мира оказываются следствием моделирующей способности самой метафоры как средства интерпретации мира, наиболее лингвистически относительной в картинах мира разных языков и наиболее национально специфичной и действенной для языковой картины мира отдельно взятого языка» [7, с. 32–34].

Так как концепт формируется в сознании людей на основании опыта определенного этноса и является образом представления знаний человека об окружающем его мире, то мы можем говорить о том, что для славян небытие и бытие представляли разные категории, и это, скорее всего, можно объяснить близким соседством древних

славян с племенами-представителями восточной культуры, вследствие чего в языковой картине мира славян сформировалось представление о бытии и небытии, схожее с представлением этих категорий, в частности, в некоторых алтайских языках.

Этим, возможно, объясняется и более позднее по сравнению с концептом «Бытие» формирование концепта «Небытие» в славянских языках.

Предложения, основанные на базе ССПП, репрезентирующих этот концепт в русском языке, отличаются особой выразительностью и экспрессией. Вероятно, поэтому на базе этих структурных схем образовались и продолжают образовываться фразеологические единицы, а некоторые ССПП сами стали фразеосхемами, например, фразеосхемы, включающие инфинитив в качестве основного предикатива: *Нечем было писать, нечего делать* и т.д. [11].

Если обратиться к фраземам, то многие из них, выражающие идею небытия, образовались на базе «небытийных» ССПП. Прежде всего, это ССПП «ни кого/чего или ни кого/чего ни кого/чего» (*ни звука, ни кола ни двора, ни сучка ни задоринки, ни слуху ни духу* и др.), семантика которой – «несуществование, отсутствие потенциально неединичного субъекта». Данная семантика реализуется в ССПП, лежащих в основе представленных примеров: *Какой-то дуралей помещик имеет хорошенькую дочку, и хотя от роду ничего не читал и не смыслит в литературе ни бельмеса, хочет во что бы то ни стало отдать ее за литератора* (В. Беллинский. «Барон Брамбеус»); – *Пусти, говорит, пару недель пожить. Ну, думаем, и обчистит же он ее! Ни-ни, ни волоска не взял* (В. Шукшин. «Беседы при ясной луне»); *Вокруг ни живой души. Артур послышал. Долгий, тоскливый звук потерянно прозвучал в пустоте* (Ю. Нагибин. «Павлик»); – *Когда вы меня посетили, то ведь чаю вовсе не было, Павел Михайлович! Ни соринки его не было, а ведь открыться перед вами гордость помешала* (А.П. Чехов. «Кошмар»); – *Вылезли мы из погреба на свет божий, а света божьего и нет. От нашего двора – ни былочки ни поживочки, одна черная печка, а окрест глянули – и деревни нету. Одна дорога. И поле* (Е. Носов. «Шопен, соната номер два»); – *Глядеть противно! Скоро уже сорок лет, ни кожи ни рожи, а также, поди ты, напудрилась, завилась, корсет надела* (А.П. Чехов. «Муж»); *Жили они у самого берега, в нищенской лачужке и в страшной бедности: ни кола ни двора ни куриного пера* (Г. Успенский. «Новые времена»).

На базе схемы «нет (не было, не будет) чего/кого» (семантика схемы – отсутствие объекта в мире, в мыслительном пространстве воспринимающего лица), также образовалось значительное количество фразеологизмов – *Стыда в глазах нет у мужика: женатый, а у девичьих окон гремит!* (О. Маркова. «Шест у двора»); – *Авдотья, ты никак с самого обеда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда в них нет, ни совести!..* (Григоревич. «Пахатник и бархатник»). Часто состав фразем расширяется за счет включения слов *ни единого, ни одного, ни малейшего*, которые интенсифицируют действие, явление или признак, усиливают сему отсутствия: *А сама так и дрожит, так и трясется вся, в лице ни единой кровиночки нет* (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Невинные рассказы»).

Близкие по структуре и семантике фразеологизмы встречаются и в калмыцком языке. Несмотря на то что русский и калмыцкий языки разноструктурные, идея небытия, реализуемая в калмыцкой ССПП «кен/юн уга (кто/что нет)», претворяется с не меньшей экспрессией и выразительностью, чем в русском языке, что позволило стать ей базой для образования калмыцких фразеологизмов. Например: *Эмтэ (киитэ) юмн уга. – Ни живой души. Емм уга. – Нет вины, не виноват. Жив-здоров. Һартан Һурви моңги уга, Һазаһан хуцх ноха уга. – Ни кола, ни двора. Маля цокх зэ уга. – Негде ступить. Оددг Һазр уга, ордг нүкн уга. – Без роду, без племени. Ни кола, ни двора. Седкднь зовлц уга, севркэднь заг уга. – Жить не зная горя. Жить притеваючи. Эн-тер гих зэңг уга. – Нет никаких новостей. Ничего особенного (нового) [1] (Бууһад энд-тендэн халэн гихнь – эмтэ нег юмн уга. Узгдхас нег цөөкн модн гермуд архалдад үзгднэ – нань киитэ юмн уга (Н. Манжин); Лиж-Һарэд емм уга. Йос толһалгч күн йосна заасар бээхугов тер. Аһхнд бээхлэ, доладг, гэлд бээхлэ, күртдг гидм... (Б. Баснга); Һунжсан хурлд бэр, гөлмэн түүрмд, хавтхдг арвн арслцгарн ном*

умиул, Нэамнэс эрк бичэ у, юута үлдн гижээнэв тегэд? **Һартан һурвн мөңгн уга, һазанан хуцх ноха уга...** (Б. Басңга); **Яах билэ. Оoddг һазр уга, ордг нүкн уга үлднэ гидг эн. Та хойр дэжжэ энд эргэд бээхлэ, бэргдлго бээхн угат. Үүнэсн нег һазрин көндлң талнь эрлти** (Б. Басңга).

Стоит заметить, что практически всегда калмыцкие фразеологизмы с отрицанием *амтэ (киштэ) юмн уга, гем уга, оoddг һазр уга, ордг нүкн уга* переводятся на русский язык при помощи фразеологизмов, построенных на основе структурной схемы **НИ N₂**: *ни одной живой души, нет вины, ни кола ни двора* и т.д., что говорит о структурно-семантической близости отдельных ССПП даже в разноструктурных языках и о том, что идея небытия в когнитивном аспекте универсальна.

Список литературы

1. Бардаев Э. Фразеологический словарь калмыцкого языка / Э. Бардаев, Г. Ц. Пюрбеев, Б. Муниев. – Элиста, 1990. (
2. Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: На материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта : дис. ... д-ра филол. наук / М. М. Булынина. – Воронеж, 2004.
3. Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж, 1999.
4. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании) : дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Казарина. – Елец, 2003.
5. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского, венгерского языков) / В. Ю. Копров. – Воронеж, 1999. – 160 с.
6. Красных В. В. От концепта к текст и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) / В. В. Красных // Вестник МГУ. – 1998. – № 1. – С. 53–70. – (Сер. 9. Филология).
7. Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура : мат-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Тамбов, 16–18 апреля 2003 г.). – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32–34.
8. Мыркин В. Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности? / В. Я. Мыркин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 57–60.
9. Очирова И. Н. Концепт «небытие объекта» в калмыцкой и русской лингвокультурах / И. Н. Очирова // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Элиста, 2009. – С. 88–89.
10. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – 191 с.
11. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009. – 209 с.
12. Солодухо Н. М. Понимание онтологического статуса небытия / Н. М. Солодухо // Известия КГАСУ. – 2006. – № 1 (5). – С. 126–128.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – С. 39–41.
14. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878, [2] с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале немецкоязычных газет и журналов)

С.Г. Половинина

В статье рассматриваются средства выражения двойного отрицания в немецком языке и их функции в рекламных текстах. Ее целью является изучение различных лексических, грамматических, синтаксических средств выражения двойного отрицания на всех языковых уровнях для правильного понимания и оценки рекламной информации. Двойное отрицание – одно из средств выражения интенсивности в языке. Оно выполняет ряд функций в рекламном тексте – информационную, эмоциональную, экспрессивную и другие. Двойное отрицание играет роль информационного аттрактора и интенсификатора оценки и эмоциональности в рекламном дискурсе. Средства двойного отрицания служат эффективному решению коммуникативных и прагматических целей рекламного дискурса.

The article is devoted to double negation in the German language and its functions in advertising texts. It aims to study different lexical, morphological, syntactical means of double negation at all lingual levels to better understand and evaluate the advertising information. Double negation is one of means of expressing the intensity in the language. It performs some functions in advertising texts – informational, emotional, expressive functions and others. Double negation plays the role of informational attractant and intensifier of appraisal and emotionality in advertising discourse. The means of double negation in advertising texts are subservient to the effective decision of the communicative and pragmatic aims of advertising discourse.

Ключевые слова: двойное отрицание, утверждение, положительный, экспрессивный, эксплицитный, имплицитный, рекламный дискурс, коммуникативный, оценка, немецкий язык, лексический, языковой, маркер, средства выражения отрицания, морфологический, прагматический, семантическая структура, предложение, синтаксический.

Key words: double negation, assertion, affirmative, positive, expressive, explicit, implicit, advertising discourse, communicative, evaluation, the German language, lexical, lingual, marker, means of negation, morphological, pragmatic, semantic structure, sentence, syntactical.

Особый интерес при изучении языковых средств негации представляет двойное отрицание, присущее полинегативным языкам, но использование которого наблюдается и в монологичных языках. Немецкий язык относится к монологичным языкам, и языковые нормы не разрешают многократное использование средств отрицания в одном предложении. Но практика показывает, насколько широко стало применяться двойное отрицание в рекламных сообщениях.

Рекламный текст дает красочное, образное изложение, позволяющее читателю видеть события глазами их участников, «чувствовать вкус и запах происходящего» [5, с. 136]. Несмотря на то что рекламный текст тяготеет к схематичности и шаблонности, создатели рекламы ищут новые способы использования языковых средств, новые лексико-семантические, стилистические и синтаксические приемы для увеличения эффективности рекламных сообщений с целью воздействия на адресата и реализации прагматических интенций рекламного дискурса. Одним из таких способов использования языковых средств и является двойное отрицание в немецкоязычных рекламных текстах.

Исследуя кумулятивное (двойное) отрицание как разновидность языкового отрицания, О. Есперсен подводит психологическую основу его использования в предложении, где, уничтожая друг друга, два отрицания выражают определенное колебание адресанта в истинности высказывания и ослабляют «умственную энергию» адресата. Многократное отрицание (если оно относится к разным словам) усиливает отрицательную окраску предложения и облегчает процесс восприятия высказывания. О. Есперсен видит в этом избыток средств выражения и чрезмерную эмфатичность, но никак не иррациональность и отсутствие логики [3].

Рассматривая двойное отрицание как избыток средств негации в высказывании, ряд ученых определяют его как «плеонастическое отрицание» [4]. Такое определение неприменимо к рекламному тексту, поскольку создатели рекламы на ограниченном информационном пространстве должны кратко и лаконично представить рекламный материал и ведут тщательный отбор языковых средств.

В.Н. Бондаренко выделяет два типа двойного отрицания:

✓ отрицательная частица (или аффикс) + средство усиления (отрицательное местоимение или наречие): *Es ist nie unmöglich*;

✓ два отрицания при одном и том же члене или группе членов предложения.

Второй тип В.Н. Бондаренко называет «отрицание отрицания». Данную разновидность двойного отрицания он связывает с контекстом и дефинирует как семантическое значение противопоставления, возражения и исправления [1].

Говоря о многократном отрицании, В.Н. Бондаренко утверждает, что четное количество отрицаний в предложении равнозначно утверждению, нечетное придает предложению отрицательное значение и считает это закономерным для всех языков. В немецком языке употребляется только двойное отрицание – отрицание отрицания [1, с. 138].

Мы согласны с определением М.В. Евсиной, которая рассматривает двойное отрицание как одно из средств выражения категории интенсивности в языке. Она дает системное представление о структурах двойного отрицания как средстве реализации преуменьшенного, подчеркнутого и неинтенсифицированного утверждения с точки зрения их функций интенсификатора высказывания, образуемого, как правило, взаимодействием грамматического и лексического негаторов. Разноуровневые языковые средства выражения двойного отрицания в сочетании с ассертивными единицами (неопределенные местоимения и наречия) образуют сферу действия отрицания [2].

Двойное отрицание достаточно часто можно встретить в немецкоязычных рекламных текстах, где оно выполняет ряд функций в высказывании.

“...Schaffen Sie Ihren schweren alten Laptop ab und gönnen Sie sich einen neuen mit Intel® Centrino™ Mobiltechnologie... Außerdem können Sie an Hotspots **ohne** Zusatzkarten oder Kabel **drahtlos** online gehen. Machen Sie es sich also **nicht** so schwer, nehmen Sie einen Laptop mit Intel Centrino Mobiltechnologie” [6].

При подавляющем большинстве слов с положительной семантикой средства выражения двойного отрицания являясь теми аттракторами, которые привлекают внимание, побуждают доверие и формируют убеждение в качестве, надежности и неповторимости мобильных инноваций рекламируемой фирмы. Маркеры двойного отрицания (*ohne, drahtlos*) выполняют оценочную и экспрессивную функции.

“...Das hochmoderne Honda Diesel-Triebwerk beeindruckt enorme Kraftentwicklung auf allerhöchstem technischen Niveau. Und das bei hervorragender Laufruhe. Dem **kompromisslosen** Fahrspaß steht trotz geringem Kraftstoffverbrauch **nichts** im Wege. Ein weiteres Resultat von „The Power of Dreams“, mit der wir zu einem der führenden Motorenhersteller weltweit geworden sind” [7].

Использование маркеров двойного отрицания придает тексту выразительность, экспрессивность, эмоциональную окраску. Отрицательная семантика средств негации в совокупности помогает создавать позитивный образ рекламируемого автомобиля, его положительных инновационных качеств. В данном рекламном тексте языковые средства выражения отрицания усиливают оценочность эксплицитно и выполняют оценочную и экспрессивную функции.

“Innovation. Eine Frage der Chemie? **Ohne** Innovation ist Fortschritt **nicht** möglich. Und in vielen grundlegenden Branchen ist Fortschritt **ohne** Innovationen in der Chemie gar **nicht** denkbar. Zum Beispiel in High-Tech-Bereich. Die Leistungsfähigkeit zukunftsweisender Technologien ist immer auch eine Frage der Spezialchemie, die sie ermöglicht, optimiert und schützt. In allen Märkten, die auf Fortschritt durch Innovationen setzen, spielen unsere Produkte eine führende Rolle... Altana. Ein internationaler Pharma- und Chemiekonzern” [8].

Повтор двойного отрицания лексических и грамматических средств выражения негации (*ohne, nicht*) коррелирует с синтаксическим. Подобные рамочные конструкции часто используются в рекламных текстах, придавая им цикличность и завершенность. Используемая при повторе двойного отрицания частица “gar” усиливает положительную оценку значения инноваций в области химии для прогресса в целом. В данном рекламном тексте двойное отрицание усиливает выражение оценки в высказывании.

Интересно поведение модальных глаголов с семантикой возможности и необходимости при использовании в данном высказывании средств выражения отрицания. Один модальный дефинит может определяться через другой и отрицание, так что значению возможности соответствует значение необходимости с двойным отрицанием, а значению необходимости – значение возможности с двойным отрицанием. Значения модальных выражений многозначны и зависят от контекста. В этих предложениях одно отрицание относится к модальной части составного глагольного сказуемого, а другое входит в основную инфинитивную часть М.В. Евсина определяет двойное отрицание подчеркнутым утверждением при наличии в высказывании операторов модальности и прилагательных или наречий в превосходной степени [2].

“...**Ohne** Sauerstoff kann **kein** menschliches Leben existieren. Aber genauso lebenswichtig sind Neugier, Entdeckerdrang und Forschergeist. Deshalb investiert die deutsche

chemische Industrierund 8 Milliarden Euro pro Jahr in neue, bessere Verfahren und Produkte. Und davon profitieren wir alle... Unsere Chemie ist aus allen Lebensbereichen einfach **nicht** mehr wegzudenken. Sie macht Babys trockener, Autos sicherer, Glas kratzfest, Bildschirme flacher, PCs schneller und den Alltag **unkomplizierter**" [9].

Двойное отрицание (*ohne, kein*) с модальным глаголом können и далее используемые маркеры эксплицитной негации (*nicht, unkomplizierter*) образуют логическую цепочку утвердительных предложений от модального значения невозможности до модальной действительности: раз невозможно существование человека без кислорода, значит, невозможно исключить химию из всех отраслей нашей жизни, поскольку она упрощает (не усложняет) нашу повседневность. Средства выражения отрицания играют роль семантического центра рекламной информации при реализации экспрессивной и оценочной функций.

Двойное отрицание как разновидность языкового отрицания характеризуется сложным оформлением мысли и выражает собой широкую семантическую палитру, но не всегда выражает ослабленное утверждение. Это может быть и просто утверждением без модального значения. Но по семантическому наполнению высказывание с двойным отрицанием не равнозначно высказыванию без этого отрицания. Отрицание отрицания может применяться как стилистический прием интенсификации осторожного некатегорического высказывания.

"**Ohne** Satellitentechnologie wäre die heutige Kommunikationsvielfalt **nicht** denkbar. Und **ohne** unseren versteckten Beitrag die Herstellung von Computerchips und Solarzellen **nicht** möglich. Es sind unsere hochreinen Chemikalien, die der modernen Kommunikation im wahrsten Sinne des Wortes Flügel verleihen" [10].

Положительную оценку и эмоциональный компонент данного рекламного высказывания помимо маркеров двойного отрицания (*ohne, nicht*) усиливает конъюнктив (*wäre*). Он является маркером эксплицитной негации и подчеркивает некатегоричность суждения и предположение истинности высказывания. Немыслимо и невозможно было бы представить современные средства коммуникации без спутниковых технологий, без производства компьютерных чипов и фотоэлементов.

В рекламных сообщениях часто используется такой стилистический прием, как литота, который констатирует приуменьшенное утверждение, выраженное при помощи двойного отрицания. Как правило, такие литоты образуются при помощи отрицательной частицы и лексического средства негации, эксплицитного (отрицательные аффиксы) и имплицитного (негативные значения слов) средства выражения отрицания. М.В. Евсина определяет литоту как преуменьшенное утверждение, которое реализуется при взаимодействии эксплицитных и имплицитных маркеров негации, которые выявляются в результате дефиниционного анализа [2].

"Studienkosten belasten die Falschen. Ist es **nicht ungerecht**, dass ein KFZ – Mechaniker einem Rechtsanwalt das Studium bezahlt? Und das, obwohl der Rechtsanwalt später im Berufsleben von seiner Ausbildung finanziell profitiert? Genau wie Ärzte, Ingenieure, Manager und, und, und? Ihr Einkommensvorteil wird von allen Steuerzahlern, mit und **ohne** Studium, finanziert. Die **Ungerechtigkeit** kann durch Studiengebühren und sozial ausgewogene Bildungskredite beseitigt werden. Chancen für alle" [11].

Для выражения определенных стилистических особенностей используется литота с двумя средствами отрицания, но вместе взятые они выражают не отрицание, а, скорее, осторожное утверждение. Следовательно, двойное отрицание в данной рекламе преобразует отрицательное высказывание в утвердительное, выполняя информационную, экспрессивную, оценочную и эмоциональную функции.

Одним из приемов использования двойного отрицания является прием инерционного согласия: сообщается невызывающее возражений утверждение, за которым следует рекламное предложение, рассчитанное на то, что адресат по инерции согласится и на покупку:

✓ "Am sichersten wäre es, gar **kein** Öl transportieren... Auf Öl kann die Welt **nicht verzichten**. Noch **nicht**. Deshalb transportieren wir es in der BP-eigenen Flotte so sicher wie möglich: mit doppelwandigen Tankern... Der Anfang ist gemacht" [12];

- ✓ “Einmal erlebt – und Sie wollen **nie** mehr darauf **verzichten**;
- ✓ Philips Cineos Flat TV mit Ambi Light... Der hochauflösende Cineos Flat TV mit Ambi Light von Philips – der nächste Schritt in der Evolution des Fernsehens» [13] реклама фирмы Philips.

В данных примерах средства выражения двойного отрицания состоят из эксплицитных (*nicht, nie*) и имплицитных (*verzichten*) маркеров негации. Они взаимно коррелируют и выполняют одинаковые функции в рекламных сообщениях.

Итак, несмотря на принадлежность немецкого языка к монологическим языкам, в немецком языке в настоящее время широко стало применяться двойное отрицание, особенно в рекламных сообщениях. Многократное использование в одном предложении средств выражения отрицания является логичным и рациональным. Двойное отрицание подчеркивает эмфатичность и усиливает эмоционально-экспрессивную окраску рекламного сообщения. А многократное отрицание облегчает процесс его восприятия и выполняет ряд функций – информационную, волеизъявительную, оценочную, эмоциональную и экспрессивную. Использование двойного отрицания в изображении интересных деталей сообщения приближает читателя к описываемым событиям, где двойное отрицание выступает в роли информационного аттрактора и интенсификатора оценочной и эмоциональной компоненты восприятия материала, а значит, усиливает действенность рекламного сообщения.

Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы:

- ✓ языковая специфика средств выражения двойного отрицания проявляется на всех уровнях: лексическом, грамматическом, синтаксическом, стилистическом;
- ✓ языковые средства выражения двойного отрицания носят полифункциональный характер и используются для реализации не одной, а нескольких функций в одном рекламном сообщении: информационная + оценочная, информационная + директивная, экспрессивная + оценочная;
- ✓ актуализация конкретных функций очень часто проявляется на определенном уровне текста. Так, информационная функция реализуется на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровне, то есть практически на всех уровнях; оценочная и экспрессивная функции, в основном на лексическом и стилистическом, волеизъявительная – на грамматическом и синтаксическом;
- ✓ преобладающие функции языковых средств двойного отрицания: информационная, оценочная, экспрессивная, эмоциональная, волеизъявительная;
- ✓ лексические, синтаксические, грамматические и стилистические средства являются преобладающими типами используемых языковых средств выражения двойного отрицания в рекламных сообщениях;
- ✓ основное назначение используемых языковых средств выражения двойного отрицания – информирование, аргументация, экспрессия, апелляция, волеизъявление.

Двойное отрицание весьма широко употребляется в рекламных текстах. Следовательно, описание и раскрытие его многообразных функций в коммуникативных стратегиях и тактиках в рамках коммуникативно-прагматического подхода на примерах рекламных текстов представляется нам весьма перспективным в дальнейшем нашем исследовании.

Список литературы

1. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 210 с.
2. Евсина М. В. Двойное отрицание в простом предложении: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Евсина. – Тула, 2006. – 159 с.
3. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : УРСС, 2006. – 408 с.
4. Куманичкина Л. Ф. Основные грамматические средства выражения отрицания в повествовательном предложении: на материале современного немецкого литературного языка : дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Куманичкина. – М., 1953. – 307 с.
5. Резепов И. Ш. Психология рекламы и PR / И. Ш. Резепов. – М. : Дашков и К^о, 2008. – 224 с.
6. Der Spiegel. – 2004. – № 10. – S. 96.
7. Der Spiegel. – 2004. – № 28. – S. 121.

8. Der Spiegel. – 2005. – № 11. – S. 57.
9. Der Spiegel. – 2005. – № 8. – S. 102.
10. Der Spiegel. – 2007. – № 40. – S. 125.
11. Die Welt. – 2005. – № 20–04. – S. 7.
12. Der Spiegel. – 2005. – № 49. – S. 66.
13. Der Spiegel. – 2005. – № 46. – S. 99.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ШКОЛЬНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА» В ЖАНРЕ АНЕКДОТА

С.В. Попова

Статья представляет результаты анализа речевого поведения типажа «школьная учительница», выполненного в русле лингвокультурологии. Автор исследует оценку поведенческих характеристик типизируемой личности в языковом сознании носителей русской лингвокультуры на материале анекдотов. Теоретическим основанием послужили публикации профессора В.И. Карасика, посвященные теории лингвокультурных типажей.

This article analyzes the speech behaviour of a typical female school teacher in regard to linguoculturology. The author investigates estimation of the behavioral characteristics of the typifying person in the language consciousness of the Russian linguoculture bearers observed in the genre of anecdote. The theoretical bases rests upon some publications of professor V.I. Karasik, devoted to the theory of linguo-cultural types.

Ключевые слова: лингвокультурология, типаж «школьная учительница», анекдоты, поведенческие характеристики, языковое сознание.

Key words: linguo-culturology, “school teacher” linguistic and cultural type, anecdotes, behavioral characteristics, language consciousness.

Показателем значимости явления для лингвокультуры служит наличие в ней прецедентных текстов, в частности, анекдотов на соответствующую тему. Г.Г. Слышкин доказал, что произведения смехового жанра наиболее полно отражают свойства концепта в прецедентном тексте [4, с. 4]. На прецедентные тексты распространяется закон карнавализации ценностей, сакральное непременно переворачивается в профанное через осмеяние. Профанизация признанных образов сакрального, святого, общепринятого, добропорядочного, регламентированного, достойного и должного поведения и миропонимания, время от времени проявляющаяся в культуре, подтверждает жизненную ценность сущности предмета [1].

Мы относим учительницу к сакральным явлениям бытия, еще Данте в «Божественной комедии» (1308–1321) определил степень ответственности за предательство Учителей, назначив этой категории предателей самую высокую кару в последнем четвертом поясе девятого круга ада, ибо человек рождается организмом, а Человеком становится благодаря Учителю. Жанр анекдота – наиболее распространенный способ социальной оценки ценностей и своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, потому что без стабилизации, определенности, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество не может нормально функционировать. Стабилизация, однако, становится угрозой развитию, и самой мягкой и действенной формой критики для выравнивания положения вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым [3, с. 310–311]. Большое количество анекдотов на школьную тему позволяет выявить поведенческие реакции рассматриваемого типажа и определить его место на шкале ценностей носителей языка.

Осмеяние обнажает проблему. Типовая модель поведения типажа в зеркале анекдота представлена следующим образом:

Абсурдная приверженность типажа своей профессии

Поздно вечером учительница возвращается после педсовета, прокручивая в голове: «Опять ругали за 8 Б. А попробуй с ними справиться»... Вдруг из подворотни

выскакивает здоровенный мужик и хватает ее за руку: «Отдавай часы!» Учительница (решительно): «Часы не отдам! Бери классное руководство!»

В коллективном языковом сознании россиян сформировано представление о зашоренности учителей, абсурдной преданности учительскому делу, воспитываемой системой педагогического образования. Повышенная ответственность за порученную работу держит в постоянном напряжении, все мысли направлены на решение воспитательно-образовательных задач. Пример очень информативен. В нем затронуты несколько вопросов: кто?, где?, когда?, что делали?, почему? и степень учительских приоритетов в школьных поручениях. Таким образом, рабочий день учителя может заканчиваться позже, чем у других государственных служащих; педагогическая работа имеет свою специфику на педсоветах, где поднимаются и обсуждаются внутришкольные проблемы, связанные с обучением и воспитанием; нерешенность этих проблем; предпочтение учебных часов классному руководству, так как основной заработной платы исчисляется их количеством, а руководство при всей утомительности и хлопотности оплачивается мало.

Слепое следование нововведениям в образовании

Исторический ход развития различных сфер жизни находит отражение в системе образования в целом и конкретных учебных заданиях в частности:

Учительница вносит в класс компьютер. Ставит на стол. Спрашивает у учеников:

– Дети, сколько на столе компьютеров?

– Оди-ин.

С трудом учительница вносит в класс второй компьютер.

– Дети, сколько на столе компьютеров?

– Два-а.

Выбиваясь из сил, учительница втаскивает в класс третий компьютер.

– Дети, ну а теперь, сколько на столе компьютеров?

– Три-и.

Вытирая пот со лба, учительница шепчет:

– А все ж с яблоками было как-то легче!

В этом примере пародируется требование внедрять в структуру урока современные педагогические технологии, а также непереносимое использование компьютера, когда экономичнее во времени и удобнее в самых простых темах прибегнуть к традиционному способу объяснения. Учитель становится бездумным приверженцем нововведений Министерства образования. Жесткие рычаги манипулирования педагогом выставляют его в глупом, смехотворном виде в реальности.

Незнание предмета

Педагогу всегда предъявляются высокие требования в сфере профессионального владения знанием предмета:

Учительница: Дети, сколько будет пять умножить на пять?

Дети хором: Семьдесят!

Учительница: Ну, что вы, дети! Пятью пять будет 25... ну 26, ну 27, ну, в крайнем случае, 28, но никак не 70!

Коллективное сознание, которое способствовало появлению этих анекдотов, доказывает актуальность притязаний общества к учителю и рисует безрадостную картину, опровергающую факт педагогического мастерства. Первый пример построен на примитивном вопросе, в то же время показана находчивость типажа. Многим бывшим школьникам знакомы ситуации, когда преподаватель давал уклончивый ответ в случае незнания, чтобы как-то реабилитировать себя и не потерпеть профессиональное фиаско.

Незнание методики преподавания

Методические промахи типажа в смехотворной форме представлены в анекдоте: *Мальчик никак не мог запомнить, как писать слово «пошел». Он писал его через «о». Учительница оставила его после уроков, чтобы тот прописал пятьдесят раз это*

слово правильно. Сама куда-то отлучилась. Ученик выполнил задание и оставил ей записку: «Я написал слово «пошел» пятьдесят раз, и пошел домой!»

Хорошо отработанная методика дала сбой, не сработал принцип «Повторенье – мать учения». Анекдот описывает распространенный эпизод школьной жизни: ученик в классе самостоятельно выполняет задание после уроков, учитель вышел. Используется схема сценарного поведения: закончил работу – тетрадь на стол – можешь быть свободен. Присутствие старшего наставника не всегда обязательно, контролирующая функция будет осуществлена при проверке тетради. В анекдоте высмеивается формализм при подходе к делу. Преподаватель не донес суть проблемы до ученика, что привело к поверхностному восприятию правила грамматики. В рассмотренном примере предметом осмеяния становится учительница, которую ловко «провел» ученик.

Незнание детской психологии

– *Марья Ивановна, – говорит учительнице завуч, – я слышал, что вчера один ученик пришел в школу не умытый, и Вы его отправили домой. Это помогло?*

– *Трудно сказать. Сегодня полкласса явились чумазые.*

Полномочия типажа расширяются за счет возможности не допускать ученика к занятиям по уважительной, с точки зрения учителя, причине. Преподаватель всегда знает что, как и когда надо отвечать, делать, выглядеть. Требования к внешнему виду учащегося зафиксированы в Уставе школы. Мы обратились к положениям Уставов нескольких муниципальных общеобразовательных учреждений, а также к Правилам поведения обучающихся, которые являются локальным актом для обеспечения деятельности школы в соответствии с уставом: «приходить в школу опрятно одетым, форма одежды должна быть выдержана в рамках требований, предъявляемых в государственных учреждениях» [7]; «приходить на занятия в школу скромно и опрятно одетыми» [4]; «форма одежды обучающихся должна соответствовать деловому стилю» [5]. Как видно из цитат уставных документов, в них не конкретизируются гигиенические нормы для учащихся, не расшифровывается степень опрятности и скромности в одежде. Преподаватель самостоятельно определяет норму / не норму и выносит вердикт пребывания ученика в школе. С точки зрения правовых документов, регламентирующих действия учителя, не допускать школьника к урокам из-за внешнего вида является самоуправством, так как нарушается право учащегося на получение бесплатного полного среднего образования. Однако существование анекдота на эту тему свидетельствует о распространенности уставных нарушений со стороны типажа, а также игнорировании детской психологии.

Превышение полномочий

Учительница поймала в школе ученика, игравшего в карты, и оттрепала его за уши:

– *Ты знаешь, за что я тебя наказала?*

– *Знаю. Я неправильно пошел королем.*

Пример подтверждает факт неуставных отношений между учительницей и учеником («оттрепала за уши»). Соль анекдота заключается не в физическом насилии над подопечным, поэтому действия преподавательницы упоминаются вскользь, но, тем не менее, для исследования важна фиксация поведения типажа. В средствах массовой информации встречаются заголовки, статьи, репортажи, свидетельствующие о рукоприкладстве педагогов.

Подверженность человеческим слабостям

Учителям свойственны человеческие слабости от малозначительных до серьезных пороков:

Приходит учительница на урок. Настроение плохое – надо на ком-то злость выместить: как всегда – на учениках.

– *Иванов, назови мне двузначное число.*

– *Восемьдесят семь.*

– *Почему не семьдесят восемь? Садись, два.*

– *Петров, назови мне двузначное число.*

– *Пятьдесят шесть.*

- А почему не шестьдесят пять? Садись, два.
- Кацман, назови мне двузначное число.
- Гидцать тги.
- А почему не..? Опять эти ваши еврейские штучки?!

Дети тонко подмечают настроение педагога, входящего в класс. В дальнейшем они улавливают любые колебания настроения и изучают преподавателя не хуже, чем он их; знают, что ожидать в той или иной ситуации, и в соответствии с этим выстраивают свое поведение.

Начало анализируемого анекдота несет значимую информацию для раскрытия образа типажа. Носителям русской лингвокультуры знакомо напряженное душевное состояние, которое снимается одним из психологических приемов: дружеской беседой, интересной работой, занятием спортом. «Выпустить пар» помогает негуманный способ перенести нескрываемое раздражение на подчиненных, зависимых, слабых, всех, кто в такой ситуации может быть более уязвленным, в частности, ученики.

Неоправданный карьерный рост

Оценка типажу дается в следующем анекдоте:

Разговаривают две учительницы.

– Чем объяснить, что Мариванна была посредственным учителем, а в роли методиста заняла ведущее положение?

– Из любого дрянного вина можно сделать отличный уксус.

Коллеги следят за успехами своих сослуживцев, оценивают их личностные и профессиональные качества. Жизненные наблюдения показывают, что не самые лучшие представители профессии порой занимают более высокие должностные позиции. Статусная позиция, доставшаяся не по заслугам, поднимает самооценку типажа; сложившаяся вокруг него деловая атмосфера искусственно повышает авторитет.

Социальная незащищенность

Большинство анекдотов, связанных с нашим типажом, представляют ситуации общения учителя с учениками, однако гамма внутришкольных отношений расширяется за счет взаимодействия с коллегами, родителями детей.

Две учительницы разговаривают между собой, одна с возмущением отмечает:

– Сейчас просто невозможно работать!!! Учитель боится директора, директор проверки, проверка – родителей, родители – детей, только дети никого не боятся!

Данный пример показывает структурную иерархию взаимоотношений членов школьного коллектива, работников высшего образовательного звена, родителей, детей и дает оценку типажа своей деятельности «невозможно работать», раскрывая причину неудобства в нарушении обязательной связи «учитель – ученик». Все участники процесса объединены страхом, кроме основного действующего лица статусно-неравной пары – ученика, который, согласно коллективному сознанию носителей языка, должен склониться перед педагогом в благоговейном испуге. Здесь интерпретируется спорный постулат «боится – значит, уважает», из чего формулируется обратная связь «не боится – не уважает». Нарушение этого правила искажает общепринятую схему подчинения младшего старшему, но демонстрирует истинность положения в школе. Статус типажа понижается, нивелируется его предназначение, как только ученик-партнер изменяет ролевые установки.

Профессиональная деформация

Выходя за стены школы, учитель не перестает быть учителем. Профессия накладывает отпечаток на поведенческие реакции и коммуникативное поведение:

Продавец: Кило двести. С Вас 350 рублей!

Покупатель: Хм, Вы знаете, я работаю учителем математики...

Продавец: ...э-э-э Точнее, 300 рублей...

Покупатель: В старших классах!

Продавец: 1 килограмм 154 грамма. С Вас 275 рублей 48 копеек.

Пример бытовой ситуации при покупке продуктов, когда продавец, рассчитывая на доверчивость и невнимательность покупателей, завышает цену на товар. Учитель, как совесть нации, профессионально следит за формированием нравственных качеств

соотечественников и указывает на свое знание математики. Не добившись ожидаемого результата, он продолжает действовать в соответствии с поставленной целью, уточняя степень своего профессионального мастерства. Продавец после «наводящих подсказок» решает задачу правильно. В современной отечественной лингвокультуре закрепилось мнение, что учитель все знает, обязан знать, обмануть его невозможно.

Низкий материальный достаток

В обществе закреплено следующее представление о материальном положении учителей: *Поступайте в педагогические вузы! Профессия учителя дает вам и вашим близким пожизненную гарантию от похищения с целью выкупа!*

Анекдот-реклама построен на призывном лозунге и аргументированной агитации, карнавализирующей утилитарные нормы. Похищение людей с целью выкупа становится одним из распространенных видов криминального бизнеса. В категорию риска попадают лица с высоким достатком и облеченные властью, в чьей компетенции решить какие-то сложные проблемы. Профессия учителя лишена всех этих преимуществ, равно как и значимых доходов. Стоимость современной жизни высока, зарплата преподавателей не позволяет им достойно обеспечивать свое проживание, но в анекдоте это пропагандируется как преимущество.

Взяточничество

Анекдот является кривым зеркалом жизни, в котором в смехотворной форме отражаются ее реалии:

- *Петя, с чего ты начал хорошо учиться?*
- *А папа дает мне 100 рублей за каждую пятерку.*
- *И это тебе помогает?*
- *Еще бы! Правда, половину приходится отдавать учительнице.*

Печальный факт современной действительности: на государственном уровне ведется борьба со взятками, в средствах массовой информации периодически освещается эта проблема. Рыночные отношения в убогой форме внедряются в систему школьного образования, которое должно быть бесплатным в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании». Согласно п. 7 ст. 50 о «Правах и социальной защите обучающихся, воспитанников», «граждане Российской Федерации имеют право на получение впервые бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего... образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях в пределах федеральных государственных образовательных стандартов, федеральных государственных требований и устанавливаемых в соответствии с пунктом 2 статьи 7 настоящего Закона образовательных стандартов и требований» [2].

На практике в школе больше распространена иная товарно-денежная схема, когда педагог оказывает своим ученикам репетиторские услуги в рамках учебного заведения. Часто эта деятельность несанкционирована, к занятиям такого рода прибегают по инициативе родителей или совету преподавателя, чтобы повысить успеваемость школьника, либо по настоянию педагога, независимо от того, насколько необходимы внеклассные уроки, с целью получения последним дополнительного дохода. В соответствии с мотивацией, результат занятий может, как намечалось, привести к улучшению качества знаний, и тогда обе стороны остаются довольны. Другой исход дела, когда учебная результативность отсутствует, а педагог манипулирует ситуацией, заведомо занижая либо завышая отметки, чтобы сохранить источник заработка. Родители порой осознают положение дел, но иногда для них важны баллы, обычно более высокие, чем в состоянии получить ребенок, и тогда они негласно вступают в сговор с учителем, который поддерживает иллюзию благополучия. Комизм вышеприведенного анекдота в том, что отметки покупаются, и в качестве покупателя и продавца выступают ученик и учительница, которая играет не свою роль. В сценарном поведении преподавателя, зафиксированном в понятийной составляющей, нет акта купли-продажи, но анекдот отражает современные реалии. Описанная ситуация вызывает отклик и переживания у носителя языка, доказывая свою актуальность для общества.

Тематические анекдоты позволяют определить многообразие функций типажа:

Воспитательная функция

Анекдоты про учительницу отражают прескриптивные нормы, зафиксированные в понятийном компоненте концепта, в частности, наказание в целях воспитания.

Мать – школьной учительнице сына: Мой Вова – очень впечатлительный ребенок. Если нужно его наказать, просто отшлепайте его соседа по парте. Вовочку это испугает.

Родительница согласна с допустимостью наказания учителем ученика, причем не отрицает физического воздействия в этих целях, но такие меры не должны быть применены по отношению к ее собственному ребенку. Появление подобного анекдота свидетельствует о фактах рукоприкладства педагога в современной школе. Данный пример показывает не только одну из функций преподавателя – воспитание с приемами наказания, но и отражает скрытую оценку его действия. Запрещено бить учеников, нарушение моральных норм осуждается. Учительница становится предметом негативного восприятия.

Многообразие педагогической деятельности

Школьники с учительницей на экскурсии в зоопарке.

– *Мариванна! А что эта горилла на нас так зло смотрит?*

– *Успокойся, Машенька, это еще кассы!*

В соответствии с целями и задачами современной школы, направленными на формирование общей культуры личности, освоение обучающимися системы знаний о природе, обществе, создание максимально благоприятных условий для умственного, нравственного, физического, эстетического развития личности ребенка, создание основы для осознанного выбора и освоения профессии; воспитание гражданственности, любви к Родине и семье, уважительного отношения духовному и культурному наследию, выстраивается сложная система взаимодействия педагога с учащимися. Эпизоды анекдотов на школьную тему пересекаются с содержанием коротких сочинений информантов. Внешкольные мероприятия, связанные с посещением учреждений культуры, мест, способствующих всестороннему и гармоничному развитию школьников, вызывают эмоциональный отклик в юных сердцах и остаются в памяти надолго. Внеурочная деятельность типажа оценивается не ниже, чем обучающая на уроке.

Взаимодействие с родителями

Данный момент не представлен в понятийной составляющей, но ряд анекдотов посвящен именно этой проблеме.

Учительница вызвала родителей двоечника сообщить результат итоговой по математике:

– *У меня для вас две новости: хорошая и плохая.*

– *Хорошая? Странно... и какая же?*

– *Шпаргалками он не пользовался...*

В особых случаях, когда возникает экстренная необходимость разрешить ученический конфликт или проблему, учитель, завуч, директор вправе вызвать родителей для беседы. Не имеет значения, какой высокий пост занимает родитель и может ли он прийти в назначенное время, условия диктует преподаватель в соответствии с локальными правовыми документами, по тем же документам законные представители обязаны подчиняться этим требованиям.

В зачине примера дается наименование клиента дискурса. Для носителей русской лингвокультуры «двоечник» означает перманентное состояние успеваемости ученика, часто к этому присовокупляется нарушение дисциплины в школе и норм поведения в общественных местах. Родителей двоечников чаще приглашают в школу для беседы, в дальнейшем подобные встречи начинают носить ритуальный характер. Уполномоченный учитель порицает ученика при родителях, которые, потупив взгляд, тяжело вздыхают от безысходности не в силах изменить ситуацию. Двоечник ассоциируется с никчемным асоциальным человеком. Порицание неуспеваемости слабого ученика трансформируется в оценку его как личности, что ведет к потере чувства собственного достоинства. Мудрый преподаватель будет разделять способности ученика и его личностные качества, а также при анализе ситуации начинать с позитивных моментов, чтобы не унижить чувства подрастающей личности. Агент во втором примере следует указанным установкам и в заключительной реплике отмечает сформированность моральных ценностей клиента – нельзя обманывать.

Таким образом, анекдоты позволяют выявить аксиологические доминанты типажа через декодирование его поведенческих реакций, проявляющихся в многообразных формах взаимодействия с клиентом и маргиналом педагогического дискурса, а также с другим агентом, состоящим в линейной или вертикальной связи. Лингвокультурному типуажу «школьная учительница» присущи следующие характеристики: преданность профессии, бескорыстная самоотдача, предпочтение учебных занятий воспитательной работе, скрупулезное выполнение предписаний, которые возведены в жанре анекдота в абсолют и подвергнуты осмеянию; а также профессиональная многофункциональность на фоне низкого материального достатка и социальной незащищенности. Негативной оценке подлежат и традиционно осуждаемые в русской лингвокультуре явления: слепая дисциплинированность, проявление формализма в подходе к делу, склонность к самоуправству, превышение полномочий, неоправданный карьерный рост, профессиональная деформация, взяточничество, незнание предмета, детской психологии, методики преподавания.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Закон РФ «Об образовании». – Режим доступа: http://ozpp.ru/zknd/obra/obra_3739.html, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Правила поведения обучающихся школы. – Режим доступа: <http://smvschool.samtel.ru/poveden.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Правила поведения обучающихся муниципального учреждения средней общеобразовательной школы № 32 «Ассоциированная школа ЮНЕСКО «Эврика-развитие» г. Волжского Волгоградской области. – Режим доступа: <http://school32-volzhsky.narod.ru/povedeniy.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 1999. – 174 с.
7. Устав школы. – Режим доступа: <http://schools.keldysh.ru/sch1275/ustav.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК РАЗДЕЛА ГЕРМАНИСТИКИ

И.М. Рахимбирдиева

Данная статья посвящена проблеме определения роли немецкого языка в германистике, а также в становлении лингвистики как науки. Автор утверждает, что звуковые законы являются характерной особенностью немецкого языка, тем самым выделяя его среди прочих германских языков и германские языки – среди прочих индоевропейских языков.

This article is devoted to the problem of definition of the role of the German language in Germanic studies and also in turning linguistics into science. The author states that the sound laws are the main features of the German language, thus distinguishing it from other Germanic languages, and Germanic languages – from other Indo-European languages.

Ключевые слова: германистика, немецкий, сравнительно-исторический метод, закон Гримма, звуковые законы.

Key words: Germanic studies, the German language, comparative historical method, Grimm's law, sound laws.

Принято думать, что проблема звуковых законов едва ли может считаться сегодня актуальной, поскольку понятие «звуковой закон» широко обсуждалось на рубеже XIX–XX вв.: с одной стороны, данные законы ревностно защищались младограмматиками, с другой стороны, остро критиковались представителями других школ и течений. Со временем они потеряли такую значимость и перестали быть объектом дис-

куссий. Многие лингвисты считают, что по данной теме сказано много, и больше нечего добавить. Несмотря на потерю актуальности, проблема звуковых законов не была решена. Вследствие обновления науки актуальной является проблема понятия научного закона, и в этом контексте звуковые законы обретают новую актуальность.

В данном исследовании мы попытались определить роль звуковых законов в истории немецкого языка и роль немецкого языка в становлении сравнительно-исторического языкознания. Звуковые законы сыграли важную роль в становлении научного языкознания.

Языкознание XIX в. начало формироваться в отдельную науку раньше всего в Германии. Следует отметить, что немецкие лингвисты были впереди как по количеству работающих в этой области сотрудников, так и по количеству полученных результатов. Как сказал Бодуэн де Куртене, «Германия была центром умственного движения в области языкознания» [2, с. 15].

Современная лингвистика как наука родилась на почве исследования германских и романских языков при помощи сравнительно-исторического метода в XIX в. Особый вклад в становление данного метода внесли такие выдающиеся ученые, как Франц Бопп, Рasmus Кристиан Раск, Якоб Гримм. Следует отметить и таких известных языковедов XIX в., как А.Ф. Потт, Г. Курциус, А. Кун, Т. Бенфей, А. Шлейхер, И. Шмидт и др. В конце XIX в. зарождается новое течение в лингвистике, именуемое младограмматизмом, которое появилось благодаря таким немецким ученым, как А. Лескин, Г. Пауль, Б. Дельбрюк, Г. Остгоф, К. Бругман и др. Соответственно, самым изучаемым германским языком в XIX в. был немецкий язык.

Существенным свойством немецкого языка является то, что он в большей мере, чем другие германские языки, подвержен действию звуковых законов. Германские языки, в свою очередь, характеризуются звуковыми законами в большей мере, чем другие индоевропейские языки. При сравнительно-исторической характеристике романских языков «фонетический закон» может упоминаться как традиционное для таких описаний понятие, но оно не играет существенной роли в романистике. Так, во «Введении в романскую филологию» понятие «фонетического закона» определяется следующим образом: «"фонетический закон" – термин условный. Он относится только к результатам регулярных изменений звуков в данном языке. В период протекания самого изменения можно говорить лишь о тенденции развития, которое может сочетаться с другими, иногда противоположными тенденциями. Тогда языковая норма фиксирует результаты действия "закона", остановившегося на полпути» [1, с. 141–142].

Для романских языков фонетические законы не имеют такого принципиального значения, как для германских языков. При этом, как отмечал Ф. де Соссюр, романисты, как и германисты, находились в условиях гораздо более благоприятных, чем индоевропейцы, им был известен латинский язык – прототип романских языков, и обилие памятников позволяло им детально проследить эволюцию отдельных романских языков. Оба эти обстоятельства ограничивали область гипотетических построений и придавали всем исследованиям романистики в высшей степени конкретный характер. Германисты находились в аналогичном положении; правда, прагерманский язык непосредственно неизвестен, но зато история происходящих от него языков может быть прослежена на материале многочисленных памятников на протяжении ряда столетий. «Поэтому германисты, как более близкие к реальности, и пришли к взглядам, отличным от взглядов первых индоевропейцев» [4, с. 43]. При одинаковой доступности обширного материала по германским и романским языкам именно для истории германских языков понятие звукового закона стало их обязательным определением.

Я. Гримм как основоположник германистики сформулировал первое передвижение согласных, которое вошло в историю языкознания как закон Гримма. Его представления о таком законе основывались на наблюдении тройного единства:

✓ второе или верхненемецкое передвижение согласных аналогично в общих чертах первому или общегерманскому передвижению согласных;

✓ одна и та же общая формула применима к различным типам согласных, будь то губные, зубные или гуттуральные;

✓ передвижение свидетельствует о твердой последовательности основных форм, базирующейся на разделении согласных на три класса: звонкие (*media*), глухие (*tenuis*), придыхательные (*aspirata*).

Как видно, закон Гримма представляет собой не только ряд наблюдений над изменениями согласных, получившихся в результате первого германского передвижения, но весьма цельную теорию отношений между определенными изменениями согласных, происходящими, как правило, во взаимодействии. Так, ученый, предположив для греч. $\varphi \theta \chi$ современное произношение, идентифицировал их с общегерманскими $f \beta \chi$ и представил все развитие как круговорот, который выглядит следующим образом: глухие согласные $p t k$ (*tenuis*) переходят в придыхательные согласные $\varphi \theta \chi$ / $f \beta \chi$ (*aspirata*), в свою очередь, $\varphi \theta \chi$ / $f \beta \chi$ (*aspirata*) переходят в звонкие согласные $b d g$ (*media*), а $b d g$ (*media*) переходят в $p t k$ (*tenuis*) [5, S. 498–505], например:

✓ $p > f$: * $p\acute{e}t\acute{e}r$ – гот. *fadar*, др. сканд. *fǫþer*, др. сакс. *fadar*, др. в.-нем. *fater* «отец»;

✓ $t > þ$: * $treies$ – гот. *þreis*, др. сканд. *þrigr*, др. сакс. *thrie*, др. в.-нем. *dri* «три»;

✓ $k > \chi$: * $k\acute{a}n$ / $k\acute{ō}n$ – гот. *hana*, др. сканд. *hane*, др. сакс., др. в.-нем. *hano* «петух»;

✓ $kw > lw$: * $sekw-$ – гот. *sailvan*, др. сканд. *siā*, др. англ. *sēon*, др. в.-нем. *sehan* «видеть»;

✓ $\varphi = bh > b$: * $bher-$ – гот. *bairan*, др. сканд. *bera*, др. в.-нем. *beran* «нести»;

✓ $\theta = dh > d$: * $dhe-$ – гот. *ga-deþs*, др. сканд. *dǫþ*, др. сакс. *dād* «деяние»;

✓ $\chi = gh > g$: * $ghosti$ – гот. *gasts*, др. сканд. *gestr*, др. в.-нем. *gast* «гость»;

✓ $\chi w = ghw > gw$: * $ghwntj\acute{a}$ «убийство» – др. сканд. *gunnr*, др. в.-нем. *gund* «борьба»;

✓ $b > p$: и-е $sk\acute{a}b$ / $sk\acute{ā}b$, лат. *scabō* – гот. *skarþan*, др. сканд. *skape*, др. англ. *scierpan*, др. в.-нем. *scepfen* «создавать»;

✓ $d > t$: и-е *dekm*, лат. *decem* – гот. *taihun*, др. сканд. *tīð*, др. англ. *tīen*, др. сакс. *tehan*, др. в.-нем. *zehan* «десять»;

✓ $g > k$: и-е *aug-*, лат. *augeō* – гот. *aukan*, др. сканд. *auka*, др. сакс. *ōkian*, др. в.-нем. *ouhho* «увеличивать(-ся)»;

✓ $gw > kw$: и-е *gwem-*, лат. *veniō* – гот. *qiman*, др. сканд. *koma*, др. англ. *cuman*, др. сакс. *kuman*, др. в.-нем. *koman* «приходить» (примеры взяты из книги Э. Прокоша «Сравнительная грамматика германских языков» [3, с. 50–61]).

Важно, что данный «закон» характеризует германские языки в их «германскости», немецкий – в его «немецкости» как исключительной «германскости».

В то время много говорили о национальном характере языков и культур. Я. Гримм еще считал, что аблаут – выдающееся свойство германского/немецкого языка и духа. Но есть важное отличие перегласовки в рядах аблаута от передвижения согласных: аблаут – это факт эмпирический, мы просто видим его как факт, когда приняли схему «основных форм глагола», и нам не надо сопоставлять разные языки, чтобы обнаружить аблаут. Передвижение согласных – это результат сложной теоретической работы на основе сравнения разных языков и диалектов в разные периоды их эволюции. Передвижение согласных нельзя наблюдать, его надо понять как научное утверждение, которое оправдывает себя в интерпретации на разнородном материале. Оно после этого ставит нас перед новыми проблемами, когда мы обнаруживаем пробелы в системе корреляций. Здесь наблюдатель бессилен, здесь именно теоретик должен перевести трудность в проблему, а проблему – в набор решаемых задач, и тогда появляются «закон Вернера» и «закон Грассмана». Тот очевидный факт, что на материале германских языков эта работа в теоретическом отношении более содержательна, чем такая же работа на материале романских языков, характеризует германские языки в их особенности. Характерология немецкого языка как исторического объекта всегда будет содержать как эмпирические определения германского аблаута, так и теоретические определения передвижения согласных. Это не значит, что немецкий язык более совершенный, и потому более законосообразный, чем, например, испанский; это значит, что он другой по характеру.

Таким образом, разные фонетические законы в диахронической лингвистике оправдывают выражение «закон принадлежит объективной действительности» в разной мере.

Закон передвижения согласных является в высшей степени удачным обобщением в исторической фонетике германских языков, а его расширение вторым передвижением в верхненемецком языке существенно дополняет исторический образ немецкого языка как (в этом специальном аспекте) «наиболее германского из всех германских».

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М. : Высшая школа, 1987. – 344 с.
2. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртэнэ. – М., 1963. – Т. 2. – 392 с.
3. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / Э. Прокош. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1954. – 380 с.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. – Göttingen, 1819. – Bd. 1. – 507 S.

УЧЕБНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Е.И. Роголёва

В статье рассматриваются вопросы конструирования алгоритмов этимологизации фразеологизма в учебном словаре с использованием коммуникативных ходов. Приводятся авторские примеры лексикографической интерпретации различных нюансов процесса фразеологизации.

Issues of the constructing algorithms of etymologization of a phraseological unit in the educational dictionary with the usage of the communicative acts are observed in the article. The author's examples of the lexicographic interpretation of various nuances in the process of phrase formation are given in the article.

Ключевые слова: учебная фразеография, словарная статья, этимологический комментарий, фразеологический образ, алгоритм этимологизации, коммуникативный ход.

Key words: educational phraseography, entry, etymological comment, phraseological image, algorithm of etymologization, communicative act.

Несовершенство этимологических комментариев в детских фразеологических словарях [4; 5; 20; 22; 25], убеждает нас в том, что разработка этимологического параметра требует специальных исследований в области учебной фразеографии для начальной школы, ведь «составление словарей для младших школьников не может быть осуществлено без предварительной разработки психолингвистической и лексикографической методик» [17, с. 35]. При этом является принципиальным отражение современных достижений теории фразеологии и фразеографии при этимологизации ФЕ в учебных целях, ведь «развитие современной лексикографии характеризуется стремлением к лексикографической параметризации языковых единиц, основная идея которой заключается в возможности представления лингвистических знаний любого рода в виде лексикографических параметров, способных отразить не только существенные признаки самого объекта, но и научные знания об объекте» [7, с. 24].

В свою очередь, фактор адресата (младший школьник) не позволяет нам использовать для учебного фразеологического конструирования современные способы этимологизации фразеологизма, реализованные в словарях, ориентированных на взрослую аудиторию. Речь идет о метаязыке словарного описания внутренней формы фразеологизма [2, с. 164] и лексикографическом воплощении интерпретационной модели значения фразеологизмов [9; 24].

Возможность расширения поиска новых путей разработки этимологического параметра предоставляет автору прикладной характер учебного словаря. Об этом пишут А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский: «Рассмотрение словарной деятельности в рамках прикладной лингвистики дает индульгенцию лексикографам на более сво-

бодное привлечение идей (и соответствующего инструментария) из других научных дисциплин» [2, с. 363].

Мы разделяем мнение Ю.И. Леденева, который подчеркивает, что «именно дискурсивный подход в сочетании с уже сложившимися методами создает новые возможности для практической и теоретической лексикографии...» [11, с. 38], ведь «именно металингвистическая природа словарной статьи позволяет классифицировать ее как элементарную единицу лексикографического дискурса» [18, с. 111].

Реализация дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи, использование коммуникативных ходов в качестве операций этимологизации фразеологизма позволяют автору более конструктивно воздействовать на адресата.

В данном случае под коммуникативным ходом понимается «вербальное или невербальное действие одного из участников дискурса, минимальный значимый элемент, развивающий взаимодействие, продвигающий общение к достижению общей коммуникативной цели» [19].

По мнению П.Н. Денисова, принцип эффективности лексикографического описания реализуется в стремлении автора к построению словарной статьи в алгоритмической форме [6, с. 214–215]. В определенных алгоритмах этимологического комментирования фразеологизма реализуются и разнообразные коммуникативные ходы этимологизации ФЕ.

В нашей лексикографической концепции при словарном описании «типовых схем порождения фразеологизмов» используются «мягкие алгоритмы» [21, с. 37] этимологизации ФЕ, содержащие не императивные, шаблонные предписания, а своего рода рекомендации, оставляющие свободу для творчества лексикографа. Это связано с тем, что «стратегия навязывания языковому материалу жесткой логической схемы противоречит самому духу современной лингвистики. Языковые феномены настолько сложны, что описание их с помощью заранее заданных фиксированных противопоставлений существенно огрубляет наши знания об исследуемом феномене» [1]. Вместе с тем, следует отметить, что для нас наибольший интерес представляют те ФЕ, в которых «связь актуального значения с исходным фреймом не является самоочевидной» [2, с. 113], так что и с этой стороны поиск конкретных моделей (алгоритмов) лексикографической этимологизации ФЕ представляет собой нетривиальную задачу.

Остановимся на описании коммуникативных ходов (КХ), эксплицирующих различные нюансы процессов фразеологизации.

Здесь мы опираемся на точку зрения Т.Г. Никитиной о том, что для постижения природы фразеологической номинации необходимо рассматривать ее в двух направлениях: от ономаσιологически исходной точки – от заданного, подлежащего выражению смысла к формам его воплощения, то есть от денотата ФЕ в синхронии к денотату прототипа ФЕ как основе внутренней формы, и в обратном направлении, реализуя семасиологический подход [15, с. 91].

В этой связи нами были разработаны КХ этимологизации ФЕ (1, 2), **отражающие векторы фразеологической номинации:**

- ✓ КХ (1) «от денотата прототипа ФЕ к денотату ФЕ»: $D_p \rightarrow D_{fe}$;
- ✓ КХ (2) «от денотата ФЕ к денотату прототипа ФЕ»: $D_{fe} \rightarrow D_p$.

Особенности реализации данных КХ можно проследить на примере этимологизации фразеологизма *еще и конь не валялся*.

КХ (1): «Кони любят поваляться перед тем, как дать надеть на себя хомут или седло, то есть приступить к работе. Люди давно заметили эту повадку животных, переосмыслили и стали упоминать, когда к делу, которое нужно было уже закончить, еще и не приступали. Так в речи и появился фразеологизм *еще и конь не валялся*».

КХ (2): «Когда в древности люди видели, что к делу, которое нужно было уже закончить, еще и не приступали, эта ситуация напоминала им одну любопытную повадку лошадей: перед тем, как дать надеть на себя хомут или седло, лошади обязательно должны поваляться – размяться перед предстоящей работой. Этот образ и

стал основой фразеологизма *еще и конь не валялся* со значением "еще ничего не сделано, не готово; к делу еще не приступали)".

При описании механизма ассоциативного переосмысления прототипа фразеологизма [15, с. 92] в КХ (1) используется выражение-маркер «люди давно заметили» + описание денотата прототипа и мотива его фразеологизации. В свою очередь, «ассоциативный поиск подходящего прототипа» [15, с. 92] в КХ (2) описывается с помощью семантических операторов «напоминает о...», «вызывает воспоминание о...», «связывается в сознании с...».

КХ (1) и КХ (2), отражающие векторы фразеологической номинации, инициируют реализацию КХ (3, 4). Данные коммуникативные ходы раскрывают специфику фразеологического образа, мотивирующего обобщенно-переносное значение фразеологизма.

Под фразеологическим образом понимается «наглядно-чувственное представление о предметах и явлениях объективной действительности, возникающее в результате семантической двуплановости устойчивого сочетания» [3, с. 47], «как совместное видение двух картин, возникающее в результате противопоставления переносного значения ФЕ значению ее прототипа» [3, с. 69].

Лексикографическим приемом, гарантирующим успешную реализацию КХ (3), является сопоставление денотатов: ФЕ и его прототипа. Это обусловлено тем, что «фразеологический образ как основа предметно-логического и оценочного содержания фразеологизма создается путем сопоставления денотата фразеологической единицы и денотата словесного комплекса-прототипа этой единицы» [12, с. 18]. Характер этих сопоставлений зависит от реализуемого на шаг раньше и отражающего векторы фразеологической номинации КХ (1) или КХ (2).

КХ (3) **сопоставления денотатов** может быть представлен тремя типами.

1. КХ сопоставления денотата прототипа (D_p) с денотатом ФЕ (D_{fe}): ($D_p \sim D_{fe}$) = O_f .

Приведем пример этимологизации фразеологизма *как с гуся вода*: «Перья гуся плотно прилегают друг к другу. Гусь смазывает их жиром. Благодаря этим свойствам перья не намокают. Отсюда и образ сравнения: как с гуся скатывается вода, так и человека не затрагивают беды и невзгоды, он легко преодолевает трудности. А иногда, к сожалению, не обращает внимания на окружающих, забывает о правилах поведения, поступает непорядочно – ему все нипочем».

Маркером данного типа (а) КХ (3) является использование сравнительной конструкции «как D_p , так и D_{fe} » с препозицией описания денотата прототипа и сопоставительным составным союзом *как... так и*, выражающим достоверное сравнение.

2. КХ сопоставления денотата ФЕ (D_{fe}) с денотатом прототипа (D_p): ($D_{fe} \sim D_p$) = O_f .

Покажем реализацию данного типа КХ (3) на примере этимологической репрезентации фразеологизма *каши просят*: «Изношенная обувь с полуоторванной подошвой напоминает раскрытый рот, как будто ботинок просит каши. Отсюда и шутливый образ фразеологизма».

Маркером типа (б) КХ (3) является использование сравнительной конструкции « D_{fe} как будто D_p » с препозицией описания денотата ФЕ и с сопоставительным составным союзом *как будто*, выражающим недостоверное сравнение.

3. Третий тип (в) рассматриваемого КХ строится с использованием приема контраста: КХ сопоставления «антипода» денотата прототипа ($не-D_p$) с денотатом ФЕ (D_{fe}): ($не-D_p \sim D_{fe}$) = O_f .

Приведем пример этимологизации фразеологизма *мало каши ел* с использованием данного типа КХ (3): «Людам давно известно, что каша – сытная и полезная еда, особенно для детей. Поэтому малыш, который ест много каши, растет крепким, сильным и здоровым. Ну, а тот, кто пока еще мало каши ел, остается слабым, не может справиться с серьезным, сложным делом – это и есть шутливый образ фразеологизма *мало каши ел*». (В данном примере используется «аргумент к традиции» [14, с. 142–143] «людям давно известно»).

К коммуникативным ходам, раскрывающим специфику фразеологического образа (суть внутренней формы фразеологизма), относится и КХ (4), эксплицирующий синхронную и этимологическую внутреннюю форму фразеологизма.

В.И. Зимин пишет о том, что «синхронная внутренняя форма представляет собой:

- ✓ «вещно», пространственно представимый образ (*вешать лапшу на уши*);
- ✓ образ, не вызывающий ассоциации с конкретным представлением, но мыслимый, «умозрительный» (*задавать тон*);
- ✓ образ, основанный на звукоподражательных эффектах (*тары-бары-растбары*)), а «этимологическая внутренняя форма (и соответственно мотивация) обнаруживается этимологическим путем и носит характер первородной мотивации» [8, с. 544–545].

«Два аспекта внутренней формы фразеологизма и его мотивации – этимологический и синхронический – взаимодействуют между собой. В целом на семантическом уровне параметризации языковой картины мира, рисуемой во фразеологии, эти аспекты рассмотрения внутренней формы позволяют глубже изучить соотношение субстратов и сигнификативных значений фразеологизмов и, следовательно, полнее представить моделирование внутренней формы фразеологических единиц» [8, с. 545–546].

Данный ход определяется нами как КХ (4) **двойной актуализации** (э₁, э₂) **внутренней формы**. Обозначим в схеме «синхронную внутреннюю форму» как |А & 'В'| и «этимологическую» как |А & 'А'|:

$$\begin{array}{ccc} |A \& 'A'| & \leftrightarrow & |A \& 'B'| \\ \downarrow^2 & & & \downarrow^1 \\ A \& 'B' & & A \& 'B' \end{array}$$

Реализацию данного КХ (4) покажем на примере фразеологизма *выводить на чистую воду*, где способом организации этимологических экспликаций является наглядная двойная этимологизация: «В грязной, мутной воде трудно что-либо разглядеть. Зато в чистой, прозрачной воде все видно.

На этом сравнении и строится фразеологизм *выводить на чистую воду*, который употребляют в значении "раскрыть чьи-либо тайные замыслы, уличить в плохих поступках, доказать виновность кого-либо".

Происхождение фразеологизма *выводить на чистую воду* связано с гаданием на воде. Люди, которые предсказывали судьбу с помощью такого гадания, будто бы могли увидеть в чистой воде образ человека.

Часто к такому способу прибегали, чтобы узнать виновного в чем-либо».

В данной статье мы не анализируем интерпретацию данного фразеологизма в кодах культуры.

Таким образом, КХ (4) эксплицирует два вида мотивации идиом – «иконическую мотивацию, основанную на сходстве между явлением, обозначаемым идиомой, и явлением, отраженным в ее образной основе» [26], а также «символьную мотивацию» [16, с. 8]. Этот взгляд на внутреннюю форму идиом (образно-метафорическую или символную в своей основе) представлен у А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [2, с. 262].

Как известно, в основе образа фразеологической единицы может лежать образность семантически опорной лексемы [13, с. 956]. Этимологизация фразеологизмов, мотивированных переносным (чаще – метафорическим) значением семантически опорной лексемы требует активации еще одного КХ, раскрывающего специфику фразеологического образа.

«В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких "оттенков" смысла» [23, с. 179].

Квалифицируем данный ход как КХ (5) ассоциативной реконструкции образной основы:

$$\begin{array}{c} A \& 'A' \rightarrow A \& 'B' \\ \downarrow \text{э} \\ a + \text{асс}_1 + \text{асс}_2 + \dots + \text{асс}_n \end{array}$$

где 'a + асс₁ + асс₂ + ... + асс_n' обозначает ассоциативный потенциал опорной лексемы.

Данный КХ ассоциативной реконструкции образной основы, гарантирующий адекватность лексикографического описания ассоциативного (лингвокреативного) механизма фразеомобразования, воплощается в форме учебной имитации популярной игры «в ассоциации со словами». Это дает возможность разъяснить адресату, что образные ассоциации многоплановы и многозначны, но «в каждом из языков, при переносе наименования с одного объекта на другой, за основу принимается какая-то одна черта, исходя из субъективной оценки носителей языка (не всегда соответствующей реальному положению вещей), черта, наиболее характерная для данного объекта» [10, с. 152].

Проиллюстрируем реализацию КХ ассоциативной реконструкции образной основы на примере фразеологизма *считать ворон*. Проследить развитие фразеологического значения «быть невнимательным, рассеянным» у выражения *считать ворон* можно с помощью игры в ассоциации. Нужно назвать первое, что приходит сразу на ум, когда вы слышите слово *ворона*, и пояснить, почему возникла именно эта ассоциация. Начали:

- Сажа, пепел. – Ворона тоже черно-серого цвета.
- Воровка. – Вороны любят таскать разные мелкие предметы или еду, действуя, как опытные воришки.
- Профессор. – Это очень умная птица: обладает отличной памятью, а по интеллекту ее можно сравнить только с человекообразной обезьяной шимпанзе.
- Разиня. – Разиня стоит разинув рот, как ворона с широко раскрытым клювом. Вороной называют невнимательного, рассеянного человека, ротозея.

Вот так, из-за широко раскрытого клюва народ связал ворону с невнимательностью, рассеянностью, а слово *ворона* попало во фразеологизм *считать ворон*, значение которого – «быть невнимательным, рассеянным».

Таким образом, использование коммуникативных ходов при этимологизации ФЕ позволяет с учетом фактора адресата адекватно интерпретировать многочисленные ракурсы процесса образования той или иной ФЕ.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/5.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Баранов А. Д. Аспекты теории фразеологии / А. Д. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Бирих А. К. Словарь русской фразеологической терминологии / А. К. Бирих, С. С. Волков, Т. Г. Никитина; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – Munchen: Verlag Otto Sagner, 1993. – 136 с.
4. Волина В. В. Фразеологический словарь / В. В. Волина. – СПб.: Дидактика Плюс, 2001. – 256 с.
5. Волков С. В. Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей / С. В. Волков. – СПб.: Сова, 2009. – 222 с.
6. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. П. Денисов. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
7. Добровольский Д. О. Структурно-типологический анализ фразеологии и фразеологическая параметризация (на материале русской и германской идиоматики) / Д. О. Добровольский // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 24–28.
8. Зимин В. И. Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка / В. И. Зимин // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (17–19 марта 2006 г.). – М.: Эллис, 2006. – С. 298–300.

9. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Ковшова. – М., 2008. – 48 с.
10. Кузнецов А. М. Национально-культурное своеобразие слова / А. М. Кузнецов // Язык и культура : сб. обзоров. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – С. 141–163.
11. Леденев Ю. И. Дискурсивный подход к лексикографии неполнозначных слов / Ю. И. Леденев // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2009. – Вып. 6. – С. 34–38.
12. Маркелова Т. В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом и фитонимом / Т. В. Маркелова, О. Г. Хабарова // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 17–27.
13. Моисеева С. А. Особенности семантических модификаций во французском фразеологическом пространстве «Характер человека» / С. А. Моисеева, И. А. Волошкина // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 955–959.
14. Москвин В. П. Выразительные средства современной речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – 3-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 940 с.
15. Никитина Т. Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии / Т. Г. Никитина. – Псков : Изд-во ПГПИ, 1998. – 208 с.
16. Парина И. С. Представление семантики фразеологизмов в идеографическом словаре: на материале немецких идиом семантического поля «речевая деятельность» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Парина. – М., 2009. – 24 с.
17. Пикалова Н. П. Реализация принципа градуальности в учебной лексикографии / Н. П. Пикалова // Актуальные аспекты формирования и совершенствования лингвометодической компетенции учителя 1–4 классов современной школы : сб. науч. ст. – СПб. : САГА, 2007. – С. 33–39.
18. Резунова М. В. Лексикографический дискурс русского, английского и немецкого языков / М. В. Резунова // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : тр. и мат-лы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 111–113.
19. Речевой акт и коммуникативный ход. – Режим доступа: <http://lingeru.ru/rechevoj-akt-i-kommunikativnyj-hod>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Розе Т. В. Большой фразеологический словарь для детей / Т. В. Розе. – М., 2005. – 224 с.
21. Савицкий В. М. Аспекты теории фразеологических моделей / В. М. Савицкий. – Самара : Изд-во СамГПИ, 1993. – 65 с.
22. Ставская Г. М. Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарь : пос. для учащихся нач. шк. / Г. М. Ставская. – М. : Дрофа, 2002. – 224 с.
23. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–203.
24. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
25. Ушакова О. Д. Почему так говорят: Фразеологический словарь школьника / О. Д. Ушакова. – СПб. : Литера, 2004. – 96 с.
26. Dobrovolskij D. O. Figurative language: Cross-cultural and cross-linguistic perspectives школьника / D. O. Dobrovolskij, E. Piirainen. – Amsterdam : Elsevier, 2005. – 452 с.

ТАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСТРОЯ АДРЕСАТА (на материале докладов А. Меркель)

Е.А. Роменская

В данной статье интерпретируется речевое поведение бундесканцлера Германии Ангелы Меркель, материалы ее докладов, являющиеся одним из видов публичного монологического жанра речи и реализующиеся чаще всего в виде программной речи, обращения к населению по поводу какого-либо особого события и ситуации. Значительное внимание уделяется рассмотрению ее умения применять соответствующие определенной коммуникативной ситуации языковые средства при реализации стратегии формирования эмоционального настроения.

The speech behaviour of German chancellor Angela Merkel was considered in this article. All this work was made on basis of her reports, which are considered to be a kind of public monologue speech genre and find its realization in the form of pre-election speech, or address to people on the

occasion of special situation. Special attention was paid to the examination of her ability to put into practice different speech means, which takes place during a certain communication situation at realization of strategy of forming emotional mood.

Ключевые слова: политический лидер, доклад, эмоциональный настрой, тактика установления контакта, тактика единения, тактика учета ценностных ориентиров адресата, тактика эмоционального усиления значимости слов.

Key words: political leader, report, emotional mood, tactics of getting into contact, tactics of unity, tactics of taking into consideration axiological purposes of the addressee, tactics of emotional intensification of words importance.

Общественное мнение в демократическом государстве формируется в процессе получения определенного потока информации. Информационные интересы общества удовлетворяют СМИ. В нашем случае мы имеем дело с печатными СМИ. Поступающая от политиков информация несет определенную идею, которая, проникая в сознание масс, взаимодействует с чувствами, эмоциями, настроениями, традициями, волей людей. Посредством эмоций сущность человеческого бытия отражается в сознании человека, регулируется ими и познается [5, с. 32].

Одной из функций эмоций является регуляторная (или регулятивная), признаваемая сегодня многими психологами первичной, доминантной, то есть определяющей все другие.

Эмоции регулируют действия человека; то, как эти действия будут совершаться, зависит от актуального сочетания эмоциональных сил [5, с. 32]. То, как будут сочетаться эмоциональные силы, зависит от правильного настроения адресата. Именно для достижения желаемого результата политики используют стратегию формирования эмоционального настроения.

Некоторые ученые, например, В.Г. Гак, предполагают наличие особого психолингвистического механизма, действующего на уровне как предложения, так и целого текста, в компетенцию которого входят разделение текста на эмоционально-оценочный (маркированный) и диктальный (нейтральный) блоки и их расположение в определенном порядке, чаще всего первый в начале и / или конце высказывания, а второй – в его середине [1, с. 88]. Расположение элементов текста важно, но не менее значимы с позиции прагмалингвистики коммуникативные стратегии и их реализующие тактики, используемые адресантом (в нашем случае политиком).

По мнению О.Н. Паршиной [6], стратегия формирования эмоционального настроения адресата представлена следующим набором тактик: тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика учета ценностных ориентиров адресата. К ним мы можем добавить тактику установления контакта и тактику эмоционального усиления значимости слов.

Рассмотрим тактику установления контакта. При анализе докладов А. Меркель, в первую очередь, обращает на себя внимание то, что каждый свой доклад она начинает с приветствия, а заканчивает прощанием и сопроводительным текстом или другими напутственными словами. Говоря языком статистов, в 50 докладах мы находим 50 примеров приветствия и прощания, что означает 100 % использование данной тактики.

К числу наиболее важных и, как кажется, очевидных для человеческого эмоционального общения функций относят установление контакта, приветствие, прощание, желание или, напротив, нежелание дальнейшей коммуникации [5, с. 36].

Речевыми формами приветствия, а также установления контакта являются обращения. Ангела Меркель применяет эти речевые формы и для привлечения внимания слушателей, для выражения отношения говорящего к слушателям, для обозначения статуса слушателей и задания определенной тональности речи. Приведем примеры: *Liebe Kolleginnen und Kollegen des Deutschen Bundestags!* (Bundesregierung, Rede am 10. März 2008 in Berlin) – Дорогие коллеги немецкого Бундестага! (немецкого правительства). *Sehr geehrte Herren Präsidenten!* (Rede beim Festakt zur Feier des 50. Jahrestages der Unterzeichnung der “Römischen Verträge” am 25. März 2007) – Глубоко-

уважаемый господин Президент!; *Meine Damen und Herren!* (Rede im Europäischen Parlament in Strassburg am 17. Januar 2007). – Дамы и господа!

Нередко Ангела Меркель использует личный подход, например, приветствие на языке той страны, в которой она выступает с речью. Это свидетельство проявления уважения к стране пребывания, ее гражданам: *Frau Präsidentin, Anni modda lachem – sche-nittan li- le-dabber ellechem-kaan be-bait mechubad se* (Rede vor der Knesset in Jerusalem am 18. März 2008).

После обращения А. Меркель произносит приветственную речь, в которой часто употребляет выражений благодарности: *Ich bedanke mich für die Einladung! Ich bin heute sehr gerne dabei...* (Rede von 05.09.2008) – Я благодарна за приглашение! Мне очень приятно находиться сегодня здесь; *Ich freue mich sehr, heute hier zu sein* (Rede von 10.09.2008) – Я очень рада присутствовать сегодня тут; *Ich freue mich, heute das Goethe-Institut-besser gesagt- seine Zentrale – besuchen können* (Rede von 08.09.2008) – Я рада полученной возможности посетить Гете-институт, вернее, главный его корпус.

Благодарственные слова А. Меркель использует в качестве прощания: *Herzlichen Dank, dass ich Ihnen gratulieren durfte* – Я выражаю Вам мою искреннюю благодарность за то, что имела возможность поздравить Вас (Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel zum 50. Jubiläum VNG von 10.09.2008), а также пожелания самого различного характера адресатам: *Als Bundeskanzlerin wünsche ich Ihnen auch im Namen der ganzen Bundesregierung für Ihre Dienstzeit alles Gute, viel Glück und Gottes Segen!* (Rede Bundeskanzlerin zum feierlichen Gelöbnis der Bundeswehr von 20.07.2009) – От своего лица, а также от имени всего правительства я желаю Вам во время Вашей службы всего хорошего, успеха и удачи; *Herzlichen Dank! Ich wünsche Ihnen gutes Gelingen, viele Nutzer, viele erfreute Kunden und viele interessierte Bürgerinnen und Bürger, die mobil sein wollen und trotzdem etwas für die Umwelt tun wollen!* (Rede von A.M. bei der Veranstaltung der Daimler AG und der RWE AG anlässlich ihres Kooperationsprojekts Elektromobilität von 05.09.2008) – Огромное спасибо! Я желаю вам успеха, много пользователей, много довольных покупателей и много заинтересованных сограждан, которые хотят быть мобильными и, кроме того, хотят что-то делать для окружающей среды!

Совершенно очевиден тот факт, что одной из важнейших сторон любой профессиональной деятельности является повседневное общение с людьми (в нашем случае посредством доклада). Общение начинается с установления контакта, главной задачей которого является исключение моментов, которые могут вызвать напряжение, тревожность или создать психологический барьер. Немаловажно также оставить о себе хорошее впечатление в конце доклада, поэтому А. Меркель активно пользуется приемом напутственных речей или благодарственных слов.

Далее остановимся на коммуникативной тактике единения. Одной из первых и важнейших задач тактики единения в политическом дискурсе является объединить слушателей как народ. Говоря о том, что скоро будет 20 лет со дня падения Берлинской стены (это ассоциируется у слушателей с объединением народа), А. Меркель репрезентирует данную тактику на уровне сочетаемости таких лексем, как: *in einer wiedervereinigten Deutschland* – в снова объединенной Германии; *die Deutsche Einheit kam* – наступило единство немецкого народа (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008).

Словосочетание “Deutsche Einheit” встречается очень часто в докладах А. Меркель, что связано с темой падения Берлинской стены, и свидетельствует о важности данного события для всего немецкого народа. Это событие объединило две части Германии, а значит, и народ объединился, сплотился.

Нередко А. Меркель использует в своей речи имя прилагательное “gemeinsam”, в частности, когда речь идет о будущих планах страны, ее народа: *Gemeinsam wollen wir dafür eintreten...* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel von 04.09.2008). Канцлер призывает сограждан к совместным действиям: *...die Aufgabe, vor der wir heute alle gemeinsam stehen...* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008) – Задача, которую нужно решить сегодня всем вместе... Приведем

еще примеры: *unter unseren Völkern in Europa in Frieden zusammenzuleben* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008) – Жить в мире с другими народами Европы; *Das ist das Schöne, dass wir jetzt in Europa miteinander in Frieden und mit offenen Grenzen leben können* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008) – Прекрасно, что мы можем жить сегодня в Европе в мире и согласии друг с другом, не зная границ; *Die Existenz deutscher Volksgruppen in Osteuropa – bis hin zur Wolga und zum Kaukasus – ist Teil der europäischen Siedlungsgeschichte* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel von 04.09.2008). Используя прилагательное “deutscher”, А. Меркель хочет подчеркнуть принадлежность к немецкому народу и тех, кто переселился в Германию, сказать о единстве немецкого народа. В продолжение этой темы рассмотрим еще один пример: *...die deutschen Minderheiten in Mittel- und Osteuropa vor allem während des Zweiten Weltkrieges und nach dem Zweiten Weltkrieg mit Beschwerden zu kämpfen hatten... ...die als Deutsche in diesen Gebieten unter den Folgewirkungen des Zweiten Weltkrieges gelitten haben – unabhängig davon, ob diese Menschen in ihrer Heimat bleiben oder nach Deutschland kommen wollen; da machen wir überhaupt keinen Unterschied. <...> ...die in Deutschland lebenden Minderheiten der Meinung sind, dass Deutschland ihr Land ist, in dem sie mit ihren Kulturen und Sprachen ihren Platz finden* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel von 04.09.2008). Во всех этих примерах речь идет о переселенцах в Германию во время войны или после нее, и акцент А. Меркель делает на том, что сейчас нет разницы между коренными жителями и теми, кто мигрировал, и, более того, они многое сделали для обогащения страны. Живущие в Германии мигранты придерживаются мнения, что это их страна и что они со своей культурой и со своим языком нашли тут свое место.

Приведенные выше примеры отражают значимость для Германии национального единства, чем и обусловлена тональность выступлений А. Меркель.

Учет ценностных ориентиров адресата – важная коммуникативная тактика. Воздействующий потенциал политических выступлений тесно связан с тем, насколько реалистично политик может оценивать ценностную систему адресата и опираться на нее в своей речи [6, с. 95].

Ценность – положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Критерии и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. Различают материальные, общественно-политические, духовные, положительные и отрицательные ценности [7].

Ценности – социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба и т.п. Ценности не подвергаются сомнению, а служат эталоном и идеалом для всех людей [4, с. 5]. Различными учеными предпринималось много попыток создать классификацию ценностей, но единой так и не существует. Мы будем опираться на классификацию, предлагаемую О.Н. Паршиной [6, с. 96]. Она выделяет следующие ценностные группы: индивидуальные, групповые, государственные (национальные), общечеловеческие (универсальные).

Остановимся на их характеристике применительно к нашему материалу.

1. Индивидуальные ценности. *Jeder ist in seiner Heimat stolz auf das, was bei ihm angebaut wird, wächst, gebaut ist, auf alles, was in den Jahrhunderten vor uns dort passiert ist.* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008). – Каждый на своей родине гордится тем, что им было построено, выращено, а также всем тем, что произошло там за многие столетия до нас. Иными словами, для гражданина своей страны должно быть ценно все то, чем он сам занимается, чем занимались его предки. В следующем примере поднимается тема Берлинской стены и то, какой ценностью стало для каждого жителя Германии ее падение. А. Меркель говорит о себе: когда ей было семь лет, построили эту стену. Она разде-

лила ее семью. Она уже не верила, что, будучи на пенсии, сможет свободно путешествовать в западную часть Германии: *Ich war sieben Jahre alt, als die Mauer gebaut wurde. Sie teilte auch meine Familie. Ich glaube nicht, dass ich vor meinem Rentenalter frei in den Westen würden reisen können* (Rede der Bundeskanzlerin beim Festakt zur Feier des 50. Jahrestages der Unterzeichnung der “Рömischen Verträge”).

2. Групповые ценности. *<...> ein ganz natürliches Bedürfnis ist, die eigene Sprache zu sprechen und die eigenen Traditionen, Sitten und Bräuche zu leben und zu beleben* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel von 04.09.2008). Вполне естественная потребность говорить на собственном языке, соблюдать и поддерживать собственные традиции, обычаи и нравы. Употребляя в данном примере слово «собственные» А. Меркель имеет в виду то, что ценности принадлежат одной группе людей, одному народу.

3. Государственные (национальные) ценности. *Das sage ich mit einem Stück Stolz auf die deutsche Wirtschaft, die ein gutes Know-how hat und die sich mit großer Erfahrung und hoher Wettbewerbsfähigkeit ausgezeichnet hat* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel vor der Deutsch-Griechischen Industrie- und Handelskammer in Athen von 20.07.2007) – Я говорю с некоторой гордостью о немецкой экономике, которая владеет секретами производства, отличается большими успехами и высокой конкурентоспособностью.

4. Общечеловеческие (универсальные) ценности. *...wenn man Dinge durchsetzen will, die uns allen gleich wichtig sind: Freiheit, die individuelle Würde jedes Menschen, die Menschenrechte, der Schutz des geistigen Eigentums, das man nicht einfach Patente klaut, die Frage eines freien Handels, die Frage, dass nicht die einen auf der Welt die Kinder arbeiten lassen und die Umwelt ruinieren dürfen...* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008). В данном примере мы хотим обратить внимание на такие ценности, как свобода, индивидуальные достоинства каждого человека, права человека, защита духовных ценностей. *Toleranz und Teilhabe gelebte Normalität in Deutschland sind* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel von 04.09.2008). Толерантность, терпимость и соучастие А. Меркель считает теми ценностями, которыми обладают немцы. Демократия, государственная справедливость, человеческие права – это, по мнению бундесканцлера, универсальные, общечеловеческие ценности, не только немецкие: *Wir wollen natürlich auch die Werte, nach denen wir leben – Demokratie, Rechtsstaatlichkeit, Menschenrechte-, vermitteln, weil wir glauben, dass diese Werte nicht typisch deutsch sind, sondern eine universelle Gültigkeit haben* (Rede von Angela Merkel von 08.09.2008 in München).

Без ценностей, как известно, не может обходиться ни одно цивилизованное общество, а его индивиды имеют право их выбора. Одни привержены ценностям коллективизма, другие – ценностям индивидуализма. Для одних высшей ценностью могут быть деньги, для других – моральная безупречность, для третьих – политическая карьера. Разные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям. Каждое общество само вправе устанавливать, что является ценностью, а что нет.

Основной отличительной чертой речи политиков, в том числе А. Меркель, является выраженная апелляция к ценностной системе, существующей в данном обществе. В каждом своем докладе А. Меркель использует данную тактику, непосредственно связанную с ценностными ориентациями в обществе. Чаще всего это общечеловеческие ценности, актуальные для современной действительности немецкого народа. В ходе анализа докладов было выявлено, что среди ценностных ориентиров преобладают такие понятия, как *Kunst, Kultur, Aussiedlerfragen, nationale Minderheiten, Frieden*. Какая ценность актуализируется, зависит от темы выступления А. Меркель, но в любом случае апелляция к какой-то из перечисленных нами ценностей есть в каждом ее докладе.

А. Меркель в полной мере владеет информацией о ценностной системе своего электората и грамотно использует это в своих докладах. Она ориентируется на ценности, взятые из различных сфер человеческой жизни, в первую очередь, это универсальные, то есть общечеловеческие и национальные, ценности.

Следующая коммуникативная тактика, которую мы рассмотрим, – это тактика эмоционального усиления значимости слов. Она реализуется путем подкрепления выразительными средствами важности сказанного. Для этого А. Меркель использует цитирование и девизы. Речь звучит не только эмоционально, но и весьма аргументированно.

Цитирование представляет собой включение в свой текст отрывков из произведений других авторов. Его называют способом аргументации: читателю показывают, что автор вступает в диалог с авторитетом в данной области знания (если цитата встраивается в ход обоснований автора). Цитируемая мысль подтверждает правомерность суждений автора, приводится как основание для принятия тезиса, иллюстрирует сказанное. Цитирование, по мнению И.А. Герасимовой, реализует цель аргументации – убедить другого человека, задействуя механизмы доверия: читатель больше доверяет авторитету, чем автору. Для читателя свидетельства авторитета более убедительны, чем слова автора [2, с. 239].

Приведем примеры: *Konrad Adenauer hat gesagt: Ich mache keine Deutsche Einheit, wenn sie nicht in Frieden und Freiheit möglich ist* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008) – Конрад Аденауэр сказал: Я не добьюсь немецкого единства (сплоченности), если оно невозможно в мире и свободе; *Helmut Kohl hat immer gesagt: Die Deutsche Einheit und die europäische Einigung sind zwei Seiten einer Medaille* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel auf dem “Dürkheimer Wurstmarkt” von 13.09.2008) – Гельмут Коль всегда говорил: Немецкое единство и европейское единение – это две стороны одной медали. *Richard von Weizsäcker hat dazu einmal gesagt: “Der Mensch findet zu sich selbst in seiner Kultur. Kultur ist Geschichte nicht von Ideen, sondern vom konkreten, ja einmaligen Menschen”* (Rede von A. Merkel von 04.09.2008) – Рихард фон Вайцзекер об этом однажды сказал: человек находит себя самого в своей культуре. Культура – это история не идей, а конкретного единственного в своем роде человека.

Все цитаты, используемые А. Меркель, включены в тексты ее докладов по следующей схеме: сначала называется имя цитируемой личности, затем речевой оборот «он или она сказал (сказала)» и сама цитата, оформленная по стандартным правилам. В политической коммуникации чаще всего, разумеется, цитируются политики, имеющие определенный высокий статус, но нередки случаи цитирования известных писателей, а также просто известных людей из различных областей общественной деятельности. Цитаты служат в речи А. Меркель аргументативной базой, опирающейся на апелляцию к авторитету.

Далее остановимся на примерах девизов.

Общественный интерес к публичному слову, печатному и живому, определялся не только тем, что люди слышали то, о чем думали, но не могли высказаться, но и тем, что этот необходимый обществу смысл был облечен в яркую выразительную форму благодаря публицистическому и ораторскому искусству лучших писателей, журналистов и некоторых политических деятелей. Эти обстоятельства можно считать факторами, которые предопределили появление в политической речи высказываний и предложений афористического содержания и выражения, не принадлежащих профессиональным литераторам [9].

После продолжительной речи для подведения итога А. Меркель использует слово “Motto” (девиз), например: *Das Motto unserer Integrationspolitik heißt: Fordern und Fördern – nicht übereinander reden, sondern miteinander reden* (Rede von 16.10.2007) – Девиз нашей политики объединения звучит так: Требовать и содействовать – говорить не друг о друге, а друг с другом.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой мы находим следующее определение термина «девиз»: краткое изречение, с предельной лаконичностью и точностью выражающее обобщенную и законченную мысль [8]. Можно сделать вывод, что это своего рода афоризмы. Толковый словарь С.И. Ожегова предлагает следующее определение: краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение [8].

В речи А. Меркель мы обнаруживаем следующие примеры афористических высказываний: *Sich einmischen, sich beteiligen – das ist die Devise* (Rede von 07.07.2009) –

Вмешиваться, участвовать – это девиз. Как видно из перевода, особого смысла это высказывание не несет, а имеет лишь характер подведения итога и лаконичного высказывания по поводу выше сказанного. Речь шла о том, чтобы правительство не оставалось в стороне от проблем граждан, а помогало им и участвовало в их жизни в самом прямом смысле этого слова. *Wir haben das Ganze damals unter das Motto "Sanieren – Reformieren – Investieren"* (Rede von 16.10.2007) – «Оздоровлять – преобразовывать – инвестировать». А Меркель в своем докладе долго перечисляла мероприятия, предпринятые правительством для улучшения положения народа, и в конце подвела итог, что же конкретно требуется от правительства.

Проведенный нами анализ 50 докладов позволил нам выявить базисные коммуникативные тактики А. Меркель, а также способы и средства их реализации. Это позволяет нам сделать выводы, что А. Меркель в полной мере владеет и эффективно использует тактики реализации стратегии формирования эмоционального настроения адресата.

Список литературы

1. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. – 1997. – № 3. – С. 87–95. – (Сер. 9. Филология).
2. Герасимова И. А. Введение в теорию и практику аргументации : учеб. пос. / И. А. Герасимова. – М. : Университетская книга : Логос, 2007. – 312 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Кравченко А. И. Культурология : учеб. пос. для вузов / А. И. Кравченко. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2001.
5. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
6. Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина / под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
7. Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Режим доступа: <http://fixed.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

КАТЕГОРИЯ «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере выступлений кандидатов в президенты США)

У.А. Савельева

В статье рассматривается категория «театральность» в политическом дискурсе. Автор исследует предвыборные речи кандидатов в президенты США. Анализ показывает, что во всех проанализированных речах категория «театральность» прослеживается с помощью определенных тактик и стратегий, которые мало изменились с течением времени.

The article considers category "theatricality" within political discourse. The author researches election speeches of presidential nominees of the US. The survey shows that in all the analyzed speeches the category "theatricality" can be traced through a certain number of tactics and strategies which differ little with the course of time.

Ключевые слова: имплицитный эффект, категория «театральность», коммуникативное пространство, манипулятивные стратегии, политический дискурс, предвыборная речь, презентационные тактики, речевое поведение.

Key words: implicit effect, category of "theatricality", communicative space, manipulative strategies, political discourse, election speech, presentational tactics, communicative behavior.

Предметом настоящего исследования является категория «театральность» в политическом дискурсе, целью – изучение ее реализации в предвыборных речах кандидатов в президенты США. Под предвыборной речью мы предлагаем понимать жанр политического дискурса, оказывающий влияние на избирателей с целью завоевания наибольшего числа голосов на выборах. На наш взгляд, предвыборная речь обладает набором определенных характеристик, таких, как: определенная тематическая наполненность; особый набор разноуровневых стилистических средств и приемов (фонетических, лек-

сических, синтаксических, которые создают риторические структуры и способствуют формированию речевого имиджа кандидата и оказанию коммуникативного имплицитного воздействия на избирателей); манипулятивная целевая установка.

Предвыборная речь является особым видом речи, используемой в качестве агитации в определенной ситуации. Предвыборная речь ограничена временными рамками и локальным фактором, то есть она произносится строго в рамках предвыборной кампании в определенное время, в определенном государстве и на определенной территории. Эти экстралингвистические обстоятельства обуславливают смысловую целостность предвыборной речи.

В данном элементе политического дискурса мы выделяем такие компоненты, как реципиент, сообщение, отправитель сообщения, цель предвыборной речи (убедить реципиента в необходимости голосовать за данного кандидата), хронотоп (время и место произнесения речи).

Тематика предвыборных текстов кандидатов-оппонентов, согласно проведенному наблюдению, примерно одинакова. Отличными, как правило, бывают лишь подходы к решению одних и тех же проблем.

Краткосрочность предвыборной кампании, отсутствие традиций политической культуры и ряд других факторов делают возможным манипулирование общественным мнением в больших масштабах. О манипулирующих свойствах политических текстов пишет Г.Г. Почепцов. Он указывает на то, что «текст в широком смысле, который пишет «лидер» своими выступлениями и поступками, опубликованными в средствах массовой информации материалами, стремится расширяться на новые области, захватить новые каналы коммуникации, чтобы обязательно дойти до каждого» [3, с. 44].

Имплицитное воздействие кандидата на избирателя осуществляется на двух уровнях – вербальном и невербальном. На вербальном уровне ему помогают различные языковые средства, невербальные средства представлены такими элементами имиджа кандидата, как жесты, мимика, внешний вид.

Любая речь имеет коммуникативную цель и обусловлена коммуникативной ситуацией. Вслед за О.Н. Паршиной, мы понимаем под коммуникативной целью «прогнозируемое искомое, представление о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату» [2, с. 13].

Театральность политического дискурса связана, на наш взгляд, с тем, что зачастую мы воспринимаем политические события как некое разыгрываемое действие. Исходя из определенных выше компонентов предвыборного выступления, реципиент (народ, электорат) нередко выступает в роли адресата-наблюдателя, ради которого это действие разыгрывается.

Наличие вполне определенной, всегда массовой, зрительской аудитории – важнейшая общая черта и театра, и политики. Не является новостью то, что многие политики используют актерские приемы для привлечения избирателей. Предвыборные «постановки» делаются по самому настоящему сценарию, в них участвуют множество профессиональных актеров, режиссеров, редакторов, суфлеров, костюмеров и декораторов. Аудитории этих театрализованных шоу огромны. Иногда это телезрители всего мира. Политик, который хочет добиться успеха сегодня, должен быть, прежде всего, актером, уметь вести себя перед телекамерами, играть свою роль в «спектакле».

Итак, политическое поведение тесно связано с категорией театральности, под которой мы понимаем сущностную характеристику политического действия, заключающуюся в условной игре политических актеров на определенной сцене перед определенной публикой с целью завоевания ее согласия на осуществление определенных политических действий. Мы соглашаемся с А.В. Оляничем в том, что, выступая лингвосомиотическим инструментом воздействия на аудиторию [1, с. 134], категория театральности реализуется на различных уровнях – лексическом, стилистическом, невербальном.

Мы предлагаем рассмотреть реализацию выделяемых А.В. Оляничем презентационных стратегий в рамках категории театральности. Исследователь выделяет следующие основные презентационные стратегии:

✓ «адекватное и активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникативной среды безотносительно к задачам расширения или структурного изменения среды коммуникации;

✓ смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение структуры коммуникативной среды (но не всегда ее расширение);

✓ расширение и детализация структуры коммуникативной среды при неизменном, как правило, коммуникативном пространстве» [1, с. 330].

Первая презентационная стратегия, или так называемый «промоушн», имеет довольно яркую реализацию в рамках категории театральности в политическом дискурсе. Вторая презентационная стратегия предусматривает наличие за спиной кандидата специально нанятого имиджмейкера, который детально разрабатывает его внешний вид, а также тактики поведения. Так, например, именно имиджмейкеры занимаются тем, что расставляют акценты в речах кандидатов на сильных и излюбленных темах американцев, таких, как семья, религия, честность. Что касается кандидатов в президенты США, то можно отметить, что работа такого помощника имиджмейкера, как стилист, явно заметна не только в облике всех кандидатов в президенты США, но также членов их семей.

Что касается третьей презентационной стратегии, то ее явное использование четко прослеживается, например, в том факте, что речи кандидатов в президенты США составлены на разные темы, но во всех них четко прослеживается один и тот же набор смысловых акцентов: честно исполнить свою предвыборную программу в случае избрания на пост президента, выражение уважения к соперникам, прославление американских ценностей. Именно этот набор действий тщательно прикрывается видимым расширением информационного присутствия, выражающегося через постоянное введение новых предложений по программе действия каждого кандидата в президенты США по острым проблемам государства.

Успешное применение вышеуказанных стратегий возможно при помощи определенного набора презентационных тактик, к которым А.В. Олянич, например, относит:

✓ тактику создания аффективного образа воздействующего, его состояний и действий, выгодную воздействующему и необходимую для достижения коммуникативных целей;

✓ тактику создания сценария (плана) действий, включающего оценку существующего положения дел и прогнозирование разворачиваемой коммуникативной ситуации;

✓ тактику аргументирования, способствующую максимально успешному воздействию на когнитивную рамку воздействуемого;

✓ тактику информирования / дезинформирования, используемую как в манипулятивных, так и в иных презентационных целях;

✓ тактику снижения социального напряжения (тактику эвфемизации), обеспечивающую благоприятную для воздействия коммуникативную среду;

✓ тактику мифологизации события или вовлеченной в воздействие персоналии, способствующую формированию стабильного и долговременно существующего отношения воздействуемого к концептам, намеренно продвигаемым в его сознание воздействующим» [1, с. 331].

В данном исследовании мы соглашаемся с тактиками и стратегиями, предложенными А.В. Оляничем, и выдвигаем гипотезу о том, что в жанре предвыборной речи эти тактики и стратегии находят полное выражение и применение. Следует уточнить, что мы ограничены рамками статьи, в связи с чем ниже приводится подробный анализ только презентационных стратегий в речах кандидатов в президенты США.

Нами было проанализировано 189 предвыборных выступлений кандидатов на пост президента США: Б. Обамы (101 речь), Дж. Кеннеди (15 речей), Дж. Буша младшего (15 речей), Дж. С. Маккейна (42 речи), дебаты Б. Обамы и Дж. С. Маккейна (8), Ф. Рузвельта (14 речей), Б. Клинтона (8 речей), Р. Рейгана (10 речей).

Стратегия «промоушн» Ф. Рузвельта (период президентства – 1933–1945 гг.) представляется нам наиболее успешной во всех отношениях: в его речах есть прием-

лемый баланс между красноречием и смыслом: *“My fellow-citizens, no people on earth have more cause to be thankful than ours, and this is said reverently, in no spirit of boastfulness in our own strength, but with gratitude to the Giver of Good who has blessed us with the conditions which have enabled us to achieve so large a measure of well-being and of happiness”* [5].

В данном примере Ф. Рузвельт отдает дань красноречию в первой части предложения, и хоть обобщенно, но все же указывает на довольно удачное состояние дел в США на период его предвыборной кампании. Кроме того, в речах Ф. Рузвельта четко прослеживается склонность к самоанализу и выявлению основных проблем американской нации на современный ему период, что помогает ему продвигаться как наиболее удачному кандидату в президенты США: *“I earnestly recommend to the Congress that in the exercise of its wise discretion it should take into consideration the coming to this country of anarchists or persons professing principles hostile to all government and justifying the murder of those placed in authority”* [5].

Кандидат в данном примере четко обозначает проблемы и предлагает Конгрессу обратить на них пристальное внимание, не останавливаясь на бесполезных нюансах самой проблемы, ее корнях, а лишь настойчиво говоря, что в силу ее срочности ее необходимо срочно решить.

Промоушн Дж.Ф. Кеннеди (период президентства – 1961–1963 гг.) несколько иного плана. Он тратит мало времени и сил на условности и тонкости этикета и в своих речах, как правило, сразу переходит к сути дела, создавая образ делового и сильного человека и политика: *“The American Legion will have many opportunities for important public service in the coming months, but already it is becoming apparent that it may again be in the field of national security that this service will have its most enduring significance”* [6].

В данном примере кандидат сразу проявляет практический подход и деловую сметку, с первых слов обозначая свои приоритеты в данной речи.

Первая презентационная стратегия используется также Р. Рейганом (период президентства – 1981–1989 гг.) через его самопрезентацию как стандартного американца. Он активно рассказывал про свое детство и юность, делая акцент на том, что, отыскав дешевый колледж в крохотном городке Юрика в 150 километрах от Диксона, он оговорился, что с учетом его спортивных достижений плату за обучение для него снизят вдвое – до 90 долларов в год. Рейган-студент, несмотря на огромный уровень безработицы, нашел себе две работы – мыл посуду в мужской студенческой столовой и на кухне женского общежития. Он не только содержал себя сам, но и материально помогал родителям, а через год вытянул в колледж и старшего брата, обучение которого тоже частично оплачивал. Кроме мытья посуды, Рейган в студенческие годы активно занимался спортом, играл в самостоятельном студенческом театре.

Первая презентационная стратегия, или так называемый «промоушн», активно используется Б. Клинтон (период президентства – 1993–2001 гг.) через создание определенного имиджа, самыми яркими чертами которого у него являются любовь к игре в гольф и на саксофоне, что он активно демонстрировал во время своей предвыборной кампании. При помощи таких нехитрых манипуляций он показывал своим избирателям, что он понимает и принимает интересы многих американцев и активно воплощает их в собственной жизни. Во время его предвыборной кампании на телевидении часто мелькали ролики, на которых Б. Клинтон со своей неизменной улыбкой играет известные партии на саксофоне, тем самым показывая своим сторонникам и избирателям, что он духовно развитая личность. Гольф – игра людей успешных. Демонстрируя свое умение и любовь к гольфу, Б. Клинтон тем самым показывает, что он сам стремится к успеху и, соответственно, постарается привести к успеху и престижу свою страну.

Стратегия «промоушн» Дж. Буша (период президентства – 2001–2008 гг.) основывается на сочетании языковых и неязыковых факторов: внешний вид Буша и его высказывания (как те же параметры любого другого кандидата в президенты США) прекрасно сочетаются друг с другом. Он всегда в деловом костюме и регулярно на-

чинает все свои речи с обязательного выражения благодарности народу в лице избирателей за предоставленную ему честь выражать и защищать интересы его сограждан: *"Mr. Chairman, delegates, and my fellow citizens... I accept your nomination. Thank you for this honor. Together, we will renew America's purpose"* [9].

В данном примере Дж. Буш начинает свою речь с формальных формул вежливости, сплетенных с указанием на возможность совместного возрождения Америки – вместе с ним. Это помогает ему произвести впечатление вежливого, умеющего соблюдать правила этикета кандидата в президенты, с одной стороны, и умелого оратора, тактично соединяющего этикетные требования с возможностью лишней раз упомянуть о том, что он может помочь своей стране, с другой.

«Промоушн» Дж.С. Маккейна являет собой смесь промоушна Дж. Буша и Дж.Ф. Кеннеди: Маккейн не забывает про формулы вежливости, но при этом старается на них долго не задерживаться, хотя в его речи есть одна особенность в этом плане – он не стремится сразу к четкому выражению своих мыслей по поводу стратегически важных вопросов, стремясь дать наиболее расплывчатые и общие ответы формулировки на наиболее опасные вопросы и темы: *"I've fought corruption, and it didn't matter if the culprits were Democrats or Republicans. They violated their public trust, and had to be held accountable. I've fought big spenders in both parties who waste your money on things you neither need nor want, while you struggle to buy groceries, fill your gas tank and make your mortgage payment. I've fought to get million-dollar checks out of our elections. I've fought lobbyists who stole from Indian tribes. I fought crooked deals in the Pentagon. I fought tobacco companies and trial lawyers, drug companies and union bosses"* [8].

В данном примере Дж.С. Маккейн говорит о своих достижениях и победах, но не называет конкретных имен и дат в подтверждение, что свидетельствует о том, что данный кандидат при использовании стратегии промоушна отдает предпочтение внешней стороне речи, явно надеясь на то, что таким образом ему будет легче через свою речь произвести имплицитный эффект на избирателей с целью добиться наибольшего успеха.

Промоушн Б. Обамы (период президентства – с 2008 г.) мы считаем удачным лишь для представления его среднестатистическим гражданам с довольно средним уровнем интеллекта, так как его предвыборные речи являются образцом цветистого красноречия, но основная информация, которая в них представлена, является пустой по содержанию. Более половины его обычной предвыборной речи не несет в себе никакой ценной для слушателя информации, а представляет собой лишь нагромождение громких пафосных фраз, призванных, на наш взгляд, отвлечь внимание слушателей от отсутствия у него четкой программы действий: *"That we are in the midst of crisis is now well understood. Our nation is at war, against a far-reaching network of violence and hatred. Our economy is badly weakened, a consequence of greed and irresponsibility on the part of some, but also our collective failure to make hard choices and prepare the nation for a new age. Homes have been lost; jobs shed; businesses shuttered. Our health care is too costly; our schools fail too many; and each day brings further evidence that the ways we use energy strengthen our adversaries and threaten our planet"* [7].

В данном примере Б. Обама оперирует уже известной истиной, что США переживает кризис, и он активно вновь и вновь возвращается именно к теме кризиса, несколько аморфно описывая его последствия, но не указывая, что же конкретно делать.

При анализе стратегии имиджа мы пришли к выводу, что все кандидаты в президенты США в разное время все же придерживались определенных четких и обязательных для всех правил поведения, произношения и составления речей и внешнего вида:

Кандидат в президенты должен:

✓ иметь строгий деловой костюм в большинстве случаев;

✓ в начале речи обязательно поблагодарить народ за оказанное доверие:

"Thank you very much, General Lennox. Mr. Secretary, Governor Pataki, members of the United States Congress, Academy staff and faculty, distinguished guests, proud family members, and graduates: I want to thank you for your welcome" [9] (из речи Дж. Буша).

В данном примере благодарность выражена расхожим клише из формул вежливости, что использовано в начале отрывка, и эффект от его использования усилен с помощью перечисления тех лиц, к кому конкретно относится благодарность кандидата;

✓ в середине речи поблагодарить свою семью за поддержку: *“As always, I'm indebted to my wife, Cindy, and my seven children. The pleasures of family life can seem like a brief holiday from the crowded calendar of our nation's business. But I have treasured them all the more, and can't imagine a life without the happiness you give me. Cindy said a lot of nice things about me tonight. But, in truth, she's more my inspiration than I am hers. Her concern for those less blessed than we are – victims of land mines, children born in poverty and with birth defects – shows the measure of her humanity. I know she will make a great first lady”* [9]. В данном примере эффект основной направленности благодарности семье усилен упоминанием количества детей и активным использованием положительно окрашенных слов, таких как, *pleasure, holiday, etc.*;

✓ в конце речи выразить уважение оппонентам: *“Senator Obama has achieved a great thing for himself and for his country. I applaud him for it, and offer him my sincere sympathy that his beloved grandmother did not live to see this day”* [10] (из речи Дж.С. Маккейна). Уважение кандидата прослеживается на вербальном уровне через использование слов с положительной коннотацией, таких, как *achieved, great, applaud, etc.*;

- ✓ быть аккуратно подстриженным и в чистой обуви;
- ✓ помнить об обязательности улыбки;
- ✓ пожимать руки избирателям;
- ✓ появляться на публике с семьей и сторонниками из лагеря кандидата.

Что касается третьей стратегии, которая реализуется через определенные действия, выполняемые кандидатами в президенты, также можно отметить удивительное единодушие кандидатов: все они используют один и тот же набор действий, что, впрочем, вполне объяснимо: это обусловлено вполне понятными ожиданиями людей как потенциальных избирателей. Все они ожидают, что поведение и порядок действий их кандидатов в президенты будет укладываться в определенные, сложившиеся ранее рамки:

✓ создание своего штаба;

✓ построение предвыборной стратегии на основе анализа текущих проблем государства: *“Thanks to the leadership of a brilliant general, David Petraeus, and the brave men and women he has the honor to command, that strategy succeeded and rescued us from a defeat that would have demoralized our military, risked a wider war and threatened the security of all Americans”* [9] (из речи Дж.С. Маккейна). В данном примере кандидат ссылается на исторически значимых персонажей и события в США текущего периода времени, выставляя их в исключительно выгодном свете, чтобы зарядить положительной энергией избирателей, тем самым показав им, что он в курсе всех событий политической жизни государства и в состоянии им управлять;

✓ обязательное наличие предвыборных обещаний выполнить наказ избирателей: *“The ultimate result will be that Assumption will play an even larger role in the life of New England than it has in the past”* [6] (из речи Дж.Ф. Кеннеди). Обязательность исполнения предвыборного обещания усиливается использованием эпитетов *ultimate, larger*, а также усилительного слова *even*;

✓ тесный контакт с простым народом на стадии предвыборной кампании: *“Thank you. Thank you, my friends. Thank you for coming here on this beautiful Arizona evening”* [10] (из речи Дж.С. Маккейна). В данном примере кандидат обращается неформально к избирателям (*my friends*), чтобы показать свою максимальную близость с народом для демонстрации понимания его насущных нужд и потребностей;

“Together with our friends and allies, we will work to shape change, lest it engulf us. And, my friends, that will change the face and future of America” [4] (из речи Б. Клинтона). В данном примере мы наблюдаем лексический повтор слова *friends*, который используется для демонстрации ключевых черт имиджа Б. Клинтона как кандидата в президенты США – дружелюбие и стремление к единению с американским народом;

✓ пропаганда определенных ценностей (например, семейных): “*When I was growing up, my father was often at sea, and the job of raising my brother, sister and me would fall to my mother alone. Roberta McCain gave us her love of life, her deep interest in the world, her strength and her belief we are all meant to use our opportunities to make ourselves useful to our country. I wouldn't be here tonight but for the strength of her character*” [9] (из речи Дж.С. Маккейна). Кандидат описывает случай из своей личной жизни, чтобы показать, что он такой же, как все, а, значит, прекрасно понимает нужды простого населения и заинтересован в исполнении его наказов и желаний.

Третья стратегия расширения и детализации структуры коммуникативной среды при неизменном, как правило, коммуникативном пространстве выражается у Р. Рейгана в крайней педантичности его речей. Так, например, в следующем примере он считает нужным перечислить всех адресатов своего официального обращения: “*Senator Hatfield, Mr. Chief Justice, Mr. President, Vice President Bush, Vice President Mondale, Senator Baker, Speaker O'Neill, Reverend Moomaw, and my fellow citizens: To a few of us here today, this is a solemn and most momentous occasion; and yet, in the history of our nation, it is a commonplace occurrence*” [9].

Таким образом, проанализированный материал позволил прийти к следующим заключениям:

✓ во всех проанализированных предвыборных речах кандидатов в президенты США прослеживается определенный набор тактик и стратегий;

✓ кандидаты придерживаются практически одних и тех же тактик и стратегий в диахроническом аспекте, то есть их набор не подвергается значительным изменениям с течением времени.

В перспективе исследования – анализ категории «театральность» в предвыборных речах кандидатов в президенты США на лексическом и стилистическом уровнях.

Список литературы

1. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
2. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : монография / О. Н. Паршина. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. – 196 с.
3. Почепцов Г. Г. Профессия: имиджмейкер / Г. Г. Почепцов. – Киев : ИМСО МО Украины, НВФ «Студцентр», 1998. – 256 с.
4. Режим доступа: <http://australianpolitics.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Режим доступа: <http://millercenter.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Режим доступа: <http://www.jfklibrary.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Режим доступа: <http://obamaspeeches.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Режим доступа: <http://www.politico.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Режим доступа: <http://www.presidentialrhetoric.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «АНГЛИЙСКИЙ БИЗНЕСМЕН»

Е.М. Стомпель, М.С. Илюхина

В статье исследуется репрезентация лингвокультурного типажа «английский бизнесмен» в английских паремиях. Цель статьи – выявить дополнительные признаки лингвокультурного типажа «английский бизнесмен» в рамках ценностных характеристик.

The article considers the representation of the linguistic and cultural type “English Businessman” in English proverbs and sayings. The aim of the article is to discover some additional characteristics of the linguistic and cultural type “English Businessman” within the framework of axiological characteristics.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, английский бизнесмен, пословица, поговорка, паремия, ценностные характеристики.

Key words: linguistic and cultural type, English businessman, proverb, saying, paroimia, axiological characteristics.

В рамках исследования ценностных характеристик лингвокультурного типажа «английский бизнесмен» представляется интересным обратиться к паремиологическому фонду английского языка. Хорошо известно, что мудрость народа выражается в пословицах и поговорках, а изучение пословиц и поговорок того или иного народа способствует лучшему знанию языка и пониманию образа мыслей и характера народа.

А.Н. Афанасьев, например, считает, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [1, с. 15].

Пословицы и поговорки заключают в себе правила и нормы, с которыми соглашается большая часть представителей той или иной культуры, формирующиеся многими поколениями [4, с. 141–142].

В.И. Даль рассматривает пословицу как результат общения народа. Он отмечает, что пословицы и поговорки присущи простому народу [2, с. 10].

Именно в пословицах и поговорках проявляется кумулятивная (накопительная) функция языка, изучение которой является основой лингвокультурологии, что позволяет сохранять и передавать накопленный внеязыковой коллективный опыт [3, с. 108].

В пословицах и поговорках содержится ценностный компонент, с помощью которого можно судить о значимости каких-либо явлений в данной культуре. Если существует большое количество пословиц и поговорок на ту или иную тематику, следовательно, эта тема значима для данной культуры.

В работе не проводится четких границ между пословицей и поговоркой. Они объединены в единую категорию – паремии.

Материалом для исследования послужили 70 пословиц и поговорок, отобранных методом сплошной выборки из английских словарей и интернет-источников на основании характеристик, выделенных ранее на понятийном уровне исследования типажа «английский бизнесмен». Эти характеристики сводятся к следующему:

✓ основное действие – покупка и продажа товаров с извлечением выгоды (*a person who buys and sells goods, who knows how to get and save money, who calls on private hours to deliver goods, to make a profit*);

✓ характер действия – новое, разумное, рискованное (*taking risks, to do something new and clever*);

✓ характеристики человека, производящего данные действия: организующий свою деятельность, часто действующий в одиночку, думающий, прежде всего, о своих интересах, пытающийся добиться успеха за короткое время (*makes the plans for a business, operating alone, personal achievements for his/her personal account for a short period of time*).

Анализ английских паремий позволил выделить несколько групп, которые были объединены по семантическим признакам. Эти паремиологические единицы дополняют характеристики изучаемого лингвокультурного типажа «английский бизнесмен», которые были выведены ранее на понятийном уровне.

1. Семантическая группа «дело на первом месте». В английской лингвокультуре это содержание передают следующие паремии: *business is the salt of life* / дело – соль жизни; *business before pleasure* / делу время – потехе час; *business is business* / дело есть дело; *by doing nothing we learn to do ill* / праздность – мать всех пороков; *he that is busy, is tempted by but one devil, he that is idle by a legion* / тот, кто занят, искушаем одним дьяволом, тот, кто ничем не занят – множеством; *if life deals you lemons, make lemonade* / если жизнь дает тебе лимоны, делай лимонад.

Из приведенных паремиологических единиц видно, что в английской лингвокультуре дело сравнивается с солью (сутью) жизни **“business is the salt of life”**. Таким образом, дело – это главное в жизни любого человека. Образ делового человека оценивает-

ся положительно, именно такой человек приносит пользу обществу. Деловой человек противопоставляется бездельнику, который является отрицательным типажом: **“by doing nothing we learn to do ill, he that is busy, is tempted by but one devil, he that is idle by a legion”**; сначала нужно поработать, а потом отдыхать **“business before pleasure”**. Народная мудрость учит тому, что человек должен сделать лучшее, из того, что у него есть под руками: **“if life deals you lemons, make lemonade”**.

2. Семантическая группа «заниматься делом следует самому; выполнять свою работу следует хорошо»: *everybody's business is nobody's business* / дело всех – ничье дело, то есть во всяком деле должно быть ответственное лицо; у семи нянек дитя без глазу; *all men can't be first* / все не могут быть первыми; *all men can't be masters* / все не могут быть хозяевами; *if you want a thing well done, do it yourself* / если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сам; *if a job is worth doing, it is worth doing well* / если работа стоит того, чтобы ее делали, делать ее следует хорошо; *make or break* / либо пан, либо пропал; *never do things by halves* / никогда ничего не делай наполовину, заканчивай начатое; *make the best of a bad bargain (business/job)* / мужественно переносить несчастья, затруднения; не падать духом в беде; не ударить лицом в грязь; делать хорошую мину при плохой игре.

Деловой человек, который ведет дело самостоятельно, как правило, более успешен, нежели группа лиц, занимающихся одним делом. Пословицы и поговорки утверждают, что только один человек может стоять во главе какого-либо дела, предприятия: **“everybody's business is nobody's business”**. Сегодня эта пословица из сферы бизнеса перешла во всеобщее употребление и в некотором роде регулирует поведение в обществе, в чем проявляется ценностная характеристика исследуемого типажа. Согласно английским паремиям, любым, даже невыгодным делом, либо следует заниматься, прилагая все возможные усилия, либо не браться за него вовсе: **“if a job is worth doing, it is worth doing well”**; **“make or break”**. Отсюда можно сделать вывод, что образ делового человека складывается из таких составляющих, как личный контроль над делом, приложение максимума усилий, высокая работоспособность и ответственность.

3. Семантическая группа «купля-продажа». На понятийном уровне было выявлено, что любой бизнес основан на купле-продаже, операциях с ценными бумагами и т.д. Таким образом, правомерно рассмотрение паремий, относящихся к торгу. Как отмечает Ю.Н. Петелина, «любая торговая сделка – это свод правил, которые нужно соблюдать» [4, с. 143]. Эта мысль заложена в следующих английских пословицах и поговорках: *a bargain is a bargain* / уговор дороже денег; *the value is determined by the agreement of two people* / цена определяется соглашением двух людей; *he praises who wishes to sell* / хвалит тот, кто желает продать; *he that speaks ill of the mare would buy her* / тот, кто плохо говорит о кобыле, обязательно купит ее; *buy a pig in a poke* / купить поросенка (кота) в мешке; *buy the best and you only cry once* / покупай лучшее, и тогда придется плакать толь однажды; *if you buy cheaply, you pay dearly* / покупаешь дешево, платишь дорого, то есть скупой платит дважды; *cheapest is the dearest* / дешево, да гнило; *there are more foolish buyers than foolish sellers* / глупых покупателей больше, чем глупых продавцов; *keep your eyes open: a sale is a sale* / смотри в оба: торговля есть торговля; *ill ware is never cheap* / плохой товар никогда не является дешевым (товар плохого качества – всегда дорогой); *cheap and nasty* / дешево и гнило.

Из приведенных пословиц и поговорок явствует, что в сделке существуют две стороны (покупатель и продавец), от сотрудничества которых зависит исход сделки: **“the value is determined by the agreement of two people”**. Образ покупателя противопоставляется образу продавца (в нашем случае бизнесмен может выступать и как покупатель, и как продавец). Продавец представлен человеком, задача которого заключается в том, чтобы успешно реализовать свой товар любым путем, даже скрывая изъяны, недостатки своего товара, так как от исхода сделки зависит его материальное благополучие. При этом следует отметить, что образ продавца выигрывает образа покупателя: **“there are more foolish buyers than foolish sellers”**. Из паремий следует, что покупатель должен постоянно быть начеку во время торга, чтобы не быть обма-

нутым: **“keep your eyes open: a sale is a sale”**. Покупателю также выгодно приобрести товар, договорившись о снижении цены в процессе торга, чаще всего плохо отзываясь о товаре: **“he that speaks ill of the mare would buy her”**. Это своего рода уловка. Правила торговли таковы, что дешевый товар не всегда бывает хорошего качества, и поэтому, чтобы его реализовать и получить за него прибыль, продавцы снижают цену для завлечения покупателей. В итоге, приобретая такой товар, покупатель оказывается в проигрыше: **“buy the best and you only cry once”**.

4. Семантическая группа «успех». Понятийные характеристики представляют бизнесмена как преуспевающего в своем деле человека, готового идти на риск для успеха своего предприятия: *nothing succeeds like success* / успех влечет за собой новый успех; *failure is the stepping stone for success* / неудача – это ступенька для достижения успеха; *failure teaches success* / неудача учит успеху; *failure leads to success* / неудача приводит к успеху; *politeness costs nothing and gains everything* / ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость; *diligence is the mother of success* / терпение и труд все перетрут; *cheek brings success* / смелость города берет.

Приведенные паремии учат тому, что успех порождает успех: **“nothing succeeds like success”**; не бывает успеха без неудач: **“failure is the stepping stone for success”**. Следовательно, только тот человек, который познал неудачи, может быть настоящим успешным. Образ успешного человека наделен такими качествами, как трудолюбие (**“diligence is the mother of success”**), смелость (**“cheek brings success”**), вежливость (**“politeness costs nothing and gains everything”**).

5. Семантическая группа «риск». Эта группа представлена следующими паремнологическими единицами: *nothing risk, nothing win* / риск – благородное дело; *nothing ventured, nothing gained* / попытка – не пытка, волков бояться – в лес не ходить; *don't put all your eggs into one basket* / не клади всех яиц в одну корзину.

Таким образом, в английской лингвокультуре, помимо успеха, образ процветающего делового человека подразумевает определенный риск: только готовый идти на риск человек может добиться результатов в своем деле: **“nothing ventured, nothing gained”**. Также паремии напутствуют, что не следует вкладывать все ценности в одно предприятие. Ценности в поговорке обозначает хрупкий продукт, который от любого внешнего воздействия может испортиться: **“don't put all your eggs into one basket”**. Эта поговорка, кстати, получила широкое распространение и в отечественной лингвокультуре.

6. Семантическая группа «деньги». Предпринимательская деятельность непосредственно связана с категорией «деньги», и данная семантическая группа имеет такое же название. Следует отметить, что в английском языке существует огромное количество пословиц и поговорок, включающих лексему «деньги» либо ее синонимы, поэтому представляется правомерным выделить несколько подгрупп в данной семантической группе:

✓ **деньги и дружба несовместимы:** *where wealth is established it is difficult for friendship to find a place* / где богатство, там трудно найти место для дружбы;

✓ **процветающий человек всегда окружен друзьями:** *prosperity makes friends, and adversity tries them* / друзья познаются в беде. Богатому человеку трудно найти настоящего друга, с одной стороны, и успешный человек с большим материальным достатком всегда имеет множество друзей, с другой. Пословица, содержащая лексему «процветание», имеет иное значение: *prosperity discovers vice, adversity virtue* / процветание выявляет пороки, а несчастье – достоинства. Высокое положение, материальный достаток могут обнаружить отрицательные качества в характере человека, его поступках, но человек, оказавшийся в беде, наоборот, может проявить свои лучшие качества;

✓ **человек не должен ставить деньги на первое место:** *money is a good servant but a bad master* / человек должен распоряжаться деньгами, а не деньги человеком; *money often unmakes the men who make it* / деньги часто губят тех, кто их наживает; *money is the root of all evil* / деньги – корень всех зол; *money isn't everything* / деньги – это не все; *money cannot buy happiness* / за деньги счастья не купишь; *money*

can't buy everything but everything needs money / за деньги нельзя все купить, но на все нужны деньги; *better be born lucky than rich* / лучше родиться удачливым, чем богатым; *riches alone make no man happy* / одно только богатство не делает ни одного человека счастливым; *they are rich who have true friends* / тот богат, у кого есть верные друзья. Образ человека, сосредоточенного только на деньгах, осуждается, так как не в деньгах счастье, утверждают паремии. Состоятельный человек не всегда счастлив, деньги часто ограничивают его в чувствах и эмоциях. Согласно пословицам и поговоркам, по-настоящему богат тот, у кого есть верные друзья. Деньги ассоциируются с властью, а неразумное ее использование может причинить вред другим. Подчеркивается двойное отношение к деньгам: с одной стороны, не все имеет материальную стоимость, особенно чувства, эмоции, с другой, деньги дают возможность ощущать себя комфортно. Прослеживается и отрицательное отношение к деньгам: деньги – это не всегда хорошо;

✓ **способы получения прибыли:** *money has no smell* / деньги не пахнут; *money made through dishonest practices will not last long* / денег, добытых нечестным путем, ненадолго хватит; *a bad penny always turns up* / грязные деньги всегда всплывают. С одной стороны, любая прибыль, даже добытая незаконным путем, хороша, люди могут поступиться совестью, наживая свое состояние. С другой стороны, говорится, что честность – основа благоприятно развивающегося бизнеса, предприятия;

✓ **деньги решают все:** *money talks; money makes the mare go* / деньги говорят (деньги решают все); *money makes the world go around* / деньги вращают мир; *no money, no justice* / нет денег, нет справедливости; *possession is nine tenths of the law* / состояние – девять десятых закона; *laws catch flies but let hornets free* / закон, что паутина – шмель проскокит, а муха увязнет; *there's one law for the rich, and another for the poor* / один закон – для богатых, другой – для бедных; *new lords, new laws* / новые хозяева, новые законы; новая метла чисто метет; *the rich man may dine when he will, the poor man when he may* / богач может обедать, когда захочет, а бедняк – когда сможет; *a rich man's joke is always funny* / шутка богача всегда смешна; *a rich man can do nothing wrong* / богатый человек не может сделать что-то неправильно. Образ денежного человека соотносится с вседозволенностью в поступках и поведении, для такого человека все двери открыты. Деньги могут стать главным аргументом в любой ситуации, исход дела может решиться в пользу того, кто обладает большим материальным достатком. Пословицы утверждают, что состоятельный человек управляет законами, а законы написаны под богатых людей. Также подчеркивается, что не все перед законом равны, зачастую небогатого человека могут привлечь к ответственности, а богатому все спускают с рук: **“laws catch flies but let hornets free”**. Образ состоятельного человека соотносится с образом хозяина положения и даже хозяина мира. Пословицы подчеркивают, что действия, поступки состоятельного человека не могут рассматриваться как неправильные, все, что делают люди с материальным достатком, хорошо;

✓ **деньги приносят прибыль:** *money begets money* / деньги к деньгам идут; *money spent on the brain is never spent in vain* / деньги, потраченные на образование, никогда не пропадут; *a fool and his money are soon parted* / у дурака деньги долго не держатся; *riches serve a wise man but command a fool* / богатство служит мудрым, но командует глупцами; *a penny saved is a penny earned* / сбереженный пенс – заработанный пенс. Пословицы учат, что главное, чтобы имеющиеся деньги приносили постоянный доход, увеличивая состояние: деньги должны работать. Богатый человек наделен такими качествами, как бережливость, мудрость, умение управлять ситуацией, своим делом. Деньги, вложенные в образование, в развитие человека, – это деньги, потраченные с пользой, умный человек – состоятельный человек. Бережливость, экономность способствуют увеличению материального состояния. Деньги в данном случае выступают как продукт деятельности, способный принести еще больший доход впоследствии;

✓ **деньги – время:** *time is money* / время – деньги. Деньги приравниваются ко времени, которое очень ценится в любых кругах, особенно в бизнесе. С другой стороны, человек не может управлять временем, но может грамотно его организовать, разумно им распорядиться. В английской лингвокультуре особое внимание уделяется

пунктуальности. Скорее всего, именно пунктуальный человек в итоге может стать богатым. В России это также актуально.

7. Семантическая группа: «хорошая репутация лучше, чем большое состояние». Деловой человек – это фигура, обсуждаемая в обществе, привлекающая внимание к своему поведению, поступкам, материальному состоянию. Следующие паремии подпадают под эту категорию: *good name is better than riches* / доброе имя лучше богатства; *a clean fast is better than a dirty breakfast* / чистый пост лучше, чем грязный (нечестный) завтрак (лучше беднее, да честнее). В английской лингвокультуре существует особое отношение к репутации человека: лучше иметь хорошую репутацию, чем большое состояние. Образ нечестного, но богатого человека осуждается. Наоборот, образ небогатого, но с хорошей репутацией человека восхваляется “*good name is better than riches*”.

8. Семантическая группа «большое состояние причина беспокойства, хлопот»: *great fortune is a great slavery* / большое состояние – большое рабство; *a rich man's money hangs him often times* / деньги богатого человека часто обременяют его. В английской лингвокультуре образ богатого человека соотносится с образом человека, обеспокоенного за сохранение своего материального состояния, что, впрочем, вероятно, носит глобальный характер.

9. Семантическая группа «богат тот, кто довольствуется тем, что у него есть». Эта группа представлена паремиями типа: *he is not poor that has little, but he that desires much* / беден не тот, кто мало имеет, а тот, кто многого желает; *he is rich enough that wants nothing* / достаточно обеспечен тот, кто ничего не хочет; *he is rich that has few wants* / богат тот, у кого мало желаний. В английской лингвокультуре делается акцент на том, что человек, который довольствуется тем, что у него есть, и не желает большего, по-настоящему богатый человек. Таким образом, можно утверждать, что образ богатого человека наделен такими качествами, как целеустремленность, сосредоточенность на одном деле.

Подводя итоги проведенному выше анализу пословиц и поговорок, правомерно утверждать, что для английского бизнесмена:

- ✓ дело – основа жизни;
- ✓ следует заниматься одним делом и лучше вести его единолично, чтобы добиться успеха собственного предприятия;
- ✓ сделка является неотъемлемой частью любого делового предприятия, основу которого составляют гласные и негласные правила, которыми стороны сделки стараются воспользоваться каждый в свою пользу;
- ✓ неудачи в деле неизбежны, и только способный человек не сворачивает с намеченного пути и добивается результатов, что делает его успешным;
- ✓ успех в деле напрямую связан с риском; риск должен быть разумным;
- ✓ честность в любом деле приветствуется, хотя возможны варианты, когда человек пренебрегает законом, нарушает правила, законы для собственного обогащения;
- ✓ материальное состояние – то, ради чего задумывается и ведется любое деловое предприятие;
- ✓ материальное состояние – это большая ответственность для его владельца: оно дает человеку власть и силу, которые ему следует использовать разумно, чтобы не навредить другим; материальное состояние – это бремя для его обладателя: состоятельному человеку трудно найти настоящих друзей, ему постоянно нужно следить за своей репутацией, заботиться о том, как приумножить свое состояние, не потерять его;
- ✓ в деловом предприятии приветствуются такие качества, как вежливость, способности и характер, трудолюбие, ум, уверенность в себе, пунктуальность.

Приведенные характеристики, безусловно, не являются исчерпывающими для анализа ценностной составляющей лингвокультурного типажа «английский бизнесмен». Для более полного представления о влиянии этого типажа на общественные ценности и выявления его значимости для английского общества предполагается провести анкетирование англоязычных респондентов. Анализ анкет станет предметом следующего самостоятельного исследования.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Происхождение мифа / А. Н. Афанасьев. – М. : Высшая школа, 1996. – 150 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо : ННН, 2003. – 616 с.
3. Маслова В. Л. Лингвокультурология / В. Л. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
4. Петелина Ю. Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах / Ю. Н. Петелина. – Астрахань 2004.
5. Great-Quotes. Режим доступа: <http://www.great-quotes.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Oxford Dictionary of English Idioms / ed. by A. P. Cowie, R. Mackin & I. R. McCaig. – Oxford University Press, 1993. – 685 p.
7. Oxford Learner's Dictionary of English Idioms / ed. by H. Warren. – Oxford University Press, 1997. – 334 p.
8. The Phrase Finder. – Режим доступа: <http://www.phrases.org.uk/meanings/261100.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by R. A. Dutch. – Harmondsworth : Penguin, 1966. – 712 p. – (RTEWP, 1966).

**УНИФИКАЦИЯ СИСТЕМЫ КОННОТАТИВНЫХ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПОМЕТ В СЛОВАРЯХ**

Д.А. Умерова

Во многих словарях острой проблемой является отсутствие унифицированной системы словарных помет, уточняющих значение слова посредством дополнительной информации о денотативных, коннотативных, функциональных и грамматических компонентах значения слова. В данной статье мы провели анализ системы словарных помет в доступных нам одноязычных и двуязычных словарях турецкого языка и предложили свою унифицированную систему словарных помет.

In most dictionaries there is a daunting problem of absence of the unified system of lexicographic notes, which specify the meaning of the word by giving extra information about denotational, connotational, functional and grammatical components of meaning of the word. In this article we have analyzed the system of lexicographic notes in all available for us lingual and bilingual Turkish dictionaries and have introduced our unified system of lexicographic notes.

Ключевые слова: лексикография, словарная помета, словарная дефиниция, словарь, значение слова, контрастивная лексикография.

Key words: lexicography, lexicographic note, lexicographic definition, dictionary, the meaning of the word, contrastive lexicography.

Существует мнение о том, что словарные пометы в толковых словарях являются надежным источником информации о значении слова, тем более, если это академические толковые словари. Но нужно помнить, что любой «словарь, как источник, чрезвычайно богатый эмпирически, обладает своей спецификой. Непосредственно заложённая в нем информация открыта для ее извлечения, но знание, способное «оживить» эту информацию, не лежит на поверхности. Знание либо закодировано в общем информационном поле словаря, либо вообще существует в потенци, и овладение этим знанием требует определенных аналитических усилий со стороны пользователя» [4, с. 142]. Именно о закодированной информации, выраженной в словарных пометах и условных сокращениях словаря, пойдет речь в данной статье.

Одной из основных проблем современной лексикографии остается проблема эффективности дефиниции, то есть того, насколько полно раскрывается значение слова, насколько толкование понятно пользователю словаря. Как справедливо замечает В. Морковкин, «на передний план выдвигается проблема компактного и эксплицитного отражения всего многообразия значения слова в словаре» [6, с. 18]. П.Н. Денисов называет составление дефиниций «вершиной лексикографического искусства», тем самым подчеркивая значимость этого процесса. По мнению В.П. Беркова, в сло-

варе должен быть воплощен основной лексикографический принцип: «максимум информации на минимум места – без ущерба для интересов читателей» [1, с. 16].

С этим высказыванием напрямую связана проблема употребления словарных помет, предназначение которых заключается именно в лаконичной передаче денотативных, коннотативных и функциональных компонентов значения слова. Важность использования помет очевидна, поскольку их назначение – показать, как слово фактически реализуется в речевой практике носителей языка [5, с. 30]. Слово в родном языке, как правило, сопровождается разнообразными коннотациями, которые понятны для читателя, так как условия функционирования данного слова ему привычны. Сопоставляя данное слово с иностранным словом, «читатель склонен приписывать последнему те же коннотации, с которыми связано данное слово в родном языке. Только ознакомившись с толкованием иностранного слова в статье, он начинает различать особенности его функционирования в речи, его необычные для родного слова связи и отношения» [3, с. 215]. Но тут он сталкивается с тем, что лексикографы зачастую сознательно прибегают к переводу слов, принадлежащих к какому-либо функциональному стилю, при помощи стилистически нейтральных эквивалентов, снабжая их – и то не всегда – стилистическими пометами [14, с. 49].

Не менее важно не просто наличие или отсутствие словарных помет, но и наличие как в толковых одноязычных, так и в переводных двуязычных словарях единой унифицированной системы помет.

Проводя исследования в русле контрастивной лингвистики, мы часто сталкиваемся с проблемой системы используемых помет, с отсутствием унификации системы помет. В разных словарях мы можем видеть разный набор и разное наименование словарных помет. Эта проблема «неоднократно декларировалась как лексикологами и фразеологами, так и лексикографами, но к решению данных проблем фактически ученые так и не приступали. В этом виноваты прежде всего сложность и трудоемкость такой процедуры» [14, с. 69].

Мы решили проанализировать системы помет в доступных нам одноязычных и двуязычных словарях турецкого языка, и определить, существуют ли различия, несогласованность, представлены ли они вообще, и по возможности предложить свою систему словарных помет для турецких словарей.

Следуя алгоритму анализа системы помет, предложенному Т.А. Чубур [14, с. 70], мы проанализировали следующие турецко-турецкие, русско-турецкие и турецко-русские словари [2; 7–16].

Из словарей были выписаны все коннотативные и функциональные пометы, указанные составителями словарей. Данные полученные при работе над словарями сведены в таблицу 1, где под номерами зашифрованы названия словарей, указанных выше, номер в таблице соответствует номеру словаря в списке литературы. Далее представлена таблица 2, где мы свели воедино все коннотативные и функциональные пометы, используемые в данных словарях, чтоб наш анализ стал более наглядным.

Проведенный анализ помет в одноязычных и двуязычных толковых словарях турецкого языка показал, что в данных словарях нет единства в системе используемых помет, где-то она представлена не полностью, а где-то вообще отсутствует.

Так, если взять пометы в турецких одноязычных словарях и перевести их на русский язык, то можно увидеть, что они аналогичны тем, что употребляются в турецко-русских и русско-турецких словарях, но если взять во внимание набор этих помет, то в турецких словарях слово описывается беднее, менее разнообразно.

Если посмотреть первую и вторую колонки таблицы 1, то можно увидеть, что оценочный компонент не отражен ни в одном из турецких одноязычных словарей, также отсутствуют частотные и территориальные пометы.

Эмоциональные пометы представлены очень скудно: *alay yolu* (шутл.), *hakaret yollu* (бран.), *şaka yollu* (ирон.). Стилиевые пометы также не отличаются многообразием: *argo söz* (апро), *halk ağzında* (разг.), *kaba konuşmada* (прост.), *груб. (teklifsiz konuşmada)*.

	tv. vet. zoo.	мор. муз. мус. охот. па- леонт. полигр. полит. психол. радио рел. рыб. сад. спорт. стр. с.-х. театр. тех. торг. фарм. физ. физи- ол. филол. филол. фольк. фото хим. хир. церк. шахм. шк. эк. эл. этно. юр.			филос. фин. фото хим. шахм. школьн. эк. эл. юр.	рел. рыб. сад. спорт. спорт. стр. театр. тех. торг. фарм. физ. физи- ол. филос. фольк. хим. церк. шахм. эк. эл. этно. юр.	рыб. с.-х. спорт. стр. театр. текст. тех. фарм. физ. физи- ол. филат. филос. фин. фольк. хим. церк. шахм. шк. эк. эл. этно. юр.	мор. муз. мус. опт. охот. палеонт. полигр. полит. психол. радио рел. рыб. сад. спорт. стр. с.-х. театр. текст. тех. фарм. физ. физиол. филол. фин. фольк. фото хим. церк. эк. эл. эпист. этно. юр.	торг. физ. физи- ол. филос. фин. фольк. фото хим. церк. шахм. эк. эл. юр.
Темпоральные пометы									
esk.	esk.	арх. неол. уст.	уст.	уст.	уст.	уст.	уст.	уст.	уст.
Частотные пометы									
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Территориальные пометы									
–	–	диал.	–	–	диал.	–	–	обл.	–

Таблица 2

**Сводная таблица коннотативных и функциональных компонентов
в турецких словарях**

Оценка	неодобр.
Эмоция	ирон., ласк., презр., пренебр., унич., фам., шутл.
Стиль	арго, бран., вульг., высок., груб., книжн., нар.-поэт, офиц., поэт., прост., разг.
Социальный	ав., авто, анат., антроп., арг., археол., архит., астр., бакт., биол., биохим., бот., бухг., вет., воен., воен. – мор., геогр., геод., геол., геофиз., геохим., гидр., гидрометео, горн., грам., детск., дип., ж.-д., жив., зоол., информ., иск., ист., ист. иск., канц., карт., кино, ком., комп., косм., кул., лингв., лит., лог., мат., мед., метео., мин., мист., миф., мода, мор., муз., мус., образ., опт., охот., палеонт., педаг., полигр., полит., психол., радио, рел., рыб., с.-х., сад., соц.-полит., спорт., ст. рем., стр., театр., текст., тел., тех., типогр., торг., фарм., физ., физиол., филат., филол., филос., фин., фольк., фото, хим., хир., церк., шахм., школьн., эк., эл., эпист., эстет., этно., юр.
Темпоральный	арх., неол., уст.
Частотный	–
Территориальный	диал., обл.

Наиболее полно в турецких одноязычных толковых словарях отражены пометы, указывающие на принадлежность слова к определенной социальной группе. Там представлены также пометы, которых нет в переводных турецких словарях, к примеру: *bilişim* (информ.), *eğitim terimi* (образ.), *estetik terimi* (эстет.), *marangozluk terimi* (столярное ремесло), *moda* (мода), *pedagoji* (педаг.), *sanat târihi terimi* (история искусств), *siyâset ve sosyoloji terimi* (соц.-полит.), *tasavvuf terimi* (мистика), *televizyon* (телев.), *trigonometri terimi* (тригон.). Территориальные пометы встречаются лишь в единственном варианте, это помета *esk.* (уст.).

Если говорить о турецко-русских и русско-турецких словарях, то там оценочный компонент представлен лишь пометой «неодобрительно», помета «одобрительно» не встретилась ни разу; ровно в половине этих словарей вообще нет помет, указывающих на устойчивую оценку в слове.

Эмоциональный и стилистический компоненты представлены достаточно хорошо в большинстве словарей. В переводных словарях турецкого языка социальные пометы представлены очень полно, и можно констатировать их более подробную дифференциацию по сравнению с турецкими толковыми словарями.

Темпоральные пометы в переводных турецких словарях даются очень скудно. Абсолютно во всех словарях есть помета «устаревшее», и лишь в одном встретились пометы «арх.», «неол.».

Территориальные пометы либо не представлены совсем, либо даются только пометы «диал.» и «обл.».

Таким образом, нами был проведен сопоставительный анализ словарных помет в турецких толковых и переводных словарях. На основании этого анализа мы можем сделать вывод и в очередной раз подтвердить, что во внутри национальной и межъязыковой лексикографии нет единства, существует расхождение в традициях лексикографии разных стран, в словарях недостаточно полно и последовательно отражена коннотативная и функциональная принадлежность слова.

Необходимо унифицировать систему коннотативных и функциональных помет в лексикографии. Это является важнейшим условием эффективного контрастивного описания в рамках двуязычной лексикографии.

Можно предложить следующую унифицированную систему словарных помет.

Пометы, указывающие на устойчивую оценку слова: одобр. – одобрительно, неодобр. – неодобрительно.

Пометы, указывающие на устойчивую эмоциональную окраску слова: презр. – презрительно; пренебр. – пренебрежительно; унич. – уничижительно; ирон. – иронично; ласк. – ласкательно; шутл. – шутливо; фам. – фамильярно; бран. – бранно.

Пометы, указывающие на стилистическую принадлежность слова: арг. – арготическое слово; бран. – бранное слово; вульг. – вульгарное слово; высок. – высокий стиль; груб. – грубое слово; книжн. – книжный стиль; нар.-поэт. – народнопоэтическое слово; офиц. – официальный термин; поэт. – поэтическое слово; прост. – просторечие; разг. – разговорное слово.

Пометы, указывающие на принадлежность слова к определенной социальной среде, группе: ав. – авиация; авто – автотранспорт; анат. – анатомия; антроп. – антропология; арт. – артиллерия; археол. – археология; архит. – архитектура; астр. – астрономия; бакт. – бактериология; биол. – биология; биохим. – биохимия; бот. – ботаника; бухг. – бухгалтерия; вет. – ветеринария; воен. – военное дело; воен. мор. – военноморской термин; геогр. – география; геод. – геодезия; геол. – геология; геофиз. – геофизика; геохим. – геохимия; гидр. – гидрология, гидротехника; гидрометеорология; горн. – горное дело; грам. – грамматика; детск. – детская речь; дип. – дипломатия; ж.-д. – железнодорожный транспорт; жив. – живопись; зоол. – зоология; иск. – искусство; ист. – история; карт. – термин карточной игры; канц. – канцелярское слово; кино – кинематография; ком. – коммерческий термин; комп. – компьютерный термин; косм. – космонавтика; кул. – кулинария; лингв. – лингвистика; лит. – литература; лог. – логика; мат. – математика; мед. – медицина; метео – метеорология; мин. – минералогия; миф. – мифология; мор. – морской термин; муз. –

музыка; мус. – мусульманский; опт. – оптика; охот. – охота; палеонт. – палеонтология; полигр. – полиграфия; полит. – политика; психол. – психология; радио – радиоэлектроника, радио-техника; рел. – религия; рыб. – рыболовство, рыбоводство; сад. – садоводство; спорт. – физкультура и спорт; стр. – строительное дело; с.-х. – сельское хозяйство; театр. – театральный термин; текст.-текстиль; тех. – техника; типогр. – типография; торг. – торговля; фарм. – фармакология; физ. – физика; физиол. – физиология; филат. – филателия; филол. – филология; филос. – философия; фин. – финансовый термин; фольк. – фольклор; фото – фотография; хим. – химия; хир. – хирургия; церк. – церковное слово; шахм. – шахматы; шк. – школьное слово; эк. – экономика; эл. – электротехника; эпист. – эпистолярный стиль; этн. – этнография; юр. – юридический термин.

Пометы, указывающие на темпоральную принадлежность слова: арх. – архаизм; соврем. – современное; нов. – новое; уст. – устаревшее слово.

Пометы, указывающие на территориальную принадлежность слова: диал. – диалектизм; обл. – областное слово, выражение.

Целью данной статьи был поиск решения проблемы унификации системы помет как в одноязычной, так и в двуязычной лексикографии. Процесс унификации словарных помет очень сложный и трудоемкий, мы постарались предложить возможный подход к решению имеющейся проблемы через собственный список унифицированных словарных помет, однако по объективным причинам он является проблемой для дальнейшей разработки.

Список литературы

1. Берков В. П. Слово в двуязычном словаре / В. П. Берков. – Таллин : Валгус, 1977.
2. Большой русско-турецкий словарь. 250 000 слов и словосочетаний / Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова. – М. : Дом Славянской книги, 2009. – 608 с.
3. Гальперин И. Р. Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 2005.
4. Журавлев С. А. Дискурсивная интерпретация феномена толкового словаря / С. А. Журавлев // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : тр. и мат-лы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 142–144.
5. Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода: английский язык : учеб. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Крупнов. – М. : Высшая школа, 1987.
6. Морковкин В. В. О синергетическом лексикографировании / В. В. Морковкин // Языковая личность: текст, словарь, образ мира : сб. ст. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 351–360.
7. Новый турецко-русский и русско-турецкий словарь. 70 000 слов и словосочетаний / Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова. – М. : Дом Славянской книги, 2009. – 704 с.
8. Русско-турецкий словарь / Э. М.-Э. Мустафаев, В. Г. Щербинин. – М. : Советская энциклопедия, 1972.
9. Русско-турецкий словарь. 24 000 слов / Ю. В. Щека. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. – 473 с.
10. Современный турецко-русский словарь. Около 15 000 слов и словосочетаний / О. Ю. Манурова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. – 222 с.
11. Турецко-русский и русско-турецкий словарь / Т. Е. Рыбальченко. – 7-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. – М. : Медиа, 2007. – 694 с.
12. Турецко-русский словарь / А. Н. Баскаков [и др.]. – М. : Русский язык, 1977. – 966 с.
13. Турецко-русский словарь / Р. Р. Юсипова. – М. : Русский язык : Медиа, 2005.
14. Чубур Т. А. Контрастивная лингвистика и лексикографическое описание слова : монография / Т. А. Чубур ; науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – С. 69–158.
15. Örnekleriyle Türkçe Sözlük, 4 cilt, Milli Eğitim Bakanlığı, İstanbul, 2000.
16. Türkçe Sözlük, 2 cilt, Türk Tarih Kurumu Basım Evi, Ankara, 1998.

КОНТРАКТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ТИПОЛОГИЯ

Ю.А. Черноусова, Т.А. Ширяева

В статье проанализированы различные подходы к изучению делового дискурса, дан краткий анализ его наиболее существенных характеристик и описаны положение, сущность и важнейшие лингвистические характеристики текстов контрактов в современном англоязычном деловом дискурсе.

The authors deal with different approaches to the study of business discourse and its most important characteristics. Special attention is paid to linguistic characteristics of texts of contracts in modern English business discourse.

Ключевые слова: деловой английский язык, деловой дискурс, термин, бизнес, контракт, соглашение, дефиниционный анализ, бизнес контракты.

Key words: Business English, business discourse, term, business, contract, agreement, definition analysis, business contracts.

Глобализация бизнес-операций и коммуникационных технологий, рост Евросоюза, международные поглощения и слияния компаний – вот далеко не полный список предпосылок развития особого интереса ученых к деловому английскому языку. Говоря об истории возникновения и эволюции делового английского, следует отметить, что он напрямую связан с термином «бизнес». С XVI в. бизнес-интересы англичан распространялись по миру, а процесс колонизации способствовал тому, что английский стал связующим звеном, при помощи которого люди могли общаться друг с другом. Можно предположить, что именно бизнес и сопутствующие ему сферы стали решающими для развития делового английского языка.

Согласно Longman Business English Dictionary, бизнес – это производство, покупка и продажа товаров или услуг с целью получения прибыли [20, с. 64]. По мнению некоторых зарубежных исследователей, бизнес – это организованные усилия отдельных лиц по производству и продаже товаров и услуг, целью которых является получение прибыли и удовлетворение потребностей общества [18, с. 9]. Важность социального контекста бизнеса неоднократно подчеркивалась и отечественными учеными. Так, Ю.К. Волошин полагает, что термин «бизнес» охватывает не только торгово-финансовые операции, но и широкий круг понятий, связанных непосредственно с производством, производственными отношениями и управленческими процессами [2, с. 35]. Суммируя вышеуказанное, бизнес можно рассматривать как деятельность по производству и сбыту товаров и услуг, ориентированную на удовлетворение потребностей общества и получение прибыли. Такой подход позволяет представить бизнес в виде трех пересекающихся и взаимовлияющих сфер: социальной, финансовой и маркетинговой (рис.). Заметим, что термин «маркетинг» в нашем исследовании наиболее полно раскрывает сферу производства и сбыта услуг, так как маркетинг – это деятельность по разработке и продаже товара или услуги с учетом желаний и потребностей потребителя [20, с. 327]. Очевидно, что эффективность выполнения профессиональных задач в любой из данных сфер напрямую зависит от речемыслительной деятельности участников делового сообщества, репрезентированной системой специальных текстов. Иными словами, деловой дискурс, находящийся на схеме в области пересечения выделенных сфер, является одним из главных инструментов современного бизнес-сообщества.

Деловой дискурс (ДД) – область междисциплинарных исследований, которая возникла более двух десятилетий назад из европейских традиций межкультурного изучения деловых переговоров (intercultural negotiations studies) и анализа языка на рабочем месте (language at work analysis). Со временем ДД, кроме лингвистики, прагматики и дискурс-анализа, смог привлечь к исследованиям специалистов из области теории коммуникации, теории организации, этнометодологии, социологии, международного менеджмента и т.д. По мнению европейских ученых, анализ ДД

представляет собой исследование устной и письменной речи в коммерческих организациях с целью выявления специфики взаимоотношений лингвистических и экстралингвистических коммуникативных факторов [17, с. 17].

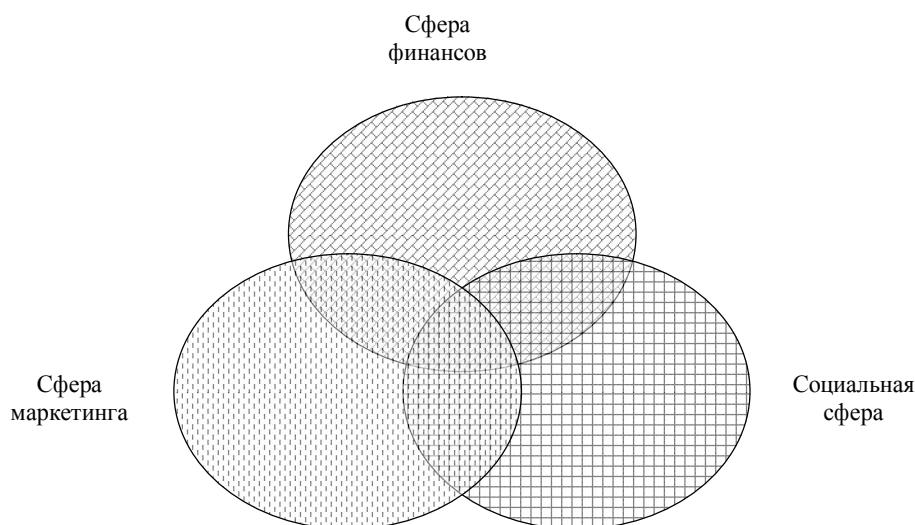

Рис. Сферы бизнеса

В европейской исследовательской традиции ДД первоначально изучался в русле прикладной лингвистики. Безусловно, данный факт сыграл важную роль в формировании определенных исследовательских подходов, а также ускорил процесс научного становления изучения ДД. Среди представителей данного направления можно выделить следующих исследователей: M.L. Charles, L. Louhiala-Salminen, F. Bargiela-Chiappini, G. Poncini и S. Vandermeeren. Как правило, эти ученые-лингвисты изучали определенные жанры ДД, иногда рассматривая сразу несколько. Так, M.L. Charles исследовала переговоры и производственные совещания, L. Louhiala-Salminen изучала языковые особенности факсимильных и электронных сообщений, F. Bargiela-Chiappini сделала объектом своих исследований язык деловых собраний, журналы отдела кадров и корпоративные веб-сайты. Объединяющим фактором данных исследований был интерес к тому, каковы общие принципы использования языка для достижения определенных профессиональных целей в коммерческих организациях.

Как видим, ДД находится в центре пристального исследовательского внимания зарубежных лингвистов. Такой живой научный интерес абсолютно понятен и объясняется, прежде всего, той стремительной экспансией во все сферы жизни современного социума, которой характеризуется современное деловое сообщество.

Динамическое развитие российского общества и бизнеса, активизация бизнес-операций с международными партнерами, изучение языковой личности, создание в России в конце 90-х гг. XX в. профессиональной организации "BESIG.RUSSIA" ("Business English Special Interest Group"), объединившей преподавателей делового английского языка, – все это послужило предпосылками активного развития лингвистических исследований в области делового дискурса в России.

В отечественной лингвистике появился ряд работ, в которых исследовались жанровые разновидности ДД [1; 12 и др.], грамматические, лексические, лексико-фонетические явления, характерные для текстов делового общения (Сыщиков, Тюрина, Кутяева). Должное внимание отечественные исследователи уделяют прагматике деловых текстов [3 и др.], лингвокультурологическим (Петрова) и когнитивным [3 и др.] особенностям текстов ДД.

Изучив работы отечественных лингвистов, посвященные ДД, мы полагаем, что существенными положениями для понимания сущности и роли делового дискурса являются следующие.

1. ДД рассматривается в рамках институционального дискурса (В.И. Карасик, Т.А. Ширяева, Е.Н. Малюга и др.). Так, Т.А. Ширяева понимает под ДД целенаправленную статусно-ролевую речемыслительную деятельность людей, общей чертой которых являются деловые отношения, нацеленные на получение прибыли и базирующиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе [15, с. 119].

2. Важной особенностью понимания сущности ДД является многозначность его толкования. В широком смысле под ДД понимается любое небытовое и нехудожественное общение [4, с. 40]. В узком смысле ДД – это жанр официально-деловой корреспонденции [12, с. 1320]; текст, перцепция которого осуществляется через опосредованный канал общения [13, с. 22]. В нашем понимании деловой дискурс – речемыслительная деятельность, детерминированная бизнес-сообществом и актуализированная определенным регламентированным типом текста.

3. При рассмотрении ДД особое внимание уделяется его коммуникативной составляющей. З.И. Гурьева полагает, что «бизнес-дискурс – это определенная ситуация коммуникативного взаимодействия участников бизнес-коммуникации, за которыми встает особый мир – мир бизнеса. Речевая коммуникация в предметной области «бизнес» представляет собой текстовую деятельность, целью которой является получение, обработка, передача, хранение и использование информации на различных этапах проведения бизнес-операции» [3, с. 15]. Аналогичного понимания природы ДД придерживается Г.Г. Буркитбаева, подчеркивающая, что ДД является конкретным воплощением инвариантной модели дискурса, созданного применительно к конкретной коммуникативной бизнес-ситуации определенной группой людей, имеющих то или иное отношение к бизнесу [1, с. 52]. Исходя из данного определения, Г.Г. Буркитбаева совершенно справедливо, на наш взгляд, уделяет особое внимание экстралингвистическим факторам: участникам коммуникативного акта и коммуникативной ситуации.

4. Существенной точкой зрения на природу ДД для нашего исследования является его рассмотрение как профессионально-ориентированного (ограниченного) дискурса. Так, М.К. Любимова говорит о том, что деловой дискурс ограничен рамками профессиональной деятельности бизнесменов, имеет четкую структуру и включает пять основных этапов: установление контакта, ориентацию в ситуации, обсуждение вопроса или проблемы и поиск оптимального решения, принятие решения, выход из контакта [5, с. 5]. По мнению Т.А. Ширяевой, ДД отличается от других видов дискурса своей направленностью на бизнес, который является его основным концептом [11, с. 42], и характеризуется определенными признаками: специфическими целью общения, участниками, социальным хронотопом, ценностями, стратегиями ДД, профессиональной картиной мира, характеристиками текстов, институциональными фреймами и специфичными доминантными институциональными чертами [16, с. 80]. Такая специфичность ДД обуславливает его неоднородность, которая проявляется в существовании трех сфер ДД – профессиональной, академической, публичной [16, с. 93]. Исследователь ДД Л.П. Науменко, в свою очередь, полагает, что ДД является частью макроэкономического дискурса и актуализируется в четырех основных сферах: коммерция, производство, финансы и посредничество [8, с. 123].

При всем разнообразии сложившихся точек зрения на природу ДД все исследователи единогласны, что этот феномен представляет собой чрезвычайно сложное явление, в котором важное место, бесспорно, занимают контракты. Бизнес-контракты – это те «артерии», которые помогают поддерживать жизнедеятельность бизнеса. Взаимодействие между бизнесменами и поставщиками, потребителями и предоставляемыми услугами, работодателями и работниками, особенности производства, все маркетинговые операции, финансовая деятельность – все это регламентировано контрактами.

Этимологические сведения о слове «контракт» позволяют утверждать, что оно пришло в старо-французский язык (O.Fr. contract) в начале XIV в. из латинского (лат.

contractus – «контракт», «соглашение»). Форма причастия прошедшего времени образовалась от глагола *contrahere* (*con* – “together”+ *trahere* “to draw”) и стало означать «соединять воедино» (*to draw together*), а метафорически – «заключать сделку, приходиться к соглашению» (*to make a bargain*). Следует также отметить, что вначале появилось существительное *контракт* (*contract*), а затем глагол, который со временем приобрел несколько иное значение – «суживаться, становиться меньше» (*to become narrowed, get smaller*). С 1724 г. в англоязычных странах впервые начинает упоминаться слово *подрядчик* (*contractor*) – «человек, заключающий контракт с целью выполнения работы, оказания услуг или доставки товаров» [19]. В 1940 г. у слова *контракт* (*contract*) появилось новое значение – «договор об убийстве кого-либо» [23].

Как известно, дефиниционный анализ играет важную роль в лингвистических исследованиях. Для проведения данного анализа мы воспользовались несколькими известными словарями, которые наиболее подробно, на наш взгляд, описывают изучаемое понятие.

Longman Business English Dictionary определяет контракт как «письменный, обладающий законной силой документ, содержащий все детали трудового или бизнес соглашения» [20, p. 112]. Аналогичное определение мы находим и в Longman dictionary of English language and culture, в котором контракт рассматривается как «официальное письменное соглашение, имеющее юридическую силу, между двумя и более людьми или группами лиц», а также как «письменный документ с подписями сторон, содержащий условия такого соглашения» [21, p. 299]. Согласно Macmillan Dictionary and Thesaurus, контракт – это «письменное соглашение, обладающее юридической силой, которое заключается между двумя людьми или предприятиями и предписывает им, что они должны делать» [22]. Российский исследователь Т.Б. Назарова считает, что контракты представляют собой юридически закреплённые соглашения между двумя и более сторонами, которые регулируют правовые и коммерческие отношения партнеров по бизнесу [7, с. 22].

Проведенный нами анализ дефиниций слова *контракт* позволил выделить ядерную часть данного понятия: письменное соглашение. Таким образом, *соглашение* (*agreement*) – составная часть контракта или же сам контракт. Что касается последнего утверждения, то, по мнению И.И. Чироновой, исследователя концептуальной области «гражданское право» в английском и русском языках, термин «соглашение» (“agreement”) не всегда является синонимом термина «контракт» (“contract”), поскольку в его значении может отсутствовать такая важная составляющая, как «юридическая ответственность», которая обязательно присутствует в термине «контракт» (“contract”) [14, с. 5]. Б.Т. Митрович, специалист в области рекламационного права, также разграничивает понятия «соглашение» (“agreement”) и «контракт» (“contract”). В своих исследованиях ученый подчеркивает, что «соглашение» (“agreement”) – это согласование воли двух или более лиц, имеющее определенное обязательственно-правовое действие, соглашение составляется в форме напечатанного текста под заголовком ДОГОВОР или КОНТРАКТ. «Контракт» (“contract”) – это совокупность положений, составляющих соглашение и действующие правовые нормы, которые применяются к соглашению [6, с. 79]. Очевидно, что для уточнения ближайших по значению к понятию «контракт» слов крайне важно провести синонимический анализ данного понятия.

Словарь синонимов английского языка дает следующие синонимы к слову «contract» (n.): *agreement, compact, convention, covenant, deal, pact, bargain, transaction, treaty* [24]. Изучив дефиниции вышеприведенных слов, подчеркнем, что все синонимы (кроме *agreement*) имеют ограниченную сферу употребления. Например, слово *treaty* употребляется в сфере межгосударственных договоров или договоров с международными организациями; слово *convention* означает соглашение между различными странами; *pact* – официальное соглашение между оппозиционными группами или государствами и т.д. [20, p. 1479, 302, 1000]. Таким образом, можно говорить, что слова *contract* и *agreement* являются синонимами, что подтверждается взаимозаменяемостью данных слов в названиях некоторых договоров. Так, можно говорить о

соглашении о продаже в рассрочку (a hire purchase agreement/contract), о договоре аренды (leasing agreement/contract) [14, с. 5]. Однако в некоторых случаях данные слова являются взаимоисключающими. Например, только слово «соглашение» (agreement) используется в названиях соглашений о неразглашении (non-disclosure agreements), соглашений о разделе прибыли (profit-sharing agreements), а слово «контракт» (“contract”) встречается только для обозначения акцессорного договора (accessory contract), инвестиционного контракта (investment contract) и др. [14, с. 5]. Обобщив вышесказанное, можно дать следующее рабочее определение контракту, функционирующему в англоязычном деловом дискурсе: «контракт – это специфичный регламентированный правовой текст, который обладает структурно-композиционными (название (title), вступительная часть (introductory clause), декларативная часть (recitals), начало (lead-in), основная часть (the body of the contract), завершающая часть (concluding clause), подписи сторон (signature blocks), приложения (attachments)) и документообразующими характеристиками (функциональность, трафаретность, регламентированность и др.)».

Отметим, что контракт в англоязычном деловом дискурсе «не описывает события, факты, научные понятия, чувства и переживания людей, не характеризует отношения к определенным лицам, явлениям действительности. Он не доказывает, не объясняет, не убеждает, а властью предписывает субъектам права определенное поведение, формулирует требования, общеобязательные предписания» [10, с. 19]. Контракт как правовой текст выполняет две основные функции. Во-первых, любой контракт в деловом сообществе «фиксирует факт наличия обязательств; во-вторых, он определяет состав этих обязательств» [9]. Например, в любом англоязычном трудовом договоре представлен пункт «Обязательства» (“Duties”), который подробно описывает, что должен/не должен делать работник: *General Duties. The Executive shall serve as the chief operating officer of the Company, with duties and responsibilities that are customary for such executives. The Executive shall also perform services for such subsidiaries as may be necessary. The Executive shall use his best efforts to perform his duties and discharge his responsibilities pursuant to this Agreement competently, carefully and faithfully* (www.findlaw.com).

Подчеркнем, что язык контрактов современного делового сообщества – важный компонент, который определяет качество любого правового документа. Любой текст контракта перегружен терминами и терминологическими словосочетаниями из двух областей: юриспруденция и бизнес. Полагаем, что именно термины являются в контракте своеобразной «текстовой осью», которая связывает различные отрасли в единое бизнес-пространство.

REPURCHASE AGREEMENT

Six percent (6 %) of the Stock (such 102,000 shares, subject to increase or decrease pursuant to any forward or reverse stock split, stock dividend or similar non-economic adjustment being referred to herein as the 'Option Shares') shall be subject to the following option (the 'Purchase Option'):

(a) In the event that, prior to the termination of this Agreement, Investor ceases to be continuously employed by the Company, or a parent or subsidiary or successor or affiliate of the Company, due either to his voluntary resignation (other than due to disability) or to termination by the Company for Cause (as defined below), the Company may exercise the Purchase Option (www.findlaw.com).

Так, в Repurchase Agreement, в пункте purchase option, мы находим такие термины, как a parent, subsidiary, successor, affiliate of the Company, board of directors, которые относятся к миру бизнеса в целом, a stock split, stock dividend, “Option Shares”, “Purchase Option”, которые принадлежат сфере ценных бумаг и инвестиций; voluntary resignation, disability, которые входят в сферу трудового права.

Проведенное нами исследование показало, что в большинстве (95 %) проанализированных нами текстов контрактов в названии регламентирующего документа используется слово agreement, а не ожидаемое слово contract, что скорее всего объясняется тем, что слово соглашение (agreement) звучит менее категорично. Кроме того,

нами была отмечена следующая закономерность: участники деловой коммуникации используют термин «контракт» (“contract”) как родовое понятие по отношению к термину «соглашение» (“agreement”), выступающему в качестве видового понятия. Например, в бизнесе выделяют “Business Contracts”, под которыми, как правило, подразумевают различные виды соглашений (“agreements”).

Таким образом, бизнес-контракт является одним из основных речемыслительных феноменов, функционирующих в бизнесе. Как упоминалось выше (рис.), бизнес можно представить в виде трех пересекающихся и взаимовлияющих сфер (финансовой, маркетинговой и социальной). Принимая во внимание сферу функционирования, можно выделить следующие типы контрактов: социально-ориентированные, финансово-ориентированные и маркетинг-ориентированные. Именно сфера функционирования диктует форму и содержание документа, регламентирующего деятельность. В ходе анализа текстов контрактов было выяснено, что наиболее распространенными типами контрактов являются маркетинг-ориентированные (49,15 %). Несколько реже, но не менее регулярно используются социально-ориентированные контракты (39 %), и, наконец, финансово-ориентированные составляют только 11,85 % (табл.). Такое процентное соотношение может объясняться тем, что бизнес-сфера – это не только сфера маркетинга товаров и услуг, но и социально обусловленная сфера, ведь успешность бизнесу гарантирует именно общественная стабильность и безопасность.

Таблица

Бизнес-контракты (Business Contracts)

Маркетинг-ориентированные	Социально-ориентированные	Финансово-ориентированные
49,15 %	39 %	11,85 %

Подчеркнем, что типы контрактов, функционирующие в каждой из выделенных нами сфер, могут, в свою очередь, быть расклассифицированы в зависимости от предмета контракта.

Итак, подведем некоторые итоги. Одну из ключевых позиций в бизнесе занимают контракты – письменные соглашения, обладающие юридической силой, регламентирующие взаимодействие между бизнесменами и поставщиками, потребителями и предоставляемыми услугами, работодателями и работниками, особенности производства, все маркетинговые операции и финансовую деятельность. Термин «контракт» (“contract”) в некоторых случаях является прямым синонимом термина «соглашение» (“agreement”), но чаще они соотносятся как видовое («контракт») и родовое («соглашение») понятия. Контракты – это те «артерии», которые помогают поддерживать жизнедеятельность всего бизнеса, поэтому распространение типов контрактов (социально-ориентированных, финансово-ориентированных и маркетинг-ориентированных) характеризуется разным процентным соотношением. Дальнейшая классификация выделенных нами типов контрактов возможна по такому параметру, как предмет контракта.

Список литературы

1. Буркитбаева Г. Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры / Г. Г. Буркитбаева. – Алматы : Ғылым, 2005. – 230 с.
2. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция. Лингвокультурологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук / Ю. К. Волошин. – Краснодар, 2001. – 341 с.
3. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (На материале текстов на русском и английском языках : дис. ... д-ра филол. наук / З. И. Гурьева. – Краснодар, 2003. – 446 с.
4. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М., 2000. – С. 37–64.
5. Любимова М. К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. К. Любимова. – Тамбов, 2004. – 25 с.
6. Митрович Б. Т. Рекламационное право и рекламации по нарушениям контрактов : учеб. пос. / Б. Т. Митрович / Б. Т. Митрович. – 2-е изд., изм. и доп. – М., 1997. – 512 с.

7. Назарова Т. Б. Словарь общеупотребительной терминологии английского языка делового общения / Т. Б. Назарова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 127 с.
8. Науменко Л. П. Діловий дискурс та його функціонально-стильові характеристики / Л. П. Науменко // *Культура народів Причорномор'я*. – 2003. – № 27. – С. 122–124.
9. Партнерство, сотрудничество, исследования, тендеры. – Режим доступа: <http://partnerstvo.ru/lib/kontr/node/47> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Пряшников Е. А. Особенности языка закона / Е. А. Пряшников // *Язык закона* / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1990. – С. 18–26.
11. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г. Г. Слышкин // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.
12. Сошникова Р. С. Проектная заявка как элемент делового дискурса / Р. С. Сошникова // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2009. – № 4 (5). – С. 1320–1336.
13. Федотова Н. С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Федотова. – Астрахань, 2005. – 155 с.
14. Чиронova И. И. Англо-русский толковый юридический словарь (гражданское право) / И. И. Чиронova. – Москва : Спутник+, 2009. – 137 с.
15. Ширяева Т. А. Деловой дискурс: сущность, признаки, структура / Т. А. Ширяева // *Вестник ПГЛУ*. – 2010. – № 2. – С. 118–122.
16. Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса : монография / Т. А. Ширяева. – Пятигорск : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2006. – 256 с.
17. Bargiela-Chiappini F. The handbook of business discourse / F. Bargiela-Chiappini. – Edinburgh. University Press, 2009. – 520 p.
18. Business Pride / M. William, R. J. Hughes, J. R. Kapoor. – Cengage Learning, 2009. – 627 p.
19. Harper D. Online Etymology Dictionary: November 2001 / D. Harper. – Режим доступа: http://www.zipsites.ru/books/etymology_dictionary/etym.chm.txt, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
20. Longman Business English Dictionary New Edition, Pearson Education Limited, 2007. – 596 p.
21. Longman dictionary of English language and culture, Pearson Education Limited, 2005. – 1622 p.
22. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary Online. – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/contract>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
23. Online etymology dictionary. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
24. Sensagent Corporation: Online Encyclopedia, Thesaurus, Dictionary definitions and more. – Режим доступа: <http://dictionary.sensagent.com/contract/en-en/#synonyms>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

FUNCTION OF VERBAL INFLUENCE AS MEANS TO MANIFEST HUMANS' MENTAL WORLD IN SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS (MASS MEDIA LANGUAGE AS EXAMPLE)

E.I. Glinchevskiy

В статье раскрывается сущность функции речевого воздействия как средства яркого, инвариантного семантического наполнения единиц английского языка, которые являются вербальной манифестацией представлений людей о явлениях окружающего мира и их отношения к ним. Приводится авторская типология речевого воздействия как функции речи; показано, что в отношении богатства и разнообразия коннотативных значений языковых единиц язык СМИ нередко не уступает языку художественной литературы.

This article reveals the essence of the function of verbal influence as a means to provide a vivid, diverse semantic filling of the English language units, which act as a verbal manifestation of humans' perception of events and phenomena occurring in the real world and of their attitudes towards them. The article provides the author's typology of verbal influence as a speech function; it also proves that the media language is as rich in diverse and extraordinary connotative meanings of language units as the language of artistic literature.

Ключевые слова: речевое воздействие, язык СМИ, средства массовой информации, семантика, концепт, концептосфера, коннотативные значения, денотативные значения, вербальная манифестация.

Key words: verbal influence, media language, mass media, semantics, concept, conceptsphere, connotative meanings, denotative meanings, verbal manifestation.

Any language is a universal system of signs potentially capable of reflecting practically everything that composes the real world; the semantic contents of its units are able to include a vast variety of connotative meanings and shades, which reflect humans' knowledge of the external, objectively existing world and their attitudes towards them. Thanks to a natural language, people are able not only to produce utterances, but also to share their thoughts, ideas, feelings, and emotions. Any language is closely related to what people think and feel.

"...language and thought are not strictly coterminous. At best language can but be the outward facet of thought on the highest, most generalized, level of symbolic expression. To put our viewpoint somewhat differently, language is primarily a pre-rational function. It humbly works up to the thought that is latent in, that may eventually be read into, its classifications and its forms; it is not, as is generally but naïvely assumed, the final label put upon, the finished thought" [13].

Thus, according to E. Sapir, any language becomes a mirror and a tool of human thinking. In our view, his concepts coincide with the following utterance by A. Belyi:

"The process of cognition is establishing relations between words... A word creates a third world – the world of language symbols, which links the wordless, invisible world, which crowds in the depths of my personal conscience, with the wordless world of my personality... There is neither a world, nor a learner beyond a word" [2]¹.

The role of language in reflecting humans' internal mental world is also outlined by other researchers, in particular, by S.G. Ter-Minasova.

"A language reflects the real world; it creates its own world image, which is specific and unique for every language" [15, p. 38]. "Contents, semantics, and meaning of language units (first of all those of a word), is a correlation between a sound (or a graphic) complex and an object or a phenomenon of the real world. Language semantics reveals a path from the world of language into the proper world of reality" [15, p. 47].

One should say that the present-day Linguistics has already gained such a firmly established notion as a **concept** – an aggregate reflection of both objectively existing and subjective distinctive features that are attributable to **a certain object** or **a certain phenomenon**, which exist in the human conscience and which may be verbalized in the semantic contents of units of any language. Thus, any particular concept verbalized by means of this or that language creates that very "third world" mentioned by A. Belyi. As for the notion "semantics" mentioned by S.G. Ter-Minasova, according to Ch. Morris [9], that is one of the three main dimensions in which a language sign exists; semantics is responsible for any link between a signifier and a signified; it is an aggregate of both denotative and connotative meanings of a language unit, whereas all those meanings make up the content plane of a language sign and verbalize the corresponding concept.

Now that the link between the semantics of a human language and the human internal mental world has been specified, the author of this article is approaching the next key point: what is the very essence of the verbal influence function and what is its particular role in the verbal manifestation of a concept?

First of all, one should mention the notion "verbal activities" introduced by L.V. Scherba [14] and by A.A. Leontyev [8]. That is an aggregate system of verbal utterances of the human society; that is the cornerstone for any sort of human activities. Like any other sort of human activities, verbal activities have got their own goals and functions. Those functions have been determined by V.V. Vinogradov [17] – communicating, inform-

¹ Here and below, all the citations are provided in a word-for-word English translation from the Russian originals listed in the References below (except for E. Sapir's above citation, which is provided in its English original).

ing, and influencing. Let us provide a definition for the latter function. According to L.L. Fedorova, verbal influence is “a unidirectional speech action whose content is social influence exerted by a speaker upon a listener during their communication” [4, p. 46]. As for the role of this function in forming the language semantics, one could cite the following utterance by V.F. Petrenko:

“...verbal influence deals with altering an individual conscience, or, which is synonymic for us, with altering an implicit world image” [11, p. 325].

This citation has common links with the following citations: “...influence exerted by a text may cause essential changes in a reader’s psychology, a reformed system of their values, transformations of their life worlds” [1, p. 26].

“The genuine function of expressivity tools in a text is to create the meaning” [5, p. 6].

One should pay particular attention to the latter citation: verbal influence is performed by means of certain language means, which are basically the well-known lingvostylistic devices that are applied in practically any masterpiece of artistic literature. **The function performed by lingvostylistic means of verbal influence is that they provide a vivid marking for the semantic contents of language units, which verbalize this or that concept, thus magnifying their influencing function and allowing a mass medium to carry its attitude towards the occurring events down to its audience.**

Yet, the language of artistic literature is not the only style of speech where such means of expressivity are applied. There is another language area – the language of mass media, where those means are also applied quite frequently. Playing an exceptional role in the human society’s overall verbal activities, mass media implement all the three basic functions of speech specified by V.V. Vinogradov. Mass media do not only inform people of occurring events; they also evaluate those events, thus stimulating the mass audience to change their attitudes towards the reflected events and phenomena of the surrounding reality. Due to the huge role of mass media played in the life of the present-day human society, Yu.V. Rozhdestvensky [12] determines the mass communication as one of the four main groups of speech utterances, which form the entire range of verbal activities performed by the human society.

Since mass media implement are not only functions of communicating and informing, but also those of influencing, it means that they cannot but apply means of expressive speech in order to induce the mass audience to evaluate occurring events in a certain way. Accordingly, the mass media language is frequently as rich in stylistic devices as that of artistic literature. Similarly to the latter language, the mass media one frequently uses lingvostylistic means of expressivity – stylistic figures and tropes; their application helps to provide a powerful verbal influence upon the mass audience. Such expressivity means help to fill the semantic contents of language units with rich, variable meanings. Yet, one should answer the following question: what is the nature of verbal influence, when such means are applied?

Let us provide the following scale scheme of different types of verbal influence (VI) that has been developed by the author of this paper (the criterion is the goal of exerting influence) [6, p. 82] (Fig. 1).

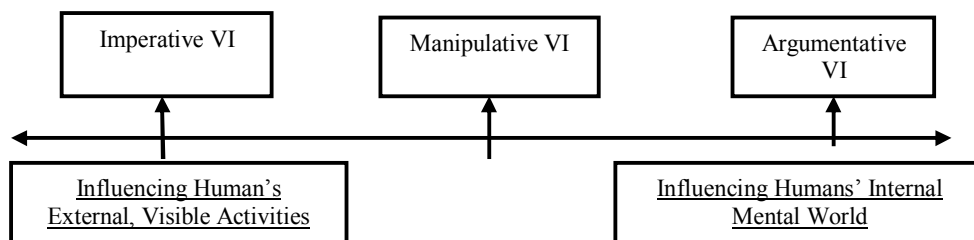

Fig. 1

As for the imperative type of VI, it aims mainly at human actions, at people's visible activities that are performed by means of real actions, not by means of a word (e.g. orders, requests, directions, etc.). Concerning the manipulative VI, one should say that it aims mainly at the human subconsciousness; it is based upon hypnosis and upon neurolinguistic programming, when a manipulator intends to obtain what he/she wants another person to do, e.g. to buy certain goods or to use certain services, as it is in advertising texts. As for the argumentative influence, it aims at people's conscience; its target is not to get a benefit quickly, but to convince a message addressee that the addressor's view-point is right. For that, rational arguments are generally applied.

"Argumentation is not possible without mutual understanding: one can accept and one cannot accept their partners' arguments only after they have been understood and correlated with their own interests and beliefs" [10, p. 89].

The complicated meaning structure of most mass media texts causes the argumentative, not the manipulative nature of verbal influence taking place in them.

"Texts with a complicated structure of meaning are the most entropic ones; hence, numerous ways of developing their meanings are possible: an addressee is free to interpret its meanings, and this is the very condition to exert influence successfully" [16, p. 43].

Therefore, it is texts where the argumentative verbal influence manifests itself that contain numerous, variable, subjectively attributed meanings and shades of language units, i.e. all what composes the semantic contents of a language unit. But could one say that any mass media text manifests argumentative verbal influence?

To answer this question, one should remark the following crucial thing: not all the mass media texts apply lingvostylistic means of expressivity – admittedly, there is a significant difference between short news texts and large-volume feature texts and commentaries. Professor T. Dobrosklonskaya, who is one of the founders of the Russian Media Linguistics, determines the following four types of mass media texts and positions them on the following scale "Informing VS. Influencing" [3] (Fig. 2).

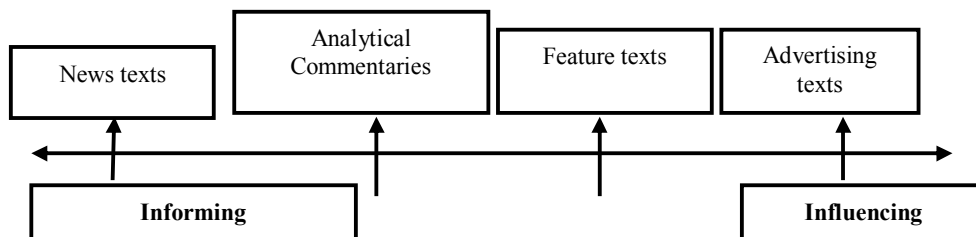

Fig. 2

Although it is advertising media texts that apply the influencing function in the maximal degree, one should remark that this function is of a somewhat different nature there, rather than in features and in analytical commentaries. It is of manipulative and of imperative nature there; first of all, it induces a person to actions dealing with an immediate purchase of advertised goods and services. As for features and commentaries, verbal influence is primarily of argumentative character there, i.e. the lingvostylistic means of VI applied in them help to provide well-grounded, valid view-points of their authors. As for language units where such VI means are applied, they acquire a rich meaning, a large variety of connotative nuances and shades, and thanks to that their influencing role is increasing significantly. Thus, these are the two types of media texts which may become a practical material to analyze the verbal manifestation of concepts in the mass media language.

Therefore, it becomes possible to state that the mass media language provides a vivid, variable manifestation of concepts of objects and phenomena in the mass media language (in particular, in analytical commentaries and in features). This manifestation may occur at all the four main levels of a language; yet, naturally, it occurs primarily at the lexical and at the syntactical levels.

Let us describe the peculiar semantic features of units of the English language, which verbalise a definite phenomenon of the real world – the international terrorism – and which attribute certain features to it [7]. Such language units serve as certain examples of such a verbal manifestation in mass media texts due to means of argumentative VI (i.e. lingvostylistic devices) that are applied in them.

First of all, one should remark that lingvostylistic devices may be used at all the four basic language levels in the mass media language, similarly to the language of artistic texts. Admittedly, they are applied most frequently at the lexical and at the syntactic levels; yet, they may be applied at the levels of morphology and graphics as well. Here is a good example of how the seme “danger” is represented in an English-language media text:

“Certainly, the al-Qaida organization represents the embodiment of some kind of a network of global terrorism... And **it’s dangerous. It’s dangerous in a lot of places**”¹ (The frightening evolution of al-Qaida // Newsweek 24.06.2005).

The applied anadiplosis (being a means of verbal influence at the level of syntax) provides a vivid representation of two semes simultaneously – “globalism” and “danger”, as features relevant to this phenomenon.

Another example of representing the seme “globalism” in the English language:

“**International** terrorism is an **international** problem and needs **international** cooperation” (How to catch a terrorist half a world away // Christian Science Monitor 03.11.2000).

While reflecting the phenomenon of the world terrorism, means of VI may reveal such a seme as “contrast”, which is manifesting a very distinct contrast. This is what an author of an article published in the Christian Science Monitor writes: “Terrorists see the world in **Manichean, black-and-white** terms” (To fight terrorism, you must know your enemy.05/09/2006). The two highlighted attributes of undoubtedly metaphoric character reflect the seme of contrast very distinctly. Evidently, the author of the cited example expresses their opinion by means of the English language: terrorists absolutize everything, thus contrasting themselves to the rest of the world (“anyone who is not with us is against us, and so they all shall be annihilated physically”).

The triple application of the lexeme “international”, being a lingvostylistic device of the lexical level (as a lexical repetition), enforces the represented seme “globalism”.

Two paragraphs below, the same author writes: “Their motivation can be summed up in a three-word phrase, according to Richardson: **Revenge, Renown, Reaction**” (ibid). Two means of VI (a homeology at the morphologic level combined with application of capital letters as a means of the graphical level) also exert powerful influence upon readers. In our opinion, one should pay special attention to two semes that the words “Revenge” and “Renown” contain, as they provide a vivid manifestation of the seme “revenge” and of the already mentioned seme “globalism”, since being renowned means performing one’s activities in such scales that one becomes well-known for numerous people (which is certainly attributable to the phenomenon of the world terrorism).

One cannot but mention a wide-scale occurrence of such closely-related semes as “mourning”, “grief”, and “sorrow” in English-language media texts. At that, the verbal influence is becoming especially emotional, whereas its means acquire special expressivity. The highlighted epithets below emphasize that:

“In Shanksville, the weather matched the **mournful** mood” (Sept. 11, five years later: We stand together // Newsweek. 11.09.2006).

“**Tearful**, private ceremony... Names of all the victims were read one by one as many in crowd **wept**...” (London marks 1-year anniversary of carnage//Newsweek 07.07.2006).

“**You had to laugh** when one boy threw up his hands in frustration after flubbing a name. **You had to cry** when one girl, after reading her father’s name, **lamented**, “We miss you **sooo** much”.

You had to stare as, two by two, with their freckles and braces, their cracking voices and hesitant pronunciations, kids of many nationalities, ethnicities, races, religions and

¹ Here and below, all the words in the cited media texts applied to represent the applied means of argumentative verbal influence are highlighted in bold by the author of this paper.

sizes stood bravely at the microphone and spoke their loved ones' names" (Tears Rush back... // USA Today. 09.11.2003). The applied triple anaphora (at the level of syntax), the stretched word "sooo" (at the phonetic level), and application of the words that act as key words to represent the corresponding semes (at the lexical level) – all these VI means do not only exert a powerful impact upon the readers – they also amplify the represented semes "mourning" and "grief".

And finally, it makes sense to mention a bright comparison of the international terrorism with a character that used to exist during the Old Testament times – Amalek, as with personified evil. Amalek attacked the Israelis who were fleeing from the Egyptian slavery and slew numerous innocent people – the elderly, children, women, who were unable to protect themselves (Deut. 25:17-19). Here is an example how terrorism is allegorically compared with Amalek, as with mean cowards who slay the innocent.

"What made Amalek so **dastardly** was that unlike any other enemy who attacked the Israelites fleeing slavery in Egypt from the front, Amalek attacked the rear. This meant that his soldiers could kill **women and children, the elderly and the infirm** and in so doing avoid engagement with the soldiers at the front. In this way he could produce **maximum carnage and maximum terror**. The moral problem the Bible addresses is that this **is not warfare, it is the slaughter of innocents – it is terrorism**" (What the Bible says about fighting terrorism // Newsweek. 19.07.2006).

Besides the allegory, this fragment contains other lingvostylistic means of verbal influence – the epithet "dastardly", the lexical repetition "maximum", the syntactic parallelisms "women and children, the elderly people and the infirm, maximum carnage and maximum terror", which state distinctly and unequivocally that cowardice is a feature of both Amalek and international terrorists. Thus, the seme "cowardice" is becoming easy to reveal. This example also reveals such key semes as "blood" and "terror" ("horror") by means of emotionally colored words "carnage", "slaughter", "warfare", and "terror" (all simultaneously being means of VI at the level of lexics).

Therefore, vivid, variable filling the language units that characterise the phenomenon of the international terrorism may certainly take place in a natural language as a universal system of signs that combine the form and the contents (which may be very emotional and which may represent bright, peculiar images emerging in one's mind). There may be different semes represented by means of variable lingvostylistic devices at different language levels; but the very essence remains the same: it is lingvostylistic means of argumentative verbal influence (applied at different language levels) that fill the content plane of language units with numerous bright, variable meanings and shades. That could be said not only about the language of artistic literature, but about the mass media language as well.

References

1. Abramov S. R. Vozdeystvie teksta na chitatelya kak germenevticheskaya problema (Influence Exerted by Text upon Reader as Hermeneutic Problem) / S. R. Abramov // Problemy rechevogo vozdeystviya : mat-ly Vseros. nauch. konf. (Limanchik-96). – Rostov n/D., 1996. – Vyp. 1: Rechevye tseli i sredstva ikh realizatsii / red. L.B. Savenkova. – S. 25–26.
2. Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie (Symbolism as Comprehension of World) / A. Belyy. – Access mode: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0320.shtml, free. – Title from screen. – Russian language.
3. Dobrosklonskaya T. G. Teoriya i metody media lingvistiki: (Na materiale angl.yaz.) : dis. ... d-ra filol. nauk (Theory & Methods of Media Linguistics: (English Language as Material) : thesis ... D.Sc. in Philology) / MGU im. M.V. Lomonosova. Fak. inostr. yaz. / T. G. Dobrosklonskaya. – M., 2000. – 368 s.
4. Fyodorova L. L. Tipologiya rechevogo vozdeystviya i ego mesto v strukture obshcheniya (Typology of Verbal Influence & Its Place in Structure of Communication) / L. L. Fyodorova // Voprosy yazykoznaniiya. – 1991. – № 6. – S. 46–50.
5. Galeeva N. L. Postroeniya konstruktivnoy sistemy ponyatiy dlya obyasneniya rechevogo vozdeystvennosti (Establishment of Constructive System of Notions to Explain Verbal Influence) / N. L. Galeeva // Problemy rechevogo vozdeystviya : mat-ly Vseros. nauch. konf. (Limanchik-96). – Rostov n/D., 1996. – Vyp. 2: Khudozhestvennyy tekst kak akt rechevogo vozdeystviya / red. S. V. Ilyasova. – S. 5–7.

6. Glinchevskiy E. I. Argumentativnoe rechevoe vozdeystvie v SMI kak sredstvo vliyaniya na vnutrenniy mir cheloveka (Argumentative Verbal Influence in Mass Media as Means to Exert Impact upon Humans' Internal World) / E. I. Glinchevskiy // Aktual'nye problemy kommunikatsii i kul'tury. – M. – Pyatigorsk, 2006. – Vyp. 3: Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. – S. 80–86.
7. Glinchevskiy E. I. Verbalizatsiya kontsepta “mezhdunarodnyy terrorizm” v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale mediatekstov) : Dis. ... kand. filol. nauk (Verbalization of Concept “International Terrorism” in Russian & English Languages (Media Texts as Material) : thesis ... PhD in Linguistics) / MGU im. M.V. Lomonosova. Fak. inostr. yaz. i regionoved. / E. I. Glinchevskiy. – M., 2007. – 222 s.
8. Leontyev A. A. Yazyk, rech, rechevaya deyatel'nost' (Language, Speech, Verbal Activities) / A. A. Leontyev. – M. : Prosveshchenie, 1969. – 211 S.
9. Morris Ch. W. Osnovaniya teorii znakov (Foundations of the Theory of Signs) / Ch. W. Morris // Semiotika : antologiya / sost. Yu. S. Stepanov. – M. – Ekaterinburg, 2001. – S. 45–98.
10. Ostroushko N. A. Rechevoe vozdeystvie kak lingvisticheskaya problema: (K ponyatiyu yazykovogo manipulirovaniya) (Verbal Influence as Linguistic Problem: (Concerning Notion of Language Manipulation) / N. A. Ostroushko // Mir rus. Slova. – SPb., 2002. – № 5. – S. 86–91.
11. Petrenko V. F. Osnovy psikhosemantiki (Foundations of Psychological Semantics) / V. F. Petrenko. – M. : MGU, 1997. – 398 s.
12. Rozhdestvenskiy Yu. V. Teoriya ritoriki (Theory of Rhetoric) / Yu. V. Rozhdestvenskiy. – M. : Dobrosvet, 1997. – 597 s.
13. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech / E. Sapir. – Access regime: <http://www.gutenberg.org/files/12629/12629-h/12629-h.htm>, free. – Title from screen. – English language.
14. Scherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' (Language System & Verbal Activities) / L. V. Scherba. – Leningrad : Nauka, 1974. – 427 s.
15. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (Language & Intercultural Communication) / S. G. Ter-Minasova. – M. : Slovo, 2000. – 264 s.
16. Uybina N. A. Suggestivnye faktory vospriyatiya teksta (Suggestive Factors of Text Perception) / N. A. Uybina // Tekst: struktura i funktsionirovanie. – Barnaul, 2001. – Vyp. 5. – S. 42–49.
17. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika (Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics) / V. V. Vinogradov. – M. : Vysshaya shkola, 1963. – 253 s.

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЕНТЕЗЫ В НОВЕЛЛАХ А. ГАВАЛЬДА

И.А. Ахмедова

Парентеза как лингвистическое явление, характеризующее современную французскую новеллу, позволяет также выявить и индивидуальный стиль писателя. Парентеза в новеллах Анны Гавальда не только отражает общую тенденцию в использовании данного лингвистического явления, но и отличает стиль писательницы.

Parenthesis as a linguistic phenomenon typical for the modern French novella also reveals the personal style of the writer. Parenthesis in the novellas by Anna Gavalda reflects a general trend in the use of this linguistic phenomenon and distinguishes the style of this writer.

Ключевые слова: парентеза, функции парентезы, синтаксис текста.
Key words: parenthesis, functions of the parenthesis, syntax of the text.

Возникновение в XX в. литературы «потока сознания» связано с возросшим интересом к отображению психологизма в художественной литературе. «Поток сознания» в художественной литературе имитирует реальную работу сознания, насыщенную образами и ассоциациями [1, с. 179]. К. Долинин о потоке сознания пишет следующее: «...поток сознания как литературная техника должен имитировать алогичность и непоследовательность спонтанной невербализуемой мысли...» [5, с. 208]. Принимая во внимание идею о многоплановости человеческого сознания, основным принципом организации текста К. Долинин видит в переходах от одного временного плана к другому, от одних впечатлений к другим и т.п. [5, с. 208].

Для человека также характерна нелинейность в построении дискурса. Появление парентезы в высказывании может быть обусловлено внезапной мыслью [2, с. 319]. Однако если в речи парентеза не планируется человеком, в тексте художественного произведения это явление неслучайно, так как оно является признаком индивидуального почерка писателя, его стиля [2, с. 319; 3, с. 137].

Парентеза – синтаксическая конструкция, не связанная с основным предложением грамматически, имеющая обособленный характер, то есть свободное расположение в предложении, за исключением позиции в начале предложения. По форме она может состоять из одного слова или даже сложного предложения. На письме интонация обособления, которая присуща включенным элементам, передается разными способами: тире, скобки, запятыe [4, с. 732; 2, с. 318; 3, с. 138].

Выбор новелл Анны Гавальда с целью выявления особенностей функционирования парентезы неслучаен. Эта современная французская писательница является ярким примером того, как функционирует современный французский язык. Язык произведений А. Гавальда критики называют языком повседневности, языком, который мы можем услышать на улице, языком, свободным от литературных табу [7]. Несмотря на то, что А. Гавальда относится к новому поколению писателей, она является признанным автором, чьи произведения отмечены различными литературными премиями. За сборник новелл «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал» А. Гавальда была удостоена литературной премии Гран-При RTL Lige (2000 г.), ежегодно вручаемой за произведение, признанное лучшим, по мнению читателей книжных магазинов Франции. Этот сборник был переведен почти на 30 языков. По ее произведениям ставят спектакли, снимают фильмы, а в марте 2007 г. на экраны Франции вышел фильм «Просто вместе» с Одри Тату в главной роли, снятый по одноименному роману Анны Гавальда, который был тепло встречен зрителями.

Проанализировав парентетические конструкции в новеллах Анны Гавальда, мы выяснили, что в новеллах, представляющих собой повествование «от персонажа» (термин Долинина), они встречаются чаще, нежели в новеллах, в которых повествование ведется от третьего лица. Кроме того, парентеза в речи рассказчика, одновременно играющего роль главного героя, отличается более насыщенной эмоциональной окраской. Приведем следующие примеры.

✓ “En passant mon chemin, je continue de sourire, je pense à *La Passante* de Baudelaire (déjà avec Sagan tout à l'heure, vous aurez compris que j'ai ce qu'on appelle des références littéraires !!!)” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 8];

✓ “Et pendant ce temps-là, divine candeur, je sens le regard de mon saint Sébastien (rapport à la flèche, eh ! il faut suivre hein !?) toujours dans mon dos” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 8].

Тройной восклицательный знак и сочетание восклицательного и вопросительного знаков создает у читателя впечатление «живого» рассказа. Все эмоции главной героини, ведущей свой рассказ, переданы автором такими, какие они есть, словно читатель общается непосредственно с ней.

В новеллах Гавальда мы также сталкиваемся с частым использованием многоточия, которое может выражать желание главного героя оставить мысль незаконченной, дать читателю возможность самому додумать ее продолжение: “C'est une nouveauté qu'on vient de sortir en association avec un grand chef. (Faut voir les marges qu'il se prend pour montrer sa bonne bouille et sa toque sur l'emballage, enfin...)” (“Le fait du jour”) [6, p. 75].

Многоточие также может имитировать паузу в речи: “Je travaille, je réponds au téléphone, j'envoie des fax, je termine une maquette pour l'iconographe (attendez, forcément... Une fille mignonne et vive qui envoie des fax du côté de Saint-Germain-des-Prés travaille dans l'édition, forcément...)” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 10].

В новеллах мы отметили два случая употребления в парентезе только вопросительного знака или многоточия. Мы считаем, что таким образом автор выдвигает на первый план эмоциональное состояние главных героев, считая лишним подкреплять его словами:

✓ “Après les Beaux-Arts, elle a fait de la photo, des collages avec du chanvre et de la paille de fer, des clips avec des taches de peinture sur les objectifs, des trucs avec son corps, de la création d'espace avec Loulou de La Rochette (?), des manifs, de la sculpture, de la danse et j'en oublie” (“Clic-Clac”) [6, p. 123];

✓ “Ça me rend dingue. C'est tout.

T'es jalouse ? T'es en manque ?

Moi ? Jalouse ? En manque ? Nonononon, voyons... tu plaisantes.

(...)

Pfffff, n'importe quoi. Manquerait plus que je sois jalouse de ces petits cons qui fatiguent tout le monde avec leur désir. N'importe quoi.

(...)

Mais si je suis jalouse !!!” (“The Opel Touch”) [6, p. 37].

Говоря об особенностях парентезы в новеллах А. Гавальда, мы выделяем несколько основных групп парентезы, исходя из функций, которые она выполняет в тексте, и частотности их употребления.

Парентеза с функцией пояснения поясняет часть главного предложения, в которое она включена или за которым она следует:

✓ “Allez, un petit peu quand même : à un moment, le chat (pour plus de détails voir Lucifer dans Cendrillon) qui regardait la souris gesticuler dans tous les sens entre ses pattes griffues...” (“Epilogue”) [6, p. 151];

✓ “Et les culs des serveuses qui sont répertoriés, cotés et mis à jour mieux que dans le guide Michelin. (Ils appellent ça le guide Michelin.)” (“Le fait du jour”) [6, p. 74];

✓ “– Pourquoi elle est là ?

– Parce que Jean-Raymond doit la laver à fond. (Jean-Raymond, c'est le garde.)” (“Junior”) [6, p. 92].

Парентеза может содержать слова, подкрепляющие ее функцию, например, слово “comme”.

✓ “Je l'entends souvent parler de régime avec ses copines au téléphone (comme elle parle fort et que je suis dans le bureau d'à côté, j'entends tout)” (“Clic-Clac”) [6:118].

✓ “Evidemment, elle ne sait pas que ça fera cinq mois et demi mardi parce qu'elle est moins attentive que moi aux chiffres (je suis expert-comptable, alors forcément...)” (“Clic-Clac”) [6, p. 117].

В следующих двух предложениях с помощью парентезы автор расширяет аббревиатуры.

✓ “Si les deux fenêtres sont roses, madame, votre urine est pleine d'HCG (hormone gonadotrope chorionique), si les deux fenêtres sont roses, madame, vous êtes enceinte” (“I.I.G.”) [6, p. 20];

✓ “Une école dont le diplôme n'est pas encore reconnu par l'état mais qui a un nom compliqué avec plein d'initiales: l'ISERP ou l'IRPS ou l'ISDMF ou un truc dans ce goût-là. (Institut Supérieur De Mes Fesses.)” (“Junior”) [6, p. 90]. Аббревиатура этого предложения осталась бы непонятной для читателя без авторского пояснения, так как придумана самим автором.

Парентеза с функцией попутного замечания. Вторую группу составляют парентетические конструкции, встречающиеся в повествовании от первого лица, когда рассказчик, являющийся одновременно и главным героем, дает свой комментарий, который возникает в его сознании в процессе повествования:

✓ “D'abord parce qu'il pèse quatre-vingt-deux kilos (lui dit quatre-vingts, pure coquetterie) et ensuite parce qu'il a raison” (“Epilogue”) [6, p. 142];

✓ “Maintenant, si je devais donner un conseil (avec tout ce qui s'est passé, ça m'étonnerait qu'on m'en demande) à un jeune qui voudrait faire de la rurale, je lui dirais : des muscles, beaucoup de muscles. C'est le plus important. Une vache pèse entre cinq et huit cents kilos, un cheval entre sept cents kilos et une tonne. C'est tout” (“Catgut”) [6, p. 82];

✓ “Et là, je peux vous dire que j'ai mis le paquet (payable en deux chèques), j'ai pris un ensemble coordonné slip et soutien-gorge, quelque chose d'hallucinant” (“Epilogue”) [6, p. 149];

✓ “Je regardais les serveurs du restaurant d'en face qui s'affairaient autour de leurs nappes damassées, ils étaient très stylés (comme mes nouvelles, pensais-je en ricanant), surtout un, que je matais avec soin” (“Epilogue”) [6, p. 156].

Парентезу с функцией уточнения можно увидеть в речи главного героя, который считает необходимым уточнить определенный момент из его рассказа:

✓ “Myriam est un vrai coeur d'artichaut, tous les six mois, depuis l'âge de quinze ans (ce qui doit faire à peu près trente-huit fois si je ne m'abuse), elle nous ramène l'homme de sa vie» (“Clic-Clac») [6, p. 124];

✓ “Elle leur parle comme si elle avait des lunettes spéciales (du genre le rayon X de Superman) et qui lui permettent de voir exactement la taille du sexe de son interlocuteur» (“Clic-Clac») [6, p. 124].

Парентеза с функцией попутного вопроса. В данную группу мы выделили предложения, в которых рассказчик делится вопросами, возникающими в ходе повествования, с адресатом, в роли которого выступает читатель:

✓ “Mais je me ressaisis. Vous êtes là, derrière mon épaule à espérer l'amour (ou moins ? ou plus ? ou pas tout à fait?) avec moi et je ne vais pas vous laisser en rade avec la patronne du Chiquito” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 12];

✓ “J'ai quand même une pensée émue pour cet homme élégant et brillant qui est en train de tripoter mon avenir entre ses mains fines (l'édite ? l'édite pas?), le jean, c'est un peu raide il faut l'avouer» (“Epilogue”) [6, p. 149];

✓ “L'autre jour j'ai entendu Sarah Briot qui riait de bon coeur en racontant (à Marie peut-être ?) qu'elle avait fini par refiler la balance à sa mère pour qu'elle lui fasse "de bons gâteaux le dimanche " et ça la mettait vraiment de bonne humeur de raconter ça” (“Clic-Clac”) [6, p. 119].

Парентеза с контактоустанавливающей функцией. В отдельную группу мы выделяем и парентетические внесения в речи главного героя, повествующего свою историю, который во время рассказа старается поддерживать контакт со своим собеседником, обращаясь к нему. Для создания эффекта присутствия рассказчика автор использует глаголы в императиве, обращения к собеседнику, междометия:

“Je vais la lire toute seule, dans le silence et le recueillement du petit bois d'à côté qui sert de canisette à tous les chiens du quartier. (Notez que même dans de tels moments, je reste lucide.)” (“Epilogue”) [6, p. 146];

“En passant mon chemin, je continue de sourire, je pense à *La Passante* de Baudelaire (déjà avec Sagan tout à l'heure, vous aurez compris que j'ai ce qu'on appelle des références littéraires !!!)” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 8];

“Et pendant ce temps-là, divine candeur, je sens le regard de mon saint Sébastien (rapport à la flèche, eh ! il faut suivre hein !?) toujours dans mon dos” (“Petites Pratiques Germanopratives”) [6, p. 8].

В новеллах Анны Гавальда в пределах одного предложения можно увидеть также сочетание нескольких парентетических внесений с разными функциями.

“J'ai aussi acheté un set-cuisine (soixante-cinq pièces pour 399 francs, essoreuse et râpe à fromage comprises), des bougies (on ne sait jamais...), un plaid (je ne sais pas, je trouvais que ça faisait chic d'acheter un plaid), une lampe (bof), un paillason (prévoyant), des étagères (forcément), une plante verte (on verra bien...) et mille autres bricoles (c'est le magasin qui veut ça)” (“Clic-Clac”) [6, p. 136]. Приведенный пример свидетельствует о наличии парентезы с функцией уточнения (уточнение общей стоимости товаров важно для главного героя, ведь он работает главным бухгалтером) и с функцией пояснения (хотя не во всех случаях главный герой может объяснить причину, по которой он купил ту или иную вещь, когда обустроивал квартиру).

Анализ парентетических внесений в новеллах Анны Гавальда показал, что данное лингвистическое явление не только активно функционирует в новеллах писательницы, но и имеет свои отличительные черты: использование исключительно скобок в оформлении парентезы, более частое употребление парентезы в повествовании от первого лица, активное использование восклицательных, вопросительных знаков и многоточия для передачи всего диапазона эмоций и чувств, переживаемых героями.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учеб. / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 496 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учеб. / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
3. Гайбарян О. Е. Язык и стиль Газданова / О. Е. Гайбарян, А. В. Кузнецова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейской культур. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – 304 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык : учеб. пос. / К. А. Долинин. – 4-е изд. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
6. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. Nouvelles / A. Gavalda. – Editions J'ai lu, 1999. – 159 p.

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Ф. ГОРЕНШТЕЙНА

Ю.В. Бельская

В статье рассматривается значение образов еды как воплощения в литературе телесности и материальности человека. К наиболее значимым смыслам, связанным с гастрономическими актами, относятся мотивы социальной и личной неустроенности, сиротства, трагической влюбленности и искушения, разрушения счастливой семьи, жертвенности и смерти, выживания и спасения. Гастрономические термины употребляются для обозначения социальных и религиозных установок в художественном мире Ф. Горенштейна.

The article deals with the images of meal and its importance in representing fleshiness and materiality of the person. The most significant gastronomic sense is always connected with motives of social and personal disorder, orphanage, tragical love and temptation, destruction of happy family, sacrifice and death, survival and rescue. Gastronomic terms are used for a designation of social and religious characteristics of F. Gorenstein's artistic world.

Ключевые слова: гастрономические образы, гастрономические термины, образы еды, Ф. Горенштейн, телесность и материальность.

Key words: gastronomic images, gastronomic terms, images of meal, F. Gorenstein, fleshiness and materiality.

Творчество Ф. Горенштейна – значительное явление в русской литературе второй половины XX в., до сих пор недостаточно изученное и остающееся предметом полемики. В работах Л. Аннинского, Вяч.Вс. Иванова, Вик. Ерофеева, Н. Ивановой, В. Камянова, Н. Лейдермана и М. Липовецкого, Л. Лазарева, Ж. Нива, И. Прусаковой, Е. Тихомировой, Т. Черновой, Б. Хазанова, В. Суханова предложены перспективные пути изучения проблематики и поэтики произведений писателя.

По оценке Л. Аннинского, проза Горенштейна тяжеловесна, «полна безумных крайностей, «выносов» и перехлестов» и вместе с тем «абсолютно несдвигаема в каком-то глубинном, чугуново-железном ядре». Ключом к этому феномену критик полагает особый ракурс повествования: «Горенштейн может приблизиться к человеку вплотную, он может разобрать его шепот, расслышать внутренний голос, он может внимательно смотреть, как нищенка ест кусок хлеба, как воры очищают барачное жилье в отсутствие хозяйки <...>, как дышит перегаром избивающий жену работяга и как ворочаются мозги у голодных литинститутских студентов, спорящих о подлой роли мирового еврейства, – Горенштейн может придвинуться к человеку, и все-таки смотрит на него "из бездны", как бы не различая, или не узнавая, или не припоминая» [1, с. 63].

Двойственный взгляд на человека позволяет повествователю менять точку зрения, совмещать бытовое и бытийное, прагматическое и метафизическое начала. Но натуралистическая основа необходима писателю, поэтому физиологические процессы, в том числе гастрономические акты, являются важными составляющими внутреннего мира каждого произведения писателя. Л. Аннинский безошибочно указал на них в приведенном высказывании.

Близкое по смыслу мнение выражает Вик. Ерофеев в «Русских цветах зла»: «У "черной овцы" "шестидесятничества" Фридриха Горенштейна уже почти нет никакой надежды на положительного героя. Им вынужден стать сам повествователь, с трудом справляющийся с безразличным чувством к жизни, идейный дубликат карающего Антихриста. Именно с такой точки зрения описан один день старухи *Авдотьюшки*, где уменьшительно-ласкательная форма имени не больше чем сарказм, не допускающий жалости. Вина в равной степени ложится как на предмет, так и на субъект изображения. Мир не лучше и не хуже героини: они достойны друг друга. Сквозной для русской литературы тип *маленького человека*, которого требуется защитить, превращается в корыстную и злобную старуху, подобно насекомому ползающую по жизни в поисках пищи» [3, с. 16].

«Продовольственная старуха» Авдотьюшка – центральный персонаж рассказа «С кошелочкой». В этом рассказе тема добывания еды составляет основу сюжета. Авдотьюшка потеряла какой-либо другой интерес в жизни, кроме гастрономического. Ситуация охоты за дефицитными продуктами заставляет героиню проявлять хитрость и расчет, добавляет драматизм в ее унылую и никому не нужную жизнь. Пассивная очередь, позволяющая подобраться к прилавку и выбрать приглянувшийся кусочек, избежав конкуренции, является для Авдотьюшки большой удачей: «Вот вывезли на тележке горой плоские коробки селедки. Для Авдотьюшки такая ситуация мед-печенье... Очереди-порядка нет, разбой в чистом виде. Кто схватит. Тут не лисья хитрость Авдотьюшке нужна, а мышьяная. Как в цирке: раз, два – тележка уже пустая. Оглядывается народ, смотрит, что у кого в руках. Мужчины схватили одну-две... Некоторые схватили воздух, стоят злятся. Лидируют крепкие, умелые домохозяйки – по три-четыре коробки. Есть и одинокие старушки среди лидеров. У Авдотьюшки три коробки в кошелочке...» [2, с. 406].

Вик. Ерофеев в целом справедливо пишет о жесткой позиции повествователя по отношению к персонажу, особенно осязательной в рассказе «С кошелочкой». Авдотьюшка неоднократно сравнивается с различными представителями животного мира: со старой лисицей, беззубой хищницей, с насекомым. В таком подборе сравнений, кажется, авторская оценка не вызывает сомнения. Но всего одной фразой автор меняет однозначно-негативное отношение к персонажу: «И сколько же это надо было над ней в жизни поизмываться в разных конторах, чтоб такой страх у нее был перед служивым народом» [2, с. 414].

В финале рассказа потерянная кошелочка возвращается к героине. Посторонний человек, подсобник из магазина принес ее в больницу. Последние фразы рассказа звучат так: «Значит, и в самых темных душах не совсем еще погас Божий огонек. На это только и надежда» [2, с. 425]. Двойственный взгляд писателя на человека проявляется и здесь.

Многочисленные эпизоды унижения, голода, попрошайничества персонажей Горенштейна содержат автобиографическое начало. Сиротство будущего писателя, голодное детство и юность нашли воплощение в часто встречающихся скрупулезных описаниях процессов готовки, застолий, поглощения продуктов питания, а также пищеварения и его отходов. Определим наиболее значимые смыслы, связанные с гастрономическими актами. К ним отнесем мотивы социальной и личной неустроенности, бездомья, трагической влюбленности и искушения, разрушения счастливой семьи, жертвенности и смерти, выживания и спасения. Гастрономические термины могут употребляться для обозначения социальных и религиозных установок.

Уже в первом рассказе «Дом с башенкой», в котором мальчик теряет умершую от тифа мать и вынужден выживать в страшном мире озлобленных людей, образ еды приобретает витальный смысл. Каждый кусок хлеба, пирога, колбасы может спасти жизнь неустроенному и одинокому герою. Часто таким персонажем оказывается ребенок, брошенный или потерянный. Почти все дети из романа «Псалом», где первой казнью Господней является голод, становятся попрошайками или ворами. «Хлеб изгнания» Антихриста в этом произведении ставит его лишь на одну ступень выше самых бесправных и ранимых персонажей.

Шоколад, шампанское, кекс, мандарины встречаем в эпизодах первых свиданий («Зима 53-го года», «Искушение»), за которыми наступают сцены разочарования и публичного позора.

Хорошая, сытная еда, с любовью приготовленная, является атрибутом счастливой семьи и одновременно предупреждением об опасности и трагических потерях. Например, в рассказе «Улица Красных зорь» дается подробнейшее описание приготовления пельменей, последней совместной трапезы семьи, за которым следует весть о нелепой, беспричинной и от этого более страшной смерти родителей героини – девочки Тани. Разрушена белорусская семья из романа «Псалом». После рассказа о любовной идиллии доброго участкового и его жены Гали в сцене обеда («Искупле-

ние»), когда герои едят вкусный борщ, следует краткое упоминание о скорой смерти персонажа.

Синие куски мерзлого мяса, которые привезли в продуктовый магазин, в повести «Зима 53-го года» предваряют эпизод похорон шахтеров, чьи изуродованные тела лежат в одинаковых гробах. Образы жира, жирной пищи, шкурок сала, студня многократно упоминаются в этой повести. С прагматической точки зрения жирные продукты необходимы шахтерам и для поддержания сил при работе на грани человеческих возможностей, и для защиты органов дыхания (пыль липнет к жиру, ее можно выплюнуть).

В метафорическом смысле в образе жира заметна негативная семантика, где важными являются значения клейкости, аморфности, вязкости. Выражение «жировать», встречающееся в этой повести, имеет значение «жить на ворованное, за счет других, на деньги, полученные через предательство». Так, один из эпизодических персонажей, пьяный, которого толкает к выходу милиционер, «ругал в бога мать космополитов» и кричал: «Эх, все вы им продались! На Иудины деньги жируете!» [2, с. 78].

«Влажная жирная руда», которую необходимо добыть в срок, становится причиной смерти фезеушников. Мотив жира, таким образом, выходит за рамки собственно гастрономических актов.

Кажется уместным упомянуть фрагмент сна героя, напрямую не связанный с едой, но вызывающий достаточно прозрачные ассоциации. После конфузной ситуации в гостях у знакомой девушки Кати и ее матери Ким долго не может заснуть, а когда неожиданно все-таки засыпает, ему снится кошмар: «Сон был сочетанием необычайной конкретности, просто натуральной подробности, с условностью, не вызывавшей ни малейшего удивления. Он, живой и голый, лежал в огромном котле, наполненном штабелями голых людей. В котел заглядывали фигуры в касках, и он пробовал притвориться мертвым, сдерживая дыхание, хоть чувствовал, что освещен пронизывающим беспощадным светом, от которого нельзя укрыться. Наступила полная безысходность, приносящая даже какое-то успокоение» [2, с. 91–92]. Образ котла и голых тел в нем вызывает ассоциации с жертвоприношением, свидетельствует о подсознательной готовности Кима к этому ритуалу, производимому в социальной сфере.

Образы деформированной еды присутствуют во многих произведениях Горенштейна как символ неудовлетворенности и униженности персонажей. Например, это мягкие, украденные матерью Сашеньки, продукты, извлеченные из сапог в повести «Искупление», полусырые блины, которыми насыщается впрок один из заключенных, или черные вареники, поданные на паперти, в этом же произведении. Это испачканная еда в «Зиме 53-го года»: студень с пеплом, который с отвращением ест Ким, безвкусная еда в столовых и т.д.

Итак, образы еды, гастрономические акты, подробное описание процесса приготовления пищи занимают заметное место в произведениях писателя. По мысли Е. Фарино, в современных культурологических интерпретациях еда получает «высокий семиотический смысл нетворческого начала» [4, с. 211].

Гастрономические образы вписываются в более общую теорию художественного воплощения телесности: «Характерное для XIX века нарушение запрета на интимность относится преимущественно к психологической стороне этой интимности и приводит к открытию подсознания. На этом фоне поворот к телесному аспекту, наблюдаемый в искусстве XX века, получает смысл попытки восстановить равновесие между биологическим и идеологическим в человеке, вернуть его полноту, санкционировать естественные начала, уравнивать в правах интимное и общественное, биологическое и культурное и т.д.» [4, с. 205–206].

Телесность «Я» необходима как «первоисточник неподдельной правды, как гарантия органической связи с внешним материальным миром. Телесность и материальность человека и мира дают ощущаемость бытия и противостоят цивилизованной отчужденности человека, его оторванности от земли и от собственной естественной природы» [4, с. 208].

Вместе с тем образы еды во многих произведениях Горенштейна перерастают в образы-символы, наполняясь энергетикой творческого начала. Мотивы и образы еды экстраполируются и коррелируют с социальными, философскими, религиозными мотивами произведений.

Список литературы

1. Аннинский Л. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, химеры / Л. Аннинский // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 62–90.
2. Горенштейн Ф. Избранные произведения : в 3 т. / Ф. Горенштейн. – М. : Слово, 1992. – Т. 2. – 543 с.
3. Ерофеев В. Русские цветы зла : сб. / сост. В. В. Ерофеев. – М. : Подкова, 1997. – 504 с.
4. Фарино Е. Введение в литературоведение / Е. Фарино. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.

СИСТЕМА СТИЛЕВЫХ ПРИЗНАКОВ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ Д.М. БАЛАШОВА «ПОХВАЛА СЕРГИЮ»

Д.М. Бычков

Статья посвящена своеобразию стиля исторических романов Д.М. Балашова. Приводятся примеры стилиевой традиции древнерусской агиографии. Для писателя воплощение агиографического стиля не только творческая необходимость соблюдения жанровой нормы, но, прежде всего, религиозный опыт. Стилиевая манера позволяет писателю добиться специфического эстетического эффекта. Стил является кодом читательского восприятия романа.

The article is devoted to peculiarities of style of historical novels by D.M. Balashov. Examples of style tradition of an Old Russian hagiography are resulted there. For the writer an embodiment of hagiographical style is not only a creative necessity of observance of genre norm, but first of all religious experience. Stylistic manner allows the writer to achieve specific esthetic effect. Style is a code of reader's perception of the novel.

Ключевые слова: Д.М. Балашов, стиль, исторический роман, агиография, традиция, древнерусская литература, жанровый код.

Key words: D.M. Balashov, style, historical novel, hagiography, tradition, Old Russian literature, genre code.

Стил определяется как сложно устроенная, эстетически значимая категория художественности литературного произведения, свидетельствующая о степени владения языком, соответствии изображаемого языковому воплощению в художественном тексте и вообще о мастерстве писателя. Для канонических по природе жанров древнерусской литературы характерно соблюдение строгих стилиевых норм как эстетических и этических догматических правил литературного творчества.

Д.С. Лихачёвым стил постулируется как кристаллическая структура, подчиненная «какой-либо единой "стилиестической доминанте"» [7, с. 22]. Доминантные стилиевые черты, как известно, зависят во многом от авторских задач и жанра конкретного текста, образуя в совокупности с ним жанрово-стилевое единство литературного произведения. Соответственно, в модификациях житийного предтекста должна быть реализована стилиевая доминанта древнерусской агиографии при допущении некоторых творческих отступлений от жанрово-стилевого норматива.

В статье «Контрапункт стилей как особенность искусств» значение категории стилия трактуется Д.С. Лихачёвым с учетом позиции читателя, специфики рецепции художественного произведения – в соответствии с пониманием процесса эстетической рецепции как коммуникативного процесса, в связи с проблемой «автор (творец) – текст (произведение) – читатель (реципиент)» и особенностями культурно-исторической эпохи. «Стилиестическое единство, – отмечает ученый, – создается совместно творцом произведения и его читателем, зрителем, слушателем. Автор произведения искусства сообщает тому, кто его произведение воспринимает, некий стилиестический

ключ. <...> Стиль не пассивно воспринимается читателем, а "реконструируется" [7, с. 22]. Таким образом, «стиль обнаруживает себя в восприятии произведения искусства, если только это восприятие эстетическое, имеет творческий характер. Воспринимающий произведение искусства, преодолевая отдельные непоследовательности стиля в произведении, восстанавливает его единство» [7, с. 22].

Перед автором-«неоагиографом» стоит задача реконструкции стиля, соответствующего жанровому канону. Агиографический стиль – один из элементов канона, служащий, наряду с традиционными мотивами, распознаванию кода жанра, установлению типологических литературных связей и параллелей на интертекстуальном уровне, подключает читателя к соответствующему восприятию сюжета, героя и мирообраза. Традиция агиографии как культурный код, заложенный в произведениях – моделях «производного» дискурса, выражается в «жанровом заглавии» и / или жанровом подзаголовке (если он непосредственно связывается с жанровым источником или литературным каноном), а также в стилевой манере, используемой автором (в «непроизводном» дискурсе иногда с пародийными установками).

Феноменом продолжения агиографической, шире – древнерусской традиции в русской литературе второй половины XX в. является творчество Д.М. Балашова и его исторические романы «Святая Русь. Сергей Радонежский» и «Похвала Сергию». «Неоагиографический стиль», выдержанный в них писателем, отвечает требованиям наррации метода символического реализма, «архаизирует» (А.С. Дёмин) повествование.

Креативный характер авторской рецепции в «Похвале Сергию» нацелен на усвоение и восстановление жанрово-стилевой традиции как замкнутой системы, что характерно для русской исторической прозы XX столетия.

«Феноменологическое» изучение стиля как совокупности систем соотношения словесного материала [4, с. 232] возможно в случае с исторической прозой Д.М. Балашова (основывающейся на «производном» дискурсе) при учете того, что стилевая система автора возникает на «производной» основе агиографии путем органического синтеза со сторонними художественными воздействиями, и при этом стиль исторического романа разрушает некоторые стилевые нормативы, обнаруживая противоречивые эстетические устремления. С одной стороны, автор стремится к стилизации и достигает в этом определенного мастерства и органичности повествования для создания картины мира эпохи, с другой – в тексте проступают «инонарративные» элементы, например, публицистические.

Идентификацию дискурса в «Похвале Сергию» Д.М. Балашова как агиографического необходимо синтезировать со сравнительно-сопоставительным его анализом в связи с непосредственным предтекстом на предмет соответствия древнерусской жанрово-стилевой традиции. В связи с этим обнаружением и должен вестись стилевой анализ данного романа. Иными словами, необходимо разрешить проблему отношения форм стиля романа к предшествующей истории агиографического стиля в соответствующем жанре, методы синтеза их в творчестве писателя, приемы их преобразования, индивидуальное своеобразие стилистических построений на фоне унаследованных форм.

Первый (предтекстовый) уровень рецепции позволяет установить степень творческой оригинальности писателя, особенности авторской амплификации, различные формы цитации, определить функциональную роль лексико-грамматических фигур и конструкций. Креативные компетенции автора-«неоагиографа» отличаются интенциями авторства в его отношении к языку, в данном случае – «литературному этикету» канонического предтекста.

Агиографическая традиция, принципы креативной рецепции и механизмы порождения дискурса агиографии в романе «Похвала Сергию» требуют не только соблюдения особых жанрово-эстетических норм воссоздания предтекста, образа святого праведника и «житийной картины мира», но и этикетного следования при этом специфическому «высокому» стилевому направлению. Данное обстоятельство накладывает отпечаток на творческий почерк «неоагиографа», продолжающего писать в русле архаизации манеры повествования.

В.В. Виноградовым были отмечены некоторые языковые особенности агиографии, которая основывалась, как известно, на лексико-семантических ресурсах церковнославянского языка. В.В. Виноградов писал: «Этот стиль целиком базируется на системе церковнославянского языка и вместе с тем связан со строго определенными книжно-славянскими формулами изображения действий и переживаний человека, с церковно-книжными приемами изображения внутренней сущности представителя той или иной религиозно-моральной категории лица, его внешнего облика и всего уклада его поведения. Ярлык – агиографический – слишком общ, но в основном подходящ. Важно лишь изучить вариации и разновидности этого стиля в историческом движении» [3, с. 117]. Ученым-лингвистом был указан путь изучения языка агиографических сочинений и его эволюции. Намечая перспективность этого направления исследования, укажем, что лишь последние десятилетия XX в. отличаются в филологии интересом к функционированию языка в житийных текстах.

Агиографический дискурс воплощал специфические особенности древнерусской литературы: сакральный характер ее языка, принципиально не совпадавший с разговорно-бытовым, свободный переход из земного бытия в трансцендентные сферы, четкая и однозначная система ценностей и – главное – стремление овладеть сразу всем кругом потенциальных читателей или слушателей без различия социальной, возрастной или индивидуальной специфики каждого. Такие творческие установки могут быть реализованы в исторической прозе. В этом направлении развивается поэтика Д.М. Балашова, имеющая ряд соответствий с литературной практикой древнерусских агиографов.

В романе, как уже отмечалось, реализуется механизм амплификации предтекста в системе «текст в тексте», проявляются формы цитации агиографического памятника и элементы его стилизации. Согласно концепции Д.С. Лихачёва о стиле, «в произведении искусства есть некая идеальная форма и есть воплощение этой идеальной формы, которая в какой-то мере всегда отстает от идеальной и потому требует от воспринимающего сотворчества с автором». Такой «идеальной формой» в стилевом отношении в романе являются только прямые цитаты из предтекста, задающие тон всему повествованию, служащие для автора эталоном агиографического стиля. Собственно агиографический стиль проявляется только в форме цитирующихся фрагментов и оформления посредством других цитат евангельского ассоциативного поля.

Как правило, автору жития не хватает слов, чтобы выразить подвиг святого, и он должен просить читательского прощения. На рубеже XIV–XV вв. формула авторского покаяния может обрастать рядом метафор, образуя замкнутый фрагмент повествования. Так, в аутентичном варианте «Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым» обнаруживается следующий речевой фрагмент, характерный вообще для стиля этого древнерусского писателя: «Увы, мне, како скончаю мое житіе, како переплову се море великое и пространное, ширшееся, печальное, многумутное, не стояще, смятущееся; како препровожу душевную ми лодію промежу волнами свирепыми, како избуду треволниіа страстеи, люте погружаюся въ глубине золь, и зело потопляяся в бездне греховнеи» [9, с. 36].

Характерно, что, очертив ценностно-смысловую дистанцию между автором и персонажем, Д.М. Балашов точно так же, как и древнерусский агиограф, испытывает недостаток слов для адекватной сакрализации текста уже в самом зачине романа. Это связано с определенными трудностями реализации творческого замысла адекватного эпохе отображения образа святого, для чего необходимы знания не только истории, психологии, исторической поэтики личности (В. Библер), но и церковной культуры, житийной литературы:

«Решаясь на продолжение работы, я обязан сразу оговориться, что не имею ни права, ни возможности, ни даже желания соревноваться с авторами житий, как первого, основного, написанного гениальным Епифанием, так и полного, вместившего все известные факты жизни Сергия, жития, созданного архимандритом Никоном уже в конце XIX столетия. Духовную суть жизни и подвигов Сергия я, разумеется, пере-

дать не способен, но деятельность Сергия могущественно повлияла на события политической истории конца XIV столетия <...>.

Заранее извиняясь в недостатке знаний литургии, богослужебного обихода и монашеской жизни, все же решаюсь явить сей труд на суд читательский, ну а о его результатах не автору судить!» [1, с. 5].

В авторском предисловии «От автора» отмечается фигура самоуничтожения агиографа, устанавливающая необходимый контакт с читателем, который, видимо, тоже ощущает некоторую некомпетентность, и диалогизм повествования, таким образом, стирает дистанцию и подключает читателя к жанрово-стилевому коду агиографии. Для литературы начала 1990-х гг., когда только складывается феномен «неоагиографии» и необходимо настроить читателя новой литературной эпохи на ее постижение, его воцерковление, именно такая функциональность закрепляется за фигурой самоуничтожения и вообще агиографического стиля.

Художественный текст романа предваряется целым набором рамочных элементов. Один из них – «Молитва», в которой слышен искренний голос автора, затрудняющегося в работе и уповающего на помощь Бога. В важном для понимания природы романа фрагменте автором постулируется сакральность фигуры святого. Соблюдение религиозного взгляда на святого как литературного персонажа, что соответствует литературной традиции и жанру, – отличительная черта агиографии в восприятии писателя-историка, мыслящего реалистически и научно: «Как понять парение мысли, и – нет, не мысли даже, а чего-то высшего мысли, что струилось окрест, на прочих, на простых людей (таких, наверно, каковы и мы сейчас) и согревало, и укрепляло, и подымало душевные силы всех этих прочих, "простецов", на подвиги и на труд ежедневный, на то, чтоб жить творя и не разувериться в жизни сей» [1, с. 7]. В этих рассуждениях отчетливо видно иконическое восприятие святого: святой – образ Бога, в религиозном сознании окружающих его верующих святой праведник выполняет те же функции (укрепляет веру, живет интересами каждого, заботится о своих чадах и т.п.), святой – один из видимых ликов Бога, а его земная жизнь – реализация «страстей Христовых». В связи с этим святой есть чудо, что ставит перед писателем важнейшую проблему, творческое решение которой объясняет соблюдение и необходимый отход от стилиевой житийной традиции:

«Как же мне постигнуть тебя, Сергий, отче! Дай, Господи, обрести силы для задуманного днесь труда! Это не предисловие, это молитва. Дай, Боже Господи, мне, человеку неверующей эпохи, описать человека верующего! Дай, Господи, мне, грешному и земному, описать человека неземного и безгрешного. Дай, Боже, совершиться чуду! Ибо это подлинное чудо: суметь описать человека, столь и во всем и по всему высшего, чем я сам, человека, на такой высоте стоящего, что и поглядеть на него раз – уже закружится голова. Дай мне, Господи, поверить, а ведь я не верю, ничему не верю, что было с ним чудесного и чем он был сам. Не верю, но знаю, что был он, и был такой и даже лучший, чем тот, что описан в "Житиях", ибо даже и в житиях не видно его дел духовных, его непрестанных дум, не видно света, исходящего от него, а лишь то, что освещал он светом своим. Видны плоды произросшие, и не видно, не дано увидеть творения плодов.

Дай, Боже Господи, свершить невозможное! Дай прикоснуться благодати, дай прикоснуться хотя бы края одежды его! Ибо в нем – Свет, в нем Вера, в нем и из него – моя Родина!» [1, с. 8].

Система означающих освещается новым мистическим смыслом. В рамках художественного текста сакрализованное слово должно завершить целое как эстетический объект. Если житийный сюжет придало тексту характер агиографического дискурса, то сакральное слово придало агиографическому дискурсу эстетический и одновременно (и даже первостепенный) религиозный смысл, укрепленный в авторском сознании, ориентированном на ортодоксальное учение церкви. В этом плане, анализируя данный роман с позиций неориторки и теории дискурса, выявляется эстетическая и религиозная (при всем ее своеобразии) направленность повествования. Для воплощения писательского замысла автор осознает соответствие между понятием

святости и языком ее постижения, необходимость соблюдения канона как естественной для агиографа возможности создать художественный образ. То, что было осознано авторами житийных сочинений, постигается Д.М. Балашовым в процессе становления религиозного сознания, творческого роста. Этим обусловлено следование традиции и, прежде всего, в специфике стиля.

Д.С. Лихачёв, выделяя особенности поэтики древнерусской литературы на широком текстуальном материале, отметил ключевое отличие в образном видении писателей Древней Руси и Нового времени, выражающееся в специфичности использования сравнения – приема, лежащего в основе многих тропов: «Современные писатели (писатели Нового времени) гордятся меткостью своих сравнений сходством внешним. А средневековые писатели стремились увидеть за внешним сущностное» [6, с. 128].

Сравнения в древнерусском агиографическом повествовании, как правило, не основываются на обнаружении зрительного, видимого, внешне заметного сходства, уподобление строится больше на глубинных, сущностных ассоциациях. Однако в романе «Похвала Сергию» встречаются и более привычные, обычные примеры сравнений, связанные со зрительными впечатлениями: «как два медведя» [1, с. 225], например, передающие в данном случае портретные характеристики, или – «как два ангела» – данный пример повышает степень условности, поэтичности сравнения, строится в соответствии с разрабатываемым дискурсом. Таким образом строится и другой пример: «воздух свеж, как юность».

Стиль романа в отдельных, наиболее репрезентативных чертах родственен стилю, совпадающему по своим основным характеристикам с экспрессивно-эмоциональным стилем конца XIV–XV в., точно описанным Д.С. Лихачёвым в книге «Человек в литературе Древней Руси»: «Невыразимость чувств, невыразимость высоты подвигов святого органически связаны со всей стилистикой житийных произведений – с их нагромождением синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, с их ритмической организацией речи, создающей впечатление бесконечности чувств. Все это призвано внушить читателю грандиозность и значительность происходящего, создать впечатление его непереводаемости человеческим словом. Конкретные значения стираются в этих сочетаниях и нагромождениях слов, и на первый план выступают экспрессия и динамика» [8, с. 76].

Самый типичный прием экспрессивно-эмоционального стиля – плетение словес, когда одно и то же понятие варьируется с помощью тавтологии и плеоназмов, создавая перспективу постоянно движущегося словесного потока. Подробное, детальное повествование с нанизыванием определений имитирует в романе зрительный эффект от прочитанного, создает видимость изображаемого. Как одно из средств порождения плетения словес в древнерусском искусстве повествования перечисление и повтор слов, деталей используются Д.М. Балашовым для создания более полных, картинных, панорамных, психологически точных описаний и характеристик: «Он [Варфоломей] впервые молился в церкви. Пустой, не освященной, без икон! Поставивши перед собою на престол, также не готовый, не освященный, не оббитый вервием и незастланный антиминосом, даренный Онисимом медный крест, молился истово, на деле на время позабыв обо всем, уйдя в себя и молитву, и чуя, как и вправду в груди разогревается и растет неведомое тепло» [1, с. 239]. Ряд подобранных согласованных и несогласованных определений к слову «церковь» – «пустой, не освященной, без икон» – фиксирует дополнительную, контекстуальную семантику слова «пустая», оформляющуюся под воздействием символического значения слова «икона». Получается, что «пустая» церковь – это не столько не наполненная постоянными прихожанами, сколько «не освященная», то есть «без икон». В этом речевом фрагменте воплотился принцип агиографического дискурса: элементы энтимемы (фигуры умолчания), реализующие коннотативные возможности полисемии языка. Порождаемый эффект увеличивается в другом предложении в границах данного сложного синтаксического целого, когда к слову «престол» подбирается аналогично выстроенный ряд – «также не готовый, не освященный, не оббитый вервием и незастланный антиминосом» – и градация, передающая внутреннее состояние молящегося Варфоломея: «молился истово, на деле на

время позабыв обо всем, уйдя в себя и молитву, и чуя, как и вправду в груди разогревается и растет неведомое тепло». Другие примеры перечислений, нагнетающие атмосферу одиночества героя и фиксирующие образы, всплывающие перед глазами испуганного Варфоломея: «Смрадные лица, клыкастые хари с проваливающимися глазами, полугруппы-полузвери потянулись к его лицу, протягивали когтистые лапы, угрожая порвать мантию» [1, с. 290].

Перечисление иногда выражает приподнятость стиля агиографии, особенно в афористических интенциях автора, что сближает библейскую и агиографическую стилевую основы: «Ибо дух вседневно должен одолевать плоть, и в этом ежечастном борении, в этом вечном сражении и заключена правда разумной жизни» [1, с. 308].

В повествовательных контекстах, особенно в тех, в которых пересказываются известные по предтексту эпизоды жития, повышается роль глаголов и деепричастий, передающих последовательность действий, придающих повествованию ритм, большую наглядность в изображении (в отличие от предтекста): «...Сергий осторожно, чтобы не испугать зверя, приблизил к двери, приотворил ее и вынес кусок ржаного хлеба, оставленный на столе. Так же осторожно сделав несколько шагов, положил хлеб на пень и, медленно пятясь, отступил к дверям хижины. Медведь подошел, понюхал, подумал, а потом с аппетитом сжевал весь хлеб и даже крошки выел, представшие к пню. Потом, тихо урча, медленно повернулся и убрел в лес» [1, с. 291]. Сравним с рассказом Епифания: «...преподобный <...> паче да възмет от брашна мала нечто в пищу себе, и изношаше ему от хижа своя мал укрук хлеба, и полагаше ему или на пень или на колоду, яко да пришед по обычаю зверь, и яко готову себе обреете пищу; и взем усты своими и отхожаше» [9, с. 37]. Таким образом, в переложении сюжета сказывается принцип амплификации.

Один из стилевых приемов агиографии – разложение в повествовании родовых понятий на видовые. Примеры такого приема можно найти в тексте «Похвалы Сергию»: «Упорно блюдя чин церковный, не пропуская ни вечерни, ни полунощницы, подымаясь ночью читать часы и одновременно борясь со снежными заносами, паки и паки расчищая двор и дорожку к церковному крыльцу» [1, с. 290]. Данное предложение построено по принципу разложения родовых понятий на видовые. Так, «чин церковный» уточняется составляющими его вечерней и полунощницей, а деепричастный оборот «борясь со снежными заносами» распадается на более конкретное описание «паки и паки расчищая двор и дорожку к церковному крыльцу», при этом слово «двор» уточняется упоминанием о дорожке. Стоит обратить внимание на то, что построение предложения основывается на двукратном применении принципа разложения, как другие примеры, проанализированные выше, построены на двукратном употреблении ряда перечислений и повторов. Видимо, в применении такой повествовательной практики выражается индивидуально-авторская манера.

Принцип разложения родовых понятий на составляющие передает повторяемость каждодневных действий, обнажает календарный круговорот событий и явлений жизни, ее традиционный уклад. Описание быта и повседневных занятий святого наполнено подобными примерами, рядами однородных членов предложения: «Когда сошел снег и протаяла земля, к прежним делам (дрова, лес, следовало починить и продолжить ограду, дорезать узоры царских врат и балясины перил крыльца в церкви) прибавился огород. <...> Чтобы понимать, чувствовать сердцем свой "язык", своих соплеменников, надо и жить как они, надо так же обрабатывать землю, так же плотничать, екать, шить, прясть, готовить кожи, уметь загнуть полозья саней и грамотно вязать оглобли в завертки, чтобы оглобля не вылетела дорогой, и хоть он [Сергий] запретил себе езду на лошади, но весь этот крестьянский обиход был ему известен, что называется, навечно. Он знал, как обрезают и чистят копыта коням, мог подковать любую лошадь, умел обиходить корову, не так ловко, как бабы, но умел остричь овцу...» [1, с. 309]. Содержание понятия «крестьянский обиход» разворачивается в подробное описание и раскрывает виталистическую концепцию писателя, приверженца традиционного уклада, выразившуюся в афористическом предложении: «Чтобы понимать, чувствовать сердцем свой "язык", своих соплеменников, надо и

жить как они», план которого расширяется в цитируемом абзаце. В других контекстах данный прием передает некоторые философские мысли повествователя (как и героя, и автора), фиксирующие стадийность развития сюжета и, соответственно, конечность жизненного пути: «И детство пройдет, как и мужество, как и старость, как и вся жизнь». В данном примере родовое понятие «жизнь» распадается на составные элементы – детство, мужество (зрелый возраст), старость.

Стиль плетения словес строится за счет использования объемных рядов перечислений признаков предмета речи. В романе Д.М. Балашова многие стилевые доминанты агиографии воплощают виталистическую концепцию автора, посредством различных заметных в повествовании стиливых примет оформляют содержание концепта «жизнь», одного из основополагающих в концептосфере историософского произведения. Перечисление признаков делает пейзажное описание более содержательным, стройным, концептуальным. Кроме того, зарисовка природы психологически мотивирована, отвечает внутреннему состоянию героя в минуту вспыхнувшего воспоминания о первой любви: «Жизнь ползала, прыгала, копошилась, летала. <...> Все росло, совокуплялось и умирало, оставив личинки, яички, зверенышей, семена для новых произрастаний» [1, с. 307]. Данное перечисление признаков концепта «жизнь» наполнено олицетворением, оформлено по закону кольцевой композиции построения фразы, который реализуется и в следующем предложении в этом сложном синтаксическом единстве абзаца: «И горячий настой леса будил в нем [в Сергии] тот отчаянный зов, который когда-то бессознательно бросил его в безоглядное бегство по лесу, и только теперь понял он, от чего тогда убегал!» [1, с. 307]. В данной фразе оказываются «закольцованы» прошлое и настоящее, соединенные воспоминанием. Весь эпизод в стилевом плане во многом художественно верно решен за счет использования приема перечисления существенных (и сущностных) признаков. Перечисление иногда выражается в повторе слов: «...все пыталась сказать, позвать его куда-то, высказать нечто, и он раз за разом спасался от наваждения и не мог спастись нигде» [1, с. 307].

Градация как традиционная для агиографического стиля фигура речи позволяет автору романа более последовательно вести повествование, быть внимательным к деталям, фиксировать их, наполнять особым значением, служит, как в следующем примере, созданию эффекта ретардации: «Казалось, и птицы примолкли в сей час, и листья остановили трепетное движение свое, и солнечные лучи, принизавшие тонкую преграду листвы, упавая на суконную скуфью и плечи монаха, претворялись в сияние, овевявшее мудрый старческий лик в потоках легкого серебра, чуть тронутого по сторонам чернью» [1, с. 91]. Градационная повествовательная интонация психологически точно передает ощущения Варфоломея, прислушивающегося к звукам природы, когда в лице монаха он (и читатель, знакомый с сюжетом предтекста) узнает своего первого учителя, чудом даровавшего ему знание грамоты. Такой прием – мастерское завоевание литературной техники писателя.

Некоторые примеры (взяты буквально с одной страницы, что подтверждает их частотность в тексте) сохраняют более наглядный вид градации: «...явил Христос образом жизни своей, крестного пути и муки крестной», содержание которой воплощает христианский принцип жизни, близкий, конечно же, виталистической концепции писателя-«неоагиографа». Земная жизнь Христа, как и святого, как и каждого человека (поскольку парадигмальным образцом жизни для христианина являются Иисус Христос и праведники) есть, по метафорическому выражению, «крестный путь». Следующее за цитируемым выше предложение несет, очевидно, проповедническую интенцию, отличается афористичностью: «Искус неверия должен пройти каждый верующий, дабы понять, поверить и утвердиться в вере своей» [1, с. 91].

В отдельных периодах градация присутствует как основание риторической формулы – «всегда, и вовеки, и всюду» [1, с. 89], придающей тексту молитвенный пафос.

Симметрия в построении синтаксических конструкций характеризует особое внимание древнерусских агиографов к собственному сочинению, основывается на логике речевого мышления. Симметричные синтаксические конструкции, дополни-

тельно осложненные рядом сказуемых, используются Д.М. Балашовым для передачи панорамности изображаемой стратификации средневекового (феодального) по типу древнерусского общества. В цитируемом предложении используется также принцип перечисления признаков, олицетворяющих концепт «земля», раскрывающийся в данном контексте в значении «общество, государство» – «мир»: «За ними [за Сергием и митрополитом Алексием] земля, бояре, что деловито собирают рати и копят серебро, смерды, что готовят новые расчистки под пашню (земля полнеет людьми), ремесленники, что ныне уже не ропшут по недостатку дела, – дел много, и от Алексия, от ныне живущих правителей страны все ждут свершения подвига» [1, с. 449]. Заметим, что совпадение (случайное) имен митрополита Алексия и Алексия – Патриарха Всея Руси, а также слова «от ныне живущих» делают фразу публицистически содержательной, важной, заостренной, что выражает для писателя отдаленное сходство исторических эпох. Исторософские и одновременно публицистические идеи (вмещающиеся в скобки) развиваются в следующем предложении и отражаются в реплике Сергия, завершающей мысль автора и героя, «точки зрения» которых смыкаются: «Земля живет, трудится, верит, и она найдет себе истинную главу. В самом деле, не в едином ребенке, который нынче едва вступает в возраст отрочества [Дмитрия, прозванного в будущем Донским], надежда целого княжества (и не пришли пока те времена, когда исчезнет воля к действию, а останется лишь – к послушанию, и когда вследствие того от единого мужа, стоящего во главе, могли бы зависеть и превзойти спасение или гибель всей Руси Великой).

– Земля восстанет к действию! – договаривает Сергей свою мысль» [1, с. 449].

Синтаксическая симметрия позволяет повествователю также воплотить убеждающую функцию языка, используя концепты традиционной патриархальной культуры, что соответствует характеру мышления и принципам мировоззрения самого автора: «И что было бы с нами, не будь рядом матери, с ее любовью и лаской, отца, с его непререкаемым авторитетом, старшего брата, наконец, который прошел уже весь иску́с и противопоставил ему что-то свое, глубинное, твердое... <...> Дома или в толпе вырабатываем мы свое, не похожее на прочих лицо? Увы! Чаше, ежели не всегда, дома, в семье» [1, с. 22].

Вся система стиливых особенностей агиографической традиции, потенциал которой использует писатель в романе в соответствии с риторичностью житийного жанра, при этом не заслоняет от современного читателя информативности авторского повествования. Информативность образцового для произведений жанра агиографии сочинения Епифания, по В.О. Ключевскому, обусловлена позицией рассказчика: «Житие Сергия не чуждо литературных особенностей <...>: то же неуменье рассказывать кратко и ясно, та же склонность вставлять в рассказ длинный ряд текстов и вдаваться в историческое или символическое толкование событий. Но это житие, говоря вообще, богаче фактическим содержанием Епифания и сообщает гораздо больше живых черт, возможных со стороны современника. Это объясняется многолетней жизнью автора на глазах Сергия, близким знакомством его с местом описываемых событий <...>, обилием живых свидетельств жизни святого. Не лишены интереса рассеянные в предисловии к житию заметки Епифания о том, как писалась эта биография. Многое он сам видел и слышал от Сергия...» [5, с. 87]. «Точка зрения» Епифания (в плане психологии, фразеологии и др.) задает в житии стиливое направление повествования. Этот принцип необходимо сообразности и «неоагиографу».

В нарратологической системе романа обозначается соприсутствие двух «точек зрения» – вымышленного лица (его прототипом можно считать Епифания Премудрого), рассказчика – современника святого, и собственно повествователя (историка, человека XX в.), речь которого осложнена цитацией.

Однако историк В.О. Ключевский отмечал и такие свойства агиографической литературы, которые снижали ее информативность, видя в ораторской по характеру агиографической стилистике, прежде всего, недостаток древнерусской письменности такого рода: «В Епифании, как писателе, встречаем два условия, которые редко со-

единялись в наших позднейших агиобиографах: он обладал литературным талантом, вооруженным общей начитанностью, и был близким свидетелем событий, которые описывал, или знал их из верных источников. Притом в его литературном положении была особенность, не существовавшая позднее: он писал в то время, когда стиль житий у нас только еще устанавливался, не затвердев в неподвижных, холодных формах. Поэтому его витийство не знает границ и часто подавляет фактическое содержание <...> Сущность фактов у Епифания пострадала от ораторской окраски очень мало, меньше, чем в большинстве позднейших житий, но сильно потеряли их связь и ясность» [5, с. 95].

Очевидно, что проблема ясности изложения занимала и самого Епифания. С попыткой ее решения и естественной невозможностью описать святого персонажа связаны риторические вопросы, обнажающие непосредственность авторского голоса, эмоциональность агиографа, постигающего феномен святости как чуда: «Кто может рассказать о трудах его или кто в силах поведать о подвигах его, которые он совершил, один оставаясь в пустыне? Невозможно нам рассказать <...> как ясно написать об уединении святого, и дерзании, и стенаниях, и о постоянных молитвах, которые он всегда к богу обращал; кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всенощные, пение усердное, молитвы непрестанные, стенания без отдыха, чтение прилежное, коленопреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь – того не было» [9, с. 37].

В контексте ораторского произведения автор не имеет возможности, и этим объясняется особый характер реалистичности повествования. Д.М. Балашов находит возможность найти ипостась автора, смыкаясь с героем. Кажется, что роман восполняет эти текстовые лакуны, разрешая проблему изображения психологического состояния святого как специфическую проблему этического и собственно литературного, стиливого, нарратологического характера, обнаруживая особую ипостась повествователя – человека XX столетия, историка, при этом личности религиозной.

Одна из составляющих стиля – композиция, поскольку стиль произведения – это система, все элементы которой находятся между собой в единстве. Проблема целого и части в житийном тексте существовала, видимо, в творческом сознании первого агиографа, однако не нашла художественного решения. Композиция сочинения отличается фрагментарностью. Ясность и логичность повествования в «Похвале Сергию» создаются соразмерностью и последовательностью расположения эпизодов и фрагментов текста в их границах, преодолевая «рыхлость» композиции предтекста.

Конкретная поэтика – это еще не традиция, традиция проявляется на более существенных уровнях. Не снимая этого тезиса, при анализе стиля конкретного произведения следует помнить об исходном в искусстве слова. Нет ничего в литературе, что не выражено в стиле – художественной плоти (Вл. Гусев). Рассуждение о художественности, нравственности, истине, проблематике должно основываться с учетом первичного и доминантного значения для произведения стиля, слова. Любая традиция выражена в конкретном стиле, в ином виде она просто не существует. Но традиция может быть выражена прямо, а может быть реализована творчески, косвенно, в различных степенях этого свойства.

Общее направление, метод стилистических преобразований и характер изменений в методах стилистического конструирования целостного эстетического объекта (В.В. Виноградов), которым подвергались в художественной системе писателя принятые им формы стиля, сводятся к следующим критериям: естественная дистанция в языковых границах между стилем предтекста и его переложением, замысел воплощения святости как феномена, реализация принципов символического реализма в творчестве писателя, только вступившего на путь приобщения к вере. В сопоставлении с древнерусским сочинением степень авторского проявления в романе Д.М. Балашова намного выше.

Поэтика «неоагиографических» романов Д.М. Балашова базируется не на прямом заимствовании художественных принципов, следование каноническим нормам

стиля – проявление осознанного выбора, подкрепляется религиозным опытом писателя. Кроме того, стиль древнерусской литературы для автора – эстетический памятник. Сохранение стилевой основы литературной традиции в творчестве связано с надеждой и уверенностью писателя: «Мы сохранимся, пока сохраняется наша словесная культура, пока она жива и читаема. При всех замутнениях, при всех частичных (верю!) отступлениях от великих принципов своих, русская словесность, русская литература и поэзия обеспечивают жизнь русской нации ныне и продолженность этой жизни в грядущих временах» [2, с. 444].

Список литературы

1. Балашов Д. М. Похвала Сергию / Д. М. Балашов. – М. : Астрель : АСТ, 2007.
2. Балашов Д. М. Русская словесность / Д. М. Балашов // Коняев Н. М. Дмитрий Балашов. На плахе. – М. : Алгоритм, 2008.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1959.
4. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1976.
5. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М. : Астрель : АСТ, 2003.
6. Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачёв. – Л. : Советский писатель, 1989.
7. Лихачёв Д. С. Контрапункт стилей как особенность искусств / Д. С. Лихачёв // Классическое наследие и современный мир. – Л. : Наука, 1981.
8. Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – М., 1970.
9. Премудрый Епифаний. Житие Сергия Радонежского // Сергей Радонежский : сб. / сост. В. А. Десятников. – М. : Патриот, 1991.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДУХОВНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭМЕ А. КУСИКОВА «ИСКАНДАРНАМЕ»

Г.Г. Исаев

В статье анализируется поэма «Искандарнаме» (1896) члена группы имажинистов поэта Александра Кушикова. Показано, что в процессе самопознания лирического героя имеет место погружение его разума в глубины собственного «Я» с целью прояснения наполняющего его содержания, понимания его состояний и происходящих в нем процессов, преодоления внутреннего кризиса и самоопределения в новых жизненных обстоятельствах. В результате его усилий непосредственные противоречия приобретают знаково-символические формы образов, идей и концептов. Одним из основных инструментов познания «я», наряду с эйдетизмом, аутизмом, интроспекцией, медитацией, рефлексией, фантазированием и др., становится имя – «познавательное орудие высшего порядка» (П. Флоренский).

Poem by member of imaginalists' group Alexander Kusikov "Iskandarname" is analysed in the article. It is shown that the main character goes deeper into his inner "self" to clarify his inner world, understand his states and processes which take place within him, cope with inner crisis and identify himself under new life circumstances. As a result of his efforts certain antagonisms get symbolic forms of images, ideas and concepts. One of the main instruments of self-knowledge, alongside eidetism, autism, introspection, meditation, reflexion, phantasy generation, is name – "cognitive instrument of a higher rank" (P. Florensky).

Ключевые слова: имажинизм, Александр Кушиков, поэма, самопознание, эйдетизм, аутизм, интроспекция, медитация, рефлексия, фантазирование, имя.

Key words: imaginalism, Alexander Kusikov, poem, self-knowledge, eidetism, autism, introspection, meditation, reflexion, phantasy generation, name.

Поэма «Искандарнаме» была написана А. Кушиковым в 1921 г. и вошла в книгу «Аль-Баррак», в центре которой – образ мятущегося лирического героя, стремящегося понять самого себя. Как заметил П. Флоренский, «Я» трансцендентно, сокрыто не

только от других, но и от себя самого в собственной своей глубине» [7, с. 94], его познание порождает значительные трудности и не может быть исчерпанным до конца. Значимость рефлексивных усилий лирического героя книги обусловлена тем, что он – свидетель переходной исторической эпохи смены социальных систем, когда совершалась переоценка ценностей и активизировались духовные искания. В процессе самопознания имеет место погружение его разума в глубины собственного «Я» с целью прояснения наполняющего его содержания, понимания его состояний и происходящих в нем процессов, преодоления своего внутреннего кризиса и самоопределения в новых жизненных обстоятельствах.

Не является исключением и поэма «Искандарнаме», которая имеет подзаголовок «Поэма меня», указывающий на сверхцель произведения – воссоздать процесс и итоги самопознания. В процессе рефлексивной деятельности мышления лирического героя художественно анализируется не столько объективная действительность как таковая, а то, как она отображается, какой вид принимает в его собственном мире, какие порождает противоречия и состояния сознания. Герой рассматривает себя и свои духовно-практические связи с реальностью в контексте всеобщих категорий: время и вечность, жизнь и смерть, добро и зло, должное и сущее и т.д. В результате его усилий непосредственные противоречия обретают знаково-символические формы образов, идей и концептов.

Одним из основных инструментов познания «Я», наряду с эйдетицизмом, аутизмом, интроспекцией, медитацией, рефлексией, фантазированием и др., становится имя – «познавательное орудие высшего порядка» [7, с. 90]. Примечательно, что в названии поэмы на языке фарси присутствует слово «имя», «наме» – форма существительного «ном». Буквальный перевод «Искандарнаме» – «Искандара имя», от «имени Искандара». П. Флоренский в книге «Имена» заметил: «Имя – это хрия личного строения. Как ни определена сама по себе та или другая хрия, однако по ее плану выражается изложение весьма различное – до противоречивости. Так и в имени, всегда сохраняющем свою инвариантность как определенной формы личности, могут быть явлены устремления воли, чаяния сердца и направление ума самые различные, даже противоречащие друг другу. Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни. Но это не значит, что именем определенная личность не свободна в своем имени – в его пределах. <...> Каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей» [7, с. 97].

Заголовок отсылает к персидско-таджикской традиции создания поэм, в названиях которых присутствует слово «наме» («Шахнаме» («Книга царей») Фирдоуси, «Искандарнаме» («Книга Александра») Низами, «Фирокнаме» («Книга разлуки») С. Соваджи и др.). Чаще всего это были эпические или романтические поэмы, раскрывающие характер и судьбу персонажа на широком бытовом и историческом фоне.

Поэма А. Кусикова написана в плане реализации основных принципов поэтики имагинизма с ее тенденцией к необычной экспрессии. Самодостаточной целью было движение к неясному, к переводу реальности, чувств и мыслей героя на язык трудно постижимого. Основным приемом было комбинирование и смешение «случайных» объектов в едином образе, благодаря чему достигалось изменение их символического значения в аспекте остранения. Художественная картина мира мыслится как некоторая модель из слов, форм или цветов, которые почти не имеют соответствий в реальном мире или не передают нормальные человеческие и предметные отношения. Необычные ассоциативные связи создают свою собственную реальность и выражают духовную потребность лирического героя (автора), живущего внутри созданной им реальности.

Поскольку лирический герой является носителем мусульманского менталитета, постольку в стиле поэмы отчетливо дают о себе знать традиции коранической образности: фрагментарность повествования, воспроизведение структуры сур, немотивированный переход от одной темы к другой, дидактическая, пророческая интонация и др.

Поэт обратился к жанру лирической поэмы. На первом плане – образ лирического героя – художественного двойника автора, ведущего эмоциональный рассказ о

своем внутреннем кризисе и трудном выборе новой жизненной позиции. Наблюдаются определенное сходство и единство между героем и личностью поэта.

В заголовок поэмы А. Кусикова вынесено имя лирического героя, фактически самого поэта. Искандар – арабизированная форма греческого имени Александр, имеющего значение «защитник мужей». А. Гафуров поясняет возникновение имени Искандар следующим образом: «Чужеземное слово с арабским артиклем – вот как восприняли арабы греческое *Александр*: *ал-Иксандр* сначала потеряло начальный слог *ал*, затем по аналогии с определенной грамматической формой многих арабских слов согласные *к* и *с* были взаимно переставлены и между *д* и *р* появился гласный *а*» [3, с. 87].

В мифопоэтической традиции имя отождествляется с судьбой и характером своего обладателя, выражает духовный тип. П. Флоренский доказывал, что «в литературном творчестве имена суть категория познания личности» [7, с. 25], «имя нельзя перевести на другой язык адекватно, как нельзя его и перенести сырьем в другой язык, чтобы оно слилось в органическое единство со всею речью. Оно должно быть сотворчески воссоздано в другом языке, и следовательно, необходимо будет иным аспектом того же именного типа. Но через этот аспект можно прозреть в исходный духовный тип имени, стоящий над всеми частными аспектами...» [7, с. 110–111]. Имя Александр, функционируя в исламской культуре как Искандар, насыщалось новыми оттенками, порожденными, прежде всего, памятью о знаменитом Александре Македонском, о котором в Средние века создавались многочисленные произведения разных жанров. В них он обычно олицетворяет образ мудрого и справедливого царя.

По П. Флоренскому, «с именем связана определенная духовная и отчасти психологическая структура, устойчивая в веках и народах» [7, с. 48], это «определенный инвариант личности», «архетип духовного строения» [7, с. 85]. Личность, однако, «сама должна определить свое нравственное содержание» [7, с. 96].

Тип психологического и духовного строения имени Искандар обусловлен тем, что «это имя соответствует, в основе своей, сангвистическому темпераменту, с уклоном к холеристическому» [7, с. 115]. Герой поэмы А. Кусикова – темпераментный, увлекающийся, иногда неуравновешенный южанин, участник революции и гражданской войны – порождает у людей, с которыми он общается, противоречивые мысли и чувства.

Процесс самопознания начинается с рефлексии по поводу мнения *других* о себе. Герой, как явствует уже из первых строф, находится в острейшем конфликте со своим окружением. Его представления о нем кажутся ему чуждыми и неверными:

Обо мне говорят, что я сволочь,
Что я хитрый и злой черкес,
Что кротость орлиная и волчья
В подшибленном лице моем и в профиле резком.

В высказываниях *других* нагнетаются негативные оценки его личности. Их речь содержит просторечные, бранные слова, он отождествляется с негодяем, мерзавцем. Как люди бедной и элементарной мысли, мало способные охватывать соотношения, они считают необходимым подчеркнуть его национальную и религиозную принадлежность – черкес, мусульманин. Еще со времен первой русской революции о черкесах в народе сложилось мнение как о верных и жестоких слугах царизма. Они охраняли дворянские имения и участвовали в разгоне демонстраций. Поэтому герой характеризуется с использованием эпитетов – *хитрый* и *злой*, подчеркивающих его отторжение и неприятие *другими*. В выражении его лица они видят притворство и фальшь, что подчеркивается парадоксальным сочетанием несовместимых признаков. *Орлиная кротость* на самом деле – гордость, орел является птицей, ассоциируемой с богами власти и войны. Волчьей незлобivosti, покорности, как известно, вообще не существует, поскольку волк традиционно означает свирепость, коварство, жестокость, зло. Лицо героя *подшибленное*, то есть несет на себе следы физической травмы, полученной в бою (от сабли или выстрела во время гражданской войны), что свидетельствует о его доблести. Телесное потрясение, возможно, сопровождалось

травматическим неврозом и обусловило чрезвычайно острое реагирование героя на окружающую действительность. В символической форме раны и шрамы выражают моральное несовершенство. Субъективные страдания, ослабление и общее нарушение психических реакций вызывает прилив возбуждения, которое угрожает психической целостности: «Что это? // Где я?»

Пытаясь овладеть травматической ситуацией, герой мысленно проигрывает ее в различных модификациях, нередко впадает в аутизм, возникает «пережевывание» одних и тех же мыслей.

Продолжая полемически излагать мнение *других*, герой негативное в их оценках незаметно переводит в свои достоинства:

Еще кто-то сказал,
Что скалы
В оскале моем дрожат...

Оскал – сжатые зубы, видимые из-за растянутых губ, – древнейшее орудие нападения, эмблема агрессивной и защитной силы. Оскаливая зубы, герой тем самым как бы выставляет защитный барьер против окружающего мира. Зубы в поэме ассоциируются со скалами, которые символизируют силу, надежность, честность, прямоту.

Вздых героя *в бурю* ассоциируется своей глубиной и мощью с демонстрацией божественной силы. В Библии Бог говорит с Иовом из бури.

Зеленые, треугольные глаза – «символ зеркала души» героя [9, с. 180]. *Зеленый* напоминает о священном цвете ислама, *треугольный* разрез глаз содержит намек на то, что они выражают самодостаточность и нечто змеиное. Глаза героя *никогда не плачут*, что сигнализирует о его сильном мужском характере. *Изломанная* бровь ассоциируется со змеей как символом мудрости. В другом месте сравнение со змеей возникает демонстративно: *И брови дудочкой – надежд замученные змеи*.

Следовательно, душа героя, ее внутренняя сущность «в своеобразной энергии, которая способна преодолевать трудности на пути к самоидентификации» [2, с. 173]. Она позволяет ему мыслить, обеспечивает способность к пониманию и познанию. Автор ориентируется на суфийскую классификацию видов души, в которой выделяются душа очищенная, всего лишённая, все осуждающая, вдохновенная и возвышенная. Душа героя явно четвертого типа, обладает такими атрибутами, как знание, терпение, преданность Аллаху, покорность его велениям, справедливость, добрые дела, милосердие, всепрощение, довольство малым.

Поскольку герою, как всем Александром, свойственна тяга к великости (в предыдущих поэмах он манифестирует себя как пророк), его главная задача – победить себя, свои внутренние противоречия. Поэтому он, подобно героям германских сказаний, изображается с глазами змеи. В целом его портрет и, прежде всего, глаза и взгляд на символическом уровне служат средством защиты духа, своего внутреннего «Я» от посягательства *других*.

Первая главка завершается резким выпадом в их адрес:

Нет, вы не знаете, как сумрак совий
Рябым пером зарю укачивает.

Он упрекает *других* в духовной слепоте, непонимании и незнании сложности, противоречивости мира, в котором приходится жить человеку. Разговор ведется на языке мифопоэтических символов и метафор, с трудом поддающихся расшифровке. Сумрак «фиксирует момент перехода, пространство порога, он представляет собой граничную черту, одновременно объединяющую и разъединяющую два элемента оппозиции (это уже не день, еще не ночь). Сумерки, полумрак характеризуются неопределенностью очертаний и форм, амбивалентностью явлений...» [1, с. 507]. Вечерний свет ассоциируется с западом – местоположением смерти. Место и время заката подразумевают конец одного цикла и начало другого. Сумрак *совий*, а сова – птица тьмы и смерти, холода и пассивности, полная противоположность орлу. Заря укачивается *пером*, что означает вознесение и молитву, возвышенный образ мыслей и благородство поступков. Но перо *рябое*, то есть в его раскраске прихотливо чере-

дуются светлые и темные пятна. Видимо, и в сознании героя имеет место нечто подобное, для него тоже характерна амбивалентность.

Для духовного склада героя как носителя имени Искандар характерны тонкая отрешенность от жизни, благородство, рыцарственность, которые имеют трагическую окраску. Во второй главке в процессе медитации акцент делается на *острой боли*, возникшей в душе вследствие противоречивого сочетания добра и зла, гуманности и жестокости, которые он нес окружающим:

А в этом есть такая тихая, такая острая боль.
(Я обречен эту боль затаенно беречь):
Улыбкой подснежника целовать прощенья лоб,
Арканом ненависти стаскивать с плеч череп.

Боль становится одним из способов самопознания, помогает лирическому герою распознать драматические последствия раздвоенности, неупорядоченности внутреннего мира. Тем самым боль трансформируется в мощную, преобразующую силу. Ее индивидуальное предназначение – пробуждение в герое души как некоего высшего суда, осуществляющегося внутри его личности.

Образы, которые используются для описания противоречивых чувств героя, его страданий, максимально экспрессивны, отражают кризисное состояние его души; постоянно присутствует «струйка» пессимизма, неудовлетворенности собой и происходящим. С одной стороны, – элемент мимики лица *улыбка*, показывающая расположение к смеху, выражающая привет и удовольствие, сравниваемая с цветком подснежника как символом весны и красоты, с другой, – выражение чувства сильной вражды и отвращения, которое заставляет убивать – *стаскивать с плеч череп*. Герой вследствие своей раздвоенности обречен на внутреннее одиночество и дисгармоничное существование.

Пытаясь хоть частично себя оправдать, он прибегает к эйдетизму, указывает на причину, основание предшествующего утверждения: в природе жизнь и смерть тесно переплетены, это проявление дуальности мира:

Ведь носит тур и бороду и рог,
И травы обнимаются с косой.
В зеленой бурке ель – суровый всадник гор,
На плече своем холит сойку.

Борода тура символизирует достоинство, независимость, мужественность, отвагу и мудрость, рог – орудие защиты и уничтожения врага. Коса, несущая гибель травам, которые являются символами человеческих существ, – атрибут аллегорий смерти.

Так в поэме обозначается концепт войны, которую осмысляет герой поэмы. Поскольку он ощущает себя в значительной степени мусульманином, то имеется в виду не война в материальном мире, «малая священная война» (хотя ее отголоски периодически возникают в поэме), а «великая Священная Война», которая освобождает человека от врагов внутри его. Ее оправданием служит необходимость сведения беспорядка, раздвоенности к порядку, единству. Герой стремится к достижению внутренней гармонии в своих действиях и помыслах. Его главная задача – победить себя, найти мистический центр, в котором будут разрешены все его противоречия.

В третьей и четвертой главках мотив раздвоенности души героя получает с опорой на фантазирование наглядное образное воплощение. Герой смиренно молится Богу и одновременно бунтует против него, убирая все, что мешает свободе:

Белые кони,
Рук моих белые кони
В хомуте молитвы смиренно дремлют.
И те же белые кони
Дыбят в небо непокорный ропот,
Ржаньем пальцев срывая хруст узд,
Зуд
Треножных ремней...

Через молитву лирический герой достигает «состояния измененного сознания, в котором открывается возможность интенсивного переживания непосредственной связи с Богом» [8, с. 167]. Единение с Богом позволяет познать статус инобытия, ухватить, говоря словами Юнга, «момент вечности во времени» [8, с. 172], что способствует началу освобождения от негативного в своей натуре. Психологически здесь можно говорить о взрыве сознания, взламывающего стереотипные установки и осуществляющем прорыв к озарениям, осмыслениям своего «Я» и существующего порядка вещей. Изображение двух поднятых в традициях ритуала мусульманской молитвы рук является универсальным символом защиты и просьбы, обращенной к Аллаху. Лошади в символическом плане означают жизненные силы, поводья указывают на отношения между душой и телом, нервами и силой воли. Судя по контексту, воля ценой огромного напряжения обуздывает стихийное в герое, внутренний мир которого, как и мир любого человека, слагается из стихийности и нормы» [5, с. 94].

Попытка самоидентификации ведет к фиксации в своем «Я» противоположностей в религиозном и бытийном смысле.

Герой видит себя, прежде всего, мусульманином, мюридом, то есть человеком в период его приготовления ко вступлению в суфийское братство, когда он находится на низшей ступени посвящения и духовного самосовершенствования. Мюрид принимает на себя определенные обязательства перед наставником и должен безоговорочно подчиняться его воле. Доверием и преданностью наставники могли злоупотреблять, вследствие чего мюрид становился их орудием, служил их политическим целям. В кризисные для веры времена он сочетал суфизм с активным участием в джихаде – священной войне с неверными. В поэме герой-мюрид наделяется бесстрашием, в его душе – ненависть к врагу: «Я мюрид бесстрашный, // Ненавижу врага».

Вместе с тем он ощущает себя последователем христианства, кротким иноком, то есть незлобивым, смиренным, покорным монахом – членом христианской религиозной общины, давшим обет вести аскетическую жизнь: «Я черный страж, // Я кроткий иннок...»

Эпитет *черный* несет значение мистического озарения, духовности, универсальности, интуиции, это цвет одежды христианских и мусульманских священнослужителей, который отражает уход от мирской суеты.

Его кровь агрессивно кипит, но на его спине топор плотника, пропахший смолой – символом семенной, оплодотворяющей субстанции. Топор не только оберег от злых сил, но и знак поддержки, помощи, принесения жертвы, силового решения:

В крови ятаган –
И пропахший смолой на горбе топор.

Осознание войны в себе заставляет героя обращаться к Аллаху, много молиться по ночам. Отношения героя с ночью почтительные, поскольку она связана со страхами перед неизвестностью, злом и силами тьмы – отчаяньем, безумием, смертью, но вместе с тем с мечтами и обновлением. Герой осознает власть небесных божеств, символом чего является образ падающих звезд, напоминающих о культе Каабы в исламе:

Вот почему насыпаю я звезды в рукав.
И за пазухой нежу ночь...

Молитвенный ковер – носитель многозначительного символизма в исламском мире, священный предмет для верующего лирического героя. Это символ реализации мечты, преодоления реальности. По поверью, он мог поднять верующего на более высокий уровень духовности. Животные, птицы, деревья и геометрические узоры, вытканые на ковре, придают ему мистический смысл. Быстрого преодоления беспорядка в себе и окружающем мире, несмотря на молитвы, не предвидится. Удары клинка означают не только победу над противником, но и разрушение души, уничтожение субъективных положительных сторон в человеке [5, с. 81]:

Еще долго в молитве кружиться коври,
Плавить взмах еще долго клинкам отточенным.

Дело в том, что еще в детстве герой познал упоение насилием (его рука – символ активности, мощи и силы), вкус крови, преклонение перед оружием:

С давних пор пахнет кровью рука,
Эта кровь слаще радости первой.
Я с березы сдирал кору
И не знал, что есть кровь у дерева.

Кровь во всем: есть и кровь бурака
Есть змеиная кровь в дожде...

И греет, греет кобура
Пасть пистолета с детства.

В традициях «общего символизма борьбы героя оружие является необходимым дополнением к его действиям» [5, с. 307]. Юнг замечает, что «оружие является выражением воли, направленной на разрешение конфликта» [5, с. 308].

Вдобавок герой был увлечен распространенными экстремистскими идеологиями:

Мой дымок, мой потертый кисет
Зачитались чужими страницами.

На уровне подсознания герой ощущает, что, несмотря на все усилия, человеку не дано возможности выйти из Вселенной. Об этом говорит символика сети. Аллах связывает всех своей силой, и не во власти человека вырваться из-под нее или пре небречь ею [5, с. 387]:

Вяжет тень под деревьями сетки
Вылавливать солнечных птиц.

Шестая глава с максимальной экспрессией передает образ смятенного сознания героя, склонного, как и все Александры, к аффектации, дает о себе знать интроспекция. При осмыслении реальности отбрасывается самоцензура, и вещи называются своими именами. На первом плане «Я» как бессознательная инстанция. На языке символов интерпретируется происходящее на земле. Падающие звезды символизируют смерть множества людей, гибель высоких устремлений и идеалов, разъединенность:

Что это?
Где я?
Что это?
Падают звезды дождем...

Герой считает, что еще рано славословить новую жизнь, петь в ее честь гимны:

Подождите, не пойте,
Не пойте, подождите!

Пунктирно намечается образ революционных масс, в которых сознание героя отмечает доминирование иностранцев, равнодушных к судьбе России:

Блузы,
Погоны,
Китайцы,
Латыши...

Герой страстно призывает к бдительности, манифестирует свое негативное отношение к кровавой монархии и церкви, его поддерживавшей:

Кровавым клювом двуглавый кается,
Щиплет покорностью перья,
Всхлипнул двуглавый,
Мощь без когтей.
Кто-то поверил.
Не верьте,
Не верьте,
Разве двуглавый на песне кается?
Слезы двуглавого – ключья рясы,
Бог у него – крестоносное пузо.

Он зовет к мирной жизни, прекращению насилия:

Тише,
Довольно,
Тише!

Грядет новая жизнь, символом которой в поэме является заря:

Слышите?
Петухом запекает заря.

В данном контексте петух является символом света и возрождения, противопоставления тьме духовного невежества, олицетворяет бдительность, мужество, предвидение, надежность, которые ассоциируются с утверждающейся новой жизнью.

В состоянии аутизма герой неоднократно повторяет слова:

Держите коней,
Коней держите!
Кони... Кони...

Кони – образное воплощение революционной стихии, слепых сил хаоса, необузданных страстей и инстинктов, низших сил человека. Герой-пророк зовет к обузданию неуправляемой стихии, к утверждению порядка. Его, однако, никто не слышит, кони продолжают свой стремительный бег: «И только подковы свой топот плавили...»

В седьмой главке лирический герой вспоминает эпизод своего участия в гражданской войне. Ветер становится образом непредсказуемой и неистовой силы, несущей гибель. Герой в этом бою был, видимо, ранен:

Ветер сшиб мне с затылка лопух,
В искрах глаз разбежались ягнята,
Ширь до неба колосьями вспухла –
Небывалым посевом огня.

В жестоком сражении, считает герой, чтобы не стать жертвой, надо действовать быстро и решительно:

Слушай, каждый: нужно ветру в ответ
Грудь курком оголить навзвод,
Так, чтобы в вывихе первой же ветки
Не себя простудить, а его.

В душе героя – угрызения совести, терзания, раскаяние по поводу пролитой крови:

О, ведь я знал,
Я знал, что будет после.

Ум Искандара, как и всех Александров, четкий, трезвый, слегка ироничный. Рефлексируя, он обнаруживает в своем недавнем прошлом роковые ошибки, ставшие причиной трагических событий в его жизни. Возвышенное, духовное в себе он низвел до материального, сиюминутного:

Я в буйволиный вздох запропастил
Без облаков и с облаками небо.

Поскольку небо, облако в мифопоэтической традиции связывается с идеей Бога (облако – символ теофании, явления Бога), то получается, что герой раскаивается в своем отходе от веры. Веру в Бога он отодвигает в своей душе на задний план, прячет ее в синь – пелену, скрывающую божественный лик:

Любимое в синь запропастил.
Какую ж муку целовать на ветер?

Возникает слегка окрашенная иронией сладостная мысль о спасительном, но невозможном возвращении в гармоничный мир детства:

Усесться мне б
Опять на лысом пне,
Помахивая длинной хворостиной.

Образ ребенка в психологическом плане символизирует силы бессознательного благоприятного и протекционистского свойства в душе героя.

Постоянно подчеркивается напряженность мыслей героя. Пещера символизирует его сердце как духовный «центр», в котором «пылает» огонь его разума: «Я у костра пещеры, // У дум костра».

Окружающие его не понимают и им не интересуются, он по-прежнему одинок, смирение и зло продолжают сосуществовать в его душе:

И ведь никто не спросит почему,
Как будто бы я присмирело злею?

Свое состояние он считает типичным для поколения, растратившего себя на фронтах войны. Герой на данном этапе своего развития предстает как человек с разорванным сознанием, налицо кризис его «Я», проявляющийся в формах его поведения во время революции и гражданской войны. Свое разорванное сознание – феномен революционной эпохи – он связывает с духом времени, когда одна ценностно-нормативная система стремительно сменялась другой:

Кто ж не ломает голос свой в потерях?
Кому не ведом предмогильный страх?

Смысл потерь связан с ощущением вины, смешанным с предчувствием окончательного очищения. Он аналогичен понятию смерти и воскресения. Ощущать потерю – значит ощущать смерть. Потери соответствуют сведению сознания к исключительно экзистенциальному аспекту жизни и игнорированию вечного аспекта – духовного. Именно это лежит в основе «чувства потерянности», заброшенности и падения героя [4, с. 409].

Кризис, осознаваемый лирическим героем, намечает момент перехода на качественно новый этап развития и существования. Через него он начинает освобождаться от всего регрессивного в своем менталитете, кризис открывает ему путь к реформированию своей стратегии взаимоотношений с собой и миром.

Свое поведение во время революции и гражданской войны лирический герой считает изменой тем гуманистическим идеалам, которые сформировались у него в детстве и юности под воздействием семьи и религии. В обстановке радикальной мировоззренческой метаморфозы он, с одной стороны, отстаивает традиционную сис-

тему ценностей, с другой, – понимает необходимость борьбы за новое мировоззрение, преодоления своего разорванного сознания. Обращаясь к родине, он кается в своем грехе, просит прощения:

О, родина, измену мне прости,
Прости мне, родина, измену эту.

Трагический для себя и родины день характеризуется им весьма резко. О массовых смертях говорится с целью усиления экспрессии на просторечном языке, в монологе героя появляется глагол *дохнут*, который употребляется, только когда речь идет о животных. Хлеб, который в мифопоэтической традиции соотносится с сакральной сферой, олицетворяет духовную пищу, превращается в свою противоположность. Его окаменение символизирует задержание духовного прогресса, изменений человеческой души:

И в этот день, когда не мрут, а дохнут,
Когда нам камни выпеченный хлеб,
Когда забыли кони, где
Причесанный кортеет стог...

Именно в это время герой, переживающий архетипическое путешествие к Центру в состоянии транса, в воображении оказывается на Арбате, запахи которого всколыхнули в нем память о гармоничном детстве. Обоняние в данном контексте выполняет функции познания, идентификации:

Я на Арбате,
Пропахшем хлебным квасом,
Учуял скрип арбы,
Тяжелый след быка...

Запахи Арбата символизируют воспоминания героя. На Арбате он «учуял» запахи и звуки своего детства, дома, малой родины: кваса – традиционного кислого напитка славян из зерна, скрип арбы – кавказской двухколесной телеги, тяжелого следа быка (тело быка – опора мира в исламской традиции, в древневосточных традициях он выражал идею отца, власти). Это знаменует его эволюцию, переход от одного состояния к другому, приближение к центру как источнику всего сущего, месту разрешения и примирения, где исчезают все противоположности. Его жизненный путь – это путь к духовному единству, возвращение к идеалу малой родины, видоизмененной формой которой становится Арбат. Лирический герой осознает, что необходимо структурировать и гармонизировать свои внутренние психологические процессы, соподчинив их определенным правилам, то есть в конечном итоге целостной воле своего единого разума.

Поэма завершается описанием преодоления разорванности сознания героя, носителя мусульманского мироощущения, что знаменуется признанием Москвы тем духовным центром, поисками которого он был занят. Столица революционной России стала для героя чуть ли не средоточием мусульманского мира, Меккой – родным городом создателя ислама Мухаммада, в котором Аллах передал пророку свои откровения. Кремль уподобляется Каабе, земному воплощению Корана, главному святыщу ислама, в сторону которого все мусульмане обращаются во время молитвы:

Москва, Москва,
Ты Меккой мне Москва,
А Кремль твой – сладость черная Каабы.

В исламе центр – «Божественное место» гармонии, равновесия и порядка. Так проявилась в Искандаре программность Александров, их уклон к отвлеченным началам, построению жизни по схемам, рационализирование.

Таким образом, лирический герой, демонстрируя способность к наблюдению за содержанием и актами собственного «Я», пройдя через тяжелейшие испытания и за-

блуждения, победив себя, завершает процесс самоидентификации обретением самосознания как устойчивого свойства своей личности, атрибута ее духовно-практического существования, позволяющего знать свои особенности, возможности, их пределы, иметь представления о собственном жизненном, социальном предназначении, ориентироваться в окружающих революционных условиях и принимать взвешенные решения, касающиеся своих отношений с людьми, обществом, миром. Его главное решение – признание правоты революционной власти, которая одна может обеспечить гармонию жизни, продвижение к примирению народов России.

Лирический герой прибегает к двум видам самопознания: к рассудочному, с помощью усилий своего ума, и к откровению, в котором его «Я» открывается ему через слово и веру в Бога.

Образную реализацию получает и концепт «защитник мужей», содержащийся в имени Александр. В мифопоэтической традиции считалось, что в имени внутреннее принадлежит Священному Космосу, внешнее – хаосу, тьме [8, с. 137]. Искандар, отбрасывая в себе все «внешнее», осознает себя защитником людей, гуманизма, народных идеалов от слишком крутых инноваций революционной власти.

Список литературы

1. Адамчик В. В. Полная энциклопедия символов и знаков / В. В. Адамчик. – Минск : Харвест, 2007. – 607 с.
2. Андреева В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Андреева [и др.]. – М. : Астрель, 2001. – 576 с.
3. Гафуров А. Г. Лев и Кипарис (о восточных именах) / А. Г. Гафуров. – М. : Наука, 1971. – 240 с.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М. : REFT-book, 1994. – 688 с.
5. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Х. Кирло. – М. : Центрполиграф, 2007. – 525 с.
6. Кусиков А. Аль-Баррак. Октябрьские поэмы / А. Кусиков. – 2-е изд., доп. – Берлин – М. : Изд. акционерного общества «Накануне», 1923. – 79 с.
7. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. – М. : Аст – Харьков : Фолио, 2006. – 332 с.
8. Цветков Э. Психоактивный словарь, или Книга о тайном влиянии известных слов / Э. Цветков. – М. : Яхтсмен, 2001. – 394 с.
9. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ – Харьков : Торсинг, 2001. – 591 с.

ОБРАЗ РИМА В «РИМСКИХ СОНЕТАХ» ВЯЧ. ИВАНОВА

А.В. Кондрашева

Статья суммирует факты о жизни Иванова и его творчестве, посвященном этому городу. Автор статьи анализирует критическую литературу о «Римских сонетах» Вяч. Иванова и приходит к выводу, что эта многоуровневая поэзия включает в себя личностный, философский и религиозный аспекты.

The article summarizes the facts about Ivanov's life in Rome and his works of art dedicated to this city. The author of the article analyzes the critical material about Ivanov's "Roman sonnets" looking for the symbols and peculiarities of Ivanov's Rome and comes to the conclusion that it's a very multilevel poetry where the personal, philosophic and religious aspects are combined.

Ключевые слова: «итальянский текст» в русской литературе, сонет, образ Рима, миф.
Key words: "Italian text" in the Russian literature, sonnet, image of Rome, myth.

На протяжении всего своего творчества Вячеслав Иванов постоянно обращался к образу Рима, к городам и природе Италии. Италия в жизни русского поэта занимала особое место: в Риме произошла знаменательная встреча с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, любовь к которой спасла молодого Иванова от одиночества и внутренней опустошенности. Эта любовь помогла им «обрести Бога», поверить в собственные творческие

силы. Страстная любовь к необыкновенной женщине, по свидетельству сына Вяч. Иванова, «послужила для него новым источником поэтического вдохновения» [3].

Италия стала духовной родиной русского поэта, страной обетованной. Из 83 лет своей жизни Вяч. Иванов 43 провел за границей, из них около 30 в Италии. «Родине верен я, Рим новою родиной чту» [3], – писал он в 1982 г., впервые приехав в Вечный город; «Италия в моей жизни, в самом деле, *la seconda patria* и теперь меня великодушно приютила, – вот уже сколько лет я фактически здешний», – отмечал в письме 16 ноября 1932 г. Неслучайно исследовательский центр жизни и творчества Вяч. Иванова и самый значительный архив русского писателя находятся в Риме.

Используя материалы этого архива, ведет свое исследование Андрей Борисович Шишкин, основатель центра и ведущий исследователь жизни и творчества Вяч. Иванова, и начинает именно с рассмотрения итальянских образов в поэзии Вяч. Иванова, которые составляют не только культурный, но и биографический локус. Так, Колизей символизирует его «вечную» встречу с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, ознаменовавшую духовный переворот и приобщение к стихии дионисийства. Цикл «Итальянские сонеты», вошедший в первую книгу Вяч. Иванова «Кормчие звезды», по мнению А.Б. Шишкина, воплощает Италию в «памяти формы и жанра» [9]. Многие сонеты представляют собой живописные и пластические образы итальянских художников и скульпторов: Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Боттичелли. Принцип живописи словом – один из важнейших в поэтике Вяч. Иванова – был заявлен им в статье «Мысли о символизме» (1912), в которой поэт писал: «...если я поэт, я умею живописать словом... живописать так, что воображение слушателя воспроизводит изображаемое мною с отчетливой наглядностью виденного» [4].

В своей работе А.Б. Шишкин касается вопросов, относящихся к римскому периоду жизни Вяч. Иванова: принятия католичества в 1926 г., к чему поэт шел, по словам исследователя, почти тридцать лет; замысла, связанного с основанием Русской академии в Риме, цель которой – представлять русскую культуру и одновременно интегрировать в нее достижения европейской культуры.

Истоки ивановского мифа о Риме прослеживаются также в публикации Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой. Исследователи понимают тему Рима как «один из важнейших сенсорных, эмоциональных и предметно-содержательных топосов экзистенции и литературного творчества Вяч. Иванова». Она изучается на основании публикуемых фрагментов – незавершенных замыслов писателя и его черновиков, которые хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Трудность для интерпретации материала заключается в наличии нескольких листов записей, составлявших как варианты одного волнующего поэта замысла. Н.В. Котрелев и Л.Н. Иванова проводят сложный текстологический анализ вариантов, устанавливая сюжет и фиксируя композиционный замысел Вяч. Иванова. Публикуемые ими фрагменты ивановского путевого очерка свидетельствуют о формировании у поэта мифа о Риме как «примирительном, гармоническом всеединстве», как воплощенной в камне и символически понятой Вечности, существующей вне времени. Неслучайно его «вечное возвращение» в Рим, отмечаемое биографами [3].

Образ Рима в «Римских сонетах» Вяч. Иванова интересен именно синтезом множества исторических и художественных пластов. Вяч. Иванов прежде всего – поэт-филолог, имеющий за плечами богатейший груз литературной традиции. Таким образом, смыслонаправляющими оказываются интертекстуальные связи стихов Иванова, аллюзии и отсылки к произведениям предшественников, ставящие произведения Иванова в общий культурный контекст, позволяющие выходить за рамки как отдельно взятого стихотворения, так и всего цикла.

Идея Рима у Вяч. Иванова особенно ярко выражена в первом из его «Римских сонетов». Сонет начинается приветствием Риму на латыни:

Вновь древних арок верный пилигрим
В мой поздний час вечерним Ave Roma
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим
Мы Трою предков пламени дарим
Дробятся оси колесниц меж грома
И фурии мирового ипподрома –
Ты, царь путей, глядишь, как мы горим [3].

Цикл был начат, когда Иванов приехал в Рим в сентябре 1924 г. Поэт только что навсегда уехал из Советской России, из третьего Рима – надолго поверженного – обратно к первому, уходя в себя, к истокам европейской культуры, в новую башню из слоновой кости, пытаясь спастись среди незыблемой красоты от грязных волн современности. Никогда еще чеканность, лапидарность ивановских стихов так не соответствовали избранному предмету. Архитектурная выверенность системы символов, убирающая всякую тень двусмысленности, проясняющая форму до последней четкости, оказалась соразмерна классической теме, будто воскресли итальянские впечатления Гёте [5].

Латинское приветствие «Ave, Roma» вводит античный смысловой пласт, который уводит в мифологическую глубину истории, сопряженную, однако, как два конца одной цепи с катастрофической современностью.

В этом первом сонете поэт как бы празднует свое возвращение в Рим, новую встречу с любимым городом. В то же время мы видим реальную преемственность между Троей и Римом, а, значит, и органическую связь между двумя противоположными символами: символом обреченности, уничтожения родной культуры с одной стороны, а с другой – символом незыблемости. Троя как общекультурный символ обреченности всего родного приобрела особое значение в России тех лет. У русских поэтов образ Трои сосредоточивает все черты «родного» под угрозой.

Говоря о «Трое предков», Иванов вспоминает о мифе, по которому основатели Рима были потомками Энея, последнего уцелевшего сына троянского царя Приама, сумевшего с группой воинов спастись при падении Трои и после долгих скитаний высадиться в Италии (этот сюжет подробно описан в «Энеиде» Вергилия). Смысл аллюзии в том, что теперь в роли последних троянцев, покинувших свою уничтоженную страну, оказались русские эмигранты в Европе. Россия горит, как некогда полыхала взятая Троя. Мир уподоблен гигантскому ипподрому, где катастрофа государства сравнивается гибелью колесницы, подстроенной древними адскими фуриями мщения. Рим, «царица путей», издалека наблюдает зарево «мирового пожара», разожженного на севере «на горе всем буржуям» (А. Блок). Если логически продолжить это сравнение, то приезд Иванова в Рим оказывается и бегством, и возвращением, и основанием в сердце Рима нового мира – русской цивилизации в изгнании [5].

Начиная с третьего сонета появляется другой очень важный для понимания Рима Вяч. Иванова образ – воды как водной стихии. Система акведуков сравнивается с кровяными артериями Рима:

...бежит по жилам Рима,
Склоненьем акведуков с гор гонима,
Издrevле родников счастливых влага [3].

Здесь родники можно понимать и как духовные родники, питающие историю Рима. В цикле «Римские сонеты» доминирует радость всего осязаемого, чувственного, и это, прежде всего, связано с их общей темой – фонтаны (часто встречаются термины «влага», «нега»). Иванов описывает многочисленные фонтаны Рима: l'acqua Felice («Издrevле родников счастливых влага...»); фонтан Тритона («Двустворку на хвостах клубок дельфиний / Разверстой вынес; в ней растет Тритон, / Трубит в улитку; но не зычный тон / – Струя лучом пронзает воздух синий»); Треви («Весть мощных вод и веянье

прохлады / Послышится, и в их растущем реве / Иди на гул: раздвинутся громады,
/ Сверкнет царица водометов, Треви»), фонтан делла Баркачча («Окаменев под чарами
журчанья / Бегущих струй за полные края, / Лежит полузатоплена ладья; / К ней деву-
шек с цветами шлет Кампанья»). Таким образом, Рим в поэтическом видении Иванова
предстает как город, населенный морскими божествами, текущий, струящийся, как
гигантская река – или – в очень редкие моменты – как остановившаяся гладь озера:
«...И в глади опрокинуты зеркальной Асклепий, клен, и небо, и фонтан». В последнем,
девятом, сонете даже солнечный диск расплавляется и начинает течь:

Зеркальному подобна морю слава
Огнистого небесного расплава
Где тает диск и тонет исполин [3].

Но и в воде для ивановского Рима заложена идея вечности. Однако в противовес
камню это идея вечного движения. Особенно интересен, многослоен и многопланов в
этом отношении образ фонтана. Фонтан объединяет два вида вечности: статическую
(вечность камня) и динамическую (вечное течение воды).

Через образ фонтана автор стремился раскрыть свое понимание человеческого
бытия. Но в 1905 г. Вяч. Иванов, обращаясь к фонтанной теме в статье «Символика
эстетических начал», которая может служить одним из ключей к пониманию «Рим-
ских сонетов», опирается на Тютчева, так как «подлинно реалистический символизм»
продолжает расцветать в России именно благодаря наследию Тютчева и Достоевско-
го. Вяч. Иванов цитирует тютчевские строки о фонтане, который «Лучом подняв-
шись к небу <...> / Коснулся высоты заветной, – / И снова пылью огнецветной / Нис-
пасть на землю осужден» [6].

Судя по «Символике эстетических начал», фонтан для Вяч. Иванова символизи-
рует путь человеческого духа: «Дух подымается из граней личного, чтобы низойти в
сферу того личного, которое лежит уже вне тесного я. Божественное солнце как бы
притягивает вверх влагу чувства, чтобы оросить ее истаявшим облаком землю. В
этом нисхождении кроется для Вяч. Иванова "красота христианства"» [6].

Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима [3].

Вяч. Иванов мог идентифицировать свое чудесное возвращение в Рим из охва-
ченной революцией России с судьбой спасшегося во время крушения Ариона, одного
из героев Дионисова круга, а Рим – с неким «журчливым садом», где правит неуз-
нанным и безымянным влажный бог Дионис, к культу которого восходили «фонтан-
ные персонажи» «Римских сонетов» – тритоны, дельфины, Нептун, Асклепий. Это
позволяло и говорить о верности Вяч. Иванова дионисизму, и обнаружить внутрен-
нюю связь между двумя визитами в Рим – приездом туда в 1883 г. Фридриха Ницше,
возвратившему миру Диониса, и прибытием в Рим в 1924 г., спустя почти полвека,
Вяч. Иванова, поселившегося почти в том же римском уголке, что и Ницше, недалеко
от пьядца Барберини.

Герой Вяч. Иванова – «гость родной чужбины» [6], умеющий совместить хри-
стианство с ницшеанской идеей Вечного Возвращения. Он видит в окраске заката,
конечно, не только родину – Русь-Трою, но, в первую очередь, родину духовную, то
«взморие, где новозданных дней / Всплывал ковчег таинственный» («Памяти Скры-
бина», I). Это «взморие» напоминало о себе и «вестью мощных вод и <...> веяньем
прохлады» римских фонтанов, и не тонущем в море славы ковчегом-храмом. Напо-
минало оно и о способе достижения этого «взмория» – о смерти, потому что смерть –
тоже своего рода плаванье [6]:

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним 'Ave Roma'
Приветствую как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим [3].

Смерть как перерождение личности и есть его (человека) вожделенное освобождение. «Умойся ключевой водой и сгори». Поэт словно призывал омыться в животворящей дионисийской влаге римских фонтанов и без страха сгореть на фениксовом огне истории, в котором сгорала Троя, а теперь сгорает Россия.

Разворачивающаяся в цикле мифологическая аналогия Руси-Трои заставляет коснуться и проблемы славянского возрождения, с которой идея «заката Европы» также была связана.

О том, что для Иванова гибель западного мира не была залогом славянского возрождения, в том числе возрождения России, косвенно могут свидетельствовать слова его друга, горячего сторонника славянского ренессанса – Ф.Ф. Зелинского. В посвященной Вяч. Иванову статье Зелинский писал, что, состоись закат Европы, идея славянского возрождения лишилась бы своего «фундамента». В статье «Поэт славянского возрождения Вячеслав Иванов» Зелинский замечал с иронией: «...прорицаю: ближайший зенит европейской культуры будет находиться в знаке славянского возрождения – разве что до этого наступит "закат западного мира", предсказанный Шпенглером» [7]. Он ведь тоже пророчествует, а следовательно, экстраполирует – но будем надеяться, ошибочно. В другой, также посвященной Вяч. Иванову, статье – «Введение в творчество Вячеслава Иванова» – Зелинский вновь повторял: «И теперь, взяв на себя роль пророка, я утверждаю, что спустя некоторое время европейская культура будет находиться под знаком славянского возрождения – исключая тот случай, если раньше произойдет нечто вроде конца света, который, если верить Шпенглеру, вполне возможен» [6].

Своим закатом над Вечным городом поэт словно говорит: «Вот он, Закат Европы, вмещающий все судьбы – и мира, и отдельной человеческой личности» [3]. Риму тоже доводилось гибнуть, как теперь Третьему Риму, Москве, но он всякий раз возродился из пепла: «И ты пылал и восставал из пепла» [4].

Для Вяч. Иванова все же принципиально важно было изобразить не «ночь Рима», а именно день Рима с его безоблачным, бездонным небом и ласковым солнцем, под которым даже сон становится «золотым»:

Люблю домов оранжевый загар
И людные меж старых стен теснины
И шорох пальм на ней в полдневный жар... [4]

Образ «золотого сна» появляется в этих строках неслучайно, проходя затем, варьируясь, через весь стихотворный цикл («сонные чертоги» (3-й сонет), «окаменев под чарами журчанья Бегущих струй», что составляет метафору вечного зачарованного сна (4-й сонет):

...И помнит, в ласке золотого сна,
Твой вратарь кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена [3].

Описание культурных памятников Рима начинается с Кампидолийского холма, где стоят юноши с конями. Это кажется неслучайным: Кампидолийский холм с Античности считался центром Рима, то есть главным местом, с которого следует начинать знакомство с городом. Иванов следует логике города. Во втором сонете в ясности дневного света отчетливо рисуются статуи братьев-близнецов Диоскуров, которые, по легенде, некогда явились на форуме вестниками победы и остались в Риме «до скончины мира». Кастор и Полидевк принадлежат к древнейшим греческим героям и знаменуют своими изваяниями восходящую звезду римских побед: «И юношей огромных два кумира / Не сдвинулись тысячелетья с мест» [3].

Снова в искусстве нам является преемственность культур, история, миф, весть о начале мира и вечность. Следует отметить, что первые три стихотворения содержат греческий пласт: Троя, Диоскуры, греческий поэт Пиндар в третьем сонете. Иванов на протяжении всего творческого пути стремится сочетать софиологию Владимира Соловьева, обновленное христианство с античной философией и мифологией. С по-

мощью синтеза христианского мировосприятия и античной пластической красоты Иванов мечтает вернуть гармонию в современный ему мир.

«Римские сонеты» – одна из признанных вершин творчества Вяч. Иванова. Они многосмысленны и многослойны, столь причудливо соединилось в них личное, автобиографическое, и философско-религиозное. Вот отчего анализ «Римских сонетов» вряд ли когда-либо будет исчерпывающим.

Список литературы

1. Арефьева Н. Г. Италия в поэтической рецепции Вячеслава Иванова / Н. Г. Арефьева // Русский язык в поликультурном пространстве : мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 10–11 октября 2007 г.). – Астрахань, 2007.
2. Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX в. / С. Гардзонио. – М. : Водолей-Publishers, 2006.
3. Иванов Д. В. От Иванова до Невселя... // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования / Д. В. Иванов ; отв. ред. Л. А. Гоготшвили, Т. А. Казарян. – М., 1999.
4. Иванов В. И. Собрание сочинений : в 4 т. / В. И. Иванов. – Брюссель, 1971–1987. – Т. 1.
5. Криницын А. Б. Образ Рима в «Римских сонетах» и культурном контексте поэзии Вячеслава Иванова / А. Б. Криницын. – М., 2000.
6. Тахо-Годи Е. А. Немецкий фон «Римских сонетов» Вяч. Иванова (Культура и история сквозь призму поэзии) / Е. А. Тахо-Годи // Вяч. Иванов – Петербург – Мировая культура : мат-лы Междунар. науч. конф. в ИРЛИ (9–11 сентября 2002 г.). – Томск – М., 2003.
7. Тахо-Годи Е. А. «Две судьбы недаром связует видимая нить»: (Письма Ф. Зелинского к Вяч. Иванову / Е. А. Тахо-Годи // Archivio italo-russo. – Руско-итальянский архив. – Салерно, 2002.
8. Титоренко С. Д. Вяч. Иванов в «зеркале зеркал» русско-итальянского архива / С. Д. Титоренко // Русская литература. – 2003. – № 3.
9. Шишкин А. Б. Вехи изгнания: «Римские сонеты» Вяч. Иванова / А. Б. Шишкин ; под ред. Л. П. Репиной. – М., 2007.
10. Francoise Lesourd. Идея Рима и троянский миф у Вячеслава Иванова // Toronto Slavic Quarterly. – 2007. – № 21.

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Г. ГАЗДАНОВА

Е.В. Кузнецова

В настоящей статье литературно-критическое наследие и художественная проза Г. Газданова рассматриваются в стилистическом единстве и отмечены определенной общностью проблематики. Оценивая роль художника в современном мире, Газданов не рассматривал писательство как профессию. Для него литература никогда не была профессией и материальным источником существования.

Literary-critical legacy and Gazdanov's prose are implemented in the stylistic unity and are noted by some common problems. Assessing the role of the artist in the modern world, Gazdanov did not accept attempts to interpret the writing as a profession. Literature never was a profession and a source of material existence for him.

Ключевые слова: писательская деятельность, творчество, поток сознания, цепь ассоциаций.
Key words: writing, creativity, stream of consciousness, chain of associations.

Литературно-критическое наследие и художественная проза Газданова реализуются в стилистическом единстве, и многие статьи и художественные произведения писателя объединены сквозными темами, одной из которых является тема творчества.

Так, например, в 1936 г. в «Современных записках» появилось несколько статей на тему молодой эмигрантской литературы. Зачинателем этого спора стал молодой прозаик Гайто Газданов. В статье «О молодой эмигрантской литературе» он писал: «<...> в безвоздушном пространстве, без среды, без читателей, вообще без ничего – в

этой хрупкой Европе, – с непрекращающимся чувством того, что завтра все опять "пойдет к черту", как это случилось в 14-м или в 17-м году, нам остается оперировать воображаемыми героями – если мы не хотим возвращаться к быту прежней России, которого мы не знаем, или к сугубо эмигрантским сюжетам, от которых действительно с души воротит» [3].

Тема творчества раскрывается писателем также во многих его рассказах, например, «Водяная тюрьма», «Водопад», «Счастье» и др., и в романах «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Полет», «Эвелина и ее друзья». Речь в этих произведениях идет о писательском даре и творчестве главного героя. На тематическом метауровне герой названных произведений, во многом автобиографичный, сначала проявляет задатки своего творческого потенциала, постепенно развивая свой писательский дар, а затем профессионально успешно реализуется в писательской деятельности.

На протяжении многих произведений его персонажи пытаются написать мемуары, критические заметки, рассказ, газетную статью, очерк, роман, дают оценку писательского мастерства других персонажей-беллетристов и т.п. Например, Андрэ («Счастье») пытается написать рассказ: «Андрэ сидел у себя в комнате и писал. Он мечтал о том, что со временем он станет знаменитым писателем... Он только не представлял себе, что именно он напишет» [5, т. 1, с. 295–296].

Подобное описание процесса писательского творчества появится позднее в романе «История одного путешествия» (1938) (прием реминисценций и автоцитаций очень характерен для стиля Газданова): «Володя сел было писать, но ничего не получалось. Он несколько раз вывел свою фамилию, изменяя росчерк, – В. Рогачев, В. Рогачев, В. Рогачев, – потом вкось написал: "Что день грядущий мне готовит?" – и задумался» [5, т. 1, с. 239].

Володю переполняют впечатления от событий, свидетелем которых он стал, но изобразить это на бумаге у него не получается, как не получается это и у Андрэ. Он переполнен материалом, который разворачивается перед ним как поток ассоциаций: «Свой роман Володя писал уже несколько лет, обрывая и начиная снова и заменяя одни главы другими. В роман входило все или почти все, о чем думал Володя: исправленные и представленные не так, как они были, а как ему хотелось бы, чтобы они произошли, многие события его жизни; рассказы обо всем, что он любил – охота, моря, льды, собаки, государственные люди, женщины, разливы рек, апрельские вечера и выпадение атмосферных осадков – как иронически говорил сам Володя, – и первые ранней весной зацветающие деревья» [5, т. 1, с. 263]. Газданов во многих произведениях очень подробно останавливается на описании процесса создания произведения. Он выражает отношение к писательскому ремеслу не как к источнику зарабатывания средств на жизнь.

Манера Андрэ, как и манера Володи, напоминает модные в то время литературные направления в стиле а ля Пруст: «Он никак не мог справиться ни с одним сюжетом, который он долго обдумывал <...> Он не мог сосредоточить своих усилий на одной линии повествования <...> что-нибудь опять уводило его повествование в сторону» [5, т. 1, с. 296]. Как это похоже на критику в адрес самого писателя и его прозу в форме «потока сознания»!

Герой романа «История одного путешествия» Володя Рогачев пишет обо всем и ни о чем, собирается писать роман и не может продвинуться дальше одной фразы «Что день грядущий нам готовит?», заимствованной у Пушкина, путаясь в потоке ассоциаций и ощущений, наслаждаясь звучанием и ритмом: «Он замечал тогда, что полнота впечатления создается почти иррациональным звучанием слов, удачно удержанным и необъяснимым ритмом повествования, так, как если бы все, что написано, нельзя было рассказать, но что шло между словами как незримое, протекающее здесь, в этой книге, человеческое существование. Но когда он пытался писать так, почти не обращая внимания на построение фраз, все следя за этим ритмом и этим иррациональным, музыкальным движением, рассказ становился тяжелым и бессмысленным. Тогда он принимался за тщательную отделку текста, и выходило, что на его

страницах появлялись удачные сравнения, анекдотические места, и они становились похожими на ту среднюю французскую прозу, которую он всегда находил невыносимо фальшивой. И лишь в редкие часы, когда он не думал, как нужно писать и что нужно делать, когда он писал почти что с закрытыми глазами, не думая и не останавливаясь, ему удавалось, с помощью нескольких случайных слов, выразить то, что он хотел; и перечитывая некоторое время спустя эти страницы, он отчетливо вспоминал те ощущения, которые вызвали их и сохранили, вопреки закону забвения, их неуязвимую и иллюзорную жизнь» [5, т. 1, с. 263–264]. Эта оценка очень созвучна с мнением Адамовича о стиле Газданова: «Газданов все время прерывает свой рассказ замечаниями в сторону, наблюдениями, соображениями, стремится в самых обыкновенных вещах увидеть то, что в них с первого взгляда не видно» [1, с. 14].

Часто приводимой становится цитата из рассказа «Водопад», в которой рассказчик высказывает свои сокровенные мысли о писательской деятельности. В них можно усмотреть писательское кредо Газданова: «Как вы хотите, чтобы я писал? – говорил мне один из моих товарищей. – Вы останавливаетесь перед водопадом страшной силы, превосходящей человеческое воображение; льется вода, смешанная с солнечными лучами, в воздухе стоит сверкающее облако брызг. И вы держите в руках обыкновенный чайный стакан. Конечно, вода, которую вы наберете, будет той же водой из водопада; но разве человек, которому вы по том принесете и покажете этот стакан, – разве он поймет, что такое водопад? Литература – это такая же бесплодная попытка» [5, т. 1, с. 332].

Писательство у Газданова всегда показано как процесс, а не как готовый продукт / результат. Его герои-писатели находятся в состоянии творческого и личностного становления, и их история может рассматриваться как сюжет с множеством возможных финалов.

В рассказах «Превращение», «Водяная тюрьма» и многих других главный герой подрабатывает написанием мемуаров для богатых материально, но с убогим и бедным внутренним миром. Это еще не состоявшийся писатель, который вынужден браться за любую «халтуру», но это является для него и определенным средством реализации своих писательских способностей. Интересно, что эти мемуары порой совершенно не соответствуют действительности. Герой приукрашивает ее до неузнаваемости, что отображает мировидение не героя мемуаров, а «второго» автора, который придумывает свою историю, и написаны мемуары достаточно хорошо и качественно.

Раскрывая тему творчества, герои Газданова, как правило, выражают в дискуссиях две точки зрения на соответствие действительности и искусства, на соотношение субъективного и объективного, на правдивое отражение действительности литературой: «Но ты можешь сказать мне, что такое действительность? Или, вернее, какое отношение она имеет к искусству, в частности к литературе? Представь себе, что ты писал бы книгу своих собственных воспоминаний. Была ли бы она простым воспроизведением того, что было, перечислением фактов в хронологическом порядке – и больше ничем? Если бы это было так, она не имела бы никакой ценности» [5, т. 2, с. 714].

Герои Газданова высказывают свою точку зрения по вопросам литературы и настоящего таланта, по проблемам литературы и читателя в эмиграции и т.п. (Артур о божественной среде эмигрантского Монпарнаса в романе «История одного путешествия», нарратор в рассказе «Великий музыкант» и др.).

Спор, начатый с первых произведений писателя, продолжается в последнем законченном романе «Эвелина и ее друзья»: «Писатель, вообще говоря, это человек с каким-то глубоким недостатком, страдающий от хронического ощущения неудовлетворенности. Его личная жизнь не удалась и не может удалиться, потому что он органически лишен способности быть счастливым и довольствоваться тем, что у него есть. Он не знает, что ему нужно, не знает, что он собой представляет, и не верит до конца своим собственным ощущениям. Вся его литература – это попытка найти себя, остановить это движение и начать жить, как нормальные люди, без неразрешимых проблем, без сомнений во всем, без неуверенности и без понимания того, что эта

цель недостижима» [5, т. 2, с. 617]. В этом романе Газданов дает ответы на поставленные им ранее вопросы.

Сюжет романа «Эвелина и ее друзья» – процесс написания романа о жизни любимой женщины. Газданов обобщает собственный литературный опыт создания романа нового типа. Герой-рассказчик – это автобиографический герой-писатель, уже знакомый нам по предыдущим романам и рассказам.

От произведения к произведению герой-творец Газданова меняется, эволюционирует в творческом плане: от юноши с сильным художественным воображением («Вечер у Клэр») до профессионального писателя, зарабатывающего себе на жизнь писательской деятельностью («Эвелина и ее друзья»). Все эти вопросы затрагивал писатель и в критических статьях, выступая уже от своего имени, а не от лица вымышленных персонажей («О Чехове», «О Гоголе» и др.).

Заметим, что этот спор остается злободневным и в наше время. Газданов считает, что главное для писателя – это его талант: «Я не верю ни в так называемое литературное искусство, ни в литературный опыт, я верю только в талант» [5, т. 2, с. 727]. По его убеждению, ценность произведения талантливого писателя – в его своеобразном мироощущении: «Никто не видит мир так, как его видишь ты, потому что ничьи глаза не похожи на твои, ничье восприятие не похоже на твое, ничье чувство не может быть таким, как то, которое ты испытываешь. Поэтому твой личный опыт неповторим и незаменим. И если тебе удастся рассказать о нем, забыв о всякой литературе и произведениях других писателей, так, чтобы это были твои собственные слова и чтобы твой рассказ был свободен от чужих влияний, то твоя книга оправданна» [5, т. 2, с. 727–728].

Для понимания философии творчества писателя заслуживает особого внимания статья Газданова «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане». Статья написана в форме заметок, то есть представляет собой серию несистематизированных фрагментов. Этим Газданов намеренно подчеркивает свободу писателя выстраивать текст в соответствии со своим внутренним порывом и эмоциями, следуя своей интуиции и оставаясь субъективным. Об этом он прямо говорит в последнем фрагменте статьи: «В этих случайных и беглых заметках я хотел только указать на значительность иррационального начала в искусстве: ни критических, ни аналитических задач я себе не ставил и сознательно избегал систематизации, преследующей какую-нибудь цель» [2, с. 171]. В указанной статье Газданов высказался о невозможности принадлежать какой-то одной литературной школе и вообще подверг сомнению существование литературной школы: «Нет ничего более спорного, чем утверждение о существовании "школ" в литературе. Спорность понятия "школа" в применении к литературе становится особенно очевидной, если мы поставим вопрос, – к какой школе можно отнести Шекспира или Сервантеса, Толстого или Бальзака, Достоевского или Пруста?» [2, с. 171]. Мы понимаем, что Газданов пытается объяснить свое отношение к желанию критиков навешивать ярлыки и отнести его к какой-то из литературных школ.

Следующая фраза писателя дает понять его мнение по поводу высказываемой в его адрес критики: «Они [критики – Е. К.] написали множество трудов – но достаточно взять любую – или почти любую – книгу по истории русской литературы, чтобы убедиться в том, что ее автор чаще всего – просто плохо разбирается в том, что он читает» [2, с. 172].

В поздней статье «О Гоголе» Газданов определяет задачу писателя, выражает свое представление о писательском ремесле: «<...> отметим еще одну, совершенно азбучную истину: ни один настоящий писатель никогда не воспроизводил действительности. Каждый писатель создает свой собственный мир, а не воспроизводит действительность, и вне этого подлинного творчества литература, настоящая литература, не существует» [6, с. 178–180]. Это как программа к действию – так писал сам Газданов. Можно услышать упрек Газданова, в очередной раз обращенный к критикам-современникам, не понимавшим до конца и не оценившим по достоинству его произведения. Писатель, по мнению Газданова, должен быть способен создавать собственный художественный мир. Эта же мысль более детально развернута в масонском докладе о роли писателя: «Задача писателя – показать читателю созданный им мир,

дать ему, читателю, возможность сравнить этот мир со своими собственными представлениями, сделать из этого соответствующие выводы и понять, почувствовать что-то, чего, не прочтя этой книги, он бы, может быть, не понял и не почувствовал. <...> Но для того, чтобы создать свой собственный мир, для этого творческого усилия необходима полная свобода» [6, с. 181].

Газданов в публицистике, а также в литературных радиопередачах о писателях (например, «Достоевский и Пруст», «По поводу Сартра», «О русской зарубежной литературе» и др.) и в художественной прозе не раз выражал свое отношение к другим писателям.

В художественной прозе о его литературных пристрастиях можно сделать вывод, например, по суждениям его персонажей, по книгам, которые читают главные герои. Так, например, в романе «Полет» реплика одного из героев гласит о том, что «чтение Достоевского портит вкус». В рассказе «Черные лебеди» его герой Павлов, человек, обладавший «независимостью» суждений, называет Достоевского «лгуном» и «картежником на чужой вкус» [5, т. 1, с. 138]. В рассказе Газданова «Письма Иванова» устами главного героя Николая Францевича место Некрасова в русской литературе сведено к функции «профессиональной плакальщицы, и роль ее заключается в том, чтобы заменять людей, которые не умеют соответствующим образом выражать свои чувства, в данном случае горе оттого, что умер близкий им человек, которые покойного и в глаза не видели и не имеют о нем представления, – за соответствующее вознаграждение рыдают над ним так, как этого не могут делать ни сыновья, ни жены. И есть целая категория писателей, которая выполняет такие же функции по отношению к читателям. Таким, например, в русской литературе был Некрасов. Это, конечно, только часть литературы, но часть довольно важная» [5, т. 1, с. 632–633].

После смерти Б. Поплавского в 1935 г. Газданов написал эссе «Пока на грудь не ляжет смерть. О Б. Поплавском», в котором в очередной раз высказался по вопросам о судьбе молодого поколения писателей-эмигрантов, о непризнании таланта при жизни, об удушающей среде эмигрантского быта; охарактеризовал атмосферу «окололитературного» Монпарнаса: «<...> эти люди, проводившие голодные ночи в кафе, не представляющие, казалось бы, никакого интереса, эти псевдоинтеллектуальные нищие, не менее жалкие, чем парижские бродяги, ночующие под мостами» [4, с. 250].

Это описание перекликается с описанием среды Монпарнаса в романе «История одного путешествия»: «За столиками Coupole сидело множество народа <...> Невзрачные художники с голодными лицами, нелепо одетые <...> спорили о Сезанне, Пикассо, Фужита; <...> какой-то развязный и многословный субъект ожесточенно хвалил французскую поэзию и цитировал стихи Бодлера и Рэмбо <...> Вот молодой автор, находящийся под сильным влиянием современной французской прозы <...> Вот подающий надежды философ – труд об истории романской мысли, книга в печати о русском богословстве, интереснейшие статьи о Владимире Соловьеве, Бергсоне, Гуссерле; живет на содержании у отставной мюзикхолльной красавицы <...> – Неприятная вещь, Монпарнас, – сказал Володя, поднимаясь. – Да; только это хуже, чем вы думаете, – ответил Артур» [5, т. 1, с. 263–264]. Все эти вопросы продолжали волновать писателя до конца жизни.

Оценивая роль художника в современном мире, Газданов не принимал попыток толковать писательство как профессию. Для него, как и для его героев, литература никогда не была профессией и материальным источником существования. На жизнь он зарабатывал тяжелым трудом. Материально он не зависел от редакторов.

По убеждению Газданова, писатель должен оставаться свободным и не подвергаться никакому политическому влиянию и давлению. Но при этом Газданов обозначает и ряд принципиально важных обязанностей писателя перед обществом: «Долг писателя по отношению к обществу? Только один: не лгать. И быть свободным от всех сколько-нибудь обязательных понятий, от всякой иерархии ценностей» [6, с. 181].

Газданов разграничил понятие «настоящие писатели» от понятия «коммерсанты, ремесленники или так называемые серые труженики литературы» [6, с. 180], которые, как это ни парадоксально, пользуются большей популярностью. Таких персона-

жей тоже достаточно в художественной прозе (писатель-графоман Кузнецов («По-лет»), Борисов («Когда я вспоминаю об Ольге») и др.)

Посредством прозы и публицистики Г. Газданов стремился выразить истину бытия и найти ответы на важные для любого творческого человека вопросы.

Список литературы

1. Адамович Г. // Иллюстрированная Россия. – 1930. – 8 марта.
2. Газданов Г. Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане / Г. Газданов // Воля России. – 1929. – № 5–6.
3. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе / Г. Газданов // Современные записки. – 1936. – № 60.
4. Газданов Г. О Б. Поплавском / Г. Газданов // Время и мы. – 1994. – № 123.
5. Газданов Г. Собрание сочинений : в 3 т. / Г. Газданов. – М. : Согласие, 1999. – Т. 2.
6. Масонские доклады Г.И. Газданова [Публикация А.И. Серкова] // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39.

СМЕРТЬ ВЕНЕЦИИ И СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОРТАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ВЕНЕЦИАНСКОМ ТЕКСТЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

А.Н. Кунусова

В статье представлен анализ смертности венецианского текста в русской литературе XX в.

The article represents an analysis of the mortality in Venetian text in Russian literature of the XX century.

Ключевые слова: русская литература XX века, венецианский текст, смертность.

Key words: Russian literature, Venetian text, mortality.

Образ Венеции в русском поэтическом сознании зачастую связан с мотивом смерти. На наш взгляд, это обусловлено сущностью построенного на воде города и связанным с ним человеческим скептицизмом относительно его (города) долгого существования. Кроме того, данный мотив характеризовал «венецианскую» поэзию в начальный, романтический, период становления западноевропейского и – с опорой на него – русского венецианского текста. «Смертельный» аспект пронизывает венецианский текст в целом.

Описание Венеции в негативном ключе (ранее для этого периода было характерно изображение города в идеально-восторженном ракурсе) в начале становления русской литературной венецианы было отмечено в путевых записках Д.И. Фонвизина: «Разъезжая по Венеции, представляешь погребение, тем наипаче, что сии гондолы на гроб походят и итальянцы ездят в них лежа» [6, с. 548].

В начале XX в. едва ли не все русские поэты и писатели ездили в Италию (разумеется, не обходили вниманием и Адриатическую красавицу) на поиски вдохновения и новых впечатлений. Одним из таких соотечественников был П. Перцов, для которого первое соприкосновение с городом не было окутано романтически патетическим флером. «Первое впечатление от Венеции не в ее пользу. Это впечатление не рассеивается и на другой день, в лучах солнца, в ясной бледно-голубой атмосфере весны и моря. Это впечатление покинутого, нежилого дома. Чем бы этот дом ни манил к себе, – первый взгляд на него будет всегда невольной вспышкой отчужденности, почти враждебности. Это неприязнь живого к мертвому. Переступая порог, нужно перешагнуть и через это впечатление, чтобы встретиться с другими – там, внутри... Венеция – именно огромный, заброшенный дом, без хозяина. Его теперешние жильцы не более как случайные пришельцы, которых не замечаешь, глядя на него, и забываешь о нем» – вспоминает он [4, с. 4].

Мортальный мотив в венецианском поэтическом тексте XX в. может быть рассмотрен в двух плоскостях: смерть Венеции и смерть в Венеции. Мотив гибели Венеции достаточно широко представлен в стихотворениях прошлого столетия. В начале XX в. это связано, прежде всего, с пошатнувшейся репутацией незыблемости Венеции в прямом и метафорическом смыслах в связи с падением колокольни Св. Марка (июль 1902 г.) на одноименной площади, что не могло не найти воплощения в русских произведениях. Несомненно, разрушение одного из значимых архитектурных памятников Венеции произвело неизгладимое впечатление на соотечественников. Многие воспоминания и путевые заметки отличаются весьма минорным настроением относительно сложившейся ситуации. «С падением башни навсегда испортилось единственное по красоте, значительности и воспоминаниям место на земном шаре – площадь Св. Марка...» – констатирует В.В. Розанов в эссе «Золотистая Венеция» [5, с. 220]. Приняв это событие близко к сердцу, В. Розанов чуть позже даже вступит в дискуссию с представителями русской православной церкви, интерпретировавшими разрушение Кампанилы как знамение, закономерно-неизбежное явление, причина которого заключалась «в гордыне католиков вообще и венецианцев в частности» [1, с. 144].

Под впечатлением случившегося находился и В. Брюсов, который эмоционально остро актуализировал свои переживания: «узнав о падении колокольни, мы поехали туда, провели там сутки, почти плакали на развалинах. Без *campanile piazza* потеряла единство: задний план был декорацией, фасадом S. Marco; теперь впечатление дробится, ибо виден дворец дождей. С моря Венеция принизилась, словно изувечена» [1, с. 147–148]. В результате этого трагического происшествия благодаря В. Брюсову корпус поэтического венецианского текста пополнился стихотворением «Опять в Венеции» (1908). Оно начинается со строчек с прозрачной интенцией¹:

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней
Всего, что создано в веках!
И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Неверие в Венецию в финале анализируемого стихотворения все же сменяется надеждой на ее возрождение, бессмертие:

Пусть гибнет все, в чем время вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

По В. Брюсову, город амбивалентен, представляет собой союз оксюморонных составляющих:

- ✓ богатство / бедность («Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал **дождем рыбака...**»)²;
- ✓ прекрасное / разрушительное («Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах, / В **формах выпукло-прекрасных** представал пред взором **прах?**»);
- ✓ смерть / бессмертие («Я вновь целую богомольно / Венеции **бессмертный прах!**»).

¹ В противовес написанным незадолго до этого стихотворениям «Лев Святого Марка» (1902) и «Венеция» (1902), в которых наблюдается вера в незыблемость Венеции и ее достопримечательностей.

² Здесь и далее выделено автором – А. К.

Мортальные и витальные мотивы у В. Брюсова сосуществуют, причем последний, скорее, приобретает высшую форму жизни – бессмертие, что отмечено в строках указанного выше стихотворения «Венеция» (1902):

Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.
Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.
И доньне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

В. Брюсов не был одинок в своих поэтических переживаниях по поводу случившегося. С. Головачевский также выразил их в стихотворении «На разрушение колокольни Св. Марка в Венеции» (1906). Данный поэтический текст имеет многочленную идейно-содержательную структуру.

1. Отражение личной душевной сопричастности к произошедшему находит отклик в окружающем мире. В поэтическом арсенале С. Головачевского – образы-сигнатуры Венеции (Адриатика, Кампанила, каналы, черные гондолы) и сообразные слова, характеризующиеся общностью лексико-семантической наполненности:

Адриатика **плачет**... Из дальней страны
Донеслась ко мне **жалоба** бледной волны:
«**Умерла, умерла** Кампанила!»
И я вижу, как город **тоскою объят**,
Как **печальны** каналы и мрамор палат,
Как волшебница моря **уныла**. –
И гондолы **грустнее**, чем прежде, скользят
По каналам немым, как могила,
Словно **черные лебеди горя и зол**...
Отуманены образы **мрачных гондол**...
Все твердит: «**Умерла** Кампанила!»

2. «Врастание» образа Кампанилы в исторически значимый контекст с финально-животрепещущей мыслью о падении башни:

Над столицей дождей, как дума морей,
Окруженная стаей ручных голубей,
Возносилась она и царила; –
И витали вокруг нее голуби-сны,
Легкокрылые тайны седой старины,
И небесная билась в ней сила:
Повесть долгую лет, дивных дел и побед
И злодейства и бед заколдованный след
Своим звоном она разносила.
Серенады любви, упоительный сон,
Из свинцовых темниц умирающих стон,
Все хранил и твердил обо всем ее звон...
Но теперь умерла Кампанила!

3. Замещение мотива смерти мотивом сна демонстрирует неверие лирического героя в падение одного из значимых символов Венеции и в ослабление ее мощи. Кроме того, в строках анализируемого стихотворения очевидно желание лирического героя заставить себя поверить в то, что колокольня не предана забвению со стороны окружавшего ее венецианского локуса:

И пучина морская возлюбленный прах
Под лазурью своей схоронила.
Там уснула навек Кампанила. –
И достойна ее в безмятежных водах,
В мавзолее хрустальном могила.
Ей родная стихия осталась верна,
Ее сон сторожит голубая волна...

4. Констатация факта «смерти» Кампанилы в каждой из предыдущих частей сменяется в последней императивным «возродись», что, несомненно, меняет тональность стихотворения. Кроме того, повтор форм одних и тех же слов (*возродишься – возродись, возродись; зазвонишь – звонила, звонила – звони, звони, звони*), а также фонетическая напряженность звуков *з-р-с* усиливает динамичный рисунок финального отрывка:

Но, как стройная мысль, рассыпая мечты,
 Возродишься ты снова, дитя Красоты; –
 Не погибнет небесная Сила; –
 И незримо ты вновь зазвонишь с высоты...
 Возродись, возродись Кампанила!
 И в душе вдохновенной Поэтов живи,
 Призывая во храм Красоты и Любви!..
 Как ты, полная дум, нам звонила,
 Как звонила ты дождям, в те давние дни,
 Так звони во все дни, о звони и звони!
 Возродись, возродись, Кампанила!

Не менее эмоционально было воспринято писательской средой и восстановление в 1912 г. колокольни. М. Осоргин замечает по этому поводу: «Пал – и снова восстал Мессер Сан-Марко, стройная башня, соединяющая Венецию с небом. Восстановлена разрушенная колокольня... Это не безжизненный шпиг, указывающий на облака людям земли, это – живой гений венецианцев, центр их отвлеченных от земных мыслей, их идеал, основа их миропонимания...» [3, с. 152]. Выбор писателем коннотативно значимых слов (*восстал, гений, идеал*) и синтаксических приемов (использование тире в начале высказывания и перед лексемой «гений», анафорические конструкции, начинающиеся с частицы «это») определяет восторженно-значимое принятие ситуации.

Тезис «смерть Венеции» находит отражение и в значимом для венецианского текста образе гондол, черный цвет которых рождает новое символическое прочтение. «Экипажи – точно гробы», – на схожести гондол с катафалком акцентирует внимание еще П. Вяземский в XIX в. Подобная параллель (гондолы – катафалки) возникает и в «венецианских» стихотворениях ряда поэтов XX в.:

И золотые отраженья
 Дворцов в лазурном глянце вод.
 И дымка млечного опала,
 И солнце, смешанное с ним,
 И встречный взор, и опахало,
 И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным (И. Бунин)

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба (А. Блок)

То сияет, то за дымом тает,
 За осенней мглой, бегущей с моря.
 «Не заснул, Энрико?» – Он беззвучно,
 Медленно на лунный свет выводит
Длинный черный катафалк гондолы (И. Бунин)

Анализ поэтических произведений первой половины XX в. позволил выявить в текстах сходный с смертельным мотив увядания. Данный мотив связан, по выражению Лосева, с «преддекаданским» настроением в отношении города на воде, что наблюдается, в частности, в стихотворении Волошина «Венеция» (1902, 1910). Ощущение унылости в этом поэтическом произведении прослеживается на разных уровнях. В первую очередь, на лексическом: наиболее частотными представлены слова, входящие в лексико-семантическое поле «уныние»:

Резные фасады, узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья, –
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем **бесконечная грусть увяданья**.

О пышность паденья, о грусть увяданья!

Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

<...>

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

Во-вторых, соответствующие краски, несомненно, придает осенняя атмосфера стихотворения, проявляющаяся опосредованно, без прямого указания на время года, а через восприятие «осенних и медных тонов Тициана». В целом колористика волошинского стихотворения активная – красно-медная с оттенками золота: «*Резные фасады, узорные зданья / На алом пожаре закатного стана; Устало мерцают в отливах тумана / Далеких лагун огневые сверканья... / Вечернее солнце, как алая рана...; Парчи Тинторето...*» Следует отметить, что данная цветовая гамма соответствует цветам заката, а закат метафорически коррелирует с угасанием, смертью. Примечательно то, что данное стихотворение М. Волошин начал писать в 1899 г., начав с весьма позитивных слов «Венеция – сказка...», не включенных в последующую лирическую версию, что свидетельствует об изменении либо восприятия города, либо замысла произведения. Подобная колористика, связанная с образом заката, актуализируется и в стихотворении Г. Цагарели «На закате» (1914):

Венеция **горит**, изящные палаты
В каналах отразив, как в глубине зеркал.
Вечерний небосклон **в рубинах засверкал**,
Осыпав **золотом** старинных стен заплаты.

Иную позицию представляет О. Мандельштам в стихотворении «Венецийская жизнь» (1920): его Венеция также мрачна и находится на стадии угасания, однако предстоящая смерть воспринимается как нечто торжественное:

Только в пальцах – роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой **смерти праздничной** уйти?

Венеция О. Мандельштама представляет собой соединение двух вышеназванных тезисов: смерть Венеции («*Венецийской жизни, мрачной и бесплодной...*») и смерть в Венеции («*всех кладут на кипарисные носилки*»; «*И горят, горят в корзинах свечи, / Словно голубь залетел в ковчег. / На театре и на праздном вече / Умирает человек*»).

Традиционно считается, что мотив смерти в Венеции стал частотным после выхода в свет в первом десятилетии XX в. одноименной новеллы Томаса Манна, хотя был заявлен и ранее в русской литературе (Меднис). Итальянский исследователь П. Деотто придерживается мнения, что “nel testo russo del primo Novecento morire a Venezia significa dunque liberarsi della dimensione terrena e ritornare nella patria della loro propria anima” [7, p. 109]. Действительно, строки В. Брюсова («*Здесь – пришелец*

я, но когда-то здесь душа моя жила») подтверждают это. Непосредственным «хранителем» душ в Венеции является кладбище Сан-Микеле – один из важных образов русской литературной венецианы, преимущественно второй половины XX в. Возможно, это связано с желанием И. Бродского быть похороненным в Венеции и последующим литературным воплощением образа венецианского Сан-Микеле (Е. Рейн, В. Марков и др.)

Наряду с восприятием Венеции как кладбищенского локуса («о город мертвый, погребенный¹...», «и принимал канал остывших мертвецов²»), наблюдается преломление ее сквозь призму мотива сна, который представляет собой эвфемистичный, смягченный вариант мотива смерти, если исходить из того, что сон – это маленькая смерть:

Все спит – дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак (А. Блок)

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны (В. Брюсов)

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времен,
И счастье жизни вечно новой,
И о былом **счастливый сон** (И. Бунин)

Не руша **старинного сна,**
Нас гондола тихо несла
Под арками черных мостов (В. Иванов)

Мортальность в венецианском тексте традиционно соответствует ночному времени:

Нет! Все, что есть, что было, – живо!
Мечты, виденья, думы – прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в **бархатную ночь!** (А. Блок)

«Ночь отождествлена с вечной инаковостью или чистым инобытием на всех ступенях бытия, и в том числе, прежде всего в области умопостигаемого. Это – чистое становление и возникновение, которое всегда иное и иное и которое никогда не есть что-нибудь определенное и устойчивое; это чистое отрицание и потому вечная тьма. Не надо, однако, забывать, что для античной мифологии это есть тьма в недрах самой божественности, в последней глубине всякого идеального и реального бытия, интеллигибельная тьма», – отмечал А.Ф. Лосев [цит. по: 2].

Инакость Венеции заключается еще и в ее неземной притягательности, порой даже губительной:

Давно канцона и гитара
Не будят сонные мосты,
Но так же всех сзываешь ты
Для чистых грез и неги страстной.
Твой ветер освежил мне грудь,
Он шепчет мне: «забудь, забудь
Виденья родины ужасной
И вновь на лире оживи
Преданья нежные любви» (С. Соловьев)

¹ Из стихотворения С. Соловьева «Венеция».

² Из стихотворения Г. Цагарели «На закате».

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?
Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал (Н. Гумилев)

Манили страстной дрожью звуки (А. Блок)

Итак, парадигма смертности венецианского текста первой трети XX в. сложна и разнообразна. Изначальная инакость реальной Венеции порождает в литературе причудливое сплетение оксюморонных характеристик города. Литературная Венеция с точки зрения смертности – это тесное сосуществование жизни как смерти, смерти как жизни, жизни после смерти, радостное принятие обоих начал.

Список литературы

1. Кара-Мурза А. А. Знаменитые русские о Венеции / А. А. Кара-Мурза. – М. : Независимая Газета, 2001. – 384 с.
2. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=19&id=8>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Осоргин М. Очерки современной Италии / М. Осоргин. – М., 1913. – 216 с.
4. Перцов П. П. Венеция. – М. : Б-С-Г-Пресс, 2007. – 285 с.
5. Розанов В. В. Золотистая Венеция / В. В. Розанов // Иная земля, иное небо... – М. : Та-наис, 1994. – С. 219–229.
6. Фонвизин Д. И. Письма к родным / Д. И. Фонвизин. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/03letters/05_3rd_trip/279.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Deotto P. Un viaggio per realizzare un sogno. L'Italia e il testo italiano nella cultura russa / P. Deotto. – Trieste : Università degli studi, 2002.

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В ПЬЕСАХ А. ВОЛОДИНА

Т.И. Малахова

Статья посвящена изучению особенностей конфликта в пьесах и сценариях А. Володина. Анализ драматургических произведений позволяет сделать следующие выводы: А. Володин изображает не трагедию в жизни, а трагедию жизни; в пьесах представлена система конфликтов (внутренних и внешних), большая часть которых не разрешена и неразрешима; внутренние конфликты в основном связаны с экзистенциальными проблемами.

The article is dedicated to learning of conflict peculiarities of A. Volodin's plays and scenarios. Play's analysis allows us to make following conclusions: A. Volodin imitates existence of tragedy. There are insoluble conflicts in his plays or conflicts which have not been solved. Internal conflicts in general are caused by problems of existence.

Ключевые слова: конфликт, быт, бытие, пьеса, сценарий, А. Володин.

Key words: conflict, everyday life, objective reality, play, scenario, A. Volodin.

Драматургические конфликты в разных пьесах и сценариях А. Володина типологически близки друг другу, хотя жизненный материал их разнообразен. А. Володин никогда не стремился к «единству действия» – его пьесы представляют собой развернутую систему конфликтов, как внешних, так и внутренних. Многие внешние, «видимые» конфликты современны, актуальны. Сущность же володинских пьес – в конфликтах глубинных, на первый взгляд, иногда не сразу заметных. Выявление глу-

бинных конфликтов в драматургическом творчестве А. Володина позволит определить наиболее значимые конфликты, формирующие жанровое своеобразие его пьес.

В сентябре 1956 г. была напечатана первая пьеса А. Володина «Фабричная девчонка». Критика сразу же обратила внимание на типический характер конфликта, обусловленного временем: герой-правдолюбец против бездушных формалистов и показухи. В то же время, сосредоточившись на социально-нравственной стороне проблематики пьесы, критика не увидела в ней решения общечеловеческих вопросов. За бытовыми, локальными проблемами просматривается их общечеловеческое содержание. И конфликт здесь глубже, чем борьба искренней и честной Женьки против фальшивых лозунгов Бибичева, так как автор пьесы показывает: страшно даже не столько то, что Бибичев лжет в словах и делах, сколько то, что он свято верит – «так надо» – и призывает верить других. Конфликт между «так надо», «так принято» и «я так хочу» осознается как борьба между двумя формами жизни. Первая володинская пьеса строится таким образом, что за судьбой почти каждого персонажа видится свой конфликт – иногда с другими людьми (социумом), а иногда и с самим собой. Уже в первой пьесе А. Володина проявляется индивидуальность драматурга, его собственный взгляд на мир, так как почти каждый персонаж по-своему, осознанно или неосознанно, стремится противостоять тому образу жизни, который общепринят и догматически неукоснителен. Отметим, что любимые герои А. Володина отстаивают свое право быть самими собой, и это не имеет ничего общего с их желанием измениться или изменить свой статус в обществе.

В 1959 г. появилась пьеса «Пять вечеров», которую отличает развернутая система внешних и внутренних конфликтов. Однако в «Пяти вечерах» меняется соотношение внешнего и внутреннего конфликтов, которые парадоксальным образом переплетаются, перетекают друг в друга. Ильин судит себя с точки зрения общественного мнения: не добился того, к чему стремился, – вместо выдающегося химика стал обычным шофером. Поскольку он считает, что Тамара так же оценивает его, он сочиняет свою историю, которая могла бы приподнять его в глазах героини. Тем более что Тамара вполне искренне гордится своими производственными достижениями (она работает мастером на заводе), гордится племянником, которого воспитала одна, при этом совершенно забывая о себе. Когда приезжает Ильин, она так же искренне считает, что жизнь ее «нисколько не обманула», что она счастлива. Встреча с Тамарой, человеком самоотверженным, искренним и преданным делу, с которой Ильина когда-то связывало настоящее чувство, особым образом влияет на Ильина: от вечера к вечеру он обретает все большую духовную свободу, свободу от тех общепринятых представлений, которым он вынужден был соответствовать. В последний вечер он произносит монолог, важный в контексте содержания всей пьесы и выражающий мысли автора: «Ради вашего удовольствия прикидываться лучше, чем я есть на самом деле, я не собираюсь. Человек должен всегда оставаться самим собой. Самая выгодная позиция» [1]. А. Володин в «Пяти вечерах» стремится не только раскрыть психологию героев, запечатлеть время, но и осмыслить проблему «быть и казаться». Никто из окружающих не требовал от Ильина «прикидываться лучше». Его все ценят за личные качества, а не за производственные достижения. Именно тогда, когда спала завеса лжи, Тамара соглашается на предложение ехать за Ильиным на край света.

Уже первые пьесы А. Володина выявили характерную особенность, присущую драматургу: в них и внутренний, экзистенциально окрашенный конфликт, и изображение состояния общества в момент, когда уже произошел кризис общественного сознания, и человеческие качества не затмеваются «производственными показателями». Герои А. Володина отстаивают право на собственную индивидуальность, свободу выбора, свой взгляд на мир – и в этом уже проявляется экзистенциальный характер проблематики первых володинских пьес. Типология конфликтов способствует реализации авторской художественной концепции, поскольку за внешним, событийным, планом всегда «просвечивает» внутренний, психологический, позволяющий раскрыть образ человека в его тончайших душевных движениях и духовных исканиях. Так, Женька в «Фабричной девчонке» борется с чуждым ей образом жизни, который ее не устраивает;

Ильин – с общественным мнением, которое унифицирует людей, не учитывает их индивидуальных качеств (эта борьба происходит и внутри героя, поскольку носителем общественной точки зрения являлся и он сам); Надя, героиня пьесы «Моя старшая сестра» (1961), – с мнением Ухова, который любит сестер и вызывает у них чувство благодарности (внешний конфликт осложняется внутренней борьбой, переживаниями героини, осознающей свою правоту). Все внутренние конфликты в ранних пьесах оказываются решены, герои обретают душевную гармонию.

В «Фокуснике» (1965) конфликт напоминает «Пять вечеров»: герой оценивает себя как человека «неуспешного», однако в конце пьесы отстаивает свое право на существование «не как у всех» и перед дочерью, и перед любимой женщиной.

В пьесе 1969 г. «С любимыми не расставайтесь!» конфликт «Катя – Митя» показан на фоне семи других «дел о разводе». Катя не хочет чувствовать себя в семье, как в «клетке», она ведет себя «как все»: «Все остались, и я осталась» (здесь и далее курсив наш – Т. М.) [1]. Но после развода она уже борется с общественным мнением: «Почему-то считается, что это неприятность. Как овцы, все стараются себе хозяина найти» [1]. Катя оказалась между двумя полюсами: «быть как все» и «не быть как все». Драматург оставляет «за кадром» процесс борьбы в душе героини. Но, судя по последней картине пьесы («Свидание»), Катя пришла к пушкинскому выводу: «Счастье человека – на проторенных дорогах», то есть она осознала, что только в семье она обретет свое счастье. Лейтмотивом звучащее многократно повторенное «Я скучаю по тебе, Митя» – это парадоксальное возвращение к себе и к общечеловеческим ценностям. Семья больше не воспринимается Катей как «клетка», привязанность к мужу – как стремление найти «хозяина»; разлука с любимым переживается ею как драма.

Итак, борьба за себя, отстаивание личной независимости, по А. Володину, – глубоко личностный, выстраданный процесс, никак не связанный со стремлением к оригинальности ради оригинальности.

В конце 1960-х гг. появляются два «фантастических» сценария – «Похождения зубного врача» (1967) и «Происшествие, которого никто не заметил» (1968). В них А. Володин как бы проводит нравственный эксперимент, суть которого состоит в испытании героя волшебным даром (для Чеснокова этот дар – умение безболезненно вырывать зубы, для Насти – обретенная красота, о которой она мечтала перед сном и которая утром оказалась реальностью). В «условных» пьесах намечаются экзистенциальные мотивы. Экзистенциальный анализ исходит из того, что подлинное бытие личности обнаруживается благодаря углублению личности в себя с целью выбора не зависящего ни от чего внешнего «жизненного плана».

В «Происшествии, которого никто не заметил» этот выбор парадоксальным образом затрагивает не главную героиню Настю, а окружающих ее людей. Сама Настя все время живет так, как говорит: «надо самой знать себе цену» [1] (отметим, что формулировка жизненной позиции приходит к героине после испытания красотой). Красавица с картинки действует точно так же, как действовала бы сама Настя. А вот окружающие ее значительно меняются в отношении к «писаной красавице». Не случайно А. Володин использует прием удвоения ситуации – когда Моргунов, Коноплятников, Тетерин дважды встречают Настю в разных обликах и ведут себя прямо противоположным образом. Леша, любящий муж Кати, тоже оказывается под воздействием чар «незнакомой» красавицы.

В «Похождениях зубного врача» Чесноков свой дар использует на благо людям, но возможность безболезненно удалять зубы возникает у него только тогда, когда он полностью сосредоточен. В момент появления комиссии он не решается вырвать зуб и отправляет больную в областную поликлинику. Попытка реабилитировать себя не увенчалась успехом: Чесноков по ошибке вырвал у человека не больной зуб, а здоровый, чего простить себе не смог, бросил практику и перешел на работу в зубоучебное училище. Осознание сущности жизни приходит к нему несколько позже: «Главное – это не зависеть от мнений, когда ты ни от кого и ни от чего не зависишь, освобождаются гигантские резервы времени просто для радости и счастья жизни» [1]. В

судьбе Чеснокова разрешаются два привычных для А. Володина конфликта: борьба с социумом и с самим собой.

В пьесах-притчах «Ящерица» (1969) и «Две стрелы» (1967) А. Володин вновь сталкивает сложившееся (или складывающееся) общественное мнение и стремление героев видеть все собственными глазами, не через призму «так принято». Страх Ушастого перед насмешками приводит к войне со Скорпионами и гибели людей племени, попытка отстоять себя – к гибели самого Ушастого, ранее бессловесного Долгоносика, увидевшей врагов «изнутри» Ящерицы. Трагические финалы пьес связаны с характером не внутреннего (здесь все герои были на высоте – человеческое в них оказалось выше «племенного»), а внешнего конфликта. Мир вокруг человека становится в пьесах А. Володина все более жестоким, не склонным терпеть инакомыслие. И если человек хочет сохранить себя не только духовно, но и физически, он должен уйти, как Рыжий с женой, как Глава Рода.

В «Ящерице» и «Двух стрелах» явно просматривается еще один конфликт – между двумя системами ценностей: старой, основанной на общечеловеческой морали («духи» не терпят лжи; проливший кровь соплеменника должен быть наказан), и новой, основанной на силе (неслучайно их возглавляет Человек Боя). Отметим специфику конфликта в названных пьесах по отношению к другим произведениям, отражающим конфликт «века нынешнего» и «века минувшего». И у А. Володина («Фабричная девчонка»), и у многих его предшественников («Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Гроза» А.Н. Островского) «старое» воспринималось как отжившее, мешающее лучшему, новому. В пьесах-притчах «новое» связано с агрессивностью, нравственной нечистоплотностью. Таким образом, и без того сложный мир пьес и сценариев А. Володина усложняется, конфликты приобретают парадоксальную многоплановость. Оценивать явления и поступки «вообще» оказывается невозможным – необходим развернутый контекст, в котором, к примеру, даже такое внешне однозначно отрицательное явление, как ложь, расценивается неоднозначно. Когда Глава Рода защищает явную небезлицу о том, что Рыжий превратился в выхухоль и уплыл, он прав, так как оберегает свой род от раскола. Когда Ушастый пересказывает вымысел Человека Боя, он не прав, так как его поступок продиктован страхом за себя и ведет к войне, к гибели многих людей. Внутренний конфликт в «Выхухоли» проявляется только у Ушастого, так как только он молод, недостаточно опытен; в «Скорпионах» в Ящерице борются навязываемое ей мнение о Скорпионах и непосредственное впечатление от общения с ними. У Главы Рода и Человека Боя внутреннего конфликта нет, так как каждый из них уже все решил для себя, и в пьесе они представляют два полюса, между которыми возникает внешний конфликт.

В «Двух стрелах» внешний конфликт разрешается победой силы, и именно подобное решение изменяет пафос пьесы: драматическое перерастает в трагическое, мир вокруг человека воспринимается как враждебный ему, причем эту враждебность преодолеть невозможно.

Таким образом, хотя характер конфликтов в пьесах А. Володина типологически не меняется, кардинально меняется характер их решения, вернее, представление о возможности решения: А. Володин рассматривает не ситуацию «трагедия в жизни», а «трагедию жизни».

Отметим, что «трагедия жизни» у А. Володина не разрешается катарсисом. В пьесах нет вопроса «жизни и смерти», но множество вопросов жизни: счастье, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне. Ни один из них не находит разрешения.

Итак, для пьес А. Володина не характерен «одиночный» конфликт, в его драматургических произведениях разворачивается целая система конфликтов, происходит «рассеивание» конфликта. Наиболее значимыми являются бытийные конфликты, которые проявляются в пьесах почти всегда как внутренние. Понимание быта через обращение к вечным вопросам бытия становится определяющим жанровым признаком в пьесах А. Володина. Внешние конфликты являются следствием и/или причиной конфликтов внутренних и неразрывно связаны друг с другом.

Список литературы

1. Володин А. Осенний марафон / А. Володин. – М. : Эксмо, 2005. – 668 с.

**Г. УЭЛЛС И А.Н. ТОЛСТОЙ:
К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

Е.С. Манченко

Статья затрагивает существующие научные точки зрения о вопросе сопоставления литературных традиций Г. Уэллса и А.Н. Толстого. Вопрос преемственности имел значение для дальнейшего развития русской литературы в области научной фантастики. Статья показывает необходимость анализа особенностей стиля обоих писателей и их реализации в литературном тексте, отношение критиков к их творчеству и установление причинных связей, проливающих свет на вопрос о влиянии Г. Уэллса на творчество А.Н. Толстого.

The article touches upon the existing scientific points of view about juxtaposing of H.G. Wells and A.N. Tolstoy's literary traditions. The question of literary succession was of vital importance for the further development of the Russian literature in the sphere of science fiction. The article shows the necessity of analyzing the idiosyncrasy of both writers and its realization in the literary text, the critics' attitude towards their creative work and the establishment of causal relationship which enlightens H.G. Wells' influence on Tolstoy's creative work.

Ключевые слова: научная фантастика, традиция, образ, сюжетная линия, время и место действия.

Key words: science fiction, tradition, image, plot line, time and place of action.

Литература кумулятивна и требует преемственности достижений другой культуры не с целью заимствования, а с целью приобщения, дальнейшего развития и постижения. В общем потоке различных жанров литературы в начале XX в. в России особое внимание уделялось научной фантастике. Это было связано с развитием научной мысли и со сменой политического строя в стране. Многие исследования научно-фантастической литературы проводились в контексте отечественной и международной традиции (Е. Брандис, А. Бритиков, В. Ревич). Как пишет А.Ф. Бритиков, «русская фантастика зарождалась в тесном контакте с международной традицией, причем в ее становлении не последнее значение имела прямая и косвенная полемика с социальными и художественными принципами Ж. Верна и Г. Уэллса» [1, с. 371].

А. Стругацкий в книге В. Мора признался, что «современная научная фантастика покоится на трех китах. Это Герберт Уэллс, Алексей Толстой и Карел Чапек. С них началось формирование современного советского научно-фантастического метода» [10]. Г. Уэллс, являясь мастером социально-философской фантастики, создателем жанра социально-фантастического романа, оказал значительное влияние на развитие русского романа первой половины XX в., в особенности на произведения А.Н. Толстого. Как пишет В.Б. Шкловский в книге «Гамбургский счет», «Алексей Толстой изменяется, и очень быстро. И, кроме строения фразы, скоро в нем не останется ничего традиционного» [16, с. 258]. Первым крупным научно-фантастическим произведением советской эпохи по праву считают роман А.Н. Толстого «Аэлига» (1922) [5]. В «Аэлите», как и в романе «Гиперболоид инженера Гарина» (1925), ощущаются и трансформация идей и некоторых образов романов Г. Уэллса, и тематическая схожесть с некоторыми из них. Критически подходя к этому, В.Б. Шкловский утверждал, что «Аэлига» – «прежде всего, неприкрытое подражание Г. Уэллсу. Марс похож на уэллсовскую Луну, и сам жанр научно-бытового романа взят не с Луны, а с Уэллса» [16, с. 259].

Ю.И. Кагарлицкий пишет, что А.Н. Толстой был лично знаком с Г. Уэллсом и описал впечатления об этой поездке в книге «Англия, на Кавказе, по Волыни и Галиции» (1916) [6, с. 371]. Ему принадлежит создание заявленной в «Аэлите» «модели» фантастико-реалистического романа [2]. Как отмечается А.Ф. Бритиковым, «А. Толстой впервые соединил приключенчество и машинную фантастику с подлинно советской социальностью» [1, с. 374].

И Г. Уэллса, и А. Толстого занимал вопрос о путях развития научно-технического прогресса и его воздействии на судьбы человечества. Писатели подни-

мают тему будущего земной цивилизации, находящейся под воздействием социально-политических сдвигов, войн, экономических катаклизмов. В этой связи писатели обращаются к идее об инопланетных цивилизациях. Так, А.Н. Толстой переносит «земную революцию» [1, с. 375] на Марс, где доводит «до логического завершения олигархию просвещенной технократии, на которую Г. Уэллс возлагал надежду как на строителя современного мира». Журнальная публикация романа А. Толстого «Аэлита» носила название «Закат Марса», что неслучайно, поскольку обоим писателям волновала проблема судьбы буржуазной цивилизации после смены политического строя, в частности, в России.

Взгляды Г. Уэллса на перспективы развития общества были пессимистичными, так как, по мнению Н.П. Михальской, «он не считал, что достижения в технике делают людей счастливыми» [9, с. 373]. Задумывая роман «Аэлита», А.Н. Толстой основывался на том, что «роман будет авантюрный, героический и утопический» [4]. Писатель верил, в силу технических достижений, в спасение цивилизации благодаря прогрессу.

Герои романов Г. Уэллса – типичные представители своей нации, становящиеся свидетелями фантастических событий, участниками научных открытий. Герой А.Н. Толстого (Алексей Гусев) в романе «Аэлита» стал новым типажом в научной фантастике. Это отмечается В.Б. Шкловским: «Правда, у Уэллса мы не найдем прототипа для Гусева, но он есть у Жюль Верна. Это Паспарту из "80 дней вокруг света" – вообще, традиционный тип слуги, ведущего интригу» [16, с. 257]. А.Ф. Бритиков считает А. Гусева «борцом и исследователем, космопроходцем и революционером не по случаю, но по зову сердца, отданного освобождению человечества» [1, с. 376]. Многие романы Г. Уэллса, как отмечалось литераторами неоднократно, вселяли страх перед будущим («Война миров» (1898), «Первые люди на Луне» (1901), «Война в воздухе» (1908)). Роман А. Толстого отождествлялся с желанием переделать мир к лучшему посредством труда и борьбы.

Вслед за Г. Уэллсом А.Н. Толстого также интересовали образы инопланетянина и вечного Космоса, основанные на мотиве познания. Если у Г. Уэллса образы марсиан фантастичны и зловещи («Война миров»), то А. Толстой, наоборот, делает их человекоподобными, отказываясь наделять их сверхъестественными качествами. С. Бэкстер пишет, что «после века войны и научной фантастики, находящейся под влиянием Г. Уэллса, марсиане Уэллса остаются единственной устрашающей моделью нашего ожидания инопланетной жизни» [18]. А. Толстой, по мнению А.Ф. Бритикова, выступает «новатором в обрисовке внутреннего облика своих марсиан» [1, с. 378]. Если в «Машине времени» Г. Уэллс обличает конфликт между людьми девятого тысячелетия (элоями и марлоками), то А. Толстой переносит конфликт на Марс. Фантасты широко пользуются принципом аналогии, но А.Н. Толстой к тому же искал какого-то объективного основания своей художественной интуиции, отвергая уэллсовых селенитов из «Первых людей на Луне» и спрутопауков из «Войны миров», ошибочно сбрасывая со счета, что в их фантазмагорическом уродстве гротескно запечатлено земное зло. Романтик и оптимист А.Н. Толстой и ироничный скептик Г. Уэллс были очень разными фантастами [3].

В романах писателей интерес представляет также тема одиночества. И Кейвор («Первые люди на Луне»), и М.С. Лось («Аэлита») – одинокие личности, жаждущие поделиться своими мыслями и взглядами. Потребность в этом настолько высока, что компанию им составляют совершенно посторонние люди ненаучного склада ума. Ю. Кагарлицкий утверждал, что «Уэллс эпичен, как никто. И главное: он изображает поток событий и одинокую человеческую судьбу в этом потоке» [7, с. 3]. Кейвор и Лось страдают от одиночества, как и их спутники (Бедфорд и Гусев), поиск которых становится весьма обоснованным. Так, Лось в разговоре с Гусевым признается, что ему страшно ощутить, что он «...один во всей вселенной. Не смерть страшна, но одиночество... Очень мне не хочется лететь одному» [13, с. 14]. Кейвору не хватает общения. Будучи погруженным в исследование, он вел уединенный образ жизни. Познакомившись с Бедфордом, «он показывал <...> все <...> с доверчивостью и рве-

нием человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась приступом откровенности...» [15].

Являясь, в первую очередь, исследователями, Кейвор изготавливает «кейворит» [15], представляющий возможность полета в космос и на Луну, а М.С. Лось изобретает «четырёхсаженное яйцо, наискось, как ракета» [13, с. 24]. А.Н. Толстой, как и Г. Уэллс, проникся достижениями науки и техники. Описание реактивной ракеты М.С. Лося, по мнению А.Ф. Бритикова, напоминает ракету К.Э. Циолковского, описанную в его труде «Исследование мирового пространства реактивными приборами» [1, с. 380].

В отличие от спутников (Бедфорда, Гусева), в научные интересы исследователей входит изучение и постижение Космоса и других планет. Даже по возвращении на Землю М.С. Лось продолжает заниматься любимым делом («строительство двигателя марсианского типа»), «работал не щадя сил, хотя мало верил в то, что какая бы то ни было комбинация машин способна разрешить трагедию всеобщего счастья» [13, с. 137]. Ни Бедфорду, ни Гусеву ничто человеческое не чуждо. Вид лунных богатств кружит Бедфорду голову, он мечтает создать акционерное общество «Бэдфорд и компания». Гусев «продал камушки и золотые безделушки, привезенные с Марса, – нарядил жену-Машу, как куклу, дал несколько сот интервью, завел себе собаку, огромный сундук для одежды и мотоциклет, стал носить круглые очки, проигрался на скачках, одно время разъезжал с импрессарио по Америке и Европе, рассказывая про драки с марсианами, про пауков и про кометы, про то, как они с Лосем едва не улетели на большую медведицу, – изолгался вконец, заскучал, и, вернувшись в Россию, основал "Ограниченное Капиталом Акционерное Общество для Переброски Воинской Части на Планету Марс в Целях Спасения Остатков его Трудового Населения"» [13, с. 137].

В.Б. Шкловский видит схожесть сюжетных линий романов писателей: «уэллсовская схема местами повторяется: возвращением на Землю заведывает не Лось, а Гусев (спутник, как у Уэллса), Аэлита посылает на землю телеграммы, как Кейвор, но телеграммы ее любовные, связанные не с Марсом, а только с изобретателем» [16, с. 259]. «Фантастика космического полета, острая фабула революционных приключений, философско-поэтические экскурсы в небывшую историю, батальные сцены с центральной фигурой Гусева, трогательная любовь марсианки к Сыну Неба – все в этом романе неизменно развернуто во вселенную человека, в мечту и борьбу за счастье [2].

По мнению К. Дхингра, «если "Аэлита" отличается своей поэтичностью, то в "Гиперболоиде инженера Гарина" автор более глубоко раскрывает проблемы общественной роли науки. <...> Здесь показана судьба науки в руках ученого, враждебно относящегося к обществу. Во всех научно-фантастических произведениях отражается характерная черта творчества А.Н. Толстого – жизнерадостность [5]. В «Гиперболоиде инженера Гарина» А.Н. Толстой берет уэллсовскую идею создания образа «изобретателя-экспериментатора». Технический материал является фоном борьбы за «гаринское изобретение» [1, с. 380]. Поднимается тема, затронутая еще Г. Уэллсом в романах «Война миров», «Пища богов», – тема мирового господства. Желание власти, стремление к материальным благам меняет ученого. Это уже не наивный деятель, работающий ради развития цивилизации, общества в целом, его совершенствования и постижения неизведанного. Герой романа – тщеславный ученый-злодей. Созданное оружие (как и биологическая добавка к пище у Г. Уэллса в романе «Пища богов») земного происхождения. А.Н. Толстой переносит арену главных событий на весь земной мир.

Е.Л. Разова пишет, что «научная фантастика всегда отличалась новаторскими техническими и научными идеями, так сказать, "know-how", которое со временем переходило из разряда фантастической в научную идею и однажды воплощалось в виде технической новинки. Научная фантастика была на передовых рубежах техники» [12]. Как верно отмечает А.Ф. Бритиков, «гиперболоид» является инструментом поистине универсальным: одновременно и страшным оружием, и мощным орудием» [1, с. 381]. Идея создания такого оружия, способного резать громадные объекты, бурить шахты, привлекала читателей. А.Н. Толстой консультировался с академиком

Н.Н. Лазаревым, и идея существования «гиперболоида» в реальной жизни вполне возможна [4]. Писатель выводит гипотезы, которые оправданы. Сферой его интересов становится тепловая энергия. До сих пор идеи фантастов казались фееричными. А.Н. Толстым поднимается тема «чудо-луча» (в частности принцип остронаправленного нерассеивающегося луча энергии), затронутая Г. Уэллсом в «Войне миров». Луч в данном случае находится в руках не марсиан, а человека, но цель представляется одна. Так, прослеживается стремление главного героя к власти, к подчинению других для обретения материальных благ. В этом проявляется схожесть идей – порабощение земной цивилизации (общества).

А.Н. Толстой мастерски вводит научный стиль при описании схемы гиперболоида: «Весь секрет в гиперболическом зеркале (А), напоминающем формой зеркало обыкновенного прожектора, и в кусочке шамонита (В), сделанном также в виде гиперболической сферы. Закон гиперболических зеркал таков: Лучи света, падая на внутреннюю поверхность гиперболического зеркала, сходятся все в одной точке, в фокусе гиперболы» [13, с. 231]. Этот подход присутствует также у Г. Уэллса: «они [марсиане] как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому, как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света» [14, с. 91].

Сюжеты романов писателей линейные (последовательные). Сюжетная линия в романе А.Н. Толстого созвучна с романом Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896). П.П. Гарин «бежит» от цивилизации на остров, как и герои романа Г. Уэллса, где проводит исследования с помощью гиперболоида. Как и доктор Моро, Гарин устанавливает законы на острове: «Второй закон Золотого острова гласит: никто не должен пытаться проникнуть в тайну конструкции гиперболоида. Всякий, прикоснувшийся хотя бы к верхнему кожуху гиперболоида, подлежит смертной казни» [13, с. 344]. В ходе неправильного руководства, диктаторства (как и в романе Г. Уэллса) среди работников вспыхивает бунт: «Долой диктатора! Долой совет трехсот!» [13, с. 398]. Но в отличие от доктора Моро, который погибает, Гарин оказывается на обитаемом острове, и о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Романы А.Н. Толстого относят к поджанру научной фантастики – твердой фантастике (*hard science fiction*), характеризующейся тем, что повествование не нарушает известных научных законов и основывается на естественнонаучной базе, то есть сюжет строится вокруг фантастической, но в то же время научной идеи. В 1970 г. В. Этэлинг (W. Atheling) пишет о том, что «Уэллс изначально использовал этот термин для обозначения того, что мы сегодня назвали бы "твердой" научной фантастикой, в которой основанием для повествования выступает сознательное стремление опираться на уже известные (в момент написания) факты, и уж если в повествовании также встречалось некое чудо, то, по крайней мере, речь не должна была идти о целом арсенале чудес» [17]. Роман Г. Уэллса «Первые люди на Луне» также относят к данному поджанру, в отличие от «Войны миров» (поджанр – роман-катастрофа, гуманитарная (мягкая) фантастика) и «Пищи богов», «Острова доктора Моро» (поджанр – гуманитарная (мягкая) фантастика) [8]. Под «мягкой фантастикой» (*soft science fiction*) подразумевают фантастику, сосредоточенную не на науке с техникой, а на процессах, происходящих в человеческой душе, на раскрытии социально-политических вопросов, волнующих человечество [11].

Для обоих писателей существенным является место действия романа. Каждый из них хотел осветить волнующие темы посредством раскрытия значимости происходящих событий в определенном месте, их неслучайности и стихийности. Это может быть затерянный остров в Мировом океане, вдалеке от континентов и цивилизации («Золотой остров» в «Гиперболоиде инженера Гарина» А.Н. Толстого, островок Ноубл в «Острове доктора Моро» Г. Уэллса), страна проживания героев (Россия – у А.Н. Толстого, Англия – у Г. Уэллса), планета Земля или вне Земли (Марс у А.Н. Толстого, Луна у Г. Уэллса). Безусловно, важным становится время действия.

Писатели идут в ногу со временем, поэтому события, происходящие в романе, всегда связаны с настоящим. Будущее является лишь результатом складывающихся обстоятельств, изменений в жизни общества. Таким своеобразным способом проявлялось стремление донести свое мнение о судьбе цивилизации. В связи с этим романы писателей характеризуются наличием социального, приключенческого и философского мотивов, которые сходятся в Человеке.

Таким образом, вопрос о преемственности уэллсовской традиции в творчестве А.Н. Толстого достаточно актуален. В романах писателей отмечается схожесть жанров, сюжетного построения, тем, идей, мотивов и образов. Это позволяет утверждать о явном влиянии английских литературных традиций на русскую научную фантастику.

Список литературы

1. Бритиков А. Ф. Зарождение советской научной фантастики / А. Ф. Бритиков // История русского советского романа. – М. – Л. : Наука, 1965. – Кн. 1. – С. 367–392.
2. Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы) / А. Ф. Бритиков. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Борей-Арт, 2005. – Кн. 2: Некоторые проблемы истории и теории жанра. – 390 с.
3. Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А. Ф. Бритиков. – Режим доступа: <http://librioom.net/russkij-sovetskij-nauchno-fantasticheskij-roman/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Гиперболоид инженера Гарина. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Дхингра К. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Дхингра. – Режим доступа: http://fandom.rusf.ru/about_fan/dhingra_1.htm#3, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Кагарлицкий Ю. И. Вглядываясь в грядущее: Книга о Гербете Уэллсе / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 432 с. – (Портреты).
7. Кагарлицкий Ю. Великий фантаст / Ю. Кагарлицкий // Машина времени. Война миров. Рассказы : пер. с англ. – М. : Художественная литература, 1983. – С. 3–16.
8. Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: www.fantlab.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Михальская Н. П. История английской литературы : учеб. пос. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. завед. / Н. П. Михальская. – 3-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2009. – 480 с.
10. Мора В. Беседы о советской науке // По Советскому Союзу: Зарубежные авторы / В. Мора. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 8. – С. 85–96.
11. Разговор по душам. «Мягкая» научная фантастика. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2327.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Разова Е. Л. Реальность нереального / Е. Л. Разова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/real.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Толстой А. Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина / А. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1975. – 408 с.
14. Уэллс Г. Машина времени. Война миров. Рассказы : пер. с англ. / Г. Уэллс. – М. : Художественная литература, 1983. – 222 с. – (Классики и современники. Зарубежная литература).
15. Уэллс Г. Первые люди на Луне / Г. Уэллс. – Режим доступа: http://bookz.ru/dl2.php?id=15597&t=z&g=18&f=men_moon&a_id=1577, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: эссе, статьи, воспоминания (1914–1933) / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
17. Atheling W. More Issues at Hand / W. Atheling. – Access mode: <http://www.jessesword.com/sf/view/1674>, free. – Title from screen. – English.
18. Baxter S. 'No end to war' / S. Baxter. – Access mode: <http://www.hgwellsusa.50megs.com/UK/Conference2008.html>, free. – Title from screen. – English.

ТРАДИЦИОННЫЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ АДЫГОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Э. МАЛЬБАХОВА

З.З. Мизова

Статья посвящена традициям и инновациям в творчестве Э. Мальбахова, а также его месту в российском и этнокультурном пространстве.

This article is devoted to traditions and innovations in E. Malbakhov's fiction as well as his place in Russian and ethnocultural space.

Ключевые слова: роман, новаторство, этничность, билингвизм, глобализация.
Key words: novel, innovation, ethnicism, bilinguality, globalization.

Адыгская, в частности, кабардинская, проза давно стала объектом литературоведческого анализа. Первым критическим (комплиментарным по сути) замечанием по поводу произведения, написанного Султаном Казы-Гиреем – этническим адыгом, на русском языке можно считать отзыв А.С. Пушкина на «Долину Ажигугай». Систематическое изучение адыгских литератур, адыгской прозы началось много позже, в советский период, получив свое полноценное воплощение в послевоенные годы.

Количество исследований в интересующей нас области весьма велико, однако практически все они рассматривают развитие национальных литератур под определенным углом, в рамках различных концепций эволюционного плана, в том числе ускоренного развития, причем в последовательной системе донорно-акцепторных отношений с русской литературой. В сущности, все заметные труды литературоведов региона в той или иной мере касались вопросов ускоренного культурного развития, а работы некоторых исследователей включают базовые положения теории ускоренного развития (полностью справедливо) в качестве методологической основы. Национальная проза оценивалась по присутствию в произведениях элементов этнически окрашенных, иногда фольклорных, но функционирующих в конкретных текстах в качестве парадигмальных составляющих соцреалистического характера.

Иначе говоря, научная литературоведческая мысль в любом варианте воспринимала национальные литературные системы как компоненты более обширного литературного сообщества, что соответствует истине. С другой стороны, универсальность и обязательность подобного подхода привели к тому, что этницизм в своей самозначимости и эстетические концепты, генезис которых не зависел от доминирующего влияния большой советской, а позже – русской литературы, остались в стороне от внимания литературоведов и критиков. Сказанное относится и к фольклорным интрузиям, функционировавшим, с точки зрения литературоведения, в качестве элементов, включенных в орбиту внешне детерминированной архитектоники в каждом конкретном тексте.

Действительно, кабардинская, балкарская, осетинская – любые другие новописьменные литературы – оцениваются лишь как ответвления и несамостоятельные эволюционные линии некой агрегатированной системы, любые новации которых – результат экстраполяции эстетических моделей русской традиции на местную почву.

Взгляд этот ощущается настолько устоявшимся, что любые авторы, чья эстетическая самостоятельность признана мировым литературным сообществом, попросту «выпадают» из контекста продуцирующей их среды. Это заметно по оценкам творчества Ч. Айтматова, Ф. Искандера, Г. Газданова. Речь не идет о недооценке таких корифеев, как Р. Гамзатов, А. Кешоков, К. Кулиев, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что литературоведческие трактовки их произведений сводятся к способности и реализовавшимся возможностям демонстрации национального содержания русскоязычному и мировому читателю, без каких-либо намеков на эстетическую креативность общецивилизационного характера. Даже в своих высших пиковых точках этническое художественное мышление, таким образом, оценивается весьма скромно, без признания перспектив пассионарного влияния на мировое литературное сообщество.

Между тем, это далеко не так. Новописьменные литературы давно перешагнули тот порог качественного развития, которым были отмечены эволюционные этапы несамостоятельного развития. Но если поэзия Северного Кавказа прошла этот рубеж еще в 1960-х гг., то проза региона вплотную подошла к нему, по нашему мнению, лишь в последние два десятилетия ушедшего века. Это время оказалось весьма богатым на события. Изменения внешнего по отношению к этносам Северного Кавказа мира носят весьма опасный характер. Возникающие разрывы между поколениями зачастую фатальны, чреватые хаосом в духовной, социальной, экономической сферах. Многие составляющие этого процесса имеют объективный характер. Попытки изоляции, консервации существующих сейчас самостоятельных этнических сообществ обречены на провал.

В этом смысле глобализация видится не столько новационным обобщением прогнозного качества, сколько констатацией факта, чреватого унификацией и нивелировкой систем морально-этического, духовного плана. Ясно, что свою аутентичность сохраняют народы, чья ментальность, духовность, интеллектуально-информационный багаж, специфика социальных институтов и способы жизнеобеспечения окажутся наиболее адаптированными к новым реалиям, новому окружению. Пропаганда этничности в ее развитых формах, выявление национально-маркированных структур этико-эстетического характера, реализованных на уровне высшего цивилизационного ценза, уточнение путей дальнейшего развития коллективного этнического мышления – вот одно из немногих средств, которым могут воспользоваться малочисленные этносы региона в предстоящей борьбе за сохранение своей специфичности, лица, духовности.

Исследование творчества Э. Мальбахова актуально именно ввиду вышеперечисленных соображений. Бикультурный характер мышления писателя во многом способствовал тому, что в архитектурном, концептуальном, общенарративном планах его творчество было изначально лишено налета провинциализма (если не по всем, то по многим показателям). Ситуация билингвизма априори задает определенный тип эстетического сознания: «Когда национальное мышление, в котором "отпечатался" свой родной язык, его ритм, структура, интонация, выражается в творчестве посредством русского языка, не происходит ли в этот момент взаимное обогащение языков – своего родного языка, языка рождения, детства, называния окружающего мира, и языка русского, который писатель избрал языком своего творчества?» [2, с. 111]. Вопреки распространенному мнению Э. Мальбахов не изучал кабардинский язык, чтобы к пятидесяти годам изъясняться на нем. Наоборот, кабардинский язык являлся его первым, постепенно забываемым на протяжении долгих лет, проведенных в среде преимущественного общения на русском.

Мальбахов сумел воплотить в своих произведениях – пусть не буквально, но хотя бы коллажно – то направление эволюции художественного мышления адыгов, которое можно считать в значительной мере адаптированным к современной информационной среде, сохранив при этом ее ясное этническое качество. В определенном плане Э. Мальбахов – автор, который, наряду с Т. Адыговым, впервые среди кабардинских прозаиков сделал попытку презентации этнического бытия адыгов с помощью современного выразительного и идеологического инструментария, что особенно важно – инструментария в идеологической части аутентичного, заслуга в создании которого принадлежит именно ему. Мальбахов как явление представляет собой результат действия целого комплекса факторов, определяемых как идеологические и эстетические доктрины СССР, лежащие в традициях национально-периферийной литературы, и все это наложило отпечаток на его произведения. Однако неизбежный багаж предыдущего опыта национальной прозы никоим образом не умаляет его тенденциального значения.

Следует сказать несколько слов об этно-историческом романе, основные параметральные черты которого в рельефном законченном виде сформированы в произведениях Э. Мальбахова. Существует ли необходимость выделять его как особую типологическую разновидность, или можно ограничиться классификацией, весьма

доказательно выстроенной предыдущими исследователями? Вопрос, несомненно, требует дополнительной проработки, однако думается, что и «Страшен путь на Ош-хамахо» и «Ищи, где не прятал» несколько отличаются от произведений, например, Т. Адыгова, в своих жанровых составляющих находящихся в непосредственной близости от образов Мальбахова.

В отличие от своих предшественников, обращавших внимание на представление читателю информации этнографического характера в качестве среды развивающегося сюжета либо в виде своеобразных антуражных деталей, играющих роль национальных хронотопических маркеров в этнически необозначенном повествовании, Эльберд Мальбахов использует этническую презентацию в составе жестких идеологем, непосредственно задействованных в конфликте и определяющих идейное содержание текста.

Функциональная суть этнической презентации у него – уточнение фундаментальных, базовых составляющих адыгского мирозерцания и его перспектив в конкретной исторической ситуации. Развитие этой ситуации зависит от политических и идеологических устремлений народа, а они, в свою очередь, напрямую связаны с базовыми морально-этическими комплексами. Далее Мальбахов формирует систему тотальной взаимной детерминированности нарративных компонентов, в которой перспективные и позитивные в его трактовке политические эволюции определяют идеологию, характеры, мотивационные стандарты, внешние характеристики героев и даже ландшафтные особенности. Базой этой конструкции писатель декларирует комплексы традиционных этнических ценностей, ставя статуирование своих персонажей в прямую зависимость от нее по признаку принадлежности / непринадлежности, однако де факто направление детерминации в паре «идеология – этничность» в произведениях Мальбахова остается под вопросом.

Иначе говоря, мы считаем возможным выделение этно-исторического романа как особой типологической разновидности в силу специфического тяготения его текста к выполнению задач идеологического целеполагания автора, в силу видимой монолитности идеологической тенденции и этнических презентаций – иногда даже в некоторых отступлениях от исторических фактов или их домысливании. Основная задача этно-исторического романа в этом смысле – этнический инжиниринг и рекреация.

Успешная реализация замысла такого масштаба требует от автора особенного инструментального оснащения. В этом плане Мальбахов как никто другой соответствовал целям подобного рода. Двухязычие автора автоматически заложило в сознании Мальбахова определенные черты, прежде всего, амбивалентность восприятия явлений и феноменов, способность к их разнонаправленному осмыслению: «...писать и, следовательно, думать на русском языке для меня все равно, что снимать широкоформатно. Опыт другого языка с большим "литературным стажем" и стоящей за ним культуры постоянно присутствует и помогает мне исподволь, самопроизвольно, как бы невидимо раздвигать рамки видения» [1, с. 10]. Огромный эрудиционный багаж, фактическое двухязычие и бикультурность, доступ к информации, закрытой для большинства, и несомненный талант – вот составляющие Мальбахова-литератора.

Сложность и структурная многоярусность его художественного мышления проявились даже в ранних произведениях. Уже «Мемуары старой собаки», невзирая на нарочито облегченную сказовую форму повествования, являют собой текст, отмеченный наличием нескольких уровней наррации, взаимное переплетение которых обеспечило суггестивную гибкость изложения, а в перспективе заложило основы будущего стиля Мальбахова-прозаика, стиля, характеризующегося полифоничностью, хронотопической сложностью, многочисленными культурными и эстетическими интрузиями при великолепном языковом оформлении.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Т. Орбиты взаимодействия / Ч. Т. Айтматов // Литературное обозрение. – 1973. – № 9. – С. 5–16.
2. Боров Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1988. – 490 с.

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРЖЦА В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1990–2000-х гг.

Ю.А. Повх

В социально-психологических портретах жителей Петербурга легко найти особенности, отличающие их от жителей других мегаполисов. В этом городе сложился особый историко-культурный тип российского человека. В статье на примере произведений современной русской прозы выявлены основные составляющие художественного образа петербуржца. Внимание уделяется как характеристикам конкретных петербуржцев, представителей андеграундной культуры, так и отражению в современной прозе собирательного образа жителей Северной столицы.

It is easy to trace peculiarities in social and psychological portraits of residents of St. Petersburg which make them prominent from inhabitants of other megapolises. A specific historical and cultural type of a Russian person appeared in that city. Main components of artistic image of resident of St. Petersburg have been revealed on the example of works of art of modern Russian prose in the article. The attention is paid to both characteristics of concrete citizens of Petersburg, representatives of underground culture, and reflection of a collective image of inhabitants of Petersburg in modern prose.

Ключевые слова: Петербург, петербуржцы, андеграунд, богема, безумие.

Key words: Petersburg, residents of St. Petersburg, underground, bohemia, madness.

Совершенно очевидно, что Петербург способен значительно влиять на живущих в нем людей. Этот процесс одними из первых заметили социологи, литературоведы и искусствоведы. В жизни каждого деятеля культуры они неслучайно выделяют особые периоды жизни, связанные с Петербургом. Город трех революций породил особый историко-культурный тип российского человека, особый характер и стиль человеческого поведения. Это персонифицированный город: Петербург – это петербуржцы, имеющие определенные манеры, характер, менталитет и т.д. Горожане, с одной стороны, создают настроение и культуру города, с другой – являются заложниками города, его культуры, традиций, истории. Петербуржцам всегда были присущи ощущение особого, символического значения своего города и самоидентификация с ним. В условиях современной российской действительности наблюдается актуализация проблемы определения социо-культурной роли Петербурга в становлении российского гражданского общества. Так, в 2010 г. была завершена пятилетняя работа над документом под названием «Нравственный кодекс петербуржца». Осмысление культурных и нравственных аспектов петербургского менталитета занимает в русской прозе 1990–2000-х гг. значительное место.

Взгляд на Петербург как на живой организм, оказывающий влияние на своих жителей представлен в романе А. Столярова «Не знает заката»: «Еще в двадцатые годы Сергей Дягилев, тот, который в начале века организовывал знаменитые Русские сезоны в Париже, отвечая на вопрос одной из анкет, в графе "национальность" начертил – "петербуржец". Он нисколько не преувеличивал. Такая национальность действительно существует. Ведь не только люди создают города, обустроивая их в соответствии со своими представлениями о жизни, но и города создают людей, трансформируя их по своему образу и подобию. Не знаю, чем Петербург так воздействует на человека – видимо, всей своей атмосферой, где сошлись сон и явь, – однако люди здесь действительно не такие, как в других городах» [10].

Петербург всегда отличался особым стилем речи, чистым и нейтральным языком, наиболее близким к литературному. Петербуржцы гораздо больше склонны добиваться какой-то ясности, чистоты и четкости собственной речи. В повести «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого» эта черта жителей Петербурга проявляется в не свойственной москвичам манере обращаться на «вы»: «...И зачем это странное "вы"? Ах да, это такая питерская манера».

По мнению И. Стогова, безупречные манеры поведения петербуржцев обоснованы вовсе не вежливостью, а их особым замкнутым стилем жизни, отстраненностью, стремлением изолировать себя от раздражителя – внешнего мира: «Говорят, в

Петербурге редко хаят в транспорте... и никогда не переходят с "вы" на "ты"... но дело не в вежливости... просто в моем городе не принято пускать людей дальше прихожей... принято проживать жизнь застегнутым до самого кадыка» [8, с. 85].

В эпоху советской власти, время тотального государственного контроля над деятелями искусства, появилось особое культурное явление – петербургский андеграунд¹. В современной русской прозе мы находим попытки осмысления этого явления через описание отдельных его черт и наиболее ярких представителей.

Петербургский андеграунд представлен в повести А. Вьяльцева «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого». Это «аристократический, артистический, наркотический и нищий Питер друзей, гостей, художников, город, где батон белого хлеба и по сей день называли "булкой", а винный – "казенкой"...» [4, с. 91]. В повести пунктирно обозначены образы представителей петербургской богемы – Тимура Новикова, основателя группы «Новые художники» и петербургской Новой Академии Изыщных Искусств, неформальной художественной группы «Митьки», Африки (Сергея Бугаева), художника, музыканта и актера и других.

Несмотря на сложившийся в русской культуре образ Петербурга как города иерархического, строго упорядоченного, как города-чиновника, в котором роли четко распределены между его обитателями, А. Вьяльцев в изображении петербургской богемы делает акцент на близость социальных слоев при существующей их дифференциации, на отсутствие иерархических правил в общении людей: «В отличие от Москвы, литературная, художественная, театральная богема здесь – один круг. А также правозащитники и просто хипня. И мы входили во все эти образования сразу и тусовались со всеми вместе.

Underground можно понимать по-разному. Как правило, это очень темное и нужное место. Это потемки души и "длительное принуждение целого поколения"» [4, с. 91].

Это принуждение и необходимость скрывать от властей истинный смысл своих литературных, художественных творений, жизни в целом выливаются в карнавализацию действительности, которая в повести обозначается как «маска дебилизма»: «Популярный в Питере способ находиться на острие и в оппозиции сразу» [4, с. 90].

Одна из особенностей петербургской культурной жизни, по Вьяльцеву, заключается в полном безразличии представителей богемы к ценностям материального мира: «Ну, что до бедности: Питер вообще отличается бедностью и скромностью, даже по нашим меркам. Только Москва нагуляла жирок, не переходящий, однако, в процветание.

Питерский стиль жизни приближался к стилю жизни "волосатых": без гастрономии вообще. <...> Дети сытых родителей, семейных драм, дорогой мебели с пустыми полками для книг... Вечно читающие, сидящие по библиотекам, торчащие на выставках, ездящие по стране и всюду распространяющие и взыскивающие культуру» [4, с. 75]. Нравственный комфорт для петербуржцев неизмеримо важнее материальных благ. Парадоксальное сочетание нищенского быта и высокой духовной культуры, не характерное для Москвы, не оставляет повествователя равнодушным. Пообщавшись с Леней Бомжиром, питерским бомжом, он испытывает удивление: «Из его рассказов получалось, что в основном бомжи – люди читающие, рисующие, некоторые пишут сценарии. Живут сообща на непонятные средства в предельной бедности» [4, с. 75]. В комнате Лени Бомжира, в этой «антикварной лавке» повествователь с удивлением обнаруживает старинную мебель, картины, книги в застекленных шкафах.

Подобные суждения находим и в романе Д. Вересова «Третья тетрадь»: «Слушать бомжа, сыплющего понятиями из Бахтина и Лакана, было дико, но все же ничуть не удивительно здесь, на этой заплыванной площади великого города сумасшедших» [3, с. 267]. Здесь затронут еще один важный аспект петербургского мифа,

¹ Под андеграундом (англ. *underground* – букв. *подполье*) мы понимаем ряд художественных направлений в современном искусстве (в музыке, литературе, кино, изобразительном искусстве и др.), противопоставляющих себя массовой культуре. Для андеграунда характерны разрыв с господствующей идеологией, игнорирование стилистических и языковых ограничений, отказ от общепринятых ценностей, норм, от социальных и художественных традиций, нередко эпатаж публики, бунтарство.

связанный с горожанами, – мотив безумия. В русской культуре постепенно сложилось устойчивое представление о Петербурге как о городе сумасшедших, городе-безумце: «Есть классический ряд безумцев русской литературы – и все (почти) они безумцы петербургские: Евгений, Герман, Поприщин, Чартков, Голядкин, Вася Шумков, герои романа Белого...» [2].

С мотивом безумия петербуржцев мы встречаемся на страницах романов Д. Вересова: «Город плодит сумасшедших в таких количествах, что среди них есть место любому виду помешательства...» [3, с. 229]; Н. Галкиной: «к нам и приезжают-то потенциальные сумасшедшие: неужто нормальный человек может покинуть край родной, родные Палестины с размеренной жизнью ради нашей феерической родины?... С другой стороны, мы – сугубая компания, с кем поведешься, с нами у кого хошь крыша поедет, не будем скромничать» [5].

Детальное изображение героев петербургского андеграунда мы находим в романах И. Стогова «Грешники» и «1999. Роман в стиле техно».

Практически все герои романа «Грешники» – лидеры современных музыкальных рок-групп: Илья Черт (группа «Пилот»), Антон Белянкин (группа «2ва Самолета»), Алексей Никонов (группа «П.Т.В.П.»), Михаил Горшенев (группа «Король и Шут»).

Роман написан в виде чередующихся монологов героев, то есть от первого лица. Почему же современные кумиры – грешники? В одном из интервью 2006 г. на вопрос о послании, которое он адресует читателям своего романа, И. Стогов ответил: «Мне хотелось в сто первый раз повторить банальность, – сказать, что если в твоей жизни нет самого главного, нет огромной-огромной любви, то в ней ничего нет. Всем нам нужно всего лишь знать, что мы любимы. Любимы больше жизни. Всем нам нужно быть единственными на свете детьми...». Еще один фрагмент того же интервью: «А что такое грешник? Откройте Катехизис: там написано, что грешник – это человек, неспособный любить. Каждый из нас родился, чтобы любить, а грешник на это не способен. В этом смысле грешники – они, как дети-инвалиды. Их надо жалеть» [6].

Основная характеристика каждого героя романа – «отсутствие любви».

Нежелание что-либо менять в своей жизни, чувство фатальной обреченности (вспомним мотив обреченности как один из аспектов психологического типа ожидания катастрофы, столь свойственного петербуржцам) доминируют в сознании героев романа. Сделан акцент и на времени, в которое происходят основные события, описываемые героями, – 1990-е гг., смены власти и кардинальных изменений в жизни страны. На людей «свалилась» свобода, но никто не объяснил им, что с ней делать, как себя вести, и дезорганизованные в обществе люди стали путать свободу со вседозволенностью.

Помимо материальных проблем «голодных 1990-х», у людей появилась полная свобода самовыражения – то, чего не было в СССР. Теперь стало возможным свободно выезжать за рубеж, появились первые музыкальные клубы. Слово «свобода» многократно повторяется на страницах романа, и большинство его героев вкладывают в это слово лишь один смысл – вседозволенность: неверно истолкованная свобода, принятая за вседозволенность, отсутствие всевозможных запретов в поиске удовольствий – вовсе не свобода; такая «свобода» душит, подавляет личность, ведет людей к катастрофе, к пропасти, из которой удается выбраться лишь единицам. Труднее из нее выбраться тем, кто не способен любить. В эпоху перемен кто-то пытался писать музыку, делать новое искусство, а другие скатились на самое дно жизни, превратив ее в ад для себя и близких людей, убивая себя алкоголем и наркотиками и – в лучшем случае – проводя дни в психиатрических лечебницах, спасаясь от постгероино-новых депрессий. В жизни вторых не было любви: они оказались неспособны любить либо им никто не дал этого чувства.

Роман «Грешники» разбит на три обширные части, каждой из которых предпослан эпиграф из библейской книги «Исход», посвященной рождению Моисея. Писатель уподобляет бурные 1990-е годы водам Нила, которые одновременно спасают и

губят Пророка. Под современными пророками И. Стогов подразумевает рок-музыкантов.

Попытки приблизиться к Богу, найти спасение в религии не увенчались успехом ни для одного героя-«грешника». Никто из них не видит в религии спасения, а те, кто уверовал и порвал благодаря церкви с прошлым, упоминаются в романе эпизодически; кроме того, об этих людях рассказывают другие герои, то есть информация о тех, кто спасся, приходит к нам не «из первых уст».

Единственный герой романа, который может сказать о себе «Я счастлив», – Федор Чистяков, бывший лидер группы «Ноль». Отсидев в тюрьме, Федор под влиянием Библии полностью изменил свою жизнь. В одном из интервью Илья Стогов говорит об этом человеке следующее: «Казалось бы: вот оно, благотворное влияние религии! И при этом Федор – свидетель Иеговы. То есть для большинства граждан – опасный сектант. Дошло до того, что издатель вообще просил убрать из текста книги всю последнюю главу. "Лучше употреблять героин, чем стать Свидетелем Иеговы", – говорил он. Вся эта ситуация меня по-честному поразила» [6].

Историю Федора Чистякова автор выносит в эпилог, выделяя, таким образом, этого героя из ряда других «грешников». Кроме того, в эпилоге появляется и монолог самого Стогова. На протяжении всего романа автор был сторонним наблюдателем, слушателем и не прерывал монологи героев своей речью. В эпилоге же монолог превращается в своеобразный диалог Стогова с Чистяковым; монологи автора и его героя чередуются, они говорят об одном и дополняют друг друга. Из этого можно заключить, что Федор Чистяков – главный выразитель авторских интенций. Предыдущие герои в своих монологах подтверждали главную мысль автора: грех есть любовь к себе, доведенная до презрения к Богу.

Обратимся к роману И. Стогова «1999. Роман в стиле техно». Герои романа перечислены в самом начале: Тимур Новиков (художник, основатель первой в стране частной галереи «АССА», основоположник стиля неоакадемизм), художник и музыкант Георгий Гурьянов, джазовый пианист Сергей Курехин, художник и музыкант Олег Котельников, рок-музыкант Виктор Цой, художники Иван Сотников, Ольга Тобрелутс, Денис Олдинг и другие.

Все эти люди представляют петербургский андеграунд 1980–1990-х гг. По мнению Стогова, «художественный андеграунд существовал в Ленинграде всегда. Его не было во время блокады и в первые тяжелые послевоенные годы. А в остальное время он был всегда» [8, с. 46]. Андеграунд стал определением неофициальной среды в целом.

Вот перед нами «первая звезда андеграунда» Александр Арефьев. Проснувшись утром на помойке, он идет гулять по Эрмитажу, или по Большому Екатерининскому дворцу в Царском Селе, или идет читать искусствоведческую книгу в Публичной библиотеке, а вечером напивается «в самой зловонной разливухе города». В повествовании уже о первом герое акцентируется внимание на этом контрасте.

Приятель Александра Арефьева – однофамилец известного поэта Рояльд Мандельштам. Арефьев и Мандельштам «чуть ли не первыми в СССР <...> опийными наркоманами». Приятели пропивают последнюю мебель, доедают объедки на столах в кафе, но «после этого они каждый раз шли гулять в Эрмитаж. Или по Большому Екатерининскому дворцу в Царском Селе. Или отправлялись в Публичную библиотеку по-французски читать о дадаизме и Пикассо» [8, с. 47–48].

Слово «дадаизм» И. Стогов упоминает не случайно. Жизнь практически всех героев романа напоминает бесконечный «перформанс» дадаистов. Как и для представителей этого модернистского течения, для большинства петербургских художников и музыкантов, которые стали героями романа Стогова, главной идеей является последовательное разрушение какой бы то ни было эстетики. Как и дадаисты 1910–1920-х гг., они организывают шокирующие выставки, ставят эпатажные публичные спектакли.

Пожалуй, явственнее всего параллель с образом жизни дадаистов можно провести в случае с пианистом Сергеем Курехиным. Он проводит шоу «Поп-механика», полное нелепостей и эпатажа: на сцене распиливают бревно, музыкант лупит «бара-

банными палочками по всему, что попадется, и даже по головам зрителей), «стада ослов» бегут «прямо через партер, маргашки ездят на велосипедах, а сам Курехин дирижирует симфоническим оркестром, лежа на полу и размахивая в воздухе ногами.

Вначале все это выглядит нелепо, но безобидно. Борис Гребенщиков называет «Поп-механику» «совершенно особым видом искусства», но именно в этом и таится подвох Курехина. Из веселой, похожей на цирк «Поп-механика» превращается в циничное издевательство над зрителями: «суть этого искусства – плевок в душу аудитории» [8, с. 117]. Курехин заходит все дальше и дальше в своих бесчинствах: на его шоу горят кресты, хохочет женщина, изображающая вавилонскую блудницу, но пиком цинизма и аморальности в его поведении становится эпизод, когда во время официального званого обеда за границей Курехин начинает обсуждать с представителем администрации города Рима возможность проведения «Поп-механики» на руинах Колизея, «чтобы настоящие тигры всерьез ели христиан»: «Его веселили такие вещи. Он продолжал хохотать даже тогда, когда остальные понимали: где-то здесь проходит грань, которую лучше не переходить. Он переходил. Он всегда переходил все на свете грани. Он заходил так далеко, как только мог» [8, с. 243–244].

Здесь актуализируются элементы концепции карнавализации, в частности, такие карнавальные категории, как карнавальный мезальянс и профанация. Курехин живет карнавальной жизнью, а на время карнавала, по М. Бахтину, отменяется «иерархический строй и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т.п.» (подробнее см. [1]).

Вторым отцом-основателем петербургского андеграунда в романе И. Стогова – Владимир Шагин, художник, отец Дмитрия Шагина, вокруг которого впоследствии сложилась группа «Митьки». «Митьки» не стали легендой, как пишет Стогов, «просто потому, что и не собирались», ведь их заповедь гласила: «Митьки никого не хотят победить!».

В отличие от «Митьков», «Новые художники» были циничны и стремились к успеху. «Новые художники» – это Тимур Новиков и четверо его приятелей. Несмотря на запреты официальной власти проводить выставки, в 1986 г. «Новые художники» становятся любимцами публики. Но какой ценой? Власти подвергают выставку во Дворце молодежи небывалой цензуре, и в знак протеста живописцы объявляют выставке бойкот и расходятся по домам. Вслед за этим власти объявляют, что выставка не считается закрытой, и любой желающий может демонстрировать свои полотна. Не вернулся никто, кроме «Новых художников». Так начинается их путь к славе. Вскоре к ним начнут приезжать журналисты из европейских изданий.

Какую же экзистенциальную задачу, по мнению автора, должен решать данный текст? В романе есть несколько героев, выражающих авторскую интенцию. Первый из них – лидер «Новых художников» Тимур Новиков. Всю жизнь стремясь к успеху, эпатируя публику на своих выставках, он приходит к совершенно неожиданному для себя выводу о бренности славы, о ее мимолетности и эфемерности, о ничтожности успеха, ради которого он столько раз изменял своим принципам. Примечательно, что понял это художник, только когда ослеп, то есть прозрел, потеряв зрение.

Создав новое художественное течение – неоакадемизм – Тимур Новиков добивается желаемого, «но в той области, которая никого не интересовала». Пять лет спустя дизайнеры из нью-йоркских журналов приезжали изучать неоакадемизм. В западной искусствоведческой литературе позднее будет написано: «новиковский неоакадемизм – это последний Большой Стиль XX века», но Тимур Петрович не сможет прочесть это самостоятельно. Ослепнув, он продолжал работать и надолго пережил приятелей. В описании Тимура Новикова незадолго до его смерти Стогов дважды использует слово «ветхозаветный»: «Теперь в нем было что-то от ветхозаветных патриархов»; «Он улыбался в свою ветхозаветную бороду». Уподобившись библейскому старцу, Новиков начинает проповедовать Красоту. Итог чаяний и надежд всей жизни художника сводится к следующему: «он столько раз падал и бился лбом о стены, что теперь сознавал: в его руках многое, но не все. Где-то должно существовать

то, что делает жизнь ценной. Что-то, что делает ценным тебя самого. Что-то большее, чем ты.

Он такое нашел. Это был его личный Прекрасный Образ. Ничем новым после этого удивлять он не собирался» [8, с. 234]. Экзистенциальная задача, которую призваны решить герои романа И. Стогова, – побудить читателя к осмыслению собственной жизни и своего места в ней; рассказать о том, что стремление к успеху не всегда в итоге приводит к счастью, что нельзя тратить жизнь только на удовольствия, забывая о том, что существует жизнь духовная.

Рассуждая о героях своего романа, И. Стогов озвучивает причину их «падения»: «Плохо то, что они начали с самой громкой ноты. В 1989-м они стали героями поколения... а потом все шло по нисходящей» [8, с. 240]. В романе обозначена и культурно-философская причина того, что художники и музыканты Санкт-Петербурга 1980–1990-х гг. стали именно такими, какими мы видим их на страницах романа. Рассуждая о прошлом и современном Петербурге, Стогов пишет о том, что вся история человечества делится на Золотой, Серебряный и Бронзовый века. В Золотом веке жили Жуковский, Пушкин, Батюшков, Баратынский..., в Серебряном – Ахматова, Мейерхольд, Маяковский... «А потом», – пишет Стогов, – «мой город умер, но в расселенной квартире Тимура Новикова все началось заново. Новым людям было не у кого учиться... и они стали учиться просто у города, и город сам воспитал себе новое поколение.

Там на Шпалерной улице, мой город вступил в Бронзовый век своей истории. Хотя потом кончился и этот, последний, век» [8, с. 251].

Стогов проводит параллели между героями трех веков: и «золотые» герои, и «серебряные» вели одинаковый образ жизни: спали до обеда, несколько часов подбирали себе наряды, а с заката до утра «пили французское шипучее вино, играли в карты <...> и иногда писали стихи. Разница, по мнению автора, лишь в том, что герои Серебряного века «пили намного больше, чем пушкинские приятели». Таким образом, герои Бронзового века – плоть от плоти русских авангардистов начала века; даже в описании артистического клуба начала XX века «Бродячая собака» (в двадцати минутах ходьбы от квартиры Новикова) легко угадываются черты кафе «Сайгон» на углу Невского и Владимирского проспектов, куда приходят молодые Борис Гребенщиков и Сергей Курехин.

Десятилетия художники и музыканты, эпатируя всех вокруг, боролись с тоталитарной системой, пытаясь выйти из подполья, а когда в 1990-х гг. старый режим рухнул, на них лавиной обрушилась свобода. Исчезла сама необходимость борьбы, «все наконец стало возможно», и для тех, кто так долго находился под официальным запретом, начался процесс саморазрушения.

Время невиданных доселе возможностей наступило и для Виктора Цоя и его группы «Кино». Они гастролируют по миру, имеют за границей бешеный успех, но ощущение близкой катастрофы не покидает Цоя. В контексте рассказа о Цое в тексте вновь появляется лексема «успех», и вновь эта лексема имеет негативную коннотацию: «Ты убедишься, что успех – это не обязательно что-то хорошее, но все равно будешь стремиться к нему, потому что тебе никто не сказал, к чему еще стоит стремиться» [8, с. 97–98].

На страницах романа И. Стогова мы встречаем и героя-праведника – Ивана Сотникова. Вместе с Тимуром Новиковым он основал группу «Новых художников», рисовал картины. Когда галерея Тимура Новикова «АССА» закрылась и художники разъехались по городам мира, Иван Сотников уехал в поселок Вырица Ленинградской области и устроился работать церковным сторожем, а через несколько лет был рукоположен в священники и получил приход в самом глухом районе Новгородской епархии. Теперь смысл его жизни заключался в том, чтобы ежедневно просить Бога о спасении тех, с кем он начинал свой творческий путь.

Примечательно, что в романе у Ивана Сотникова есть антипод – 90-летний аристократ Олег Сумароков, под конец жизни ставший протестантским пастором. В его образе, как и в образе Курехина, угадываются черты карнавального шута. В противом-

положность Ивану Сотникову Сумароков даже на излете жизни не смог отказаться от эпатажа, причем свой духовный сан рассматривал как очередной способ сыграть спектакль, каких у него было в жизни немало; игра для него не закончилась даже в церкви: «Из церкви его тоже изгнали. Вместо проповедей Олег Михайлович приглашал к амвону знакомых панк-рокеров, и прихожане в ужасе затыкали уши ладонями» [8, с. 73].

Последние две страницы романа – молитва Сотникова за всех непокаявшихся грешников, которых мы видели на страницах книги: «Он-то помнит, что это были просто парни. Они жили, как им хотелось. Им хотелось жить плохо – и они жили плохо, а потом они умирали и считали, что становятся героями, да только будущим шампольонам будет не расшифровать миф, героями которого они стали.

В их жизни не было ничего хорошего. Кроме того, что она за них просил. <...> Только ты, Глядящий на них, и останешься. Остальное исчезнет. Уже исчезло. <...> От моего поколения осталось лишь тление» [8, с. 254–255].

Последние слова молитвы Ивана Сотникова: «Ведь от всего моего поколения осталось лишь тление»: в городе больше не будет героев: «а те, кто жил в новиковской галерее, давно мертвы. Дальше на земле стали жить просто люди» [8, с. 249].

В романе «13 месяцев» И. Стогов снова обращается к теме петербуржца как особого культурного типа человека. Писателем подчеркивается чувство внутреннего достоинства, присущее петербуржцам, в отличие от москвичей: «...в моем городе писатели никогда не дают телеинтервью. Смешно даже представить, будто, улыбаясь в камеру, кто-либо из петербургских мэтров слова стал бы лихо самопиариться и звать публику на собственный поэзоконцерт. Угрюмые, никогда не улыбающиеся, понятия не имеющие о том, как вести себя перед журналистами, петербургские литераторы проводят вечера в подвале галереи "Борей" и никогда не видят солнечного света» [9, с. 389–390].

Андеграундный стиль жизни петербургской богемы представлен здесь в буквальном смысле: многие художественные студии и галереи Петербурга до сих пор расположены в подвалах (англ. *underground*: *under* – под, ниже, *ground* – земля, пол).

Кроме того, И. Стогов акцентирует внимание на равнодушном отношении петербуржцев к значительным материальным благам, способности довольствоваться малым, приводя в подтверждение слова лидера петербургской группы «Сплин» Александра Васильева: «Быть успешным и получать за это большие деньги – согласитесь, это совсем не по-петербургски» [9, с. 389]. Лев Лурье, исследуя истоки особых петербургских манер, стиля и характера в статье «Корни и крона петербургского снобизма», приводит объяснение подобного поведения жителей Северной столицы: «Быть знаменитым – некрасиво, успех ассоциируется с пошлостью, конформизмом, недалекостью. Включенность в "большой мир" – успеха, денег, гастролей, больших тиражей, Останкина – с точки зрения петербургского сноба, абсолютно некоммифотна. Логика строится на следующем простом силлогизме: Хармса не печатали, "Избранное" Бродского не могло выйти в "Советском писателе", "Зону" Довлатова трудно было вообразить на страницах "Авроры", – так что же может представлять собой какой-нибудь Евграф Мелитопольский, опубликованный в супере тиражом тридцать тысяч? Должно быть, пошляк и проходимец» [7].

Аналогичный взгляд на отношение петербуржцев к материальным ценностям представлен в романе А. Столярова: «То, что в Москве естественно и легко: в первую же минуту поинтересоваться – сколько тебе за это будут платить, в Петербурге кажется диким и неуместным. Петербуржец просто не понимает, причем тут деньги? Либо есть дело, которым стоит заняться, и тогда не имеет значения, платят за него или нет (если платят, это, конечно, намного приятнее), либо дело не стоит, чтобы на него тратить жизнь, и тогда безразлично, какая цифра будет начертана в расчетной ведомости. Подумаешь, цифра, жизнь все равно дороже» [10].

Обратим внимание на то, что смысл наиболее значимых особенностей менталитета петербуржцев раскрывается А. Столяровым через сопоставление их с москвичами. Даже черты внешнего облика и манера поведения в романе прочитываются в

ключе диалога двух столиц: «У них ведь даже и внешность разная. Москвич – это прежде всего "свой парень", непременно открытый, контактный, душа компании, энергичный, улыбчивый, в каждое мгновение осознающий, что ему нужно делать. У него нет никаких проблем. Если же есть, он знает, как их решить. А петербуржец, если обратиться к классическим представлениям, напротив, сугубо сдержанный, необщительный, хмурый, всегда сомневающийся, погруженный в какие-то свои размышления. Они ему дороже всего. Энергии у него хватает лишь на мифический "аристократизм". Проблем он решать не умеет, а потому считает, что выше их. Сюда можно добавить нервность, заставляющую его вздрагивать от каждого слова, и болезненный, специфический сплав мнительности и самомнения: петербуржец искренне убежден, что знает нечто, недоступное остальным, однако далеко не уверен, что это кому-нибудь интересно. Больше всего он боится показаться смешным и потому московской публичности предпочитает петербургское одиночество. Улыбается он два раза в год. А всяких шумных компаний избегает, как зачумленных. Такое вот странное, ни с чем не соразмерное существо...» [10].

Интересную информацию о петербуржцах находим на страницах романа Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра». В главы, посвященные описанию островов архипелага, повествователь обязательно вводит информацию энциклопедического характера. Чаще всего она принимает вид краткой исторической справки, содержащей указание на географическое расположение острова, этимологические сведения (происхождение названия того или иного острова), несколько слов о населении острова (род занятий, характерные привычки, поведение и т.д.), а также сведения о достопримечательностях. Примечательно, что особенности поведения и образа жизни островитян здесь обусловлены петербургским климатом.

По мнению автора романа, климатические условия города («воздействие атлантических и континентальных воздушных масс, частые вхождения арктического воздуха, активная циклоническая деятельность», неустойчивый режим погоды, испарения болот, ветра) являются определяющим фактором при характеристике его обитателей:

«Климат архипелага капризен; аналогов не имеет. Полоса белых ночей, болотных испарений (рудничного газа, в частности), а также обилие призраков издревле развивают в островитянах склонность к визионерству, шаманизму, экстатическим состояниям, наркотическим сновидениям. Их чувство реальности сильно поколеблено, они наивны, суеверны, тянутся ко всякого рода магии и ворожбе, благоговейно перед словесными формами занятий.

Воздействие атлантических и континентальных воздушных масс, частые вхождения арктического воздуха, а также активная циклоническая деятельность обуславливают крайне неустойчивый режим погоды во все времена года, а также крайне неустойчивый нрав островитян, их метеопатичность, истеричность, изменчивость, назойливую мечтательность, вздорность, женственную манеру вести себя под влиянием минутного порыва или перепада атмосферного давления весьма экстравагантно» [5].

Названные черты являются общими для жителей города. В то же время обитатели разных островов наделены в романе отличительными особенностями, свойственными только им. В подтверждение этого наблюдения приведем различные характеристики островитян. Например, жители Аптекарского острова приветливы, легкомысленны и беспечны, поскольку этот остров не знает смены времен года (там находятся оранжереи Ботанического сада). Обитатели Таврического острова, напротив, будто поставили себе целью «испортить, испоганить, запачкать, разорить, разрушить, замусорить, загадить» тот клочок пространства, на котором они живут. Остров Садовый наводнен опасными призраками, и такой его район, как Сенная площадь, рассказчик рекомендует не посещать без особой необходимости, так как «неведомые силы не первое столетие заставляют людей на ней воровать, кнутобойничать, торговать, убивать, собираться в толпы» [5].

Таким образом, можно номинировать основные черты собирательного образа петербуржца в современной русской прозе: сдержанность, замкнутость, угрюмость, аристократизм, оппозиционность, мечтательность, индивидуализм, бессеребренничество.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/01/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Бочаров С. Г. Петербургское безумие / С. Г. Бочаров // Пушкинский сборник / сост. И. Лощилов, И. Сураг. – М., 2005. – С. 307.
3. Вересов Д. Третья тетрадь: роман-отражение / Д. Вересов. – М. : АСТ – СПб. : Астрель-СПб., 2010. – 315 с.
4. Вяльцев А. Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого / А. Вяльцев // Звезда. – 2001. – № 6. – С. 65–105.
5. Галкина Н. Архипелаг Святого Петра / Н. Галкина // Нева. – 1999. – № 4. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=36029&description=1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Илья Стогов ставит диагноз. – Режим доступа: fedor-chistyakov.ru/stogov.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Лурье Л. Корни и крона петербургского снобизма / Л. Лурье // Искусство кино. – 2000. – № 7. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/2000/n7-article15.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Стогов И. Роман в стиле техно / И. Стогов. – СПб. : Амфора, 2004. – 272 с.
9. Стогов И. mASIAfucker. 13 месяцев / И. Стогов. – СПб. : Амфора, 2008. – 473 с.
10. Столяров А. Не знает заката / А. Столяров // Нева. – 2005. – № 10–11. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/11/sto2.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

«Я СЛАВЛЮ ЖЕМЧУГ СЛОВА...»: УЗБЕКСКОМУ ПОЭТУ АЛИШЕРУ НАВОИ – 570 ЛЕТ

Л.Я. Подвойский, Н.М. Байбатырова

В современном мире значимым и актуальным является формирование культуры межнационального общения в целом для России и для Астраханской области в частности, поскольку она представляет собой ярко выраженный политэтнический регион, где проживают представители около 190 наций и народностей. К 570-летней дате со дня рождения узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои были приурочены чтения под названием «Творческое наследие узбекских (тюркских) просветителей на территории Астраханской области». На чтениях прошла широкая дискуссия о месте и роли Навои в тюркоязычной литературе.

Formation of culture of international dialogue for Russia as a whole and the Astrakhan region, in particular, is meaningful and actual in the modern world because Astrakhan represents a multinational region where representatives of about 190 nations and nationalities live. Readings under the title “The Creative heritage of the Uzbek (Turkic) educators on the territory of the Astrakhan region” were dedicated to the 570th anniversary of birth of the Uzbek poet and philosopher Alisher Navoi. A wide discussion on the place and role of Navoi in the Turkic-speaking literature took place during readings.

Ключевые слова: межнациональное общение, тюркская литература, узбекская поэзия, юбилейные чтения, общество узбекской культуры, гуманистический пафос Алишера Навои.

Key words: international dialogue, the Turkic literature, the Uzbek poetry, anniversary reading, the society of Uzbek culture, Alisher Navoi's humanistic pathos.

В наши довольно непростые времена весьма значимым и актуальным является формирование культуры межнационального общения в целом для России и для Астраханской области в частности, поскольку она представляет собой ярко выраженный политэтнический регион, где проживают представители около 190 наций и народностей.

Специалисты в области межнациональных отношений считают, что человеку с развитой культурой межнационального общения должны быть присущи определенные черты личности. В их числе обязательны следующие: навыки общения в многонациональном трудовом коллективе, умение пользоваться ими в своей практической

деятельности; уважительное отношение к национальному достоинству других людей, к национальным культурам, к прогрессивным национальным традициям, обычаям; непримиримое отношение к проявлениям национального эгоизма и тщеславия, национального нигилизма; умение освобождаться от предрассудков прошлого не только в мировоззрении, но и в чувствах; уважительное отношение к языку народа, на территории которого он проживает [1].

Выработке знаний о ценностях духовной культуры, усвоение которых определенно способствуют лучшему пониманию как уникальности, так и схожести различных народов, хорошо служат мероприятия, подобные тому, которое прошло в Астрахани 18 февраля 2011 г. К 570-летней дате со дня рождения узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои (1441–1501) были приурочены чтения под названием «Творческое наследие узбекских (тюркских) просветителей на территории Астраханской области». Учредителями и организаторами мероприятия выступили Министерство культуры Астраханской области, Астраханская областная общественная организация узбекской культуры «Узбекистон» и Областной методический центр народной культуры. Высокий статус мероприятия на уровне Каспийского региона подчеркивался уже тем, что в нем приняли участие министр международных и внешнеэкономических связей Астраханской области Д.А. Афанасьев, первый секретарь руководителя пресс-службы посольства Узбекистана в России Б.С. Алимов, начальник отдела Управления по внутренней политике Астраханской области С.Н. Воронов.

С приветственными словами к участникам чтений обратились: О.Н. Прокофьева, заместитель министра культуры Астраханской области, В.Г. Никифорова, директор Астраханского филиала Волгоградской академии государственной службы, первый секретарь руководителя пресс-службы посольства Узбекистана в России Б.С. Алимов, который зачитал приветствие посла Узбекистана в России Зиядуллы Пулатходжаева.

Гостями и участниками чтений стали историки и краеведы, преподаватели и студенты астраханских высших учебных заведений, представители СМИ, руководители и представители национально-культурных обществ, действующих на территории Астраханской области – чеченских и ингушских народов «Вайнах», татарской культуры «Дуслык», казахской культуры «Жолдастык», армянского общества «АРЕВ», киргизского, туркменского «Шатлык», азербайджанского «Азербайджан», региональной общественной организации «Астраханский культурный центр», региональной общественной организации народов Дагестана «Дагестан», областной немецкой национально-культурной автономии «Айнхайт», общественной организации «Культура Востока».

Кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета В.М. Викторин предложил вниманию слушателей доклад «Астраханский край как историко-географический центр тюрко-мусульманского мира». Относительно астраханских исследований он отметил: «Несмотря на то что Астрахань тесно связана с культурой Востока, у нас, к сожалению, нет ученых, которые бы серьезно занимались творчеством Навои и тюркской литературой в целом». Замечание серьезное и нацеливающее на перспективу современных исследователей, особенно молодых, тем более, если учесть, что речь в таком контексте может идти и о многих других представителях восточной литературы, поэзии, философии.

Заведующий отделением восточных языков Астраханского государственного университета, доцент А.А. Мухин в докладе «Жизнь и творчество Алишера Навои» раскрыл многочисленные грани жизни и творчества великолепного мастера слова, классика узбекской поэзии, который был к тому же мудрым политическим деятелем, крупнейшим ученым, мыслителем, художником, музыкантом.

Кандидат философских наук, доцент Астраханского государственного университета, председатель Астраханского отделения Российского философского общества Л.Я. Подвойский выступил с докладом «Гуманистический пафос творчества Алишера Навои». Он познакомил слушателей с гуманистической философией Алишера Навои, борца против средневекового деспотизма и произвола. Докладчик не ограничился только этим, а подошел к рассмотрению темы с более широких позиций, акцентировав

ровав внимание слушателей на подходах к оценке восточной (мусульманской) и западной философии.

Он прочитал также некоторые стихотворные строки Алишера Навои и привел изумительные по красоте и точности слова русского философа В.Ф. Эрна о том, что поэзия есть нежнейший цветок культуры. Ведь именно в поэзии культура находит свой интимный язык, и для того, кто не владеет этим языком, закрыто самое главное в культуре. Изучить все новые языки и все древние и не усвоить одного и величайшего из языков – язык поэтов – это значит, по его справедливому замечанию, остаться очень далеко от истинной культуры.

Сравнение поэзии с нежнейшим цветком культуры очень подходит для характеристики всей восточной поэзии, в том числе поэзии Алишера Навои. Неслучайно и совершенно правильно историк Н.И. Конрад призывал в свое время порадоваться тому, что был такой поэт, как Алишер Навои, и сказать «спасибо» узбекскому народу, принесшему нам в дар такого поэта, которого нужно не только изучать, но и читать; и не только читать, но и думать над ним; более того, нужно, по мнению академика, сделать его своим!

В русле этого призыва прозвучало выступление известного астраханского писателя, председателя Астраханского регионального отделения Союза писателей России Ю.Н. Щербаква, который внес в чтения свежую поэтическую струю, представив на суд участников чтений новый оригинальный подстрочный перевод притчи Алишера Навои о шахматной игре. По его собственному признанию, если бы не приглашение на эти чтения, то переводы притчи появились бы не скоро, поскольку раньше ему не приходилось заниматься творчеством великого узбекского поэта и мыслителя.

Актуальные для современности вопросы осветил в своем докладе «Проблемы взаимоотношений личности и государства в гражданской лирике Алишера Навои» руководитель аппарата уполномоченного по правам человека в Астраханской области, кандидат исторических наук Д.К. Батрашев.

Председатель Астраханской областной общественной организации узбекской культуры «Узбекистон» Б.Р. Аминов выступил с докладом «Наследие Навои как важный фактор межэтнического взаимодействия Астраханской области». Он обратил внимание на общечеловеческий характер творчества узбекского мыслителя и поэта, которое можно и нужно использовать в современных условиях для налаживания и развития добрососедских взаимоотношений между всеми народами, населяющими Астраханскую область. В значительной мере нахождению общего языка дружбы и сотрудничества, подчеркнул он, способствует деятельность национально-культурных обществ и подобные мероприятия.

На чтениях прошла также широкая дискуссия о месте и роли Навои в тюркоязычной литературе, о взаимовлиянии традиций ираноязычной и тюркоязычной средневековой поэзии на мусульманском Востоке.

Вечером мероприятия продолжились в зале Областного центра развития творчества детей и юношества, где прошел концерт творческих коллективов «Соловей, поющий в цветнике слов». На празднике собрались представители десяти национально-культурных объединений, которых воодушевили яркая личность Алишера Навои и сила его поэзии («Навои» означает «мелодичный»).

Хотелось бы особо отметить хорошую организацию проведения чтений, проходивших в конференц-зале Астраханского филиала Волгоградской академии государственной службы. Четкая, строго по регламенту, работа участников чтений была осуществлена благодаря мастерству ведущего Н.И. Кулибабы, директора Областного методического центра народной культуры, заслуженного работника культуры Российской Федерации, кандидата искусствоведения.

Список литературы

1. Национальные отношения : словарь / под общ. ред. проф. В. Л. Калажникова. – М., 1997. – С. 73–74.

ОБРАЗ ПОЕЗДА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Б. Ронкетти

Статья представляет собой первое знакомство с образами железной дороги в поэтическом мире Велимира Хлебникова, необычного и беспокойного персонажа среди поэтов русского авангарда. Объектом данного исследования является 15 работ, созданных в период с 1909 до 1921 г., которые принадлежат разным жанрам (стихотворения, проза, поэзия, эссе, автобиография и манифест). Через анализ текстов, помещенных в рамку целостного произведения поэта и противопоставленных литературной традиции, поезд появляется как важный образ в эстетическом и поэтическом мире Хлебникова.

This essay provides a first recognition of the railway imagery contained in the poetic world of Velimir Khlebnikov, an unusual and troubled personality among the poets of the Russian avant-garde season. Object of this research are 15 works, composed in a period from 1909 to 1921, belonging to different genres (poems, prose, poetry, essay, autobiography, manifest). Through the analysis of the texts, placed in the frame of the entire production of the poet and against the background of literary tradition, the train emerges as a vigorous and substantial image in Khlebnikov's aesthetic and poetic universe.

Ключевые слова: В. Хлебников, поэтический мир, поэт, образы железной дороги, стихотворения, проза, поэзия, эссе, автобиография, манифест.

Key words: V. Khlebnikov, poetic universe, poet, railway imagery, poems, prose, poetry, essay, autobiography, manifest.

В своем творчестве Велимир Хлебников восхваляет Италию с ее железными дорогами. В короткой прозе 1913 г. с красноречивым названием «Ряв о железных дорогах» он объясняет, как при помощи железнодорожных линий показать картину страны, как землю, раскинувшуюся между небом и морем, в которой железные дороги будто бы срастаются с природным ландшафтом: «...стройная нога этого полуострова таперича обута в цельный железнодорожный сапог, <...> железнодорожное полотно никогда не уходит от бьющихся волн моря» [2].

Это необычное и экстравагантное воззвание, выполненное в стиле своего времени, представляет одну из первых технологических утопий Хлебникова. Автор рисует «железнодорожную географию» Италии, России и Северной Америки. В краеведческом описании этих стран присутствуют несколько наиболее значимых характеристик, присуждаемых железной дороге в космологии Хлебникова. Поэт старается заключить в единое гармоничное видение мира исконную первоначальную Вселенную природных элементов и достижений современных технологий. Он создает образ поезда при помощи сравнений с миром животных (паукообразных, пресмыкающихся). Наконец, появляется столь любимый поэтом образ «мира-книги», в которой железнодорожные вагоны выступают в роли букв алфавита; возникает необходимость создания единого общего языка между землей (природой) и железной дорогой (техникой) с целью избежания между ними недопонимания.

Рассматривая сеть железнодорожных линий, представленных на страницах произведений Хлебникова, я постараюсь рассмотреть специфическую особенность его письма, а также сложную артикуляцию художественного метода, используемого автором в диссонирующих, а порой и вовсе противоречивых формах, позволяющих держать читателя в постоянном напряжении. Поэтика Хлебникова, которую сложно отнести к определенному направлению, была проанализирована во многих значимых исследовательских работах, способствовавших раскрытию все больших частей смысла и созданию единого полотна поэтической системы автора [3], которая, впрочем, в силу своей специфики все еще открыта для дальнейших интерпретаций.

При анализе, центром которого является особенность поэтического образа «мир-поезд», становится ведущим значительное предложение, обозначенное в 1983 г. Хенриком Бараном на конференции, посвященной творчеству Хлебникова. Прибегая к использованию «растительной» метафоры, наиболее подходящей для описания вселенной Хлебникова, Баран отмечает, что исследователю следует направить свое ис-

следование на процесс разложения отдельных образов или семантических значений, сохраняя при этом всю полноту образа «леса» в эстетической системе [3]¹. Более того, необходимо не только сохранить поэтическое видение Хлебникова в целом, но и постараться избежать чуждых ему логических категорий. Учитывая особенности творчества Хлебникова, во избежание экстремального партикуляризма и чрезмерной систематичности, в рамки данного исследования я включила тексты разных жанров, рассматриваемые как единое целое, в котором можно обнаружить и изучить повторяющиеся лексические единства, а также целостность более высокого уровня (сравнения, образы). Таким образом, становится возможным установить значение и смысл подобных единств, а также расшифровать фрагменты текста, смысл которых в пределах одного произведения оставался неясным.

В соответствии с задачами данного исследования, я считаю необходимым рассмотреть хронологический прогресс исследуемых текстов, а также совокупность специфических элементов для каждого произведения на примере образа поезда в каждом из них. Я составила соответствующую сводную таблицу наиболее значимых железнодорожных образов, содержащихся в пятнадцати текстах, принадлежащих к абсолютно разным жанрам и написанных в период с 1909 по 1921 г. Наконец, в данном исследовании значительную роль играет исторический фон, помогающий распознать наличие случайных связей между литературной традицией прошлого и настоящего в текстах последующих лет, а также между художественными образами рассматриваемых материалов.

Хлебников ищет гармонию в слове, причем в его видении мира слово и язык – это сама Вселенная. Эти два понятия могут принимать различные формы, которые пересекаются и накладываются друг на друга в разных подсистемах языка, к примеру: звездный язык, язык-поезд, язык-мир. В изменчивом эстетическом мировоззрении поэта отождествление языка и Вселенной кажется одной из непоколебимых констант. Еще более интересны в рамках этого исследования неоднократные сопоставления языка, мира и поезда.

Отличительной чертой поэтики Хлебникова является контаминация сравниваемых предметов: сравнения, которые он использует в своих произведениях, не всегда основаны на сходстве сопоставляемых предметов, чаще всего они связаны с воображением и композиционным построением текста. Принимая во внимание общие свойства поэтического слова автора, следует отметить, что многочисленные ссылки, пронизывающие его произведения, подражают линиям железнодорожных путей. Они помогают понять глубинный смысл произведения и вызвать у читателя новые ассоциации между мысленными образами и лингвистическими конструкциями, тем самым заставляя его следовать пути, который привел Хлебникова к его продуктивной идее вселенского языка-поезда.

Италия с ее железными дорогами, колыбель поэзии и родина Данте, находит отражение в поэме из 33 строф, написанной терцинами. Уже в названии она содержит образ поезда: «Змей поезда»² (1910). В творчестве Хлебникова достаточно трудно установить границы между ритмической композицией и поэтическими образами. Терцины Данте, которые используются в данном стихотворении, несомненно, представляют собой выбор формы, закрепившейся в высокой литературной традиции. Однако они могут рассматриваться и в аллегорическом смысле, как визуальный образ произведения, основанный на конкатенации и принимающий форму «поезда» в связанных между собой строках³.

Поэт и его друг путешествуют в одном вагоне вместе с другими пассажирами: некоторые спят, некоторые беседуют. Вдруг за окном они видят огромного змея: невероятного монстра с чешуей, украшенной устрашающими арабесками, и с вороном

¹ Значимый вклад в обсуждение вопроса об эстетической системе Хлебникова внес именно Х. Баран в своей работе под названием «О Хлебникове: контексты, источники, мифы» (М. : РГГУ, 2002).

² Поэма «Змей поезда» (1910). Особая этимологическая и фонетическая связь между словами «змей» и «змея» обуславливает наличие некой «игры» образов, которая присутствует не только в данном произведении, но и прослеживается во всем творчестве Хлебникова.

³ R. Milner-Gulland, *Khlebnikov's eye Russian Literature, Modernism and the Visual Arts* / ed. C. Kelly, S. Lovell. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 197–219. Хотя данная работа и не имеет прямого отношения к образам железной дороги, однако в ней показан высокий уровень поэтической визуализации.

на голове, сосредоточенно читающим какую-то таинственную книгу¹. Оба путешественника сразу понимают роковой смысл видения. Поэт намекает на мифическую битву со змеем, но приходит к заключению, что не может последовать легендарному примеру². Бестия пожирает на своем пути пассажиров, не подозревающих об опасности, несмотря на все попытки поэта разбудить их. Наконец, друзья находят убежище, укрывшись среди густых деревьев. Их действия описываются как героические, хотя с несколько ироничным оттенком.

Поэма, написанная в 1910 г. и опубликованная в известном сборнике русских футуристов («Пощечина общественному вкусу»), представляет собой один из редких примеров произведения, датированного и напечатанного самим автором [4].

Лирическое Я, выраженное посредством повествования от первого лица, – необычный выбор для Хлебникова, предпочитающего использовать повествование от третьего лица, преследуя цель оживить свои словесные образы.

Змей поезда – змея, пожирающая пассажиров, в то же время является и ненасытным монстром, представляющим опасность как для человека, так и для материи слова, которая придает любому образному выражению конкретную форму. Его появление предопределяют два метафорических образа в начале произведения, в которых сам поезд уподобляется змее:

Поезд бежал, <...> Змеей качаемый чертог...

а также:

Сосед соседу тихо шушукал
В лад бега железного скользкой змеи³.

Обозначение границ поэтического образа может усложнить описание ссылками на других авторов, на другие тексты и образы, что в совокупности способствует созданию особой литературной формы.

Отождествление поезда и змея, прежде всего, должно сводиться к укрепившемуся литературному образу, связанному с интерпретацией поезда как волнующего вторжения современности и новизны в природный пейзаж и обыденность. Критики восстановили историю этого образа и узрели корни этой поэтической традиции в эпохе романтизма⁴. Ярким доказательством существования подобной тенденции являются произведения русской поэзии, в которых неизменно присутствует «змеиный» образ вагонов, «ползущих» по просторам планеты. Для передачи расстояния посредством образов железной дороги Хлебников использует ряд межтекстовых ссылок. Именно поэтому необходимо установить, насколько значительна их роль⁵. Также стоит упомянуть по меньшей мере троих выдающихся предшественников Хлебникова по созданию стихов с образом огнедышащего монстра.

Афанасий Фет, утонченный поэт, вызывающий восхищение у символистов, в произведении с недвусмысленным названием «На железной дороге» (1859–1860) описывает ход поезда, сравнивая его с полетом огнедышащего дракона над землей: «на змее огненном летим» [1]. Пятнадцать лет спустя Алексей Толстой пишет рассказ в стихах «Дракон» (1875), который, возможно, является прообразом «Змея поез-

¹ Аллюзия на ласточек, сидящих на голове у идола, в поэме А. Толстого «Дракон».

² Аллюзия на Георгия Победоносца, а также на битву со змеем в русских былинах.

³ Метафоры поезд / змей между последней строчкой строфы и первой строчкой следующей строфы не выделены знаками препинания.

⁴ «Реконструкция» данного образа с помощью сравнения образов (только изредка включая российскую территорию) содержится в знаменитом очерке: Ceserani R. Treni di carta. L'immaginario in ferrovia: l'irruzione del treno nella letteratura moderna. Genova: Marietti, 1993. Особый иконографический вклад, содержащий «животные» метафоры поезда, внес Габриэле Крепальди (Gabriele Crepaldi). In treno tra arte e letteratura. Milano: Electa Mondadori, 2003.

⁵ Angelo Maria Ripellino в своей работе «Velimir Chlebnikov, Poesie» (Einaudi, 1989 (1968)) утверждает, что Хлебников не отходит далеко ни от «огненного змея» Фета, ни от «пышущего дракона» Анненского.

да»¹. Важность этого автора становится очевидной для многих ученых. Это подтверждает ответ Хлебникова на вопрос Романа Якобсона: «Кто Вам наиболее близок из русских поэтов?» «Грибоедов и Алексей Толстой»² – не задумываясь, ответил поэт.

«Дракон» – это фантастический рассказ, действие которого разворачивается в Италии в XII в. Он написан терцинами, как и поэма Хлебникова, и повествует о двух путниках и звере-пожирателе. В произведении чудовище появляется как образ дьявольской апокалиптической фигуры. С другой стороны, эти аналогии не исключают непосредственного влияния Данте на писателя XX в., который ведомый тягой к исследованию лингвистических особенностей своей эпохи, использует терцины³. В начале нового века «Зимний поезд» (1908) Иннокентия Анненского был назван «пышущим драконом».

Аллюзии на змея, аналогии с извилистыми движениями рептилии достаточно частотны в произведениях Хлебникова. На манер зоолога, он определяет наземные пути сообщения как формы пресмыкающихся, противопоставляя их перемещениям по воздуху⁴.

Хлебников – утопист, автор фантастических проектов, идеалист и революционер. В своих произведениях (как в стихах, так и в прозе) он излагает множество эксцентричных мыслей и неосуществимых желаний, которые порой повествуют уже об ушедших временах⁵. Поэт предпочитает фрагменты и более сложные структуры, зачастую созданные при помощи простого сложения, скреплением отдельных частей, как вагонов железнодорожного состава. Возможно, именно это сравнение может объяснить последующий выбор дантовских терцинов для поэмы о свирепом змее поезда. С одной стороны, Италия – родина железных дорог, способных сосуществовать с природой, а с другой – родина Данте Алигьери. Змей поезда представляет неминуемую угрозу для человеческого рода, который рассеянно путешествует в спальнях вагонах. Под изящной пародией В. Хлебников маскирует опасность:

Я выпрыгнул из поезда прочь,
Чуть не ослеплен еловою мутовкой.
Боец, я скрылся в куст, чтоб жить и мочь.
Товарищ моему последовал примеру.
Нас скрыла ель – при солнце ночь.

Символическое изображение поезда, одновременно связанного и с драконом, и с деревом, наталкивает на размышления на тему природы проанализированных элементов. В художественном изображении дерева обнаруживается система физических и духовных элементов, способная придать гармоничную форму всем аспектам созданного произведения: соединить небо и землю, открытое и замкнутое пространство, высшее и низшее. Образ леса имеет для русской поэзии необычайно важное значение, обусловленное как природными факторами, так и древними традициями и верованиями. Дерево, объединившее глубину и высоту не только в пространственном отношении, но и во временном, стало символом памяти прошлого и надежд будущего⁶.

В мифологических представлениях змей связан не только с недрами земли, но и с недосгаемыми небесами; хотя он и относится к подземному миру, но выглядит как крылатый монстр. Его природа одновременно водоплавающей, подземной и наземной репти-

¹ Примечания к тексту поэмы «Змей поезда». Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov.

² Свидетельство взято из разных источников: Якобсон Р. Из воспоминаний // Якобсон-будетлянин : сб. мат-лов / под ред. Б. Янгфельдта. Стокгольм, 1992, Письмо Р. Якобсона к А.В. Лаврову 3 января 1977 года // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования. М., 1999.

³ О возможных связях с произведениями Данте Алигьери говорят многие исследователи, среди которых: V. Markov, O.A. Седакова. В недавней статье я предлагала сопоставление зверя поэмы «Змей поезда» с Герционом Данте Алигьери (Ronchetti B. Un poema futurista russo in terza rima. Riflessioni sulla traduzione // Critica del testo. 2010. XIII/II. P. 273–308).

⁴ «Ряв о железных дорогах» (1913).

⁵ Страстная тяга к утопии в произведениях Хлебникова была изучена С. Solivetti (1984), P. Stobbe (1982).

⁶ М. Эпштейн в очерке «Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии» рассматривает природные образы в русской поэзии и анализирует большое количество стихов Хлебникова. Однако он не обращает внимания ни на присутствие урбанистической и технической тем в поэтическом мире автора, ни на ожесточенные споры на тему урбанизма, имевшие место как на Западе, так и в России в течение первых десятилетий XX в.

лии вызывает первобытные суеверные ассоциации, оказавшие влияние на научно-утопические описания Хлебникова. В его поэтической вселенной сравнение змея и поезда основано на их связи с миром леса. Согласно народным преданиям, густые заросли таинственного леса кишат чудовищными созданиями, и герой должен одолеть их¹.

Следует отметить, что даже в произведениях, не имеющих прямой связи с концептом «змея-поезд», поэт придает образам железной дороги амбивалентные черты мифического существа, которое может парить в небесной синеве: «Железным полотном Москва – Владивосток / Идешь ты в синеве, Сибирь, ночей седых свисток!» («Дерево» (1921))², бороздить земные просторы: «На севере России должны быть торопливо связаны Печора и Обь и Лена и Енисей. Тогда только будет разумна паутина железнодорожных пауков Москвы и других городов» («Ряв о железных дорогах» (1913)) или же погружаться в морские глубины: «Поезда уже были проложены по дну моря; я воспользовался одним из них. Среди этих утесов, изрытых морщинами, чьи ноги были вымыты морем, мне нужно было найти Числбога – бога времени» («Скуфья Скифа. Мистерия» (1916)).

Числбог, бог времени, который упоминается в отрывке, является одним из богов, созданных воображением Хлебникова. Его имя подчеркивает установленную автором связь между математической вселенной и временным измерением.

Идея о необходимости возвращения к лесной природе, появляющаяся в финале поэмы «Змей поезда», объявлена посвящением уральскому охотнику на оленей, которого поэт сравнивает с героем народных былин.

Если рассматривать произведение с этой позиции – как предзнаменование неминуемого противостояния скорости железного гиганта и неподвижности леса, – становится возможным расширение объема рассматриваемого материала, а также появление новой трактовки образа железной дороги в сюрреальном пространстве произведений Хлебникова, особенно если обратиться к тексту другой поэмы, имеющей сходную композицию и метрическую структуру.

Тема монстра, пожирающего людей, является общей для обоих стихотворений, однако теперь события разворачиваются на фоне городского пейзажа.

Созданный живой фантазией Хлебникова «Журавль»³ возвышается на фоне Петербурга. Псевдоурбанистическое видение мира позволяет поэту создавать сравнения между дымовыми трубами заводов и болотными птицами, жизнью города и природой⁴.

В небольшой поэме «Журавль» поэт создает монстра из частей подъемного крана и частей тела живого существа. Ненасытная чугунная птица, нависшая над Петербургом, описывается посредством образов, не всегда связанных между собой. Это инертная материя оживает, заимствуя метонимические части из образа железной дороги:

Тогда части поездов, с надписью: «Для некурящих» и «Для служилых»,
Остов одели в сплетенные друг с другом жилы.
Железные пути срываются с дорог
Движением созревших осенью стручков.

¹ В работе J. Chevalier и A. Gheerbrant “Dictionnaire des symboles: mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres” представлен полный обзор изображений «змея-дракона»; в работе Карла Юнга «Символы трансформации» рассматриваются ассоциации, которые неосознанно вызывает образ змеи. Интересные идеи по этому поводу имеются также в работе: Clebert J. P. Bestiaire fabuleux. Paris, 1971.

² Дерево (1921). Взято из издания, в котором представлен несколько другой вариант текста. Хлебников В. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. Р. В. Дуганова. М. : Наследие, 2001. Т. 2. С. 291.

³ Первая часть стихотворения была написана в 1909 г. и посвящена В. Каменскому. Через год ее опубликовали в известном сборнике русских футуристов «Садок судей». Остаток поэмы (строки с 121 по 190) была напечатана Д. Бурлюком годом позже под названием «Восстание вещей» в сборнике «В. Хлебников. Творения, 1914».

⁴ Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Весьма интересна трактовка поэмы с точки зрения ее связи с «Медным всадником» Пушкина, намеченная в статье Якобсона по символике статуи и озвученная Н. Башмаковым в его работе «Слово и образ. О творческом мышлении Велимира Хлебникова». Влияние Пушкина всесторонне проанализировано в работе В.П. Григорьева «Грамматика идиостиля. В. Хлебников».

Железнодорожные пути, меняющие монстра-пожирателя на образ змея, сходят с намеченного пути и спешат покормить голодного журавля, сохраняя при этом первоначальный след природы пресмыкающихся:

Железные пути, в диком росте,
Чудовища ногам дают легкие трубчатообразные кости,
Сплетаясь змеями в крутой плетень,
И длинную на город роняют тень.

Описывая сумбур арматуры, обломков поездов, труб, стали, возносящихся над Петербургом, словно сплетенные между собой змеи, способные породить летающего монстра, Хлебников предлагает пример приема, близкого к футуризму, который Якобсон определил как «реализацию метафоры»¹. Исследуя поэму с другой перспективы, отмечая особенности построения повествования, можно распознать в ней видение современного города как громадного комплекса элементов и изучить специфику его образов как следствие особенностей эстетической восприимчивости того времени, с аналогичными апокалипсическими направленностями².

Играя словами и видоизменяя глагольные корни, Хлебников меняет привычные грамматические, синтаксические и логические связи. Будучи наследником традиций символизма в годы революции, которую футуризм отстаивает в поэзии тех лет, он умело управляет звуками и графемами, часто нарушая границы между словами, между книгой и жизнью. Звуки и значения слов в его стихах представляют большой интерес, поскольку зачастую имеют двойное значение (синонимы и омофоны). В одной из своих коротких прозаических заметок он пишет об огромной энергии, которую производят слова, вписанные в другие слова. Хлебников разрабатывает понятие «внутреннего склонения» слов, непосредственно связанного со склонением корней; на этой идее он основывает своего рода поэтическую этимологию. Чередование гласных в словах, восходящих к одному корню и имеющих между собой ассоциативную связь, демонстрирует все богатство смысловых оттенков каждого слова и связанных с ним образов. Автор приводит множество образцов данного наблюдения на примере различных флексий одного и того же корня: часть леса, где нет деревьев, становится «лысиной»; «бык», который может ударить, превращается в «бок» – часть тела, куда обычно направлен удар [2].

С каждым словом становится все очевиднее наличие скрытого смысла в четверостишии поэмы «Журавль», описывающем составляющие железного подъемного крана:

Из желез
И меди над городом восстал, грозя, костяк,
Перед которым человечество и все иное лишь пустяк,
Не более одной желёз.

В металлическом звоне, характеризующем хищную птицу-разрушителя, Хлебников рисует различные образы, играя с чередованием гласных: *железо – желез / железа – желёз*. Железо – основной материал железнодорожных путей и угрожающе возвышающихся железнодорожных указателей. Маленькая железа – всего лишь часть этого чудовищного организма, перед устрашающим величием которой «человечество и все иное лишь пустяк»³.

¹ Отправной точкой для анализа лингвистического и образного построения искусного письма Хлебникова послужила знаменитая статья Романа Якобсона «Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову» (1919).

² Многие исследователи поэмы «Журавль» часто ассоциируют ее со «Змеем поезда» (V. Markov, P. B. Дуганов).

³ Использование в произведении образа из меди, с одной стороны, можно интерпретировать как аллюзию на пушкинского «Медного всадника», а с другой – как ссылку на далекий медный век.

В представленном стихотворении, строки которого написаны разными размерами, между первым и последним словом, каждое из которых характеризует рассматриваемый образ, возникает противопоставление, как на фонетическом уровне, так и на семантическом. Грубая энергия гигантской птицы контрастирует с мягкой энергией растворяющейся в ней частицы. Плавное изменение смысла между двумя сенсорными образами достигается за счет языкового смещения, внешне абсолютно незаметного, но позволяющего уловить оксюморонные оттенки то бесконечно огромного, то невероятно малого; то твердого, то податливого¹.

Исследуя необычные фонетико-ассоциативные процессы в творчестве Хлебникова, я проанализировала начало его стихотворения «Народ поднял верховный жезел», написанного в марте 1917 г. и посвященного свергнутому царю. Написанное от первого лица, оно объясняет причину страха и смятения монарха во время народного восстания. Находясь в укрытии, царь слышит вдалеке голоса, распеваящие гимны свободе. «Поезд бегства»², на котором государь покидает столицу, восставшие переплавили в новый символ – «кумир свободы». В произведении устанавливается связь между металлом, из которого сделан поезд, когда он являлся убежищем беглеца, и моментом, когда он был переплавлен в символ новой власти. Эта «железнодорожная» метафора имеет двойственное значение: это одновременно наследие прошлого и предвестие будущего, крах старых порядков и вновь обретенная свобода. Первые две строчки стихотворения несут в себе глубокий смысл, по этой причине я сочла необходимым снабдить их ссылкой, вызывающей ассоциации с железнодорожными рельсами.

Народ поднял верховный жезел,
Как государь идет по улицам.

В поэзии Хлебникова неизменно перекликаются друг с другом жизнь железнодорожных станций, путей и растительного мира. В архитектурной утопии под названием «Мы и дома» (1915) Хлебников описывает разные типы жилищ. Образ «дома на колесах» встречается в тексте произведения с автобиографическими воспоминаниями Хлебникова, читающего стихи во время путешествия на поезде по бескрайним просторам России. Он завершает описание своих мыслей о «доме на колесах» следующим личным замечанием: «Я, не выходя из шатра, был донесен поездом через материк к морю, где надеялся увидеть сестру».

Идея так называемого дома-поезда отнюдь не чужда и европейской литературной традиции: в 1880 г. Жюль Верн в одном из своих произведений использует «животную» метафору «поезда-слона» для описания своей модели «дома на колесах».

В своем произведении «Город будущего» (1920) Хлебников предлагает прообраз нового города, в котором имеют место «железные поля, что ходят на колесах», и здания новой городской действительности, которые похожи на:

Дворцы-страницы, дворцы-книги,
Стеклянные развернутые книги,
Весь город – лист зеркальных окон...

В отрывке 1915 г. Хлебников признает за буквой «з» и ее ближайшим «окружением» способность передавать оттенки смысла, связанные с эффектом преломления света. Следовательно, с этой буквы должны начинаться названия всех видов зеркал и отражающих лучей. Интересно отметить, что в слове «змея» он видит ту же внутреннюю связь, что установилась между поездом и зеркалом. Это становится очевидно благодаря приведенным автором описаниям семантических полей слов с начальной согласной «з»: «...Змея движется, отражая волны своего тела» («З и его околица»).

¹ О важности данного феномена для восприятия человеком пространства говорится в фундаментальном труде Г. Башляра «Поэтика пространства» (1957).

² Напомню, что «Бегство» является подзаголовком поэмы «Змей поезда».

Изображение поездов, железнодорожных станций и путей ввиду признания их глубинной связи с неоднородностью современного города определяют фонетическую и абстрактную связь железной материи и природных недр.

Повинуясь страстному желанию создать первобытные и космо-мифологические утопии, Хлебников воскрешает литературную традицию создания огнедышащего чудовища и, дополнив ее научными изысканиями и творческими чаяниями, ориентирует ее на поиск столь желанной гармонии между прошлым и будущим, природой и технологией, деревом и металлом.

Опыт войны и многолетних скитаний придают изображениям поезда новые смыслы. География времени, которую поэт мечтал упорядочить в соответствии с математическими законами, тесно переплетаясь с улицами, посаженными деревьями, и железными дорогами, образует несуществующий в реальности узор.

Хлебникову, поэту-изобретателю, странствующему ученому, удастся при помощи слова соединить противоположности; воспетый им поезд приобретает черты нового вселенского языка, благодаря которому поезда, «вырванные» вихрем современности, смогут вновь стрелой промчаться по небу.

Поезд и математика, острое перспективное видение того, что нас окружает и того, что находится в глубине души, – все это в совокупности обуславливает идеальное скольжение чернил по рельсам поэзии, а также утопико-алгебраические взгляды Хлебникова и других великих поэтов XX в.

В заключение приведем сводную таблицу образов поезда в произведениях Велимира Хлебникова.

Таблица

Образы поезда в произведениях Хлебникова

Название произведения	Определение жанра произведения	Указание даты	Образы поезда
«Журавль»	Поэма, поделена на 2 части	I часть – 1909 II часть – 1914	часть I – наводящий ужас журавль состоит из частей поездов и элементов железной дороги; – аллюзия на крушение поезда, произошедшее по вине пьяного машиниста
«Змей поезда»	Поэма состоит из 33 строф (32 терцина и одно двустишие)	1910 публ. 1912/1913	Змей раскачивает поезд, пожирая его пассажиров. Героям удастся спастись, забравшись на дерево
«Ряв о железных дорогах»	Проза-манифест	1913 и 1918	«Железнодорожная география» Италии, России и Северной Америки
«Мы и дома»	Утопичная проза	1914–1915	Дома в городе «прыгают и танцуют», подобно строчкам книги при чтении в поезде
«Труба марсиан»	Проза-манифест	8 апреля 1916	Необходимо освободить стремительный локомотив молодости от товарного состава предыдущих поколений
«Скуфья скифа. Мистерия»	Проза	6 июля 1916	Поезда – средство передвижения по морскому дну
«Народ поднял верховный жезел»	Поэзия	10 марта 1917	«Поезд бегства» свергнутого царя

«Только мы, свернув ваши три года войны» (опубликовано под названием «Воззвание Председателей Земного Шара»)	Поэзия. Манифест	21 апреля 1917	Председатели Земного шара – «стрелочники у встречных путей Прошлого и Будущего». Научно построенное человечество сравнивается с зеркальным заревом поезда
«Октябрь на Неве»	Автобиографическая проза	Октябрь/Ноябрь 1918	Хлебников со своим другом Петниковым бесцельно путешествуют на различных поездах
«Наша основа»	Очерковая проза	Май 1919 и 1920	Новый мировой язык – «язык-поезд»
«Ладомир»	Поэзия	22 мая 1920 и 1921	Поезда бороздят просторы Востока и Севера, вызывая связанные с ними образы
«Дерево»	Поэзия	1921	Железная дорога как лист дерева
«Облако с облаком»	Поэзия	1921	Хлебников «раздавил слово древних», как поезд, который сбил Эмиля Верхарна
«Воздух расколот на черных ветках»	Поэзия	7 сентября 1921	Осеннее дерево подобно сети железных дорог на просторах Сибири
«На глухом Полустанке»	Поэзия	14 декабря 1921	Поезд, опрокинутый «ветром диким трех лет», снова встал на рельсы

Список литературы

1. Фет А. На железной дороге (1859–60) / А. Фет // А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1959. – С. 282–283.
2. Хлебников В. В. Собрание сочинений / В. В. Хлебников. – Мюнхен, 1968–1971.
3. Baran H. Chlebnikov's Poetic Logic and Poetic Illogic / H. Baran // Nilsson N. A. Velimir Khlebnikov: A Stockholm Symposium (April 24, 1983). – Stockholm : Almqvist and Wiksell International, 1985. – P. 7–25.
4. Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov / V. Markov. – Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1962.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ В. СОЛОВЬЁВА «ТРИ СВИДАНИЯ»

Л.В. Слесивцева

В статье рассматривается автобиографизм как неотъемлемая типологическая черта такой жанровой дефиниции, как лирическая поэма. Разнообразное воплощение биографизма в поэме В. Соловьёва – прототипы, топонимика, хронотоп – определяет жанровую специфику произведения и характер лирического героя.

Autobiographism as typologic characteristics of such a genre definition as lyrical poem is considered in the article. Different embodiment of biographism in a poem by V. Solovyev, namely prototypes, toponymics and chronotope, define genre peculiarity of the work and the character of a lyrical protagonist.

Ключевые слова: В. Соловьёв, биография, поэма, жанр, лирический герой, хронотоп.
Key words: V. Solovyev, biography, poem, genre, lyrical character, chronotope.

Одним из типологических признаков лирической поэмы конца XIX – начала XX в. является автобиографизм, лежащий в основе лирического сюжета. Индивидуалистический характер поэзии Серебряного века способствовал выдвиганию на первый план не событий действительной жизни и объективных характеров, истории общества, а «субъективных переживаний и произвольных настроений поэтов» [3, с. 10]. Поэма конца века оказывается поэмой личной жизни ее автора (Н. Коробка). На рубеже веков основной задачей поэзии становится «воспроизведение настроений, состояний души в тот или иной момент» [3, с. 18], стремление «передать тайны души, проникнуть в глубины духа» [2, с. 269].

Анализируя поэмы А. Голенищева-Кутузова, Вл. Соловьёв фактически сформулировал жанровые принципы лирической поэмы и ввел дефиницию в литературный обиход: «Главное здесь – не лица и не то, что с ними происходит, а настроение, которое воплощается в живых образах рассказа и остается после его чтения» [12, с. 335]; «Внешний признак принадлежности этих пьес к лирической, а не эпической поэзии состоит в безмянности действующих лиц» [12, с. 330]. Приведенные замечания соотносятся с декларациями раннего символизма, представители которого рассматривали личность художника как величину абсолютную, не подверженную воздействиям извне. Отсюда и лирический герой во многом соотносился с героем романтическим, обладающим волевым характером и отрицающим будничность земного покоя, жаждущим «сказки» [3, с. 21].

Поэтика лирической поэмы во многом соответствовала характеру романтического героя: размытость сюжетных линий, аллегоричность, смена настроений, а не картин, взаимодействие лирических состояний, а не образов-типов, лирический монолог, обращенный в лирическое пространство. Главным героем лирической поэмы становится поэт, в представлении которого мир дробится на множество разных миров, восприятие которых передается не цельным чувством, а многочисленными оттенками настроений. Событийность заменяется в лирической поэме переживаниями происходящего, а не его воспроизведением. Отсюда – автобиографическая основа повествования.

В 1898 г. в Санкт-Петербургском журнале «Вестник Европы» (1898. № 11) была опубликована лирическая поэма «Три свидания», в примечании к которой В. Соловьёв указал на то, что воспроизводит «в шуточных стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось» с автором в жизни: «Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова эта маленькая автобиография...» [14, с. 124]. Утверждая божественное единство Вселенной, В. Соловьёв отразил свои глубинные переживания, связанные с постижением «Души мира», «Вечной Женственности», «Подруги вечной».

Написанная за два года до смерти поэма явилась своеобразным итогом поэтических, философских и богословских исканий поэта, связанных с проблемой Софии, которая «имела центральное значение для всей жизни и мысли философа» [7, с. 44]. София (от греч. *sophia* – мудрость) – «творческая премудрость Божия, в которой заключены все мировые идеи и которая носит в своем сердце всю природу и одновременно является вечной идеей самого человечества. Она олицетворяет женственное в Боге и является символом тайны мира. Изображается на иконах <...> сидящей на огненном троне между Святой Девой Марией и Иоанном Предтечей, с пылающими крыльями и огненного цвета ликом» [5, с. 427]. Софийная теория была разработана В. Соловьёвым в книге «Россия и вселенская церковь» и в работе «Философские основы цельного знания» (1877). Спустя почти двадцать лет поэт воплотил этот образ в лирической поэме «Три свидания».

После пребывания в Египте в ноябре 1875 – марте 1876 г. лейтмотивом поэзии В. Соловьёва становится мотив Вечной Женственности в воплощении божественном и антропоморфическом. В это же время Владимир Соловьёв испытывает самые нежные чувства к Софье Петровне Хитрово, племяннице вдовы А.К. Толстого, возвышенно-романтическую любовь к которой поэт пронес через всю жизнь. Софья Пет-

ровна представлялась В. Соловьёву «одним из отдаленных подобий той Софии, которую он использовал как основное природно-философское понятие» [7, с. 53].

Именно В. Соловьёв стал первым настоящим и верным певцом трансфинитной Женственности, которой в порыве возвышенных чувств придавал личностную форму, первым поэтом-рыцарем Прекрасной Дамы – обительницы иных миров (И. Захариева). Известный критик Сергей Маковский так описывал собирательный поэтический образ идеальной Возлюбленной В. Соловьёва: «Кто она? Существо неизреченно-высокое, женское олицетворение мировой души, посредница между землей и небом. Для Соловьёва образ ее сливается с дохристианским образом Афродиты-Урании и с Эросом, побеждающим смерть» [8, с. 231].

В год смерти В. Соловьёв изложил свое понимание сути метафизической героини в предисловии к третьему, дополненному изданию «Стихотворений» (СПб., 1900; М., 1903), впервые опубликованному в 1891 г. с включением в него поэмы «Три свидания»: «Жена, облеченная в солнце, уже мучается родами: она должна явить истину, родить слово, и вот древний змий собирает против нее свои последние силы и хочет потопить ее в ядовитых потоках благовидной лжи, правдоподобных обманов. Все это предсказано, и предсказан конец: в конце Вечная красота будет плодотворна, из нее выйдет спасение мира, когда ее обманчивые подобия исчезнут, как та морская пена, что породила престолярную Афродиту. *Этой* мои стихи не служат ни единым словом, и вот единственное достоинство, которое я могу и должен за ними признать» [7, с. 239–240]. Комментируя слова поэта, следует обратиться к тексту Библии, проливающему свет на образ соловьёвской Софии. В XII главе новозаветного Апокалипсиса описана Жена, облаченная в Солнце, в образе которой просматриваются черты Богородицы, родившей в муках Иисуса Христа, и воплощается представление о космогонической и эсхатологической стихиях, которые во время воцарения на Земле Антихриста воздействовали на мир. Строки из поэмы «Три свидания» («О лучезарная!.. Я всю тебя в пустыне увидал...») проецируются на фрагмент текста из Откровения Иоанна Богослова: «И даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню <...> и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени» (Откровение Иоанна Богослова, глава 12, стих 14). Когда Иоанн увидел «новое небо» и «новую землю», к нему приблизился один из семи Ангелов и сказал: «Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца» (глава 21, стих 9). «И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенный для мужа своего» (глава 21, стих 2). Агнец Божий – символ Иисуса Христа, невеста Агнца есть Церковь Христова: библейские образы – идейная основа концепции Софии В. Соловьёва, образ которой воплощен в поэме «Три свидания».

Трехчастная композиция поэмы являет собой три этапа постижения лирическим героем Высшей Сущности, идеальной героини – «Подруги вечной» (предисловие), пронизанной «лазурью золотистой» (I часть), «Божества расцвет» (II часть), «лучезарной», «образ женской красоты» (III), «сиянье Божества» (послесловие), которые имеют хронотопные координаты: «Москва – Лондон – Египет. 1862 – 1875 – 1876». Точное обозначение времени и места действия свидетельствуют об автобиографической основе произведения.

1862 год ознаменовался в жизни В. Соловьёва важным событием. Родившись семимесячным, как апостол Павел, под знаком Водолея, со всех сторон одаренный (отец – знаменитый русский историк, профессор и декан Московского университета, дед со стороны отца – священник отец Михаил, мать – внучатая племянница знаменитого украинского философа Григория Сковороды), в возрасте девяти лет, в майский день, в праздник Вознесения, в церкви Владимир имел видение, которое перевернуло всю его жизнь.

В поэме «Три свидания» поэт вспоминает прошлое:

И в первый раз, – о, как давно то было! –
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ошутила
Тоску любви с тревогой смугных снов [14, с. 119].

«Смутные» и тревожные сны становятся знаковыми событиями детства будущего поэта, будущего учителя А. Белого и А. Блока: «На поверхности были игры с братьями и сестрами, сказки и стихи, а в глубине душа ребенка жила в таинственном мире, в видениях и мистических грезах, и это "ночное сознание", полуявь и полусон, чувство, почти невыразимое словами, и определило собой всю его дальнейшую судьбу» (К.В. Мочульский).

Поиск синтеза «земного» и «неземного», стремление совместить рациональное и иррациональное, попытка обосновать мистическую идею «видимого» как отражения потусторонней и недоступной «реальности» – такова концепция итогового произведения В. Соловьёва. Понимая внешнюю зыбкость и отвлеченность образа «Вечной Женственности», «Лучезарной Подруги», невозможность его художественной конкретизации, предотвращая насмешки окружающих, поэт представил свои мистические откровения в шутовском обрамлении, используя иронию как категорию философскую, как ведущий принцип философской эстетики (следование традиции романтизма – прим. авт.). Таким образом поэт декларирует двойственность своей души: одна ее сторона связана со «светлой половиной», с детским ее состоянием, с Богом, вторая – с суетным, «обманчивым миром», в котором Добро, Красота и Любовь не выживут и вынуждены переместиться в мир мечты и грез: «Душа моя – к житейскому слепа...» (первая встреча – I часть), «К земным дела опять душа слепа» (вторая встреча – II часть), «В моей душе те розы не завянут, / Куда бы ни умчал житейский вал», «И побежден таинственной красою, / Вдаль уходил житейский океан» (третья встреча – III часть).

Вступление и заключение, обрамляющие три части поэмы, дают основание говорить о методе мифологического реализма (традиции Ф.М. Достоевского и А.К. Толстого) и ярко иллюстрируют слова В. Соловьёва: «Я не думаю, я знаю» [4, с. 139]. Знания и дают поэту возможность внешне иронизировать над тем, что для него составляет истинную ценность бытия и что в других вызывает недоумение:

А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком, –
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком.

Цветовая символика образа Вечной Женственности в поэме ориентирована на колористику христианской иконописи: в тексте доминирует лазурь как символ чистоты, непорочности, нежности, любви: «лазурь золотистая», «лазурь золотая».

Автобиографическое начало усиливается во второй и третьей частях поэмы благодаря языковой стилистике – возвышенная лексика перемежается разговорными интонациями с оттенком самоиронии: *зигждутся, помыслил, сокрыта – помер, мчуся, скрылся, чую*. В основе второй части поэмы лежит эпизод, связанный с пребыванием поэта в Лондоне. В начале марта 1875 г. В. Соловьёв просит разрешения на поездку в Англию сроком на год и три месяца, «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии», как было написано в заявлении [6, с. 64]. Официальное разрешение в Университете было получено 16 июня 1875 г., когда поэта постигла неудача в сердечных делах с Е.М. Поливановой. 26 июня Соловьёв уже в Варшаве, а 29 июня – в Лондоне, где тут же погрузился в чтение книг и рукописей Британского музея, таящих в себе мудрость каббалы и мистиков всех времен, но, прежде всего, Беме, Сведенборга, Подеджа, теоретиков спиритизма. В России интерес к спиритизму возник в начале 70-х гг. XIX в. Об интересе В. Соловьёва к этому «духовному спорту» свидетельствует письмо, написанное еще в России к Цертелеву, который только что возвратился из Лондона: «Я все более и более убеждаюсь в важности и даже необходимости спиритических явлений для установления настоящей метафизики, но пока не намерен высказывать этого открыто, потому что делу это пользы не принесет, а мне доставит плохую репутацию; к тому же теперь я еще не имею никаких несомненных доказательств достоверности этих явлений, хотя вероятность в их пользу большая» [11, т. 2, с. 225].

В Лондоне В. Соловьёв бывает в спиритическом обществе, о чем свидетельствуют строки поэмы, где автор дает характеристику своего круга общения:

Жаль, в свой размер вложить я не сумею
Их имена, не чуждые молвы...
Скажу: два-три британских чудодея
Да два иль три доцента из Москвы.

«Чудодеи – видимо, главные герои спиритических бдений: мистер Крукс и его медиум – "бывшая мисс Крукс, а ныне миссис Конон", да и пожалуй пристыженный Соловьёвым В. Вильямс (который был схвачен за руку)» (А.П. Козырев).

Известно, что в этот период Соловьёв не только открывает новый для себя мистический мир, но и думает о работе. В письме от 7 августа 1875 г. к редактору «Православного обозрения» П.А. Преображенскому В. Соловьёв пишет: «Что касается до меня самого, то при всем моем желании услужить Вам – не могу обещать ничего. Впрочем, Вы не в праве на меня за это обижаться, так как я вообще теперь воздерживаюсь от всякой журнальной работы, и ответ мой Кавелину будет моей последней журнальной статьей. Дело в том, что я теперь занят очень большим и, если не обманываюсь, важным трудом, который требует напряжения всех моих сил и не позволяет отвлекаться ни для чего другого» [13, с. 231–232].

Доказательством работы над чем-то важным является письмо к родителям 8/20 сентября 1875 года: «Heimweh чувствую довольно сильно и постараюсь к июлю вернуться в Россию, – если только успею покончить с тем трудом, которым я теперь занят и который я должен издать по-английски, для чего уже имею подходящего переводчика» [11, т. 1, с. 11].

Вероятно, речь идет о той части «Софии», которая написана в форме монолога (недатированной), а по-французски В. Соловьёв стал писать, рассчитывая быстрее найти переводчика в Лондоне. Однако речь могла идти и о какой-то другой, не дошедшей до нас рукописи. Может быть, философ только готовился к работе над трактатом и в письмах свой план переводил в реальность, забегая вперед, что было свойственно его характеру (А.П. Козырев). В библиотеке Британского музея философ знакомится с памятниками индийской, гностической и средневековой философии. Он изучает рукописи и работы о Каббале, книги Я. Беме, Э. Сведенборга, Дж. Порреджа, Т. Парацельса, Г. Гихтеля, Г. Арнольда, Агриппы, Сен-Мартена. В будущем В. Соловьёв познакомится с трудами Е.П. Блаватской и в начале 1880-х гг. в течение двух лет будет подписчиком издаваемого ею журнала «Теософ». В 1890 г. будет написана рецензия на ее книгу «Ключ к теософии», вслед за тем – статья о ней для биографического словаря С.А. Венгерова. Философ внимательно изучал книги Е.П. Блаватской «Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина» и «Ключ к теософии».

О том, что В. Соловьёв практически все свободное время проводил в британской библиотеке, свидетельствуют строки второй части поэмы:

Все ж больше я один в читальном зале;
И верьте иль не верьте – видит Бог,
Что тайные мне силы выбирали
Все, что о ней читать я только мог.

Вместо намеченных года и трех месяцев В. Соловьёв прожил в Лондоне чуть больше четырех месяцев и в начале ноября отправился в Париж, пересек Европу, сел на пароход в Бриндизи и 11 ноября был уже в Каире.

Неожиданное решение, связанное с путешествием в Каир, автор объясняет в следующих строках своей поэмы:

«В Египте будь!» – внутри раздался голос.
В Париж – и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось.
Рассудок промолчал, как идиот.

Известно, что в Каире, где поэт «осознал нетленную порфиру и узнавал сиянье Божества...», была написана «Первая триада» его «Софии» – первые три диалога между Философом и Софией, датированные февралем 1876 г. По воспоминаниям В.А. Пыниной-Ляцкой, В. Соловьёв «просто, по-товарищески, стал рассказывать о своем путешествии в Египет, которое, по-видимому, произвело на него большое впечатление. Вспоминал особенно подробно о том, как посещал там различных аскетов, таившихся от людей, селившихся в шалашах по пустынным местностям, как на себе проверял их мистические экстазы. Хотел видеть знаменитый Фаворский свет и видел» [11, т. 2, с. 23].

События, произошедшие в пустыне между 25 и 27 ноября 1875 г., были восприняты как «самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни» (примечание к «Трем свиданиям»).

Об автобиографической основе произведения свидетельствует и упоминание реального лица – генерала Ростислава Фаддеева, дяди Е.П. Блаватской, с которым лирический герой знакомится в гостинице «Аббат»:

То Ростислав Фаддеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный –
Ресурсов тьма была сокрыта в нем [14, с. 122].

Ожидание «заветного свидания» вскоре ознаменовывается звуками услышанного Голоса: «В пустыне я – иди туда за мной» [14, с. 122]. Рассказ о путешествии в пустыню Сахара сопровождается шуточной интонацией («...среди пустыни / В цилиндре высочайшем и в пальто / За черта принятый...»), хотя в реальности это был опасный поход, связанный с риском для жизни («...в здоровом бедуине / Я дрожь испуга вызвал и за то / Чуть не убит...»). Однако, когда поэт воспроизводит свое состояние при видении и ощущении Ее, ирония отступает. В третьей части повествования строится на контрапунктах «ирония – серьезность» (традиция немецких романтиков), «сон – явь»:

И я уснул; когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты ...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты [14, с. 123–124].

Сахарская пустыня «помогла» В. Соловьёву не только увидеть Фаворский свет, но и прорваться в иную реальность, преобразиться его сознанию – «от живого к бессмертному» [9, с. 411]. «Огненное Преображение, или Преображение Светом, есть самый важный этап Космической эволюции человечества, ее главная цель. Без этого Преображения человек не сможет достичь вершины эволюционного восхождения. В основе этого процесса лежит рост напряженности энергетики человеческого духа, увеличение ее вибраций» [16, с. 134]. В душу и сердце В. Соловьёва вошло сознание Высших энергий («Безмерное в его размер входило»), озаренное «лазурным огнем» и озвученное «благостным звоном». Поэт-философ осознал Единую Высшую Божественную основу мира: «Единое есть начало всякой множественности... Оно есть одно и все» [10, с. 91]. Единство Космоса, Душа Мира – это не объективность, а индивидуальность – Вечная Женственность, София, Премудрость Божия. «София: Таким образом, знай, что существует великий сущностный закон, по которому всегда универсальность существа находится в прямой связи с его индивидуальностью: чем

более существо индивидуально, тем более благодаря этому оно универсально» [10, с. 105]. В. Соловьёв сумел «заглянуть в окно Высшей реальности и увидеть там реальную Красоту не через символ, а напрямую. Такая реальная Красота позволяла перейти от искусства рукотворного к искусству жизни, к Красоте жизни и ее Преображению. В этом заключался новый виток творчества самого человечества. Путь Преображения самого человека шел через Красоту символическую к Красоте реальной, которая несла в наш плотный мир и в нашу жизнь свою преобразующую и просветляющую силу. Свет Фаворский сверкал Красотой реальной» [16, с. 139].

В. Соловьёв назвал свою поэму «маленькой биографией», в которую вместил вселенское событие своей жизни – постижение «Души Мира». Глубокие переживания этого процесса преобразования поэт зафиксировал в шутивно-ироническом и серьезно-патетическом тоне повествования, мастерски совмещая реальное и ирреальное, конкретное и отвлеченное, субъективное и объективное. В кольцевом обрамлении поэмы (вступление – «озыал», «узнавал», заключение – «прозрел», «ощутил») раскрывается глубинный смысл произведения: только истинная вера помогает воплотиться Идеалу.

Список литературы

1. Библия. Книги Нового Завета. Откровение Иоанна Богослова. Глава 12, стих 14.
2. Брюсов В. Литературное наследство / В. Брюсов. – М., 1937. – Т. 27–28. – С. 269.
3. Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века / Л. К. Долгополов. – М. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1964. – С. 10.
4. Ельцова К. Сны нездешние / К. Ельцова // Книга о Владимире Соловьёве. – М., 1991. – С. 139.
5. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994. – С. 427.
6. Лукьянов С. М. О Владимире Соловьёве в его молодые годы / С. М. Лукьянов. – Пг., 1921. – Кн. 3, вып. I.
7. Лосев А. Владимир Соловьёв и его время / А. Лосев. – М., 1990. – С. 44.
8. Маковский С. Последние годы Владимира Соловьёва / С. Маковский // Книга о Владимире Соловьёве. – М., 1991. – С. 231.
9. Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный / Д. С. Мережковский. – М., 1996.
10. Соловьёв В. С. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В. С. Соловьёв. – М., 2000. – Т. 2.
11. Письма Влад. Серг. Соловьёва : в 3 т. – М., 2000.
12. Соловьёв Вл. Буддийское настроение в поэзии / Вл. Соловьёв // Вестник Европы. – 1894. – № 5. – С. 335.
13. Соловьёв Вл. Письма / Вл. Соловьёв ; под ред. Э. Л. Радлова. – Пг. : Время, 1923. – С. 231–232.
14. Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви ...» / В. С. Соловьёв. – М., 1990.
15. Соловьёв: pro et contra. – СПб., 2000.
16. Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты / Л. В. Шапошникова. – М., 2001.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЖАНРА: «КРОЛИКИ И УДАВЫ» Ф. ИСКАНДЕРА

Е.А. Шевель

Притча Ф. Искандера «Кролики и удавы» представляет собой синкретичный художественный текст, имеющий черты сказки о животных, которая, ввиду соотнесения с доминантными идейными комплексами других видов сказок, заимствует также их жанровые признаки. Это произведение имеет жанровые признаки философской сказки, средневековой сатиры, басни или анекдота, а также антиутопии, специфический характер которой представлен более разнообразно и глубоко в сравнении с особенностями других жанров.

The parable “Rabbits and Boas” by F. Iskander represents a syncretical artistic text which has peculiarities of a fairytale about animals, but due to the reference with overbearing conceptual units of fairytales of other genres, it also borrows their peculiarities. This work of art has genre characteristics of a philosophic fairytale, a medieval satire, a fable, an anecdote, and also an anti-utopia, the specific

character of the latter is presented more varied and deeper in comparison with the peculiarities of other genres.

Ключевые слова: Ф. Искандер, современная литература, жанр, мифологическая проза, антиутопия, литературная сказка.

Key words: F. Iskander, modern literature, genre, mythological prose, dystopia, literary fairy tale.

Художественный канон различных жанров современной литературы формируется в первой половине XX в., что является прямым следствием интенсификации информационного обмена между различными странами, роста количества переводных изданий, а значит, возрастает роль инациональных влияний и общеевропейских традиций в сфере вымысла в целом. Модели создания и функционирования художественного вымысла особенно важны для литературной волшебной сказки, для мифологической прозы, однако следует отметить и специфическое влияние элементов этих моделей на такие жанры, как утопия и антиутопия, философская сказка, литературная притча. Вслед за Е.Н. Ковтун под художественным вымыслом мы понимаем «элемент необычайного в структуре произведения: "фантастическое начало" в самом широком смысле слова, включающее не только непосредственно фантастические, волшебные, сказочные и т.п. образы, но и особую сюжетную посылку, задающую специфические параметры действия, и общую авторскую установку на создание заведомо невозможной в реальности, но в конечном итоге служащей интерпретации реальности ситуации» [3, с. 3]. Мировой литературный процесс всегда характеризовался наличием произведений, повествующих о необычайном, сверхъестественном, чудесном. В Новое время, несмотря на преобладание рационализма в восприятии мира, повествования, основанные в целом на художественном вымысле, играют в формировании круга чтения не последнюю роль.

Изучение специфики литературной сказки связано в целом с той ролью, которую она продолжает играть в сфере культуры. Литература многообразно осваивает традиции и архитектуру сказки. В разные исторические эпохи такое взаимодействие локализовалось в различных сферах: от заимствования мотивов и образов до использования отдельных элементов, конструирования канонов и пародирования. Изучение фольклорной сказки позволяет осмыслить специфику сказки литературной: закономерно, что каждый исследователь пытается дать самостоятельную дефиницию сказки, что приводит к созданию фундаментальных обобщающих работ по теории литературной сказки [2; 5–7]. Несмотря на очевидную актуальность данной проблемы, обширный перечень работ и именитость их авторов (среди исследователей авторской сказки такие видные ученые, как В.П. Аникин, Л.Ю. Брауде, Т.Г. Леонова, М.Н. Липовецкий, И.П. Лупанова, Л.В. Овчинникова), вопрос о том, что же есть литературная сказка, остается на данный момент открытым.

Очевидно, что литературная сказка не может изучаться вне ее связи с народной сказкой; эти феномены связаны отношениями преемственности. Выявление типологических черт литературной сказки представляет определенную исследовательскую проблему ввиду свободы проявления авторской фантазии, не скованной рамками фольклорного канона. Литературная сказка диалектична по своей сути: она включает константные фольклорные элементы и авторские компоненты, вариативные по своей сути. Соотношение константных и вариативных элементов в литературной сказке различно как в количественном, так и качественном отношении, вплоть до использования ресурсов иных жанров (притча, анекдот, приключенческая повесть). Важно отметить, что современный литературный процесс характеризуется взаимообогащением различных жанров. В этом смысле литературная сказка не является исключением, поскольку может быть не только реципиентом, но и донором художественных моделей, коммуникативных стратегий, изобразительно-выразительных приемов и средств.

Выявление жанровых признаков литературной сказки представляет определенную трудность. Ни апелляция к современности, ни трюичное повторение эпизодов, ни заимствование фольклорных мотивов не могут быть квалифицированы как релевант-

ные признаки этого жанра: обращение авторов к проблемам и хронотопу современности является скорее маркером определенного исторического периода в развитии литературной сказки; троекратное повторение используют и другие жанры (например, былина, песня, анекдот); рецепция и трансформация фольклорных мотивов осуществляется в мировой литературе на всем протяжении ее развития. Для типологизации жанровых признаков важны особенности композиции, авторской и персонажной модальности, тематического своеобразия, эстетической задачи, объем текста и т.д. При этом необходимо учитывать историческую изменчивость жанра. Доминирующие жанровые признаки литературной сказки возможно объединить в следующий комплекс: линейность в построении сюжета (совпадение сюжета и фабулы), статичность внутреннего мира героев, условность пространства и времени, неординарность, чудесность художественного мира и внеисторический характер конфликта. Для философской сказки характерны элементы «памяти жанров»: статичность и схематизм персонажей, абстрактность пространства и времени, линейный сюжет. Основной авторской сказки в XX в. становится сказка о животных, художественная рецепция канона сказки трансформирует систему персонажей, прежде всего, в сфере психологизации, но их схематизм и статичность сохраняются. Основной функцией персонажей философской сказки является функция гносеологическая.

Специфика конфликта и сюжета философской сказки возникает из ее эпистемической направленности, что в совокупности с гносеологической функцией персонажей выводит на первый план процессы созерцания, рефлексии, что закономерно влечет значимость лиризации нарратива и дискуссии, а значит, драматизацию прозы, вытесняющие традиционный для эпоса событийный план. Аномалии в сфере алетики и эпистемологии, утрата художественным временем телеологического характера представляют собой основные смысло- и сюжетообразующие факторы философской сказки второй половины XX в., действие которой не абсолютизирует ни циклического, ни линейно-векторного, ни девиантного движения времени. Философская сказка тем самым не соблюдает, не нарушает, но реконструирует законы времени для осуществления авторского целеполагания.

Актуальной проблемой литературоведения и эстетики в целом является выяснение мифологических компонентов в составе различных художественных текстов. Одним из аспектов, имеющих в этой сфере весьма широкие перспективы, становится определение и истолкование эстетической связи утопии с мифом. Здесь выделяется два направления: различение мифа и утопии на основе критерия авторства и сближение мифа и утопии на основе содержательно-тематического вектора, в рамках которого утопия трактуется как одна из модификаций социального мифа; миф в таком ракурсе – ответ на потребность человечества теоретически объяснить причины беспорядочной современной жизни.

В свою очередь, осмысление жанрового соотношения утопии и сказки имеет обоснование в самой советской действительности: эти виды творчества объединяет ряд признаков: пространство («тридцатое царство» – вариант «места, которого нет»); приключенческий элемент в структуре повествования; герои, попадающие на цветущие острова и т.д. Эстетическая установка сказки на ложь и дидактизм, отделившая сказку от мифа, основанного на безусловной вере, дистанцирует ее и от утопии, но приближает к антиутопии, также склонной к назидательности. В условиях развития советской литературы сказка сначала изъята из круга детского чтения, затем заменена новой, советской, революционной, которая соединена с мифом подобно тому, как создана новая «религия» в форме коммунистического учения на основе отречения от религии. Развитие жанра советской литературной сказки уникально еще и потому, что, наряду с каноническими текстами (сказки А. Гайдара, Л. Лагина), появляются и сказки-«антиутопии», глубинный смысл которых будет интерпретирован уже в контексте другого времени (сказки Ю. Олеси, К. Чуковского, Е. Шварца).

Литература XX в., ставя насущные вопросы времени, предлагает разнообразные художественные решения. При этом определенные трудности представляют разграничение жанров, проблема авторского определения жанра произведения в его соот-

несенности с жанроопределением читающей публикой. Так, например, жанровое авторское определение, данное Ф. Искандером «Кроликам и удавам», – притча – заслуживает детального рассмотрения ввиду неоднозначности толкования самого термина, а также соответствия номинации художественной практике. В литературе конца XX в. фиксируется тяготение к мифологизации повествования, к приданию художественному тексту глубокого философского смысла через реминисценции, аллюзии, широкое использование приема интертекстуальности. Этим критериям как нельзя лучше отвечает жанр притчи. Отметим также, что несомненное влияние на авторскую притчу Ф. Искандера оказал жанр философской сказки. Широко распространенное в литературе XIX–XX вв. жанровое определение «философская сказка» не является маркером философичности, отсылки к философии как науке о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления в первом значении термина. Зачастую определение подвида сказки «философская» выражает нехарактерную для отечественной традиции русской философской прозы рефлексивную этическую или эстетическую, а языковую [8, с. 3]. Подчеркнем, что в данном случае Ф. Искандер соотносит пафос своего произведения и его целеполагание с изначальным значением термина «философская сказка», не сосредоточиваясь исключительно на языковой игре и репрезентирующих ее художественных приемах. Думается, Ф. Искандер не обошел своим вниманием и опыт создателей сказок-«антиутопий».

Жанровые признаки антиутопии в притче Ф. Искандера представлены наиболее многообразно и глубоко в сравнении с чертами других жанров: сказок о животных, средневековой сатиры, басни или анекдота. Так, псевдокарнавал как основной жанровый признак антиутопии модифицируется у Искандера в формообразующий фактор, так как в аллегоризации уже заложены основы карнавала. Если же эта карнавализация имеет в своей основе политическую составляющую, то мы имеем дело именно с псевдокарнавалом. Псевдокарнавал основывается на страхе: «Смысл страха в антиутопическом тексте заключается в создании совершенно особой атмосферы, того, что принято называть "антиутопическим миром". Как следует из природы карнавальной среды, чувства и качества приобретают амбивалентность: страх соседствует с благоговением перед властными проявлениями, с восхищением ими. Эта амбивалентность оказывается "пульсаром": попеременно "включается" то одна, то другая крайность, и эта смена становится паранормальным жизненным ритмом. Благоговение становится источником почтительного страха, сам же страх стремится к иррациональному истолкованию» [4, с. 155].

Мотив страха разнообразно используется Искандером при создании художественного мира «Кроликов и удавов»: «Наш гипноз – их гипноз. Их гипноз – наш страх» [1, с. 51]. Так же, как и в антиутопии, в притче Ф. Искандера сюжетобразующим фактором становится донос: «Те, за которыми следят, узнав, что есть те, за которыми не следят, могут слишком сильно обидеться и уже в глубоком подполье устроить заговор против Короля» [1, с. 79]. Прием аттракциона как жанровый признак антиутопии также плодотворно используется писателем. При этом ритуализация жизни, занимающая доминирующую позицию в развитии сюжета антиутопии, составляет смысловое единство с аттракционом: в притче Искандера эти два начала составляют нерасторжимое единство. Аттракцион-ритуал становится формой существования государственной власти (тоталитарного режима для удавов, монархии для кроликов): «Появляясь среди удавов, Великий Питон произносил боевой гимн, который все удавы в знак верности должны были выслушивать, приподняв голову <...> Для Великого Питона все удавы считались младыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишился жизни как изменник. Вот почему Косой, еще не ставший косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна. На самом деле он напрасно так испугался. Привычка при звуках гимна поднимать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами» [1, с. 34–35].

Искандер вводит мотив ритуала и в жизнь кроликов («Время от времени сочетание цветов в изображении Цветной Капусты на знамени едва заметно менялось, и кролики видели в этом таинственную, но безостановочную работу истории на благо кроликов. Увидев на знамени слегка изменившийся узор цветов, они многозначительно кивали друг другу, делая для себя далеко идущие оптимистические выводы. Говорить об этом вслух считалось неприличным, нескромным, считалось, что эти внешние знаки внутренней работы истории проявились случайно по какому-то добродушному недосмотру королевской администрации» [1, с. 49]), и в жизнь удавов (гипнотическое воздействие удава на кролика перед «обработкой», которое не описывается детально, но имеет до определенного момента развития действия абсолютно предсказуемый результат). Герой, отказавшись от выполнения ритуалов, направляет ход действия в неожиданную сторону, тем самым сообщая сюжету занимательность: например, Задумавшийся, не выполняя запрограммированные издавна действия во время гипноза, тем самым нарушает его ритуал, а также заведенный порядок в обоих государствах. Взаимодействие антиутопии с народной смеховой культурой также задействовано в «Кроliках и удавах»: «– И вот что, кролики, – продолжал Король, оглядывая толпу с выражением проныцательной умудренности, – будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уюта безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорю, к теплой, ласковой крольчихе?!» [1, с. 56]. Эта эксплуатация властью эротической сферы тем более показательна, так как история человечества, особенно история XX в., не знает ни одного государственного режима, в особенности тоталитарного, который не вторгся бы в интимную сферу личности, не пытался бы ввести и в ней регулятивные меры. Кроме того, апелляция к одному из основных инстинктов всегда беспроигрышна: для «человека массы» эротические мотивы представляют собой одну из доминант: так, В.Е. Хализев, ссылаясь на Дж. Кавелти, указывает, что читательские запросы массового читателя «удовлетворяются путем насыщения произведений мотивами (символами) опасности, неопределенности, насилия и секса» [9, с. 131].

Законы карнавала действуют в сфере изображения отношений граждан к своему государству: «состояние экстатической влюбленности в государство, в вождя становится субстантой нормальной, естественной любви, и пути этой любви сильны, как в никаком ином жанре» [4, с. 158]. Ср. у Искандера: «Конец королевской речи потонул в дружных аплодисментах во славу прекрасных продуктов. В шуме этих аплодисментов время от времени раздавались выкрики в честь Короля из среды Допущенных к Столу и восторженные высвисты в его же честь из среды Стремящихся. Как всегда, скандировалась слава Великой троице с некоторыми частными добавлениями, среди которых чаще всего слышалось: – Скромной морковке тоже слава! Интересно отметить, что каждый кролик, аплодируя, был уверен, что он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроliками. Но при этом он думал, что другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля» [1, с. 57].

Антиутопия всегда аллегорична, что определяет воздействие ее мотивов на другие жанры. Рецепция таких элементарных сюжетных структур литературной сказкой соотносит сказку Ф. Искандера с древнейшим архетипическим сознанием, следовательно, выявляет не только ситуативные конкретно-исторические особенности социума, но и глубинные психические структуры, обуславливающие возникновение, функционирование и консервацию определенных государственных институтов.

Аллегоричность сказки Искандера репрезентирована, прежде всего, тем, что кролики и удавы представляют собой шаржи на известных политических деятелей, аллюзивно отсылают читателя к историческим событиям, социальным стереотипам, ситуациям, тем самым выводя повествование на более высокий уровень – осмысление цикличности времен, выяснение природы устремлений человека, его индивидуальной и

социальной сущности. Фиксируется также определенное сходство «Кроликов и удавов» с притчей: во-первых, ввиду определенной доли дидактизма, например: «Кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы – это кролики на высшей стадии своего развития» [1, с. 43]; во-вторых, такой вывод может быть сделан на основе явной цитации Искандером притчевых элементов: например, упоминание в тексте об удаве, укусившем себя за хвост, являющееся древним коаном). Прецедентность искандеровского текста создает необходимый культурно-философский контекст, который востребован интеллектуальным читателем XX–XXI вв.

Подчеркнем, тем не менее, что сатирическая направленность сказки Ф. Искандера имеет в своей основе не только авторскую субъективную модальность, аксиологическую составляющую его мировосприятия, но и общую направленность литературы на выявление и порицание человеческих пороков, социально-нравственных изъянов общества. История мировой цивилизации показывает, что жизнь человечества нельзя представить без смеха и шуток, а литературу без сатиры и острот, и сатира во все времена и века исправно выполняла свое прямое предназначение.

Притча Ф. Искандера «Кролики и удавы» отсылает читателя не только к названным выше жанрам. При глубоком анализе весьма явственно обнаруживаются параллели с романом-памфлетом А. Франса «Остров пингвинов» (1908). Замысел Искандера не столь глобален, он не задается целью, которую определяет А. Франс в предисловии к своему роману: изобразить «деяния человечества», заимствуя «многие черты из истории собственной страны». Именно поэтому Франс избирает в качестве основы композицию учебника истории – составляющие его части носят названия «Происхождение», «Древние времена», «Средние века и Возрождение», «Новое время», «Новейшее время», «Будущее время» – и пародирует эту структуру. Роман-памфлет А. Франса и философскую сказку Ф. Искандера роднит обличительный пафос: оба писателя осмысливают судьбы человечества, природу государственной власти, ее тиранический характер. Мысль Франса о вечном и бессмысленном круговороте истории усиливается кольцевой композицией книги: она начинается и заканчивается одними и теми же словами. «Остров пингвинов» относится к произведениям, в которых истина предстает в форме вымысла, аллегии, сказки. Франс обогащает национальные традиции в сфере комического (Рабле, Мольер, Вольтер), сосредоточив внимание на политической сатире. Она реализуется в романе при помощи системы художественных средств, включающих пародию, памфлет, буффонаду, фарс, подбор значащих имен (королева Крюша – «кувшин», в переносном значении «дура»; социалист Лариве – «сделавший карьеру»; министр юстиции Бук – «козел»; монах Агарик – «гриб» и др.). Тем не менее, доминанту художественной структуры романа А. Франса, как и у Рабле, составляет гротеск, акцентирующий уродливую деформацию художественного и реального миров. Искандер, как и Франс, приходит к неутешительному выводу о цикличности времен, о повторяемости ошибок на историческом пути, об отсутствии прогресса в сфере идей, к мыслям о торжестве страха перед властью, обмана, чиновничества и в конечном счете – о деспотической природе любой власти.

Итак, притча «Кролики и удавы» представляет собой синкретичный художественный текст, имеющий черты сказки о животных, которая, однако, ввиду соотнесения с доминантными идейными комплексами других видов сказок заимствует также их жанровые признаки: в качестве сюжетообразующих и идейно-тематических стратегий в нем задействованы мотив обмана (сказка о животных), борьбы с силами зла (волшебная сказка), с человеческими пороками (сказка бытовая или новеллистическая), тогда как столкновение интересов, предательство, конкуренция на различной почве характеризуют все виды сказок, фольклорных и литературных, а также различные литературные жанры – романы, повести с их жанровыми подвидами: например, роман-утопия, роман-антиутопия, роман-памфлет, фантастическая повесть и пр.

Список литературы

1. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы / Ф. Искандер. – М. : Эксмо, 2009. – 832 с.

2. Киреева О. И. Становление русской литературной сказки (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Киреева. – СПб., 1995. – 21 с.
3. Ковтун Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Ковтун. – М., 2000. – 304 с.
4. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 153–164.
5. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX в. в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии / Т. Г. Леонова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1982. – 165 с.
6. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов) / М. Н. Липовецкий. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 184 с.
7. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук / Л. В. Овчинникова. – М., 2001. – 387 с.
8. Тихомирова А. В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Тихомирова. – Ярославль, 2011. – 14 с.
9. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. / В. Е. Хализев. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НОНСЕНСА В АНГЛИЙСКОМ ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. ЛИРА И Л. КЭРРОЛЛА

Е.А. Шкурская

В статье рассматриваются основные способы выражения нонсенса на материале английского детского фольклора и произведениях Э. Лира и Л. Кэрролла, сопоставляются фольклорные и индивидуально-авторские способы критического осмысления действительности, выделяются основные функции фольклорных и авторских нонсенов.

Basic ways of expression of nonsense are analysed in the article on the material of nursery rhymes and works by E. Lear and L. Carroll. The folklore ways of critical understanding of reality are compared with the authorial ones. The main functions of folklore and authorial nonsense are singled out.

Ключевые слова: нонсенс, детский фольклор, способы выражения, функции, произведения Э. Лира и Л. Кэрролла.

Key words: nonsense, nursery rhymes, ways of expression, functions, works by E. Lear and L. Carroll.

Большинство исследователей нонсенса (Э. Сьюэлл, Э. Каммаэртс, Е.В. Падучева, Н.М. Демурова, Дж. Колоннезе) обращается к творчеству Л. Кэрролла и Э. Лира, считая их основоположниками этого жанра, в то время как корни и истоки английского нонсенса заложены в английском детском фольклоре Nursery Rhymes. Разнообразные приемы, мотивы, образы фольклорных нонсенов расширяются и переосмыляются в авторских контекстах.

По нашим данным, нонсенс в английском детском фольклоре не был предметом специального лингвистического анализа. Интерес к английскому детскому фольклору Nursery Rhymes объясняется, прежде всего, тем, что прецедентные тексты наиболее ярко отражают национально-культурную специфику языка, представляют собой ценнейший источник сведений о культуре, менталитете народа, привычках, морали, поведении.

Концептуальный анализ имени «нонсенс», анализ основных подходов к изучению комического и игрового, а также выделение ряда конститутивных признаков нонсенса позволили нам установить основные способы выражения нонсенса на материале английского детского фольклора.

Мы выделяем следующие группы.

1. Перевернутый мир, или перевертыши (инвертируются связанные между собой пары явлений окружающего мира):

✓ перевертыши большого и малого (малому приписываются качества большого, и наоборот): *I saw a pismire swallow up a whale / I saw a Venice glass sixteen foot deep / I saw a house as big as the Moon and higher / I saw a parson twelve feet high* [10, p. 179] (Муравей проглотил кита, стакан из венецианского стекла в 16 футов, дом такой же большой, как и луна и даже выше, священника ростом 12 футов). Данный пример иллюстрирует инвертирование норм размера животных, глубины предмета, высоты предмета, роста человека. Общая функция выделенной группы – становление нормы размера через бинарного двойника;

✓ перевертыши холодного и горячего: *He burnt his mouth / With supping cold plum porridge* [10, p. 156] (Он обжегся, ужиная холодной сливовой кашей). Инвертируется норма тактильного восприятия холод – тепло;

✓ перевертыши еды: *There was an old woman called Nothing-at-all, / Who lived in a dwelling exceedingly small; / A man stretched his mouth to its utmost extent, / And down at one gulp house and old woman went* [10, p. 174]. Пример иллюстрирует съедобность несъедобных вещей (мужчина проглотил дом, а вместе с ним и старушку);

✓ перевертыши явлений природы: *A man in the wilderness, he asked me / How many strawberries grew in the sea; / I answered him as I thought good, / As many as red herrings grew in the wood* [10, p. 150] (Клубника растет в море, а селедка на деревьях). Данный пример иллюстрирует выявление нормы мироустройства через бинарного двойника;

✓ перевертыши ездока и коня: *Three wise men of Gotham / Went to sea in a bowl / And if the bowl had been stronger / My song would be longer* [10, p. 107] (Три мудреца отправились путешествовать по миру в чашке). Юмористический эффект достигается не только инвертированием способа передвижения, но и несоответствием характеристик героев (мудрые) и глупостью поступка;

✓ перевертыши телесных недостатков: *Three blind mice, see how they run! / They all run after the farmer's wife* [10, p. 162] (Три слепые мыши преследуют жену фермера). Данный пример иллюстрирует анимизм детского мышления, очеловечивание животных;

✓ перевертыши действующих лиц: *If the buttercups ate the cows. / If the cat had a dire disaster / To be worried, sir, by the mouse. / If a gentleman, sir, was a lady. / If the butterfly courted the bee / And the owl the porcupine* [10, p. 44] (Если бы лютики ели коров, если бы мышь беспокоила кошку, если бы джентльмен был леди, если бы бабочка ухаживала за пчелой, а сова за дикобразом). В данном примере действующие лица меняются местами и выполняют несвойственные им функции. Данный пример иллюстрирует изоморфизм детского мышления – отождествление людей и животных.

Как видим, инвертируются связанные между собой пары явлений окружающего мира, которые представляют собой описание пространственно-временных координат.

2. Нонсенс части и целого (предмет отделяется от своего носителя и обретает самостоятельное существование): *Peter White will ne'er go right; / Would you know the reason why? / He follows his nose wherever he goes, / And that stands all awry* [10, p. 182] (Нос передвигается отдельно от своего владельца и заставляет следовать за собой). Прием отчуждения помогает осознать истинное положение вещей, установить существующую между ними связь.

3. Нонсенс местопребывания (герой находится в необычном или нелепом месте): *There was an old woman who lived in a shoe* [10, p. 233]; *There was an old woman lived under some stairs* [10, p. 440] *Baby and I were baked in a pie* [10, p. 41]. Нонсенс местопребывания героя заключается в замене центрального элемента мира ребенка – понятия «дом» – конкретными именами существительными, которые в реальном мире не могут считаться жилищем.

4. Атрибутивный нонсенс (один признак распространяется на все стихотворение). Если принять во внимание игровую природу нонсенса, то сплошная атрибуция

является игрой образом, гиперболизируется один чувственно воспринимаемый признак (форма, размер, качество), что также соответствует способу восприятия мира ребенком: *There was a crooked man and he walked a crooked mile, / He found a crooked sixpence against a crooked stile; / He bought a crooked cat, which caught a crooked mouse, / And all they lived together in a little crooked house* [10, p. 152].

5. Аллитерационный нонсенс. В английском детском фольклоре встречаем ряд стихов с характерными нонсенсными образованиями, которые имеют привлекательный звуковой облик и завораживают детей: *Hey diddle dinkety, poppety, pet* [10, p. 144]; *Hickety, pickety* [10, p. 259]; *Higlety, piglety, pop* [10, p. 115]. Такие аллитерационные зачины встречаются чаще всего в небылицах, повествующих о чудесах, и выполняют так называемую подготовительную функцию: услышав необычные слова, ребенок подготавливается к необычному раскрытию сюжета.

6. «Идиотская очевидность» – *idiotic obviousness* (Э. Каммаэртс): констатируются самоочевидные вещи, гиперболизируется норма; *Here am I, little Jumping Joan; When nobody's with me I'm all alone* [10, p. 136]. Такой вид алогизма, своего рода нонсенс наоборот, когда норма гиперболизируется, призван развить в ребенке чувство юмора.

7. Алогизм поведения (чрезмерная подвижность, жестокость или иные нарушения нормы поведения): *Frank, Frank, Turned the crank / His mother come out and gave him a spank / And knocked him over the sandband* [10, p. 411] (Мать отшлепала сына и сбила его с ног).

Согласно концепции, предложенной Э. Сьюэлл, наличие жестокости в NR объясняется игровой природой нонсенса, требующей от игроков амбициозности, упорства и воли к победе и совершенно не оставляющей места для эмоций, которые, являясь абсолютно противоречивыми сущности и нонсенсу, могут быть либо неверно истолкованы, либо вообще помешать ходу игры [11, p. 131–132].

8. Пунктуационный нонсенс – игра с пунктуацией и интонацией: *I saw a fishpond all on fire / I saw a house bow to a squire / I saw a parson twelve feet high / I saw a cottage near the sky* [10, p. 95]. Если правильно расставить знаки препинания, то стихотворение приобретает смысл: *I saw a fishpond / all on fire I saw a house / bow to a squire I saw a parson/ twelve feet high I saw a cottage...* [10, p. 95]. Первоначально такие стихи были задуманы как упражнения для выработки навыков правильного чтения или пунктуации и лишь потом переосмыслены.

9. Произносительный нонсенс: *Every lady in this land / Has twenty nails upon each hand / Five and twenty on hands and feet / All this is true without deceit* [10, p. 139]. Эта загадка намеренно произносится без пауз, чтобы показать слушателю, как может обмануться ухо.

В выделенных нами типах нонсенса проявляются основные свойства фольклора, детского фольклора и английского детского фольклора. Связь с обрядом объясняет появление аллитерационного нонсенса. Специфика детского восприятия действительности и усвоения языка, игровое начало как условие функционирования детских фольклорных текстов объясняет появление перевертышей, атрибутивного нонсенса, нонсенса местопребывания героев, части и целого, инвертирование причины и следствия. “*Idiotic obviousness*” и «чрезмерная жестокость» являются специфично-английскими приемами создания нонсенса.

Если рассматривать выделенные нами типы нонсенса с позиции смеха (смех является обязательным признаком нонсенса), то они распадаются на две группы: смех ради смеха (перевертыши, атрибутивный нонсенс, нонсенс местопребывания, части и целого, причины и следствия) и смешно, потому что не конвенционально (алогизм поведения, “*idiotic obviousness*”).

Выделенные нами типы нонсенса в английском детском фольклоре выполняют ряд функций:

✓ перевернутый мир: функция – становление нормы через выявление противоположностей, а также эмоциональный эффект радости от осуществления познавательной деятельности;

- ✓ атрибутивный нонсенс: функция – появление фантастического мира;
- ✓ аллитерационный нонсенс: функция – подготовка к необычному сюжету;
- ✓ пунктуационный и произносительный нонсенс: функция – обучение навыкам письменной речи;
- ✓ нонсенс части и целого: функция – становление нормы между частью и целым;
- ✓ «идиотская очевидность»: функция – развить чувство юмора;
- ✓ алогизм поведения: а) чрезмерная жестокость, функция – игровая природа нонсенса требует амбициозности, упорства, воли к победе, нет места эмоциям; б) чрезмерная подвижность, функция – отражение динамичного восприятия мира ребенком; в) алогизм причины и следствия, функция – становление нормы;
- ✓ нонсенс местопребывания героя: функция – установление нормы.

Нонсенс в английском детском фольклоре соответствует способу познания мира ребенком в процессе фило- и онтогенеза. Значение слова складывается из семантических признаков (форма, размер, движение, вкус усваиваются раньше). Чувственные образы первичны, из них складывается понятие. В бинарных оппозициях детского фольклора мы находим противоположности размера, движения, вкуса, формы соответственно. Появление таких явлений в фольклоре, как соединение несовместимых элементов, псевдомотивировка поступков и событий, нарушение причинно-следственных связей, самостоятельное бытие частей человеческого тела соответствует наивному восприятию мира ребенком. Ускоренность действий на семантическом уровне, а также использование простых временных форм, которое создает динамику движения в нонсенсах; ограниченность пространственных рамок, использование конкретных предметов при создании алогизмов так же отражают особенности детской картины мира.

Среди основных факторов речевого развития человека в раннем возрасте выделяются:

- ✓ фактор положительных эмоций;
- ✓ фактор потребности эмоционального контакта с близким человеком;
- ✓ фактор физиологического развития органов речи (слухоречедвигательного анализатора);
- ✓ фактор потребности в содержательном общении;
- ✓ интеллект, потребность и способность номинации и обобщения;
- ✓ фактор речевой среды;
- ✓ фактор речевой активности [5, с. 188–197].

Если соотнести выделенные нами функции нонсенса с факторами речевого развития, то феномен нонсенса в целом, его комизм, становление нормы, радость от осуществления познавательной деятельности соответствуют таким факторам речевого развития, как фактор положительных эмоций, фактор потребности содержательно-го общения, интеллект.

Типы нонсенса английского детского фольклора соответствуют следующим функциональным основам теории мифа: объяснить мир и компенсировать недостаток знаний и «незрелость пытливого ума» (перевертыши), упражнять и совершенствовать мыслительные способности человека в форме фантазийной моделирующей игры (перевертыши, атрибутивный нонсенс, нонсенс местопребывания, нонсенс части и целого), компенсировать страхи тревожного состояния, выполняя психотерапевтическую функцию (алогизм поведения, а именно чрезмерная жестокость).

Нонсенс, зафиксированный и в англо-саксонских текстах, и в английском детском фольклоре, был забыт и появился вновь в Викторианскую эпоху. Более того, за ним закрепляется особое положение в литературе как литературного жанра, у него находят свои последователи и подражатели.

Опираясь на богатую фольклорную традицию, Э. Лир создает две небольшие книжки – “A Book of Nonsense” (1846) и “More Nonsense” (1846). Основой для первых работ Э. Лира послужили лимерики – короткие, известные с давних пор песенки, происхождение которых связывают с ирландским городом Лимериком. Э. Лир ис-

пользовал форму народного лимерика, сохранил его основную схему, введя небольшие изменения. Он слил третью и четвертую усеченные строки в одну, объединенную внутренней рифмой и придал особую торжественность первой строке употреблением заглавных букв, сосредоточил свое внимание на маловероятном, необычном, отбросив все другие традиционные сюжеты лимерика.

Анализ способов создания нонсенов позволяет отметить, что не все выделенные нами типы нонсенов английского детского фольклора сохраняются в творчестве Э. Лира.

Нонсенс в творчестве Э. Лира представлен как:

- ✓ перевертыши (фольклорный);
- ✓ алогизм поведения: чрезмерная жестокость (фольклорный), чрезмерная подвижность (фольклорный);
- ✓ нонсенс местопребывания (фольклорный);
- ✓ нонсенс части и целого (фольклорный);
- ✓ чрезмерная гиперболизация частей тела (авторский);
- ✓ шутки о смерти (авторский);
- ✓ алогизм поведения (авторский) – маркируются ценности эпохи.

Литературные сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в зазеркалье» являются классическим образцом нонсенса и появились в тот же период, что и лимерики Э. Лира, но представляют собой не поэтические произведения, а литературные сказки. Нонсенс Кэрролла реализуется как в прозе, так и в стихотворениях, включенных в сказочный сюжет. Трансформация нонсенса происходит не только на ритмическом, синтаксическом, но и на композиционном уровне организации сказки.

Опираясь на конститутивные признаки нонсенса, мы выделяем следующие типы нонсенса:

- ✓ нонсенс части и целого (фольклорный);
- ✓ перевертыши (фольклорный);
- ✓ алогизм поведения: группа чрезмерная жестокость (фольклорный), чудачки, безумцы (авторский);
- ✓ нонсенс-каламбур, игра слов (авторский);
- ✓ нонсенс – ложная этимология (авторский).

Отличительной особенностью нонсенов Л. Кэрролла является появление оценочного компонента нонсенса. В отличие от детского фольклора и лимериков Э. Лира, номинируется не только явление, но и отношение к нему.

Анализ оценочного компонента нонсенса позволяет сделать следующие выводы:

- ✓ нонсенс является каузатором базовой человеческой эмоции удивление;
- ✓ специфика нонсенса заключается в положительной оценке странности и необычности, тесной связи странного и смешного, акцентировании происходящего сверх ожидания;
- ✓ вербально нонсенс выражен эмоциями удивления средней степени интенсивности, что соответствует языковой коммуникативной сдержанности как доминанты британской культуры;
- ✓ богатство внутреннего содержания нонсенса по сравнению с общей нейтральностью английского языка позволяет говорить о нонсенсе как о компенсаторном языковом явлении;
- ✓ рациональное восприятие каузатора удивления, активность действий со стороны субъекта с целью изменить ситуацию в свою пользу являются отличительными чертами британской культуры.

Таким образом, обозначенные конститутивные признаки нонсенса позволили нам выделить основные способы выражения нонсенса на материале английского детского фольклора и авторских текстов. Фольклорные нонсенсы представляют собой активное познание действительности ребенком через выявление бинарного двойника, а также отражают специфику восприятия действительности ребенком.

В авторских текстах Э. Лира и Л. Кэрролла присутствуют как фольклорные (перевертыши, чрезмерная жестокость, нонсенс местопребывания, нонсенс части и це-

лого), так и авторские (шутки о смерти, гиперболлизация частей тела, алогизм поведения, каламбур, ложная этимология) приемы создания нонсенса. В группе «Перевернутый мир» бинарные оппозиции авторов отражают не только нормы, позволяющие функционировать в окружающей действительности, но и общественные нормы, позволяющие функционировать в социальной среде. В более общем смысле нонсенсы фольклора отражают способ познания действительности ребенком, нонсенсы Э. Лира и Л. Кэрролла отражают действительность в карнавальном ключе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Галинская И. Л. Льюис Кэрролл и загадки его текстов / И. Л. Галинская. – Режим доступа: <http://volna.permlink.ru/volna/knigi/knigi/bib/bib/10/Carrol>, свободный. – Заглавие с экрана. – Из рус.
3. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл: очерк жизни и творчества / Н. М. Демурова. – М., 1979. – 200 с.
4. Колоннезе Дж. Нонсенс как форма комизма. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Дж. Колоннезе. – М. : Индрик, 2007. – С. 254–262.
5. Львов Р. М. Основы теории речи : учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. завед. / Р. М. Львов. – М. : Академия, 2000. – 248 с.
6. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Л. Кэрролла / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – М. : Языки русской культуры, 1997. – Вып. 35. – С. 184–226.
7. Цветкова М. В. Английское // Межкультурная коммуникация : учеб. пос. / М. В. Цветкова. – Н. Новгород : Деком, 2001. – С. 158–184.
8. Cammaerts E. The Poetry of Nonsense / E. Cammaerts. – London : Geage Routledge & Sons Ltd, 1925. – 86 p.
9. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass and What Alice Found There / L. Carroll. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. – 232 с.
10. Mother Goose Rhymes. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. – М. : Raduga, 1988. – 684 p.
11. Sewell E. The Field of Nonsense / E. Sewell. – London : Chatto & Windus, 1952. – 198 p.
12. Topsy Turvy World. English Humour in Verse. – М. : Progress, 1978. – 320 p.

TRANSLATION, TRANSLATION ENVIRONMENT AND SOCIAL ORDER: RUSSIAN TRANSLATIONS OF SHAKESPEARE

T.V. Buzina

В статье рассматривается проблематика переводов У. Шекспира, в частности, трагедии «Гамлет», на русский язык как в связи с намеренно используемой Шекспиром полисемией, так и в связи с сознательными и бессознательными комплексами представлений о человеке, сложившимися у переводчиков. Особое внимание уделяется влиянию советского политического режима на формирование психолого-антропологических представлений у переводчиков XX в.

The article considers the problem of translating W. Shakespeare (and *Hamlet* in particular) into Russian in connection with a) Shakespeare's deliberate polysemy and b) conscious and unconscious anthropological ideas of the translators themselves. Particular attention is paid to the influence of the Soviet regime on formation of the XXth century translators' ideas of the humanity.

Ключевые слова: Шекспир, Полевой, Пастернак, «Гамлет», полисемия, совесть, сознание.
Key words: Shakespeare, Polevoy, Pasternak, Hamlet, polysemy, conscience, consciousness.

This paper springs from a general scholarly interest that lies in exploring the rather large ideas of humanity, human condition, and human destiny at various stages of the human history, mostly in the modern time. Simply put, I want to know how a human being is understood and what this being's quest is, if any. Shakespeare is an indispensable part of such a context, and Harold Bloom provides an excellent explanation of why it is so. Shakespeare "will go on explaining us, in part because he invented us", writes Bloom, and it is a weighty observation [2, p. xx]. That is, Shakespeare's human is a model for our humanity.

He sets forth permissions and prohibitions, he determines our limits and possibilities. If we live on earth and never think of “the undiscover'd country, from whose bourn // No traveller returns” (Hamlet, act 3, scene 1) Shakespeare is someone we look up to in any quandary. Bloom's quote also explains why, with all the wealth of Shakespearean criticism, there are regions gently tip-toed about, and it is those regions that present a particular challenge for a translator.

Translating is impossible without interpretation, and when it comes to Shakespeare, it applies to speakers of English as well as speakers of any other language his texts are translated into. We are all separated from Shakespeare by hundreds of years, and we project onto him our own ideas that might be borrowed from other cultures, and we still assume that this is, indeed, Shakespeare and, by extension, us. *Macbeth* gives an interesting example of just such a projection. When Macbeth discovers that he, indeed, did the dirty job for Banco and his descendants, he exclaims: *Rather than so, come, fate, into the list, // And champion me to th' utterance!* (act 3, scene 1).

The Oxford English Dictionary states that *champion* in this particular case means “to fight against.” And this meaning is coined by Shakespeare [10, p. 31]. *Utterance*, in turn, means *extremity*, that is, death. However, if we turn to Shakespeare's Concordance we learn that the word *champion* is used about 30 times, and 29 out of those 30 it is a noun meaning *defender*. And the single instance when *champion* is used as a verb seems to be chosen by Shakespeare to give this word a directly opposite meaning [13]. (Of course, there were suggestions that it still means *to defend* [16, p. 78], but then there is the OED). However, when *champion* means *to fight against*, it depicts the kind of relation between a warrior and his fate that we can easily understand, the kind familiar to us from the Greek myths that we used to read as children, the kind that quite often serves as some sort of blueprint for interpreting the notion of fate in general. Yet, could there be another interpretation? After all, Macbeth is not a Greek warrior (He is not much of a Scottish thane either, but that's a different matter). The same Concordance informs us that Shakespeare used *utterance* quite often in the meaning of *saying*. That is, Macbeth might as well ask that fate come into the list to defend him as the said fate promised, that is, uttered before. What comes between the modern interpreters and this reading is the millennia-old concept of Greek fate that is inevitably hostile towards people and mostly implacable. We as readers and interpreters force our literary ideas on Shakespeare while he could have entertained on this matter rather different, and even diametrically opposed notions. In this case, a translator who feels that his/her job is to render a text word by word because s/he is paid per word, will most likely deprive the text of any poetic beauty but s/he just might hit onto a direct meaning long since lost or buried by various interpreters. Yet instances such as these lines from *Macbeth* demonstrate that Shakespeare's texts sometimes turn out to be convenient vehicles for interpreters' self-expression especially given the Bard's penchant for coining words and meanings and his fondness for a florid, highly ornate and sometimes difficult manner of writing (it is particularly obvious in his early works, such as *Romeo and Juliet*; in his later plays, his flamboyant writing style is significantly toned down).

In Russia, the cultural situation was such that translation formed a gigantic part of the country's cultural heritage, starting in the 10th century with the flood of translations, mostly from Greek. Even original Russian works were either based on translational models, or generously sprinkled with bits borrowed from various translated sources, notions of authorship being what they were, i.e., nonexistent. Translation has always been the instrument of education and enlightening, and it was practiced not only by people who made their living translating, but also by people who were authors in their own right. Arguably, this holds true from the 10th up to at least mid-19th century with poets such as Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, and Fedor Tiutchev taking considerable liberties with various poetic texts they translated into Russian. Many translators (and not in Russia only) considered it within their rights to amend and change original texts. However, such free treatment of the original is far from the phenomenon of a writer who uses translation as his or her own means of self-expression, whether consciously or not.

The phenomenon of author-translator is mostly known from its Soviet period, and it has often been said that the great Soviet school of translation flourished because writers could find no other outlet for their creativity, and oftentimes, no other means of supporting themselves. We have seen, however, that the roots of this phenomenon go deeper than the 20th century. And even the conflict between the state and the author was akin to a tradition in Russia from well before the Soviet period. In the tsarist Russia and in the Soviet Union alike, many writers were not translated for either ideological or aesthetic reasons. The imperial Russia would not allow translations of Beranger to be published, and the Soviet Union censorship would not permit the ideologically unsuitable works of Ezra Pound, or the aesthetically unacceptable poetry of Saint-John Perse to reach the Soviet readers.

Compared to the Soviet Union, the Russian empire, however, had a more consistent view of a human being, even if that view was somewhat simplistic and naive. The Soviet Union was an essentially contradictory state. Constructed on the maxim that matter determines the mind, it nevertheless based its existence on the fact that an idea, a mental reality, could be used to transform the objective, material world, and the founders of Marxism even strove to posit explanations for this contradiction [12]. Claiming that material well-being is the primary need of any human, the young state nonetheless staked everything on the poor and the penniless working towards, and sacrificing themselves for, an idea that could only materialize several generations later, if ever. Oddly enough, the state was partially right on both counts but it mixed up the target audiences for both concepts. The dominance of the material over the spiritual is typical for almost any folk mentality, and the Russian folk mentality preserved this archaic notion well into the 19th and 20th centuries [4, p. 95–133]. The idea of sacrificing oneself for a spiritual idea belongs either to the Christian ethic, to which the Soviet state was avowedly hostile, or to the ancient European heroic paganism, and being elitist in its nature, this idea could only flourish among those people the Soviet state strove to eliminate as its class enemies. The Soviet state depended in its existence on a fine balance between people for whom matter determined the mind, and those for whom mind determined the matter. The primacy of matter was, of course, the official religion.

It is within these contradictory notions of what a human being is, that Soviet authors-translators labored on their Shakespeare when, let us not forget, Shakespeare is all about what it means to be human and what kind of humans we are.

Hamlet is undoubtedly one the most striking exploration of the subject. Some of the most influential interpretations were proposed by Johann Wolfgang Goethe [9, p. 210–211, 214–215], August Schlegel [15], Samuel Coleridge [5]. They were all fairly similar, although Coleridge was far less known in Russia than either Goethe or Schlegel. All three being the products of their time, they claimed that Hamlet was selected for a great mission, which he, being a weak creature, botched. Hence, Hamlet is a potentially figure to be just slightly amended to create a perfect human being.

Yet there was something in the very structure of the tragedy that made such interpretation sit uncomfortable with many readers and translators. On the one hand, such interpretations essentially promote the concept of an exceptional person who is allowed to do what others are not, thus foreshadowing Dostoevsky's Raskolnikov and Nietzsche's *Uebermensch*. In 1940, Fredson Bowers explored Elizabethan revenge tragedy and concluded that in its highest manifestations, it was guided by "vengeance is mine" principle and, therefore, all avengers appearing in artistically successful plays were doomed to failure [3, p. 217–258]. However, Bowers demurred from making any serious foray into studying *Hamlet*, which presents a question in and of itself. Apparently, Bowers felt that including *Hamlet* into the genre of revenge tragedy would take away some essential and traditional interpretational element, namely, it would equate Hamlet and all the other avenging characters and turn them *all* into trespassers against God's law while Hamlet was certainly not to be treated equally with, say, the Revenger from Middleton's (or Tourner's) *Revenger's Tragedy*. Hamlet was *entitled*. Hamlet, *the most human* of all Shakespeare's creatures, was *entitled* to his revenge, or else we don't agree to this kind of tragedy.

What is *Hamlet*? *Hamlet* is a play about a young (or not so young) man, son of the king of Denmark, who, for some reason, gets passed over when the throne is vacated; he

learns of his father's death, and this death of someone he considered almost godlike shutters his very ideas of what humans are; for Hamlet, his father's death clearly marks the moment when his own death starts to loom large in the future. Vengeance and yearning for immortality vie in his soul, and the way to solve both his problems is to kill the murderer. A king is more than a mere human being, he is half-godlike. There is a curious idea put forward in a wildly off-beat book *The Godless Shakespeare*, namely that when the witch hails Macbeth as "*king hereafter*" he understands this "hereafter" as "*all eternity*" [11, p. 99-100] and there are certain textual arguments to be made in favor of this reading. Similar argument could be applied to *Hamlet*, and it could be argued that in most of his tragedies, and in *Hamlet* in particular, Shakespeare presents a character, who strives to overcome his human nature, to assume the responsibility for the entire world, but his characters choose such a way that leads to more destruction and horror. *Hamlet* is not a story of someone who was too weak for the mission. This is the story of overreaching, set in clearly Christian terms from beginning to end.

Now what was done to this story in the Russian translations?

The first Russian translation of *Hamlet* was done by a certain Mikhail Vronchenko, a military engineer and a translator who aimed at as faithful a translation as possible [7, p. 317]. He introduced Shakespeare to the Russian literary elite but did nothing more. The most influential 19th century Russian translation of *Hamlet* was done by Nikolay Polevoy, a journalist and a second-rate writer. His translation was wildly off the mark. He radically shortened the play, bringing Hamlet to the foreground. And he drastically changed the play's scale. Where Hamlet envisions himself a titan bearing the weight of the entire world on his shoulders, Polevoy's Hamlet is a mere police officer chasing a criminal who happens to be of royal blood. Just like Hamlet, we should note. Where the prince of Denmark says: *Time is out of joint. Oh, cursed spite // That ever I was born to set it right!* (act 1, scene 5) in Polevoy's translation, Hamlet's nearly cosmogonical quest turns into a criminal prosecution:

*Oh cursed crime! Why ever
Was I born to punish thee!*

Accordingly, Polevoy no longer needed the metaphysical framework and the metaphysical obstacles that Hamlet pondered so gloomily.

Shakespeare

What a piece of work is a man! how noble in reason! how infinite in faculties! in form and moving how express and admirable! In action how like an angel! in apprehension how like a god! The beauty of the world, the paragon of animals! And yet to me what is this quintessence of dust?

(act 2, scene 2)

Polevoy

What grandeur is man's! So noble of mind, infinite of faculties, charm in shapes: this is the spirit of heaven, the ornament of the world, paragon for the rest of nature!... and for me? What is to me this essence of clay?

This text is an almost verbatim quote from Pico della Mirandola who saw man as a self-determining entity who could, through the exercise of his own will, choose any form of life from plant to animal to angel to the unity with God the Father [14, p. 249]. When we compare Pico to Shakespeare, we can clearly see that Hamlet loses this metaphysical optimism, and what stands in the way, is his mortality. And it is immortality in some shape that he will try to achieve. In his translation, however, Polevoy doesn't seem to notice the crucial quote from the Bible, the single word "dust" which immediately introduces the theme of mortality, the central theme in *Hamlet*. Polevoy's man is still fashioned of clay, but it is his grandeur that comes to the foreground, and the element of being created (*piece of work* with all its ironic connotations that ring so clear for today's reader) and inevitable death ("Dust thou art, and to dust thou shalt return," Gen., 3:19) are gone.

Consequently, when Hamlet delivers his probably most famous monolog, “To be or not to be,” the readers are in for some surprise:

Thus *conscience* does make cowards of us all,
 And thus the native hue of resolution
 Is sicklied o’er with the pale cast of thought,
 And enterprises of great pith and moment
 With this regard their currents turn awry
 And lose the name of action.

(act 3, scene 1)

The key word here is “conscience.” Vronchenko, being conscientious (pun intended) translated as: *Thus conscience does make us always shy*. Ironically, both the English *conscience* and Russian *so-vest’* have similar internal structure: they refer to possessing certain knowledge, in this particular case, the knowledge of right and wrong.

To begin with, Polevoy creates a Russian-language monster: “horrible consciousness of a shy thought” whose meaning is unclear even to native speakers. What is most important, however, is that conscience as such is gone from this excerpt. Not that Polevoy’s choice was completely unfounded; after all, following the conscience line we read:

*And thus the native hue of resolution
 Is sicklied o’er with the pale cast of thought.*

However, this very pale cast is the result of thinking motivated by conscience. Conscience makes us think about right and wrong. Other types of thinking could include: will I get away with it? Will I be proclaimed king? etc. Remove conscience, and the moral and metaphysical dimensions of the text disappear with it. Consequently, what Polevoy ultimately offers his readers is a not a metaphysical titan who contemplates breaking through the commandments and norms set for ordinary humans, but, as we have said before, a police officer who cannot scrounge up enough courage to do his duty. He has no grand pretenses, his ineptitude is his most notable feature, and even that ineptitude is more fitting for a policeman than for a prince of Denmark. Such a Hamlet is by all means a permissible figure under any political regime.

Whatever the literary merits of Polevoy translation, his use of *thought* instead of *conscience* in “To be or not to be” turned out to be an attractive option. Vronchenko, Kroneberg, K.R. (pen name of Grand Duke Konstantin Konstantinovich Romanov of the Russian Imperial family), and Nikolai Rossov (stage name of actor Nikolai Pashutin who was mostly famous of his performance of the title role in *Hamlet* [8, p. 325]) used *conscience* but this version never took. *Thought* continued to appear in the translations of Hamlet up to and including Pasternak’s.

Pasternak’s translation principles in general are a fascinating issue in themselves [the sentence seems awkward; perhaps. Valentin Berestov once recorded a remarkable conversation between Boris Pasternak and Anna Akhmatova. Akhmatova suggested that Pasternak write a 20th century *Faust* to which Pasternak replied: “Very well, I will translate it.” Berestov saw in this exchange Pasternak’s unshakable conviction that Goethe’s poem covered the developments of European mind since the poem’s creation and well into the 20th century [1]. However, a work of art is not merely a philosophical treatise, it is also its embodiment in a unique form. Pasternak’s statement, therefore, could also be taken to imply the remarkable freedom with which the Russian poet was prepared to treat the German text; translation for him was as much an independent creation as following the original’s intentions.

If we turn to the excerpts we considered when looking at Polevoy’s translation, we will see that Pasternak still loses the element of being made, created, shaped by God to die in the end, but the element of mortality, the Biblical quote is there.

Shakespeare

*What a piece of work is a man! how noble
 in reason! how infinite in faculties! in form
 and moving how express and admirable! In
 action how like an angel! in apprehension*

Pasternak

*What a miracle of nature is man! How
 nobly he reasons! How infinite of faculties!
 How precise and wonderful in his constitu-
 tion and movements! In actions to like an*

*how like a god! The beauty of the world, the paragon of animals! **And yet to me what is this quintessence of dust?*** *angel! Nearly equal to God in his under-
standing! The beauty of the universe! The crown of all the lives! **Yet what to me is this quintessence of dust?***

Hamlet now does suffer from being mortal. But is he also now a being ready to assume God-like qualities and thus through functioning like a god to become a god in some way?

*Time is out of joint. Oh, cursed spite
That ever I was born to set it right!*

Pasternak leaves his Hamlet in stunned confusion:

*The binding thread of days is torn;
How could I get the pieces together sewn?*

There is no sense of grand mission in this Hamlet, just a sense of being slightly stumped at the task. Note also the substitution of thread for joint. Thread is a more mythological, more timeless, and a more endless image. It exists outside of time and space. Joint, on the other hand, is something that is very precisely located and can possibly have only one form, otherwise its existence is pointless. One tiny image change bespeaks the failure of Pasternak's effort. He was a poet who could write: "I will shout to the children in the yard: 'my dears, what millennium is it now?'" He did not have that acute feeling for today, for the moment of now, for the historical and the temporary that embodied eternal truths about a human being in a particular historical shape. His was the realm of eternity and timelessness.

Shakespearean tragedy, on the other hand, could only be conceived as a joint, in a particular time, with a particular human condition in mind, not as an endless thread that has to be randomly tied together. Yet, what precludes Hamlet from performing this task in Pasternak's version is, again, not conscience but thought: *Thus thought makes cowards of us all...*

There is no moral quandary. There is unexpected task that looms greater and greater as one ponders it.

The desire for action is perceived as something very Hamletesque in the Russian culture, the tradition laid down by Ivan Turgenev in his essay "Hamlet and Don Quixote" where he considers Hamlet to be a man of reflection rather than action [17]. This action is to be construed on a gigantic scale, an overturning of the entire world. If Polevoy simply removed the grand scale, Pasternak brought it back but in one aspect only: in the aspect of the task, not in the personality of the one tasked with the deed. Unexpectedly, the spiritual world of Shakespeare, the Christian world of earthly crime and punishment in the hereafter, the world based on striving for deification, gave way to the world of a man who doesn't really live within the grand spiritual quandaries of Hamlet. He is thinking. He is the eternal man of the intelligentsia who cannot finish his uncle off, brain him with a candlestick, run him through with a sword, in short, take a swift and decisive action that ends all "upon this bank and shoal of time." Oddly enough, Pasternak creates a typically Soviet Hamlet: visibly opposed to his uncle, all ready to take action, thinking too much, being suppressed in the long run – these are all things that the opposition to the Soviet regime could see in *Hamlet* as a play and Hamlet as a character. Paradoxically, they turned a blind eye to the fact that Hamlet was not at all oppressed by the system because it was a different system he was dealing with. Unlike people who translated the *Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*, Hamlet was on very top of the social hierarchy, and he and Claudius were equal opponents in their lethal struggle. Pasternak, and many other translators and interpreters, substituted political for religious (doing it quite subconsciously, most likely), and turned Hamlet into a Soviet citizen who *could* be suppressed by other people and the world. In Shakespeare, on the contrary, the only thing Hamlet was suppressed by was his own ambition (and ambition in Shakespeare and in Elizabethan England is a separate issue [6]). In other words, in Hamlet, Pasternak recreated the Soviet man such as the Soviet regime would want to see that

man while Shakespeare offered possibilities for just an opposite interpretation. Pasternak's Hamlet is determined by the world around him, he is, therefore, at heart a philosophically materialist creature; Shakespeare's Hamlet is convinced he rules the entire universe; in philosophical terms, he is an idealist.

Shakespeare's tragedy requires delving into certain religious issues which are out of place in this paper, but the fact remains: Soviet translators, Pasternak included, were far more deeply influenced by the Soviet reality and conformed with it far more than they would have realized, and at least the character of Hamlet is interpreted and translated as a Soviet, not a Shakespearean, man whose tragedy is anachronistically Soviet (or even Russian, if we think back to Turgenev's essays privileging the insanely active Don Quixote versus the – allegedly – passive Hamlet) in its origins. This does not mean any willing and conscious agreement with the Soviet, imperialistic view of humans and their condition, but rather, this means the drastic influence the Soviet regime proved able to exercise even on its opponents, an influence the degree of which is almost uncomfortable to gauge and describe because it forces us to reconsider our notions concerning the origins and significance of many ideas and interpretations coming from the Soviet scholars and authors whom we presumed to be untouched by the Soviet ideology.

References

1. Berestov V. *Novy Faust* / V. Berestov // *Nedelya*. – 1989. – № 25 (1525). – Access mode: <http://www.akhmatova.org/articles/berestov5.htm>, free. – Title from screen. – English.
2. Bloom H. *Shakespeare: the Invention of the Human* / H. Bloom. – Yale University press, 1998. – 745 p.
3. Bowers F. *Elizabethan Revenge Tragedy* / F. Bowers. – Princeton, 1966. – 288 p.
4. Buzina T. *Dostoevsky and the Social and Metaphysical Freedom* / T. Buzina. – Edwin Mellen Press, 2003. – 326 p.
5. Coleridge S. T. *Shakespeare, Ben Jonson, Beaumont And Fletcher. Notes and Lectures* / S. T. Coleridge. – Access mode: <http://www.gutenberg.org/files/25585/25585-h/25585-h.html>, free. – Title from screen. – English.
6. Esler A. *The Aspiring Mind of the Elizabethan Young Generation* / A. Esler. – Durham, NC, 1966. – 266 p.
7. *Gamlet. Antologija russkikh perevodov. 1828–1880.* – Moscow, 2006. – 319 p.
8. *Gamlet. Antologija russkikh perevodov. 1883–1917.* – Moscow, 2006. – 326 p.
9. Goethe J. W. *Teatral'noe prizvanie Vil'gel'ma Meistera* / J. W. Goethe. – Leningrad, 1976. – 296 p.
10. *Malless S. Coined by Shakespeare: Words and Meanings First Penned by the Bard* / S. Malless, J. McQuain. – Springfield, Mass., 1998. – 273 p.
11. Mallin E. S. *Godless Shakespeare* / E. S. Mallin. – London – New York : Continuum, 2007. – 132 p.
12. Marks K. *K kritike gegelevskoi filosofii prava* / K. Marks. – Access mode: http://anthropology.rchgi.spb.ru/marx/marx_t1.htm, free. – Title from screen. – English.
13. *Open Source Shakespeare.* – Access mode: <http://www.opensourceshakespeare.com>, free. – Title from screen. – English.
14. Pico della Mirandola. *Rech' o dostoinstve cheloveka* / Pico della Mirandola // *Estetika Renessansa* : in 2 vol. – M., 1981. – Vol. 1. – P. 248–265.
15. Schlegel A. W. *Lectures on Dramatic Art and Literature* / A. W. Schlegel. – Access mode: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext04/8ldal10.txt>, free. – Title from screen. – English.
16. *Shakespeare W. Macbeth.* Edited by Kenneth Muir for the Arden Shakespeare series / W. Shakespeare. – London, 1951. – 196 p.
17. Turgenev I. S. *Hamlet i Don Quixote* / I. S. Turgenev // *Turgenev I. S. Sobr. soch.* : in 16 vol. – M., 1964. – Vol. 8. – P. 169–192.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Л.А. Апалькина

В статье рассматриваются вопросы становления систем воспитания на Северном Кавказе, а также эволюционные формы интегративных педагогических комплексов в их начальных периодах. Своеобразный этнический код северокавказской ментальности сложился под влиянием целого ряда факторов (геополитические условия, историческая и этнолингвистическая специфика, правовые, религиозные, этические, фольклорно-мифологические и эстетические нормы). Все вышеперечисленное оказало влияние и на формирование народной педагогики.

In this article formation of education systems in the North Caucasus, as well as evolutionary forms of integrative educational systems at their initial periods are considered. Specific ethnic code of North Caucasus mentality was formed by several factors (geo-political conditions for the formation of North Caucasian nations and peoples, ethno-linguistic and historical specificity, legal, religious, ethical, folklore and mythology and aesthetic norms). These factors certainly had an impact on the formation of folk pedagogy.

Ключевые слова: системы воспитания, ментальность, стереотипы, эволюция, религиозные, этические, фольклорно-мифологические и эстетические нормы.

Key words: educational system, mentality, stereotypes, evolution, religious, ethical, folk and mythological and aesthetic standards.

Вопросы становления систем воспитания во всех его формах переплетаются с целым комплексом проблем социальной, культурной, общецивилизационной направленности развития общества. Это в полной мере относится и к педагогическим традициям Северного Кавказа. Учитывая чрезвычайно пеструю этническую карту региона и соответствующую специфику эволюции общественных институтов, можно утверждать, что становление здесь стереотипов воспитания носило весьма своеобразный характер.

Очевидно, что к моменту формирования на Северном Кавказе педагогических систем в зачаточных интегративных формах (а чаще – просто проявлений тех или иных устойчивых комплексов педагогического толка) институты воспитания Европы и США были уже заметным явлением общественной жизни Запада, имели определенное влияние и традиции.

Воспитательные традиционные комплексы любого региона представляют собой один из сегментов общей структуры его культурного пространства. Северный Кавказ традиционно относят к регионам, культурная среда которых развивалась по «ускоренному» типу эволюционирования. Одним из результатов ускоренного развития является смещение и параллельное сосуществование различных форм культурных феноменов, зачастую относящихся к далеким друг от друга стадияльным периодам. Вычленение тех или иных устойчивых стадияльных форм в рамках культурного хронотопа Северного Кавказа (равно как и любого другого региона с ускоренным развитием) видится затруднительным. Мы попытались выявить и определить стадияльные эволюционные формы интегративных педагогических комплексов в их начальных периодах, обратившись к мировому опыту.

История научной педагогики за рубежом имела своим началом публикации и практическую деятельность общественных деятелей конца XVIII в. Борьба за адекватное воспитание социальных слоев и групп выступала в качестве составляющей общего стремления окрепшей буржуазии к политическому доминированию. Фактически можно увязать процесс социальной активизации педагогических институтов с процессом

замены индивидуально-уникального обучения в рамках семьи и понижением роли и значения женщины-матери в общем объеме педагогических норм общества.

Ситуация на рынке труда в середине XVIII в. развивается таким образом: убедившись в несостоятельности надомного труда, женщины вынуждены поступать на работу на промышленные предприятия, что естественным образом вызывает рост потребности обучения в альтернативных формах, преимущественно массовых.

Утверждать, что подобное положение каким-либо образом противоречило объективным требованиям нового типа ведения хозяйства или идеологии товарного производства, было бы неверным. Однако на Северном Кавказе сложилась уникальная ситуация. Прежде всего, коренные народы региона не вступили в эпоху развитого буржуазного общества в смысле его товарно-производственных составляющих. Роль традиционных педагогических институтов, навыков и приемов инициации этнически аутентичной ментальности, поведенческих стандартов оставалась, безусловно, доминирующей. С другой стороны, уже в первой половине XIX в. имплантации в культурное пространство Северного Кавказа со стороны Российской империи были очевидным явлением. Нобилитет региона издавна находился на стыке двух цивилизационных объемов, соответственно, новационные влияния западного мира вносили свой вклад в общементальный фон Северного Кавказа, корректировали традиционные системы воспитания.

Северокавказский тип культурно-исторической ориентации – самобытный, специфический, открытый тип культуры, вобравший в себя некоторые парадигматические свойства, моделирующие своеобразный социоэтнический комплекс, ориентирующийся, «с одной стороны, на первичный европейско-азиатский центр, каковым является Россия, чья культура выступает посредником по отношению ко вторичному европейскому центру, роль которого выполняет культура Западной Европы. С другой стороны, северокавказский тип культуры в своем генезисе опирается на азиатские формы этнической культуры, воспринимаемой от мусульманского Востока и частично греко-византийской традиции. В процессе исторической эволюции эти формы переосмысливаются и адаптируются к модели северокавказской культуры» [3, с. 43].

Таким образом, многогранный, своеобразный этнический код северокавказской ментальности и систем педагогического институирования общества сложился под влиянием целого ряда факторов (геополитические условия формирования северокавказских наций и народностей, историческая и этнолингвистическая специфика, правовые, религиозные, этические, фольклорно-мифологические и эстетические нормы).

Верно отмечает С.П. Локтев: «Северокавказская культура, впитавшая автохтонные традиции местных этносов, обладает глубоким оригинальным содержанием. Этнопсихологическая парадигма Северного Кавказа, варьирующаяся в зависимости от той или иной культурно-исторической зоны, является границей, которая отделяет северокавказский ареал от других областей и территорий, где функционируют иные разновидности этнической культуры. Фактически формула евразийской этнической схемы ("Восток – Запад") на основе северокавказского типа культуры модифицируется и приобретает содержание, которое гипотетически можно было бы обозначить триединой символикой: "Россия – Северный Кавказ – греко-арабский Восток". На разных этапах исторического развития северокавказских этносов роль тех или иных моделей евразийства меняется в силу различных социально-политических, экономических, исторических, религиозно-этических реалий, влияющих на менталитет и этническую культуру Северного Кавказа в целом» [3, с. 43].

В связи с присоединением Северного Кавказа к России усилились взаимосвязи русского народа с горскими народами. Заметным стало атрибутивное заимствование и взаимовлияние культур. Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе оживилась культурная и образовательная, просветительская жизнь, особенно после утверждения в 1859 г. «Устава горских школ», когда значительно увеличилось их (школ) число и возросло количество обучающихся в них детей. Важнейшую роль во взаимодействии культур и воспитании детей сыграли гимназии, в которых в свое время обучались просветители Коста Хетагуров, Адиль-Гирей Кешев, Чах Ахриев, Инал Кануков, Кази Атажукин, С.-Б. Абаев, Г.А. Лопатин, М. Фроленко, Д. Коркмасов [1, с. 24].

В конце XIX в. оживилась и краеведческая, этнографическая работа; стали создаваться первые музеи, где отражалась культура народов Северного Кавказа. В периодической печати появились публицистические статьи, документы, касавшиеся различных аспектов социально-экономической и духовной жизни русского казачества и горских народов. Прогрессивные деятели использовали печать для налаживания связей и плодотворных контактов между передовыми людьми Северного Кавказа и России.

Состоялось и ареальное взаимодействие языков, основанное на географической и историко-культурной истории языка; параллели дают основание говорить об их взаимовлиянии, о сродстве, приобретенном в результате давних и длительных контактов, как отмечает З.Б. Габуния [2, с. 25].

Идеи языкового союза содержатся в трудах основателя кавказской лингвистики П.К. Услара, разработавшего методику выявления субстратных явлений при историческом исследовании языка. Он придавал большое значение географическому фактору, ведущему к образованию языковых союзов, и смешанному характеру контактирующих языков [2, с. 25].

На современном этапе, на стадии становления новых общественных отношений возникает проблема переоценки ценностей, ибо очевидно, что переход к новому общественному состоянию может быть осуществлен не только при условии глубоких качественных преобразований во всех сферах экономической, социально-политической и культурной жизни, не только с использованием опыта Запада или Востока, но и на основе творческого освоения и широкого использования всего того, что было создано собственно в России, что и сегодня сохраняет свою социальную значимость. В общественном сознании и среди исследователей представление о зависимости эффективной жизнедеятельности любого, в том числе современного, общества от традиции является достаточно утвердившимся, однако вопрос о формах и конкретных механизмах этой зависимости, о регулятивных и социально-адаптационных возможностях традиции (в частности, традиции педагогической) остается пока недостаточно исследованным и требует комплексного философско-культурологического анализа.

Список литературы

1. Волова Л. А. Взаимодействие культур народов Северного Кавказа XIX в. / Л. А. Волова // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру : мат-лы симпозиума. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1998. – С. 24–25.
2. Габуния З. М. Ареальная лингвистика как одно из направлений кавказоведения XXI века / З. М. Габуния // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру : мат-лы симпозиума. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1998. – С. 25–26.
3. Локтев С. П. Концепция «евразийства» в северокавказской культуре / С. П. Локтев // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру : мат-лы симпозиума. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1998. – С. 43–44.

ПЕРВИЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МУЗЫКИ В МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Г.Г. Ибрагимов

Статья посвящена педагогической проблеме музыкально-эстетического воспитания. Рассмотрение ее автор видит в самом изначальном формировании человека, которое раскрывается от пренатального онтогенеза по этапам дородового развития, рождения, проявления способностей к выживанию через свои задатки, умения и др.

The article touches upon pedagogical problem of musical and aesthetic education. The author considers primary formation of a person from prenatal ontogenesis to prenatal development, birth, demonstration of abilities to survive via inclinations, skills, etc.

Ключевые слова: этнос, творчество, фольклор, задатки, ритм, музыка.
Key words: ethnos, creative work, folklore, inclinations, rhythm, music.

В наше время в музыкально-эстетическом воспитании детей прослеживаются три особенности:

- ✓ меньшее обращение к родной этнически дифференцированной музыке (моно-этнос);
- ✓ широта и многообразие музыки окружающей действительности;
- ✓ нежелание учиться правильному классическому вокалу.

Мы коснемся проблем формирования человека как высшего духовно-биологического существа.

Импульсы музыкального воспитания ребенка, согласно современным научным исследованиям, получает в возрасте половины срока пребывания в утробе матери – в 4,5 месяца. К этому времени рудименты ушей плода развиты настолько, что ребенок может слышать звуки. Компьютерное сканирование лица ребенка в утробе матери за 2 месяца до рождения показывало реакцию ребенка направлением лица на звук музыки. Исследования слухового анализатора человека, проведенные В. Синельниковым, констатируют процессы в пренатальном онтогенезе: плод заметно реагирует на голос матери, ритмы ее жизни, и «через ее центральную нервную систему» ритмы передаются ребенку [6, с. 83].

Это подчеркивает и А. Ветухов: на формирующийся плод, на его благоприятное развитие более всего влияют «умиротворяющие, светлые и монотонные музыкальные звуки». Исследователь имел в виду мелодичные, простые народные песни. Этим богат музыкальный фольклор. Еще лучше, если будущая мать любит музыку сама – поет, играет, напевает мелодии без слов, особенно если они на родном языке. Это первое, что улавливает развивающийся, растущий ребенок. Ритмы окружающей среды – речь, песни, игра на музыкальных инструментах – благотворно сказываются на развитии плода. Как пишет Оливия Дьюхерст, появление ушей у плода исследователи зафиксировали уже спустя первые несколько недель после зачатия [4]. Тихая музыка на родной для матери и отца фольклорной основе хорошо воспринимается развивающимся плодом, так как фольклор прошел вековые пути для своего совершенства в мелодичности, ритмической доступности, синкретичности составляющих – мелодии, стиха, движения, ритма, музыкальных орудий, эмоциональности, формы, содержания. Ребенок через фольклор начинает получать информацию об окружающей жизни. После рождения весь этот фольклорный багаж в дальнейшем служит основой музыкально-эстетического, образовательного и профессионального воспитания, просвещения и определяется нами как нравственный стержень Творчества. Наглядным примером становятся биографии классиков мирового музыкального искусства (Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский, А.Н. Скрябин, С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович, С.В. Рахманинов, З. Палиашвили, К.А. Караев, Т.Н. Хренников, Г.А. Гасанов, С.А. Агабабов, У.А. Гаджибеков, Н.С. Дагиров, М.М. Кажлаев, Ш.Р. Чалаев и др.).

Современные исследования подтверждают, что *воспитание детей начинается еще до рождения, а чувство восприятия замечено в сроки, близкие к рождению.*

В первые недели после рождения, когда ребенок слышит разные звуки, он быстро двигает глазами во время сна и поворачивает голову для определения источника звука. По данным А.А. Люблинской, такие реакции, в особенности на музыкальные фольклорные звуки, наблюдаются у малышек на 10–12-ый день жизни. Фольклорные звуки – это особенные звуки. Ребенок, слыша их, перестает интенсивно двигаться, затихает, следовательно, прислушивается. Болгарские исследователи А. Атанасова-Вукова и Р. Арнзудова [2] отмечают «... формирование способностей восприятия музыки у детей грудного возраста проходит через 2 этапа:

- ✓ подготовка на первом полугодии жизненных впечатлений в слуховом восприятии и поисках источника звука;
- ✓ восприятие музыки на втором полугодии выражается в положительных эмоциональных откликах, в устойчивом интересе к звучанию народной музыки...»

В 7 месяцев у ребенка значительно усиливается по сравнению с первыми двумя месяцами жизни реакция взглядом на звучащую музыку, а избирательность (шум, музыка) наступает у ребенка к 9 месяцам жизни. Отмечается, что подвижный ребенок

этого возраста при звучании спокойной музыки затихает. Из своеобразной «какофонии» – синтеза шума и музыки – он избирает более убажывающее его – музыку. «Очень просто петь детям грудного возраста пестушки, байки, сочиняемые на ходу. Заслыша их, ребенок успокаивается, не делает резких движений, не плачет – ему становится комфортно, что я чувствую по своим рукам» – говорит воспитательница, – ветеран спецучреждения г. Астрахани И.В. Атохина. Надо отметить, что фольклорные варианты детского жанра воспитательница без труда импровизирует и интонирует. «Повторять я не привыкла, – говорит она, – потому что я чувствую ладонями, как ребенок ведет себя. Ему всего-то 7–8 месяцев, а любит слушать мое пение. Я тихо пою: "Ручки, ножки, голова. Вот и человечек я"» (одна из пестушек Ирины Владимировны).

На втором году жизни дети воспринимают народную музыку в результате дифференцированных слуховых ощущений. Малыш различает высокие и низкие звуки, громкое и тихое звучание, прислушивается к тембру звучащего народного либо академического инструмента. На третий год жизни у ребенка проявляется желание заниматься музыкой. Среда, в которой ребенок пребывал, формировался и в которую попал, родившись, много значит. А.А. Люблинская отмечает, что ограничивать ребенка наследственностью было бы неправомерно, «...младенец, появившись на свет, имеет ряд врожденных особенностей, которых, однако, не было ни у его отца, ни у матери, ни у кого-либо из более далеких предков. Но ребенок их приобрел в течении своего внутриутробного существования – образ ее (матери) жизни, характер питания, лекарства, которыми она злоупотребляла, алкоголь, наркотики... все влияет на развитие зародыша» [5]. Другие свои качества ребенок приобретает в упомянутой среде формирования вне зависимости от своих предков. Вычислив волновую генетику (аналог электро-магнитных полей), доктор биологических наук, академик РАМТИ РФ П. Горяев в 1991 г. пришел к выводу о том, что женщины вынашивают гены от первого партнера, сохраняя их. Это тот случай, когда потомок не похож ни на одного из родителей, но может быть похожим на первого партнера женщины.

В.Д. Трошин, доктор медицинских наук, пишет о том, что люди сами творят свое индивидуальное и коллективное будущее. Исследования говорят, что вопрос о наследственности в духовно-психологической индивидуальности ставится лишь в настоящее время. Следовательно, согласно им, как заключает доктор, «лучше всего думать, что все зависит на 100 % от генов и на 100 % от среды» [7, с. 28]. Это подчеркивает их взаимосвязь и взаимозависимость. Однако современные науки в этой развивающейся области познания планетарной эволюции человека выводят и третий фактор: наследственность может и не повлиять. Гены формируются и от образа жизни матери, и от того, в какой среде она находится. Выходит, ключем разгадки наследственности владеет мать.

Масару Ибука предостерегает воспитателей – родителей, педагогов, учителей: «После 3-х уже поздно». В дошкольном возрасте, преимущественно в семье, до того, как малыш поступит в садик, ясли, психологи (А.Н. Леонтьев, В.С. Ильин, Л.Л. Бочкарев), педагоги (Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, Л.В. Шамина, А.Е. Дмитриев, Л.В. Тодоров, Л.Г. Арчажникова) рекомендуют родителям создавать в семье музыкальную атмосферу (спокойные беседы, обсуждения с комментариями к прозвучавшей музыке, так как ребенок отзывается на звучание музыки).

Народная музыка становится близкой и знакомой для восприятия ребенка с младенчества, как писал об этом В.М. Бехтерев. Об этом говорят и экспериментальные научные исследования последних лет, проведенные в России и других государствах (США – Р. Вернер, Э. Сайклер, Япония – М. Сузуки, Англия – Р. Слэк, Голландия – Пьер Ван Хауве, Канада – М. Шафер, Венгрия – З. Кодай).

Музыкальное народное искусство – самое раннее доступное и самое вдохновенное явление. Восприимчивость к народно-музыкальному искусству на дородовом этапе и после рождения наиболее высокая. Наблюдения выявили, что подавляющее большинство детей, например, в детском саду, тянется к рисованию как к более доступному виду творческой деятельности (Т.С. Комарова, В. Кузин). К музыкальному искусству (игра на инструментах, пение, слушание и др.) влечет отдельных детей.

Это дети, которые отдают предпочтения музыкальным занятиям, не от того, что им нечем заняться. Ими движет природная потребность реализации своих музыкальных импульсов, сформированных еще до рождения, своих внутренних чувств. По нашим данным, к такой *специфической деятельности – занятиям музыкой* – влекут яркие музыкальные способности. У таких детей четко проявляются музыкальный ритм, музыкальный слух, музыкальная память, частое обращение к элементарным музыкальным инструментам, музыкальным игрушкам. Многолетние наблюдения и исследования выявили дифференциацию в потребностях проявления способностей девочек и мальчиков. У девочек заложена способность к танцам, пению. Мальчики более активны в игре на элементарных музыкальных инструментах, меньше поют.

Родителям необходимо знать, что формирование интереса к каждому виду искусства происходит в разные благоприятные для этого возрастные периоды. В первые два этапа, на наш взгляд (дородовой и после рождения), ребенок испытывает на себе воздействие через родителей, окружающую среду, мир, действительность. От того, что будет заложено в нем в эти основные этапы развития, зависит все дальнейшее. Очевидно, происходит расширение представлений ребенка об окружающей действительности через рисование, музицирование для развития эмоциональных впечатлений и своеобразного детского творчества. Занимаясь с младенчества музыкой, ребенок может достигнуть многого. Именно в семье следует поддерживать условия, среду отношений ребенка к искусству. Замечено, что, обращаясь к искусству, ребенок интенсивно и плодотворно развивается психически и умственно, обогащая свой кругозор. Музыкальная деятельность ребенка – основа и база музыкального воспитания, особенно если она соприкасается и переплетается с этно-музыкальным искусством. Следовательно, основой любого профессионального искусства первоначально является фольклорное творчество как живой источник музыкально-эстетического воспитания, образования, просвещения для гармоничного развития подрастающего поколения.

Список литературы

1. Арисменди А. Л. Дошкольное музыкальное воспитание / А. Л. Арисменди. – М., 1989.
2. Атанасова-Вукова А. Возможности воспитания музыки у детей возраста 1–12 месяцев / А. Атанасова-Вукова, Р. Арнзудова. – Болгария. – С. 98.
3. Воспитание музыкой. Из опыта работы / сост. Т. Е. Вендрова. – М., 1991. – С. 45.
4. Дьюхерст О. Целительный звук / О. Дьюхерст. – М., 1998. – С. 9.
5. Люблинская А. А. Учителю о психологии младшего школьника : пос. для учителя / А. А. Люблинская. – М., 1977. – 224 с.
6. Синельников В. К. Жизнь до рождения: современная наука о пренатальном онтогенезе / В. К. Синельников // Дошкольное воспитание. – 1993. – № 8. – С. 82–84.
7. Трошин В. Д. Наследственность и здоровье. Профилактика и методы лечения / В. Д. Трошин. – М. : Центрполиграф, 2005. – 254 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В СРЕДЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Н.А. Моловцова

Статья посвящена разработке современной идеологической концепции Северного Кавказа на основе толерантности. Также в работе говорится об изучении единства северокавказской педагогической традиции с точки зрения культурного взаимодействия и дружественного взаимовлияния различных северокавказских этносов и инациональных цивилизаций.

The article is devoted to the development of modern ideological concept of the Northern Caucasus on the basis of tolerance. It is also said about study of the unity of the North Caucasus pedagogical traditions from the point of view of cultural interaction and friendly mutual influence between different North Caucasian ethnic groups and foreign civilizations.

Ключевые слова: педагогическая традиция, воспитательные системы, гендерное воспитание, этический кодекс, национальная специфика, толерантность, ментальность.

Key words: pedagogical tradition, educational system, gender education, code of ethics, national specifics, tolerance, mentality.

Происходящие сегодня в России духовные преобразования обуславливают перемещение основных зон социальной активности на так называемую национальную периферию, в том числе в сфере комплексов поведения и аксиологии, то есть сложившихся воспитательных систем. Это, в первую очередь, объясняется тем, что педагогические системы в составе культурных регионов, прошедших этапы развития этического сознания в эволюционном порядке, давно оказались в ситуации, когда большинство нововведений в области духовно-субстратной культуры оборачивается – пусть на новых основаниях – традиционными системами общежития, этических кодексов, апробированных еще в XIX в. Особый интерес в подобной ситуации вызывают общепедагогические системы, в частности, системы гендерного воспитания, выражающие взгляды и стереотипы восприятия нетрадиционного толка, зачастую резко специфичные, например, Северного Кавказа.

С другой стороны, одним из знаковых направлений изучения данной проблематики служит анализ истории формирования воспитательных моделей в среде различных народов во всех их формах – от радикально классовых, этнических до общегуманистических и унифицированных.

Изучение основных тенденций эволюции и формирования поведенческих и воспитательных оппозиций на Северном Кавказе, либо альтернативных форм противопоставления тех или иных комплексов нравственно-этического плана представляется задачей, решение которой может привести к пониманию фундаментальных закономерностей процессов изменения национального сознания и в итоге – к формированию адекватной стратегии в деле выявления и соответствующего заполнения приемлемых для небольших этносов социальных ниш, что видится весьма актуальной проблемой всего мира в последние полвека.

Таким образом, проблемы формирования интегративных и самодостаточных воспитательных систем в среде народов Северного Кавказа имеют особое значение с точки зрения самобытности культуры и этических представлений, традиционных для региона. С ними тесно смыкаются вопросы самого различного характера, большинство аспектов реализации потенциала этносов, ментальной ориентации современного общества, и даже актуальные моменты национальной политики Российской Федерации.

Структурная перестройка идеологического пространства, кардинальные изменения поведенческих и культурных стереотипов, приводящие к трансформации народов в целом, трудности становления системы адаптированных к современному окружению морально-нравственных воззрений ощутимо сказываются на различных областях общежития народов Северного Кавказа, и четче всего негативные явления заметны в социальной сфере.

Северный Кавказ является многонациональным регионом, где соседствуют различные культуры, разнонаправленные традиции художественного осмысления окружающего мира, специфические, национально окрашенные комплексы этических идеалов и представлений, поэтому понимание морали, ее стратификационного потенциала и характеристик, ее роли и значения как в сфере реального человеческого общежития, так и в сфере чисто сциентологической имеет целый набор уникальных в каждом конкретном случае черт.

В то же время культура и ментальность народов Северного Кавказа достаточно схожи и характеризуются как развитостью нормативов, определяющих черты эталонной личности, так и их относительной устойчивостью. Интерес к проблемам становления этических оппозиций на Северном Кавказе напрямую касается вопросов развития культуры народов региона в прошлом и состояния этических представлений народов региона в наше время. Возможность выяснения концептуально-значимых узловых точек системы ментальности и воспитательных стереотипов народов Северного Кавказа, вычленения их на примере истории развития этических воззрений в их конфликтной оппозиции за последние 100 лет в целом представляется нам неоспоримо значимой.

В этой связи особое значение приобретает анализ эволюции этических моделей, принципов построения этического в национальной среде – на наш взгляд, это именно

та составляющая архитектурного содержания национальной ментальности, которая позволяет в весьма иллюстративном виде проследить ход эволюции этического мышления от его истоков до современного состояния, воплощая, таким образом, все тенденции и стадии становления этнических социумов и культур.

В настоящее время педагогические системы Северного Кавказа отмечены чертами своеобразного совмещения этических черт различных циклов формирования и развития, что вполне закономерно. В интегративных педагогических комплексах современного Северного Кавказа соединены элементы как весьма архаичные, так и вполне современные, поэтому особое значение приобретает анализ типических видов этических архетипов, представленных в современном социуме. Очевидно, что именно эта составляющая любого этнокультурного пространства в наибольшей степени детерминирована доминирующими этическими и идеологическими факторами, одновременно выступая в роли своеобразного инициатора структурирования тех или иных форм этической нормы как таковой. Можно утверждать, что эволюция моделей этического переживания во многом определяет ход становления современных этносов. Углубленный анализ характера поведенческих норм и методов их внедрения в общественное сознание естественным образом смыкается с проблемой личности, представлений об индивидууме, и, конечно, может считаться весьма актуальным и многообещающим в плане выявления главных моментов формирования северокавказских народов в целом и стать одной из отправных точек в деле преодоления того кризиса в сфере культуры и этики народов, который так отчетливо наметился в последние годы.

Как и во всем постсоветском пространстве, на Северном Кавказе формируется новое общество, и этот процесс должен происходить на основе определенной идеологии, которая, как мы уже понимаем, извлекая уроки из прошлого, не должна быть узкопартийной и категоричной. В то же время она должна обеспечить освоение гражданами основных мировоззренческих ценностей – единства народов северокавказского региона, развития его в составе России, – что делает проблему аккумуляции духовных интенций северокавказских народностей и индивидов в определенную идею весьма актуальной и насущно необходимой. Это особенно остро относится к проблемам гендерного воспитания, ибо именно в этой сфере концентрируются основные энергетические и общеконституирующие элементы ментальности любого народа. Разработка темы данного исследования может оказаться полезной в качестве одного из многочисленных аспектов разработки современной идеологической концепции Северного Кавказа на основе толерантности, поскольку наша работа предполагает изучение единства северокавказской педагогической традиции с точки зрения культурного взаимодействия и дружественного взаимовлияния различных северокавказских этносов и инациональных цивилизаций.

Основная сложность решения этой проблемы при изучении национального воспитательного стандарта – отсутствие типологических исследований этнопедагогических компонентов культуры регионов, в которых бы осмысливались и соотносились этническое, национальное с общим и универсальным в становлении сознания народов. Здесь нужны материалы с мест – конкретные региональные, зональные и национальные проявления типологии.

Несмотря на многочисленные публикации северокавказских ученых, посвященных вопросам становления и развития национальной культуры, генезиса этнических ментальных полей, многие проблемы теории и практики типологических исследований остаются нерешенными. Это замечание, прежде всего, справедливо по отношению к контрастивному изучению педагогических систем неродственных народов. Что касается изучения родственных и, тем более, близкородственных воспитательных традиций Северного Кавказа, то и они активно стали исследоваться лишь в последнее время, но лишь с точки зрения общезтнографического интереса.

Наблюдается равный интерес северокавказских ученых к фольклору, мифологии, литературе народов, так как все это – составляющие единой культуры отдельного народа, формирующие его этнокультурный облик, находящийся непосредственное

выражение в национальной жизни. Добавим к этому неразрывность менталитета народа и религиозных традиций, а также общего характера исторического развития региона, без которых невозможно объективно рассуждать об общем и специфическом в развитии тех или иных педагогических традиций. Следовательно, лишь объединив все эти направления, можно полно и компетентно судить об общих воспитательных традициях народов Северного Кавказа.

При этом важно отметить, что при исследовании данной темы необходимо, с одной стороны, преодолеть ряд методологических «запретов», довлеющих над учеными в период господства единой методологии (это, прежде всего, касается изучения педагогики в контексте религиозных и национальных вопросов), а с другой – не удаваться в идеализаторское любование памятниками богатого традиционного наследия Северного Кавказа.

Таким образом, автор данной статьи предполагает обратиться к изучению этнического своеобразия региональной воспитательной традиции с учетом ее связей с инациональными цивилизациями с точки зрения уважения к истории, стандартам, культуре и национальному достоинству народов Северного Кавказа.

Список литературы

1. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов / И. Ю. Алироев. – Грозный : Книга, 1990. – 365 с.
2. Антология педагогической мысли Северной Осетии. – Владикавказ : Ир, 1993. – 416 с.
3. Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев (ингушей) / Ч. Ахриев // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. – Вып. III. – Отд. I. – С. 1–27.
4. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик : ЭльФа, 1999. – 96 с.
5. Бирагова И. И. Идеи и опыт нравственного воспитания в осетинской народной педагогике : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. И. Бирагова. – Владикавказ : СОГУ, 2002. – 24 с.
6. Волков Г. Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 1974. – 468 с.
7. Платонов Ю. П. Этническая психология / Ю. П. Платонов. – СПб. : Речь, 2001. – 320 с.
8. Семенов К. Б. Народная педагогика Карачая и Черкесии о педагогической культуре родителей / К. Б. Семенов // Поликультурное образование в современной России. – Пятигорск, 1997. – С. 177–180.
9. Сланова А. Ю. Проблемы семейного воспитания в прогрессивно-демократической педагогике народов Северного Кавказа (XVIII – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Ю. Сланова. – Владикавказ, 2002. – 24 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЕМ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

С.П. Щурина

В статье рассматриваются вопросы реализации концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности, а также роль учителя истории и обществознания в решении данной проблемы.

Issues of realization of concept of the person's spiritual and moral development and education and the role of teacher of History and social science in the solution of this problem are viewed in the article.

Ключевые слова: концепция, обществознание, духовно-нравственное развитие, воспитание.
Key words: concept, social studies, spiritual and moral development, education.

Развитие и модернизация российского общества, ее перспективы и тенденции делают в наше время особенно значимой проблему формирования духовного и нравственного развития подрастающего поколения, которая должна быть главной активной силой преобразования экономики, социальной жизни и культуры в нашей стране. В наше время нужны россияне, которые не просто живут и работают, пользуясь правами и удобствами жизни. Нужны люди, обеспокоенные судьбой своей Отчизны, своего

народа. Во все времена нужны те, кто несет бремя ответственности за страну, гражданские обязанности, занимает подлинно гражданскую позицию. Смысл такой позиции выразил русский философ И.А. Ильин: «Мое дело есть дело моей родины и моего государства; так что, с одной стороны, все вредное моей родине и моему государству не может стать моим делом, а с другой стороны, дело моего народа и моего государства мне настолько близко и важно, как если бы оно касалось меня самого и моей судьбы – вот формула истинно патриотического гражданства...». Несомненно, такой гражданин должен обладать высокой правовой культурой. Еще древнегреческий философ Демокрит говорил, что закон хочет хорошо устроить жизнь людей. Сможет же он сделать это лишь в том случае, если сами люди хотят, чтобы им было хорошо, ибо закон обнаруживает свое благотворное действие лишь тем, кто ему повинуются.

В настоящее время особое значение приобретают проблемы формирования духовного, нравственного и физического здоровья подрастающего поколения, воспитания нового типа граждан – истинных патриотов, самостоятельно мыслящих, активно действующих, обладающих интеллектуальным потенциалом и нравственными принципами. Важнейшей целью современного образования, общества и государства является воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высококонкретного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России. Создание условий для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения – одна из приоритетных задач в деятельности правительства и Президента Российской Федерации. В 2010 и 2011 гг. в посланиях Президента России Федеральному собранию Российской Федерации было подчеркнуто: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений».

Роль реализации концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания в решении данной проблемы велика. Именно этому вопросу отводится важное место в духовно-нравственной консолидации российского общества, в его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны. Актуальность развития духовности личности подчеркивается также тем фактом, что в документах ООН и ЮНЕСКО последних лет обращается внимание на необходимость распространения в обществе идеалов мира и согласия, уважения прав и свободы человека, достоинства и приверженности целям полноценного развития человека. Законом Российской Федерации «Об образовании» (ст. 9, п. 1) установлено, что «основные общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования обеспечивают реализацию федерального государственного образовательного стандарта с учетом типа и вида образовательного учреждения, образовательных потребностей и запросов обучающихся, воспитанников и включают в себя учебный план, рабочие программы учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) и другие материалы, обеспечивающие духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки обучающихся».

В проекте стандартов второго поколения определен идеальный образ выпускника школы – гражданина России, с которым мы солидарны:

- ✓ компетентный в гражданско-правовых аспектах член общества, осознающий свою сопричастность к судьбе России;
- ✓ уважающий ценности иных культур, конфессий и мировоззрений, осознающий глобальные проблемы современности, свою роль в их решении;

- ✓ креативный, мотивированный в познании и творчестве на обучение и самообучение на протяжении всей жизни;
- ✓ разделяющий ценности безопасного и здорового образа жизни людей;
- ✓ уважающий других людей, готовый сотрудничать с ними для достижения современного результата;
- ✓ осознающий себя личностью, способной принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность.

Для достижения данных свойств выпускника школы необходим качественный пересмотр сложившейся практики воспитательной работы в школе. Необходимо обратить внимание на формирование у учащихся системы ценностных ориентиров, включающих как ценности творческого развития личности, так и общегосударственные национальные ценности, основной перечень которых представлен в проекте стандартов второго поколения.

Назовем основные из них:

- ✓ гражданская идентичность как ключевой компонент российской идентичности;
- ✓ идеалы, ценности гражданского общества, в том числе ценности человеческой жизни, основных прав и свобод человека и гражданина, семейные ценности и трудовая этика;
- ✓ патриотизм, основанный на принципах ответственности за судьбу Отечества и на диалоге культуры;
- ✓ ценности личностной, социальной и государственной безопасности;
- ✓ национальное согласие по основным этапам становления и развития общества и государства.

Именно отбор ценностных ориентиров, отражающих интересы личности, общества, государства должен стать основой содержания целостной системы воспитания в школе, органически включающей направления нравственного и патриотического воспитания, интегрирующиеся с правовым, эстетическим, экономическим и другими направлениями.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения является первостепенной задачей современного учителя истории и обществознания и представляет собой важный компонент социального заказа для образования. В научно-педагогических исследованиях ученые все чаще обращают внимание на проблемы становления экзистенциальной (ценностно-смысловой) сферы человека, что закономерно выводит их на проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. При многообразии подходов к пониманию источников, механизмов и стадий развития духовности общим для большинства исследований является тезис о том, что духовность не бывает спонтанной и достигается в процессе работы человека над собой.

Хотелось бы заострить внимание на роли учителя истории и обществознания в духовно-нравственном воспитании молодежи, так как важным фактором успешного развития как личности, так и образовательного процесса в школах является личный пример учителя. Роль педагога, его нравственный и профессиональный авторитет имеют ключевое значение в воспитании духовно-нравственного, ответственного, инициативного и компетентного гражданина России. 2010 год был объявлен Годом учителя. Сегодня педагог берет на себя ответственность не только за образовательные достижения, но и за нравственное и гражданское воспитание молодежи, гуманизирует процесс воспитания и одновременно преобразует социальную действительность, учитывая человеческий опыт духовной культуры, народную мудрость поколений.

Духовно-нравственное воспитание является неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса, который осуществляется в системе российского образования. Педагогика считает необходимым развитие у человека духовности, ориентированной на доброту, любовь, уважение к другим людям, сострадание, сочувствие.

Общеобразовательные учреждения должны воспитывать гражданина и патриота, раскрывать способности и таланты молодых россиян, готовить их к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. При этом образовательные учреждения

должны постоянно взаимодействовать и сотрудничать с семьями обучающихся, другими субъектами социализации, опираясь на национальные традиции. Обращение к духовности, к личности человека, то есть признание всеобщности единичного как осознанного самостроителя собственного «Я», указывает на перспективность диалогического пути взаимодействий разных образовательных структур и уровней социокультурной динамики.

Современный учитель истории и обществознания призван синтезировать две основы: природосообразующую и трудосообразующую. Их взаимосвязь и взаимодействие через человеческую суть создадут гармонически развитого, созидającego и творящего человека. Это будет, как утверждал Г.Н. Волков, симбиоз двух составных: любви и примера. Образовательно-воспитательный процесс учителя истории и обществознания призван объединить устойчивые традиции национально-культурных ценностей с инновационными и перспективными технологиями, обозначенными российскими и зарубежными педагогическими технологиями.

Планирование духовно-нравственной работы является значимым звеном в общей системе деятельности учителя истории и обществознания. Продуманное планирование обеспечивает ее четкую организацию, намечает перспективы работы, способствует реализации определенной системы воспитания. В образовательно-воспитательном процессе используются различные формы и методы проведения учебных занятий с учетом специфики преподаваемой дисциплины и современных требований к уровню общего (полного) образования. Большое значение придается средствам активизации познавательной деятельности учащихся средней школы. Главной фигурой в учебном процессе является ученик, выступающий не как объект, а как субъект обучения.

В процессе реализации концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания учитываются основные подходы:

- ✓ **философско-антропологический:** предполагает выявление сущности формирования личности человека, конкретно-исторической детерминации проявленности форм его активности, раскрытие различных исторически существовавших форм его бытия. Философия выявляет место человека в мире, анализирует вопрос о том, чем и кем человек может стать, каково в нем соотношение биологического и социального;
- ✓ **гуманистический:** является облагораживающим средством демократизации образования и воспитания, обуславливается наличием ретрансляции ценностных ориентаций;
- ✓ **системный:** характеризует структурно-функциональную целостность образовательно-воспитательного процесса, выступает как фактор духовного наследия, передающий все полезное и доброе;
- ✓ **синергетический:** позволяет рассматривать человека как саморазвивающуюся систему, процесс ее формирования подразумевает переход воспитания в самовоспитание, развития – в саморазвитие, образования – в самообразование;
- ✓ **лично-деятельностный:** позволяет рассматривать студента как личностную и индивидуальную характеристику субъекта, развивающегося в процессе педагогической деятельности;
- ✓ **культурологический:** предполагает осмысление непрерывного процесса воспитания в контексте общекультурных и психолого-педагогических блоков знаний по общечеловеческим и национальным основам культуры;
- ✓ **этнопедагогический:** включает учет традиций народной педагогики, этических ценностей в обучении и воспитании личности;
- ✓ **индивидуально-творческий:** ориентируется на глубинное постижение психолого-нравственной сущности личности человека;
- ✓ **социально-педагогический:** предполагает симбиоз народно-традиционного воспитания с современными технологиями интегрирующих систем.

Процесс реализации концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания будет наиболее эффективным, если:

- ✓ отношения учителя истории и обществознания с обучающимися строятся как совместная творческая деятельность;
- ✓ совместную деятельность учителя и обучаемого, а также самостоятельную работу обучающегося пронизывает идея преодоления сложностей, достижения трудной цели (духовно-нравственное развитие достигает содержательной полноты и становится актуальным для самого обучающегося, когда соединяется с жизнью, реальными социальными проблемами, которые необходимо решать на основе морального выбора);
- ✓ создание фона группы, коллектива, его творческой атмосферы – такая же важная педагогическая задача, как и задача формирования личностных качеств;
- ✓ доминантой воспитания является личностный подход, абсолютное признание достоинства каждой личности, ее права на выбор, собственное суждение, самостоятельный поступок.

Немаловажной функцией воспитания является мотивация учителя истории и обществознания к образовательно-воспитательному процессу и восприятие его обучающимися. Необходимы развитие творчества, моделирование своих действий, инициатива в принятии решений. Этому будет способствовать мотивационный процесс. Побудительные действия должны исходить из самой работы. Результаты педагогического труда напрямую зависят от творческого отношения к воспитательно-образовательному процессу и учителя истории и обществознания, и обучаемых.

Таким образом, в педагогической теории и практике категория ценностного воспитания становится приоритетной, а интегральный процесс педагогизации культуротворческой деятельности – направлением, отвечающим общим задачам гуманизации и интеграции образования.

Реализация концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания должна обеспечить:

- ✓ готовность и способность к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию, самооценке, пониманию смысла своей жизни, индивидуально-ответственному поведению;
- ✓ готовность и способность к реализации творческого потенциала в духовной и предметно-продуктивной деятельности, социальной и профессиональной мобильности на основе моральных норм, непрерывного образования;
- ✓ принятие личностью базовых национальных ценностей, национальных духовных традиций;
- ✓ готовность и способность выражать и отстаивать свою общественную позицию, критически оценивать собственные намерения, мысли и поступки;
- ✓ способность к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, принятию ответственности за их результаты, целеустремленность и настойчивость в достижении результата;
- ✓ трудолюбие, бережливость, жизненный оптимизм, способность к преодолению трудностей.

В сфере общественных отношений духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся средней школы должно обеспечить:

- ✓ осознание себя гражданином России на основе принятия общих национальных нравственных ценностей;
- ✓ готовность граждан солидарно противостоять внешним и внутренним вызовам;
- ✓ развитость чувства патриотизма и гражданской солидарности;
- ✓ духовную, культурную и социальную преемственность поколений.

Реализация концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания определяется в соответствии с базовыми национальными ценностями и приобретает определенный характер и направление в зависимости от того, какие ценности общество разделяет, как организована их передача от поколения к поколению. Реализация концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания в целом является сложным, многоплановым процессом. Он неотделим от жизни человека во всей ее полноте и противоречивости, от семьи, общества, культуры, человечества в целом, от стра-

ны проживания и культурно-исторической эпохи, формирующей образ жизни народа и сознание человека.

Сфера педагогической ответственности в этом процессе определяется следующими положениями:

✓ усилия общества и государства направлены сегодня на воспитание у молодежи активной гражданской позиции, чувства ответственности за свою страну;

✓ общее образование, выстраивающее партнерские отношения с другими институтами социализации, является основным институтом педагогического воздействия на духовно-нравственное развитие личности гражданина России. При этом основным субъектом, реализующим цели духовно-нравственного развития и воспитания, определяющим непосредственные пути и методы их достижения на основе опыта и традиций отечественной педагогики, собственного педагогического опыта, является педагогический коллектив общеобразовательного учреждения;

✓ содержание духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся, деятельность педагогических коллективов общеобразовательных учреждений должны быть сфокусированы на целях, на достижение которых сегодня направлены усилия общества и государства.

Носителями базовых национальных ценностей являются различные социальные, профессиональные и этноконфессиональные группы, составляющие многонациональный народ Российской Федерации. Духовно-нравственное развитие гражданина России в рамках общего образования осуществляется в педагогически организованном процессе осознанного восприятия и принятия обучающимся ценностей семейной жизни, культурно-регионального сообщества, культуры, традиции и системы ценностей своего народа, российской гражданской нации, мирового сообщества.

Организация социально открытого пространства для успешной реализации концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности учителем истории и обществознания осуществляется на основе нравственного примера педагога, социально-педагогического партнерства, индивидуально-личностного развития, интегративности программ духовно-нравственного воспитания, социальной востребованности воспитания.

Очевидной является необходимость социальной востребованности воспитания. Воспитание, чтобы быть эффективным, должно быть востребованным в жизни ребенка, его семьи, других людей, общества в целом. Социализация и своевременное социальное созревание ребенка происходят в процессе его добровольного и активного включения в решение проблем более взрослого сообщества. Полноценное духовно-нравственное развитие происходит, если воспитание не ограничивается информированием обучающегося о тех или иных ценностях, но открывает перед ним возможности для нравственного поступка.

Нравственность учителя истории и обществознания, моральные нормы, которыми он руководствуется в своей профессиональной деятельности и жизни, его отношение к своему педагогическому труду, ученикам, коллегам – все это имеет первостепенное значение для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся средней школы. Воспитательные программы не будут эффективны, если педагог не являет собой главный для обучающихся пример нравственного и гражданского личностного поведения.

Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения является ключевым фактором успешного развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Невозможно создать современную инновационную экономику, минуя человека, его состояния и качества внутренней жизни. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей.

Воспитание, являясь целостной педагогической системой, выступает интегративной духовно-нравственной функцией педагогической деятельности. Духовно-

нравственную интегративность обеспечивает педагогика сотрудничества, в основе которой лежит идея партнерства и взаимного уважения участников воспитательного процесса. Важнейшим условием эффективной организации духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения является наличие воспитательной системы, то есть упорядоченной совокупности структурных компонентов, взаимодействие которых обеспечивает создание благоприятных психолого-педагогических и социально-педагогических условий для целенаправленного развития личности.

Список литературы

1. Алексеев Н. Г. Критерии эффективности обучения учащихся исследовательской деятельности / Н. Г. Алексеев, А. В. Леонтович // Развитие исследовательской деятельности учащихся : метод. сб. – М. : Народное образование, 2001.
2. Гурвич Е. М. Исследовательская деятельность детей как механизм формирования представлений о поливерсионности мира и создания навыков поливерсионного исследования ситуаций / Е. М. Гурвич // Развитие исследовательской деятельности учащихся : метод. сб. – М. : Народное образование, 2001.
3. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков ; Рос. акад. образования. – М. : Просвещение, 2009.
4. Демин И. С. Использование информационных технологий в учебно-исследовательской деятельности / И. С. Демин // Развитие исследовательской деятельности учащихся : метод. сб. – М. : Народное образование, 2001.
5. Леонтович А. В. К проблеме развития исследований в науке и образовании / А. В. Леонтович // Развитие исследовательской деятельности учащихся : метод. сб. – М. : Народное образование, 2001.
6. Обухов А. С. Исследовательская деятельность как возможный путь вхождения подростка в пространство культуры / А. С. Обухов // Развитие исследовательской деятельности учащихся : метод. сб. – М. : Народное образование, 2001.
7. Строганова Н. А. Организация системы духовно-нравственного воспитания в условиях внедрения ФГОС / Н. А. Строганова. – Калининград, 2011.
8. Фомина Т. Ю. Проблемы формирования исследовательских навыков учителя истории / Т. Ю. Фомина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2009. – № 5.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

А.В. Петров

В статье проанализированы проблемные вопросы теории и практики прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела в условиях обновленного законодательства. Обосновывается необходимость законодательного закрепления права прокурора по результатам проведения им проверок исполнения законодательства самостоятельно возбуждать уголовное дело и со своими указаниями направлять в следственный орган или орган дознания для производства предварительного расследования.

Problematic issues of theory and practice of prosecutor's supervision at the stage of suing criminal case under the conditions of renovated legislation, in particular after bringing in changes.

The necessity of legislative assignment of the prosecutor's right to sue a criminal case himself and send it to investigatory agency or agency of inquiry by his directions for preliminary investigation is grounded in the article.

Ключевые слова: прокурор, право возбуждения уголовного дела, полномочие, сообщение о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, уполномоченное лицо, надзорная деятельность.

Key words: prosecutor, right to file a suit against someone, authorities, report on crime, stage of suing criminal case, authorized person, supervisory activity.

Анализ положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих надзор прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, и практика их применения после внесения в него изменений Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ позволяет выделить ряд проблем, с которыми столкнулись практические работники.

Актуальность исследования роли прокурора в стадии возбуждения уголовного дела значительно возросла с внесением в УПК РФ изменений и дополнений Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон "О структуре Российской Федерации"» и последующими федеральными законами, которые существенно сузили полномочия прокурора в досудебном производстве.

Внесенные изменения в УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» относительно вопроса полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела не отличаются существенной новизной за некоторым исключением. Многие нововведения о полномочиях прокурора в указанной стадии были присущи ему еще до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Корректировка положений УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ позволяет сделать некоторые выводы о возвращении прокурору прежних полномочий.

В частности, изменились характер полномочий прокурора в отношении органов предварительного следствия и формы и методы осуществления прокурорского надзора. Прокурор снова вправе немедленно реагировать на нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела. Он теперь не связан с громоздкой процедурой, заключающейся в вынесении мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае признания

отказа руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным.

О необходимости возвращения прокурору права отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела независимо от того, кем они вынесены, стали сразу высказываться как ученые, так и практические работники [1].

Безусловно, позитивной оценки заслуживает восстановление полномочий прокурора по отмене признанных им незаконными или необоснованными постановлений руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и одновременном их ограничении относительно сроков, что свидетельствует об усилении роли прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве, поскольку он снова наделен реальными полномочиями для эффективного устранения выявленных нарушений закона в стадии возбуждения уголовного дела.

Ранее действовавшее правило, заключающееся в предложении прокурором руководителю следственного органа отменить признанное им незаконным или необоснованным постановление следователя, порождало излишний документооборот, не являлось эффективной мерой и в ряде случаев приводило к волоките при разрешении сообщений о преступлениях.

Анализ настоящих положений УПК РФ позволяет судить, что законодатель приравнял полномочия прокурора как к процессуальным решениям, принятым дознавателем, органом дознания на этапе разрешения сообщений о преступлениях, так и к решениям, принятым следователем, руководителем следственного органа, ограничив его лишь временными рамками.

В частности, согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Следует отметить, что законодатель не ограничил прокурора временными рамками относительно решений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных дознавателем, органом дознания.

Неясно, чем руководствовался законодатель, устанавливая для прокурора различные сроки для отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, учитывая, что дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа являются субъектами предварительного расследования, которых разделяют лишь категория расследуемых дел, сроки предварительного расследования и ведомственная принадлежность. Также необходимо заметить, что на этот счет руководитель следственного органа такими рамками не ограничен.

Кроме того, вызывает недоумение отмена прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела руководителя следственного органа, следователя путем вынесения мотивированного постановления с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Следуя аналогии, не вдаваясь при этом в вопрос об излишности термина «мотивированное» (так как, согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановления прокурора и без того должны быть законными, обоснованными и мотивированными), при отмене постановления органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, требование излагать конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке, прокурору необязательно? И также не обязательно постановление об отмене вместе с материалами проверки незамедлительно направлять начальнику органа дознания? По всей видимости, этот парадокс следует отнести к технической ошибке законодателя.

Возникает также другой вопрос: в случае если прокурор не отменил в указанный срок постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, даже если оно по сути

является незаконным и необоснованным, оно, логично предположить, уже не может вообще быть отменено, за исключением, если такое решение сочтет необходимым принять руководитель следственного органа.

Насколько оправдано такое ограничение?

Наиболее оптимальный способ решения этой проблемы – внесение изменений в УПК РФ, не ограничивающих прокурора временными рамками, и наделение его правом требовать устранения нарушений федерального законодательства на стадии разрешения сообщений о преступлениях.

Тем не менее, корректировка положений УПК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ не наделяет прокурора как главного должностного лица по осуществлению уголовного преследования правом возбуждения уголовного дела. Современная норма, предусматривающая полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства введена Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Эта норма появилась одновременно с лишением прокурора права возбуждать уголовные дела и по сути была введена вместо нормы, устанавливающей полномочие на возбуждение уголовного дела. Такое постановление прокурора ранее не представляло собой самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела. Как следует из системного толкования ст. 140–143 УПК РФ, это постановление представляло собой один из иных источников сведений о преступлении.

Функционально-правовое построение полномочий прокурора в связи с этим, по нашему мнению, нельзя признать достаточным. Такие ограниченные возможности прокурора не в полной мере способны обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Право прокурора отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела кем бы они не были приняты не означает возможность руководить в полном объеме уголовным преследованием. Руководить – значит участвовать, в том числе самому выполнять следственные действия, давать обязательные для исполнения указания. На этот счет С. Лапин отмечает: «...прокурор является пассивным созерцателем происходящего, потому что право надзора у него осталось, а действенных полномочий больше нет» [3, с. 21].

Лишение прокурора права возбуждения уголовного дела не согласуется с его функцией по осуществлению уголовного преследования, которое начинается актом возбуждения уголовного дела. Обязанность уголовного преследования предполагает и наличие права возбуждения уголовного дела для всех без исключения субъектов этого вида деятельности.

Практически ежедневно, осуществляя надзор за исполнением требований федерального законодательства, прокуроры выявляют в ходе проверок нарушения, требующие уголовно-правовой оценки. Особенно часто такие факты выявляются при проведении проверок исполнения бюджетного законодательства, при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд, о государственной и муниципальной собственности, в сфере оплаты труда и др.

Вместо того, чтобы возбудить уголовное дело и направить его для производства предварительного расследования, прокурор должен направить собранные им материалы в соответствующий орган, затем дожидаться, пока будет проведена доследственная проверка, которая может занять длительное время, и только потом будет принято процессуальное решение, которое может быть незаконным.

Это противоречит международным стандартам деятельности прокуроров, придающим им ключевую роль в уголовном судопроизводстве, в том числе в решении вопросов возбуждения уголовного дела и преследования преступлений.

Прокурор является координатором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, которая включает в себя осуществление согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Для успешного предупреждения, пресечения и устранения правонарушений и преступлений у прокурора должны быть не ограниченные, а оптимальные правовые возможности.

Только комплекс полномочий прокурора, направленных на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона, при осуществлении функций надзора и уголовного преследования способен обеспечить законность и соблюдение прав и свобод граждан в стадии возбуждения уголовного дела. Отсутствие у прокурора права возбуждения уголовного дела, а вместо этого предоставленное законом полномочие о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании является многоступенчатым и неэффективным способом реагирования прокурора на обнаруженные признаки преступления.

Сравнительный анализ показывает, что в нашем уголовном процессе прокурор, являясь основной фигурой по осуществлению уголовного преследования, пользуется при этом значительно меньшими полномочиями, чем в уголовном процессе зарубежных стран.

К примеру, требование прокурора о производстве следственных действий, обращенное к участковым судам в ФРГ, следственному судье во Франции, как правило, обязательно для исполнения. В уголовном процессе России до окончания предварительного следствия прокурор не вправе давать следователям письменные указания.

В ФРГ для того, чтобы должным образом исполнять функции уголовного преследования, прокуратура, согласно УПК, является органом дознания, а полиция считается вспомогательным органом при прокуратуре. Подобное соотношение функций прокуратуры и полиции как органа дознания в уголовном процессе и в других странах.

В уголовном процессе зарубежных стран полиция как орган, уполномоченный осуществлять оперативно-розыскную деятельность, наряду с предупреждением и выявлением преступлений, выполняет основную работу по раскрытию преступлений, то есть по установлению лиц, подозреваемых в совершении выявленных ею преступлений. Только после установления подозреваемого полиция направляет собранные материалы в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. При этом, полиция собирает не доказательства, а только сведения, которые после возбуждения прокурором уголовного преследования при проверке в суде обретают статус доказательств. От полиции не требуется составления документов, подобно тем, которые составляются согласно УПК РФ при проверке сообщений о совершенных преступлениях.

В России органы дознания предназначены, прежде всего, для того, чтобы выявлять преступления, действуя при этом в строгом соответствии с требованиями, установленными уголовно-процессуальным законом и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Чтобы установить основание для возбуждения уголовного дела, необязательно выявить лицо, подозреваемое в совершении преступления, необходимо установить лишь наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Осуществляя уголовное преследование от имени государства в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, на наш взгляд, прокурор должен обладать необходимым набором процессуальных полномочий по выявлению и устранению нарушений закона с момента поступления сообщения о преступлении. Учитывая, что наш уголовный процесс наиболее близок к уголовному процессу Франции и ФРГ, необходимо учесть опыт, накопленный в этом отношении в этих и других странах. Это следует из требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в соответствии с которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

О необходимости усиления прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка отметил: «...Счет допускаемым нарушениям идет на сотни тысяч. В течение года по требованию прокуроров отмене-

но более 66 тысяч необоснованных постановлений о возбуждении уголовных дел, свыше 1 млн 800 тыс. об отказе в возбуждении (практически каждое пятое)... Если же к этому добавить почти 5 тыс. случаев, когда людей оправдывали суды, либо в отношении них уголовные дела были прекращены по реабилитирующим основаниям, то картина с соблюдением прав и конституционных гарантий граждан на этой стадии уголовного процесса вырисовывается не самая благополучная. Решить эту проблему, как мне представляется, можно одним путем – перенести надзор на более ранние этапы, упреждая нарушения закона, а в случаях необходимости – помогая принимать обоснованные решения» [2, с. 17].

Этот справедливый вывод указывает на необходимость законодательного закрепления в ст. 37 УПК РФ нормы, наделяющей прокурора правом истребования при необходимости для проверки материалов по сообщениям о преступлениях и дачи по ним указаний до принятия решения в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

В связи с этим, учитывая, что в п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ не указаны права прокурора по реализации указанных в нем полномочий, предлагаем дополнить указанную норму новеллой следующего содержания: «...В целях реализации этого полномочия, прокурор вправе проверять документацию о приеме и регистрации сообщений о преступлениях. В связи с рассмотрением жалоб проверять исполнение требований настоящего Кодекса о порядке и сроках разрешения сообщений о преступлениях, давать органам дознания и дознавателям письменные указания, обязательные для исполнения, информировать руководителей следственных органов о выявленных нарушениях закона, а в необходимых случаях вправе истребовать для проверки материалы по сообщениям о преступлениях и давать по ним указания до принятия решения».

Для эффективного надзора прокурор должен иметь право начать уголовное преследование путем возбуждения уголовного дела, а затем направить для производства предварительного расследования в соответствующий орган. Ставить прокурора в зависимость от решения следователя или дознавателя о возбуждении уголовного дела по выявленным и направленным прокурором материалам об уголовном преследовании неестественно и неверно.

Таким образом, считаем необходимым внести в ч. 2 ст. 37 УПК РФ дополнение, наделяющее прокурора полномочием следующего содержания: «По фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства проводить проверку, возбуждать при наличии достаточного основания уголовное дело и давать по нему указания поручая проведение предварительного расследования следственному органу или органу дознания».

При наделении прокурора таким правом можно вести речь о нем как о полноценном уголовном преследователе, что, по нашему мнению, полностью бы соответствовало предписаниям ст. 21 УПК РФ и значительно повысило бы эффективность уголовного преследования.

В практической деятельности возникает еще одна сложность относительно вопроса проверки прокурором законности и обоснованности возбуждения уголовного дела.

Получение прокурором копии постановления о возбуждении уголовного дела не дает возможности полноценно определить законность и обоснованность принятого решения по сообщению о преступлении. Во всех без исключения случаях имеется настоятельная необходимость проверить материалы, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела, а именно убедиться в наличии повода, достаточных данных, указывающих на признаки преступления. На этот счет прокурор не вправе требовать предоставления ему материалов. По его мотивированному письменному запросу, согласно ч. 2.1. ст. 37 УПК, ему предоставляется лишь возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. При этом конкретные сроки законодателем не определены.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела следователи и дознаватели нацелены, в первую очередь, на решение стоящих перед ними задач, каковыми являются: проведение неотложных следственных и иных процессуальных действий по собиранию и закреплению доказательств, а если имеется к тому моменту по-

дозреваемый и достаточные основания – к его задержанию. Поэтому материалы прокурору поступают спустя сутки и более.

Неопределение в УПК РФ конкретного срока, в течение которого прокурор может ознакомиться с материалами уголовного дела для проверки законности его возбуждения, и отсутствие у него на этот счет права требования, создает ощутимое препятствие для эффективного осуществления надзора. Ведь следователь либо дознаватель могут в течение нескольких недель или даже месяцев не представить прокурору возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, продолжая его расследовать. А если отсутствует состав преступления, а по уголовному делу проведен ряд следственных действий, включая обыски, выемки, или задержано лицо? Отмена прокурором незаконного постановления о возбуждении уголовного дела ставит точку в данном вопросе. Но эту точку необходимо ставить своевременно и создать для этого соответствующую законодательную, императивную по своему содержанию возможность.

В реалиях современности представляется наиболее удачным такой механизм работы, при котором следователи и дознаватели во всех случаях сразу после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела будут одновременно представлять прокурору для проверки материалы, послужившие основанием для принятия такого решения. Такой порядок будет удобен с практической точки зрения как для прокурора, так и для должностного лица, возбудившего уголовное дело, и позволит избежать на начальном этапе уголовного процесса нарушения прав граждан по незаконному вовлечению в сферу уголовного судопроизводства. После одномоментной проверки прокурором постановления о возбуждении уголовного дела, материала к нему и подписания статистической карточки Формы 1 на возбужденное уголовное дело следователи и дознаватели смогут спокойно начать производство предварительного расследования.

Такой механизм схож в какой-то степени с ранее действовавшим правилом, когда следователи и дознаватели в законодательном порядке обращались к прокурору за получением согласия на возбуждение уголовного дела.

На практике следователи и дознаватели по тем материалам, по которым не знают, какое решение принять либо по какой статье квалифицировать преступление, негласно обращаются к надзирающему прокурору за получением совета, разъяснений либо устного согласия.

Указанный порядок работы будет иметь своим предназначением благие намерения – не допустить незаконное вовлечение лица в сферу уголовного судопроизводства, нарушение его прав и свобод. Он представляется весьма удачным и зависит от характера организации прокурорского надзора на первоначальном этапе уголовного процесса.

Целесообразно по этому вопросу дополнить ч. 4 ст. 146 УПК нормой следующего содержания: «Копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору вместе с материалами, послужившими основанием для возбуждения уголовного дела... (и далее по тексту)».

Вместе с тем, направление прокурору одной лишь копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела также является недостаточным, препятствует полноценно выяснить вопросы полноты проверки, законности и обоснованности принятого процессуального решения. В связи с этим целесообразно внести в часть 4 ст. 148 УПК РФ дополнение следующего содержания: «Копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю, а также прокурору вместе с материалами проверки сообщения о преступлении».

Закрепление в законе указанной нормы, по нашему мнению, являлось бы удачным с практической точки зрения и позволило бы избежать излишнего документооборота и затрату времени.

Необходимо внести в ч. 6 ст. 148 УПК норму о праве прокурора отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, каким бы органом оно не было вынесено, с одновременным возбуждением уголовного дела следующего содер-

жания: «Признав отказ руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, органа дознания в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет материалы для дополнительной проверки либо возбуждает уголовное дело».

В целом итоги более чем полугодового применения УПК РФ в обновленной Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ редакции свидетельствуют о том, что прокуроры наращивают свои усилия по осуществлению надзора за исполнением требований Федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Несмотря на наличие недостатков и пробелов в законодательном регулировании, в отдельных случаях, требующих внесения корректив в УПК РФ, прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела вносит большой вклад в защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

Список литературы

1. Говорков Н. Хотели сделать лучше... / Н. Говорков // Законность. – 2008. – № 7. – С. 31–33.
2. Доклад генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ по итогам работы за 2008 год // Следователь. – 2009. – № 2 (131). – С. 17.
3. Лапин С. Ю. Прокурор – следователь: революция началась / С. Ю. Лапин // Эж-Юрист. – 2007. – № 26. – С. 21.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ Б.А. КИСТЯКОВСКОГО ДЛЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

А.Н. Харитонова

Научно-правовое наследие Б.А. Кистяковского на протяжении нескольких десятилетий было практически предано забвению. Обращение к учению этого отечественного мыслителя, юриста, правоведа, теоретика либерального направления общественно-политической и философской мысли России начала XX столетия в наше время представляет собой высокую научно-теоретическую ценность для современного отечественного правоведения. Правовое наследие Б.А. Кистяковского вполне востребовано современными правовыми науками, к числу которых относятся история правовых и политических учений, теория государства и права, философия права, социология права.

During some decades the scientific law heritage of B.A. Kistyakovsky was consigned to oblivion. That's why handling of studies of this thinker, lawyer, and theorist of liberal direction is a high scientific and theoretical value for contemporary home science of law. Law heritage of B.A. Kistyakovsky is demanded by the following sciences: history of law and political studies, theory of state and law, philosophy of law and sociology of law.

Ключевые слова: Б.А. Кистяковский, право, юрист, философия, правовед, политико-правовое наследие.

Key words: B.A. Kistyakovsky, law, lawyer, philosophy, jurist, political and heritage.

Научно-правовое наследие Б.А. Кистяковского на протяжении нескольких десятилетий было практически предано забвению. Обращение к учению этого отечественного мыслителя, юриста, правоведа, теоретика либерального направления общественно-политической и философской мысли России начала XX столетия в наше время представляет собой восстановление исторической справедливости по отношению к его научному наследию, представляющему высокую научно-теоретическую ценность для современного отечественного правоведения.

Нельзя не отметить факт недостаточного внимания к изучению научных трудов этого выдающегося российского мыслителя. Особо следует подчеркнуть, что подобное отношение имело место не только на протяжении почти всего советского перио-

да, но и в царской России. Причину этого в определенной степени хорошо объясняет его сын Георгий Богданович Кистяковский, эмигрировавший в США. Он считает, что его отец выглядел «белой вороной» на рубеже столетия, поскольку его труды были посвящены проблемам прав человека, которые представляли непопулярный предмет для занятий в России того времени. Эти вопросы никого не интересовали. Вряд ли можно утверждать что лучшим было отношение к этим вопросам в советские времена. Характерно, что в советском общественном сознании научное творчество Б.А. Кистяковского рассматривалось однозначно критически, поскольку его относили к публицистам-«веховцам», затушевывая при этом его концепцию «правового социализма». Известно, что принадлежность какого-либо мыслителя к «веховцам», в свое время «заклейменным» В.И. Лениным, навешивала на него ярлык «чужого», даже враждебного советской власти и России в целом.

Отношение к Б.А. Кистяковскому, равно как и к другим дореволюционным российским мыслителям, стало меняться в период перестройки, начавшейся в 1985 г. Представители постсоветской и современной отечественной политической науки стали довольно часто упоминать его имя в связи с исследованиями истории отечественного освободительного движения и политической теории русского либерализма. Политико-правовое наследие Б.А. Кистяковского находит отражение в целом ряде диссертационных и монографических работ, в многочисленных научных статьях. В частности, о Б.А. Кистяковском пишут А.В. Поляков, К.А. Гусев, И.А. Кравец, Э.В. Кузнецов, И.Ю. Козлихин, А.Н. Медушевский, И.Д. Осипов и другие.

Для современной правовой науки центральным остается вопрос о понятии права. В настоящее время не существует единого определения этого понятия. Существующие определения права зависят от множества факторов и могут служить различным целям. В определении права содержится целая концепция построения общества, государства, правоотношений и всей системы общественных и государственных институтов. Видится целесообразным привести одно из устоявшихся в современной российской теории государства и права определение права: «право – это система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни» [6, с. 112]. Б.А. Кистяковский рассматривал право как систему общеобязательных формально определенных юридических норм, выражающих общественную, классовую волю (конкретные интересы общества, классов), устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений [2, с. 82]. Сравнительный анализ приведенных определений права позволил сделать некоторые выводы.

Во-первых, общее в определениях права:

- ✓ системность;
- ✓ общеобязательность;
- ✓ формальная определенность;
- ✓ обеспеченность государством;
- ✓ направленность на регулирование общественных отношений (регулирование

поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни – в первом определении права, в определении Б.А. Кистяковского – право направлено на урегулирование общественных отношений.

Во-вторых, главным отличием является указание в определении права, данным Б.А. Кистяковским, на выражение правом общественной или классовой воли (конкретные интересы общества, классов). Однако классовый подход в определении права был вполне естественным для буржуазного российского общества и государства, современником которых являлся Б.А. Кистяковский. Что же касается выражения правом общественной воли (конкретных интересов общества), то эта характеристика права в определении Б.А. Кистяковского вполне созвучна с современным определением права (Н.В. Матузов, А.В. Малько): право регулирует поведение людей в соот-

ветствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни.

Таким образом, определение права, данное Б.А. Кистяковским на рубеже XIX–XX столетий, не потеряло актуальности и в настоящее время. Ценности правовых учений дореволюционного периода развития России используются современной российской наукой. В рамках теории права также обращает на себя внимание структура современной науки и учения Б.А. Кистяковского. Так, например, в работе Б.А. Кистяковского «Философия и социология права» присутствует привычное для современной теории государства и права деление на теорию права и теорию государства [4, с. 156]. В разделе рассматриваемой работы, посвященной праву, Б.А. Кистяковский освещает следующие вопросы:

- ✓ реальность объективного права;
- ✓ право как социальное явление;
- ✓ рациональное и иррациональное в праве;
- ✓ методологическая природа науки о праве.

Рассмотрение теории права по представленным направлениям соответствовало науке о праве периода Нового времени – «энциклопедии права» или «энциклопедии законоведения». Одной из первых работ в данной области стала «Универсальная энциклопедия права» Гунниуса, которая была издана в 1638 г. [5, с. 99]. В Российской империи энциклопедия права как учебная дисциплина стала преподаваться в Московском государственном университете в XVIII в., первые работы отечественных правоведов по энциклопедии права относятся к началу XIX в. [5, с. 99].

Приоритетными направлениями исследования теории государства Б.А. Кистяковский считал: сущность государственной власти, права человека и гражданина, государство и личность, государство и право [4, с. 347].

Сравнение наследия Б.А. Кистяковского с современной теорией государства и права позволило сделать вывод: все вопросы из теории государства и права, исследуемые Б.А. Кистяковским, не потеряли актуальности и для современной науки, достижения права дореволюционного периода служат основой для современной науки.

Научный интерес представляет оценка Э.В. Кузнецовым неокантианства, в том числе наследия Б.А. Кистяковского, для развития современной науки философии права и теории права. Э.В. Кузнецов является одним из основателей философии права в России относительно нового направления отечественного правоведения. Правовед считает, что с конца XIX столетия философию права можно расценивать как автономную дисциплину, отличную от общей теории социологии и права. Философия права изучает не действующее право и реальный правопорядок, а идеальные духовные начала, лежащие в основе права. Основным понятием буржуазной философии права стала «идея права» в ее неокантианском толковании [5, с. 36]. Таким образом, признается значение учения Б.А. Кистяковского в процессе формирования и развития философии права как одного из направлений правоведения первоначально в европейских странах, несколько позже в России.

Видится возможным рассмотреть вопрос о принуждении в праве с позиций учения Б.А. Кистяковского и современной правовой науки. Современная правовая наука не отрицает значительной роли государственного принуждения в праве (наряду с убеждением) [6, с. 126]. Принуждение имеет различные формы, методы и степень проявления. Анализ современной теории права и современных учений о праве позволил выявить определенные характерные черты государственного принуждения. Современному развитию права присущи следующие характерные черты государственного принуждения:

- ✓ принуждение должно осуществляться в особой процедурной форме, четко зафиксированной в нормах права;
- ✓ принуждение рассматривается не как главный, а как второстепенный, применяемый после убеждения, метод государственного управления;
- ✓ государственное принуждение не может рассматриваться как самоцель, а только лишь как средство исправления и перевоспитания.

Б.А. Кистяковский подходил к проблеме принуждения в праве с методологических позиций. По его мнению, принуждение в праве не может являться основным признаком права, так как право не исчерпывается государственно-организованным бытием. Б.А. Кистяковский отмечал, что с социально-научных позиций право, как и правомочие, выступает в качестве первичного явления, существующего «помимо и независимо от государства» [3, с. 550]. Право, которое «живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не <...> установлено в параграфах кодекса», не нуждается для своего осуществления в принуждении [3, с. 347]. Такое право и является правом потому, что реализуется в социальной жизни, воплощается в виде «социального факта» [3, с. 346].

Среди современных последователей данной позиции Б.А. Кистяковского можно назвать А.В. Полякова, который в одной из своих работ отмечает, что подобный подход, по-видимому, правомерен. Правовед считает, что, если смотреть на право как на социальный феномен, который реально существует в жизни общества и регулирует поведение его участников путем распределения коррелятивных полномочий и обязанностей на основе общезначимых нормативов, государственное принуждение не играет значительной роли [11, с. 99].

Таким образом, в вопросе о государственном принуждении в праве позиция Б.А. Кистяковского вполне созвучна с позицией современной теории права. Однако если современная наука признает второстепенную роль государственного принуждения, то Б.А. Кистяковский, наряду с другими представителями дореволюционной русской правовой мысли (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, Ю.С. Гамбаров), полностью или с оговорками отрицает необходимую связь между правом и государственным принуждением [11, с. 97].

Много внимания современная правовая наука уделяет теории естественного права. В разные исторические эпохи эта теория понималась по-разному, однако неизменными остаются ценности естественного права – свобода и справедливость, которые опираются на принцип абсолютности, не зависят от изменения социально-исторических условий и не подлежат девальвации. Свобода и справедливость не являются продуктом воли государства, не декретируются его распоряжениями и стоят выше его интересов и нужд; поэтому они способны выступать в роли ценностных критериев правотворческой деятельности законодателей различных государств во все исторические периоды. Именно этим определяется в настоящий момент высокая степень актуальности философско-правовых исследований в направлении теории естественного права.

Одним из первых отечественных правоведов последней четверти XX столетия, обратившихся к наследию Б.А. Кистяковского, стал А.В. Поляков. Правовед подверг исследованию один из центральных элементов учения Б.А. Кистяковского – естественное право [10, с. 14]. Автор отмечает, что возрождение естественного права в зарубежных странах и в России начинается после Второй Мировой войны. При этом в различных модификациях воспроизводятся методологические идеи, парадигмы, проблематика русских концепций естественного права дореволюционного периода, в том числе учение Б.А. Кистяковского. А.В. Поляков рассмотрел проблему соотношения права и нравственности в различных теориях «возрожденного естественного права». Автор различает два варианта обоснования естественного права: религиозно-этическое и светское. В рамках второго варианта автор рассматривает несколько неокантианских концепций, основными из которых являются этико-релятивистские и этико-абсолютистские. Концепция естественного права Б.А. Кистяковского относится к этико-абсолютистской. Б.А. Кистяковский, по мнению А.В. Полякова, связывал нравственный априоризм с идеей общественного развития. Право, по Б.А. Кистяковскому, обусловлено трансцендентальными целями, прежде всего, справедливостью и свободой, то есть этическими целями [10, с. 15].

А.В. Поляков приходит к аналогичным выводам. Он считает, что отличительной чертой естественно-правовой идеологии, его «визитной карточкой» является сознательно утвержденный идеализм, как правило, этически окрашенный. Смысл современ-

ного естественного права – быть контрольной нравственной инстанцией над правом позитивным, так как нравственные идеалы должны направлять развитие права. Наследие русских мыслителей рубежа XIX–XX столетий используется современными правоведом и при попытках прогнозирования дальнейшего государственно-правового строительства России. Исследование процесса становления правового государства в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений современных учений о праве и государстве. Показательными в этом направлении являются исследования А.Н. Медушевского [7, с. 44]. Автор проводит параллели политического развития России между периодами первой русской революции и «конституционной революции 1993 г.». Проблема правового государства и способов его построения, считает Медушевский, разделила современное российское общество. Правовед выделяет три основных подхода к проблеме построения правового государства:

✓ принятие либеральной концепции правового государства в силу ее соответствия задачам модернизации и европеизации, мировому опыту решения конституционного вопроса;

✓ отрицание названной концепции с позиций консерватизма и неославянофильства, отстаивающего особый путь развития страны вплоть до возврата к суррогатным советским формам номинального конституционализма или вполне традиционалистским сословно-представительным институтам;

✓ прагматические решения, связанные с комбинированием институтов, соответствующих различным правовым и идеологическим традициям [8, с. 45]. Следует также внимание на целый ряд научно-теоретических исследований современных российских правоведов, занимающихся изучением различных аспектов права и правосознания, среди которых можно выделить А.Г. Бережнова, А.В. Борисова, А.М. Величко, С.Б. Глушаченко, А.В. Корнеева, Д.А. Потопейко, Р.А. Ромашова, В.А. Туманова и других. В контексте нашего исследования мы обращаемся к именам этих исследователей в связи с тем, что в своих работах, посвященных рассмотрению проблем права и правосознания, определенное внимание они уделяют анализу взглядов Б.А. Кистяковского.

Подобный подход к естественному праву прослеживается и в современных исследованиях. Так, например, Т.А. Мухина считает, что теория естественного права базируется на триедином начале – справедливость, равенство, свобода [9, с. 20]. Т.А. Мухина в результате проведенного диссертационного исследования приходит к выводу, что основы естественного права вечны и неизменны, изменяются только понятия о них в ходе исторического развития общества. Подобные выводы прослеживаются и в работах Б.А. Кистяковского.

Рассматриваемые позиции сформировались исторически и определяются в итоге отношением к модернизации и современным конституционным преобразованиям. А.Н. Медушевский считает, что идея установления полноценного парламентско-президентского режима вполне соответствует логике дореволюционных идей российского либерализма (в том числе идей Б.А. Кистяковского), позволяя осуществить в перспективе его лозунг об ответственном правительстве.

Вполне уместным представляется привести мысль В.В. Сапова из «Примечаний» к биографическому очерку Н.П. Василенко о Б.А. Кистяковском относительно того, что в наше непростое время жизнь и труды этого выдающегося представителя отечественной политико-правовой мысли послужат символом нерасторжимого единства двух великих славянских народов. Искренне хотелось бы в это верить. Представляется, что эти и подобные идеи сформировались у авторов не без влияния тех взглядов и идей, которые разрабатывал и отстаивал Б.А. Кистяковский.

Как справедливо замечает Л.Р. Авдеева, «обращаясь к наследию Б.А. Кистяковского, мы не только открываем для себя разнообразие философской мысли начала XX в., но и по-новому осмысливаем проблему закономерностей новейшей истории. Перед нами предстает реальная, хотя и оставшаяся лишь в теории, возможность избежать тех породивших роковые последствия догматов, которые довлеют многие годы над нашей жизнью, мыслью, творчеством» [1, с. 38].

Таким образом, правовое наследие Б.А. Кистяковского вполне востребовано современными правовыми науками, к числу которых относятся история правовых и политических учений, теория государства и права, философия права, социология права. Не умаляя значимости трудов ряда современных отечественных и зарубежных ученых и проделанной ими работы по осмыслению научного наследия Б.А. Кистяковского, следует отметить, что до сих пор его политико-правовое учение исследовано далеко не в полной мере.

Список литературы

1. Авдеева Л. Р. Право и его философия в России: Кистяковский Б.А. / Л. Р. Авдеева // Вестник Московского университета. – 1990. – № 3. – С. 38. – (Сер. 7).
2. Кистяковский Б. А. Государство и право / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 82.
3. Кистяковский Б. А. Социальные науки право / Б. А. Кистяковский. – М., 1916. – 403 с.
4. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. – М. : РХГИ, 1999. – 800 с.
5. Кузнецов Э. В. Философия права в России / Э. В. Кузнецов. – Л., 1989.
6. Матузова Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2005. – 429 с.
7. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский. – М., 2005.
8. Медушевский А. Н. Теория правового государства и стратегия модернизации России / А. Н. Медушевский // Законодательство. – 2010. – № 6. – С. 45.
9. Мухина Т. А. Проблема соотношения естественного и позитивного права / Т. А. Мухина. – Уфа, 2005.
10. Поляков А. В. Возрожденное естественное право в России: критический анализ основных концепций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Поляков. – Л., 1987.
11. Поляков А. В. Может ли право быть неправым?: некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания / А. В. Поляков // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 99.

ЗНАЧЕНИЕ УСТАВА ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ

Л.Ш. Шамарданова

Товариществом собственников жилья признается некоммерческая организация, объединение собственников помещений в многоквартирном доме для совместного управления комплексом недвижимого имущества, обеспечения эксплуатации этого комплекса, владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме. Законодательными актами не установлен определенный срок по внесению изменений в уставы действующих товариществ собственников жилья. Учредительные документы юридического лица должны соответствовать действующему законодательству.

The association of owners of habitation is acknowledged as a noncommercial organization, association of owners of apartments in an block of flats for a joint management of the complex of the real estate in a block of flats, providing exploitation of this block, domain, use and disposing of general property within the limits of legislation set in a block of flats. Legislative acts do not set a certain term on making alteration in regulations of operating associations of owners of habitation. It is important to know that the constituent documents of legal entity must correspond to a current legislation.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, устав, учредительные документы юридического лица, императивная норма, диспозитивная норма.

Key words: association of owners of habitation, regulation, constituent documents of legal entity, imperative norm, non-mandatory norm.

В разделе VI Жилищного кодекса Российской Федерации [2] раскрываются вопросы организации и деятельности товарищества собственников жилья (далее – ТСЖ). Он заменяет ранее действовавший закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья» [3], который, согласно ч. 1 ст. 2 вводного закона, утратил силу с 1 марта 2005 г., но, учитывая ст. 291 Гражданского кодекса Российской Федера-

ции [4], целесообразно существование отдельного закона о товариществах собственников жилья, или необходимо внести изменения в данную статью.

В соответствии со ст. 135 Жилищного кодекса Российской Федерации, ТСЖ признается некоммерческая организация, объединение собственников помещений в многоквартирном доме для совместного управления комплексом недвижимого имущества в многоквартирном доме, обеспечения эксплуатации этого комплекса, владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме. Учредительным документом ТСЖ является Устав товарищества собственников жилья. Он имеет огромное значение для организации и деятельности ТСЖ. Этот документ действует в течение всего срока существования ТСЖ. К Уставу обращаются собственники помещений многоквартирного дома, члены и председатель правления ТСЖ, ревизионная комиссия при товариществе и т.д. При конфликтных ситуациях на устав ссылаются члены товарищества в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Устав ТСЖ представляется в качестве основного документа при регистрации юридического лица. Таким образом, Устав ТСЖ – основной документ, по которому живут собственники помещений многоквартирного дома, являющиеся членами товарищества. От грамотной подготовки Устава, от своевременного внесения в него изменений и дополнений зависит реализация целей и задач деятельности как ТСЖ, так и жилищно-коммунальных хозяйств в целом.

Однако в Жилищном кодексе Российской Федерации отсутствуют требования собственника жилья к Уставу товарищества, в то время как для жилищного или жилищно-строительного кооператива подобные требования содержатся в ст. 113 Жилищного кодекса Российской Федерации. Примерный Устав ТСЖ был утвержден приказом Министерства РФ по земельной политике, строительству и жилищно-коммунальному хозяйству от 03 августа 1998 г. № 35 [1]. Положения данного Устава заложены в основу иных существующих в настоящее время ТСЖ.

Так, примерный устав ТСЖ содержит:

- ✓ наименование, содержащее указание на характер его деятельности и организационно-правовую форму;
- ✓ место нахождения;
- ✓ порядок управления деятельностью товарищества;
- ✓ предмет и цели деятельности;
- ✓ сведения о филиалах и представительствах;
- ✓ права и обязанности членов ТСЖ;
- ✓ условия и порядок приема в члены товарищества и выхода из него;
- ✓ источники формирования имущества;
- ✓ порядок внесения изменений в учредительные документы некоммерческой организации;
- ✓ порядок пользования имуществом в случае ликвидации;
- ✓ иные не противоречащие законодательству положения.

Гражданским законодательством установлено требование о действии юридического лица на основании устава, либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора.

Действующий Жилищный кодекс Российской Федерации не оговаривает состав и не определяет требования к содержанию учредительных документов товарищества. Только в ст. 135 Жилищного кодекса Российской Федерации определено, что Устав ТСЖ принимается на общем собрании. Таким образом, учредительным документом товарищества будет являться Устав ТСЖ. В императивной форме установлено, что утверждение Устава, внесение в него изменений происходит только по решению общего собрания членов кооператива.

В соответствии с п. 2 ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливается императивная форма; учредительные документы юридического лица должны содержать: наименование юридического лица; место его нахождения; порядок управления деятельностью юридического лица; другие сведения, предусмотренные специальными законами для организационно-правовых форм юридических лиц.

В связи с тем что ТСЖ признается некоммерческой организацией, его деятельность регулируется и положением Закона «О некоммерческих организациях» [5]. Так, в ст. 14 данного закона определено, что в учредительных документах некоммерческой организации должны содержаться: наименование некоммерческой организации, указывающее на характер ее деятельности и организационно-правовую форму; место нахождения некоммерческой организации; порядок управления деятельностью, предмет и цели деятельности; сведения о филиалах и представительствах, права и обязанности членов, условия и порядок приема в члены некоммерческой организации и выхода из нее (в случае, если некоммерческая организация имеет членство); источники формирования имущества некоммерческой организации; порядок внесения изменений в учредительные документы некоммерческой организации; порядок использования имущества в случае ликвидации некоммерческой организации и иные не противоречащие законодательству положения.

Устав является документом, который должен содержать обязательные положения, предусмотренные законодательством в императивной форме. Отсутствие определенных сведений в Уставе может послужить основанием для признания документов не соответствующими требованиям законодательства, а также послужить причиной конфликтов внутри юридического лица.

Таким образом, при составлении грамотного Устава необходимо внимательное изучение закона, регулирующего соответствующую организационно-правовую форму, и составление всех императивных и диспозитивных норм закона. Необходимо учесть требования иных нормативных актов, связанных с деятельностью юридического лица. Основная проблема составления Устава заключается в необходимости учесть все положения законодательства, императивных и диспозитивных норм для конкретного юридического лица.

Императивными нормами регулируются вопросы, которые могут в дальнейшем создать определенные трудности, поэтому они должны быть однозначно определены в Уставе ТСЖ. Так, в ст. 147 ч. 5 Жилищного кодекса Российской Федерации определено, что заседание правления ТСЖ созывается председателем в сроки, установленные уставом товарищества. В отсутствие указанных в Уставе сроков, при наличии корыстных умыслов у председателя правления можно не дожидаться созыва правления.

Также имеются диспозитивные нормы, которые имеют достаточно универсальное применение и достаточно весомы, например, положения ст. 146 ч. 6 Жилищного кодекса Российской Федерации, допускающие возможность голосования в письменной форме. Если такие положения не включить в содержание Устава, то все собрания придется проводить в форме совместного присутствия всех членов ТСЖ. В случае недостижения кворума, необходимого для принятия решения, собрание будет неправомочно принимать какие-либо решения и может собираться несколько раз напрасно. В то же время голосование в форме опроса, своего рода заочное голосование, позволит всем собственникам выразить свое мнение по вопросу, поставленному на голосование, в удобное для них время. Наличие этих положений в Уставе ТСЖ значительно повысит результативность принятия решения по вопросам, поставленным на голосование, предоставит возможность включения в Устав положений о голосовании по группам членов товарищества в зависимости от вида помещений – жилое или нежилое.

Включение таких положений в Устав товарищества, где в доме преобладает какой-то вид помещений (жилые или нежилые), создаст преимущества при принятии решений собственниками таких помещений. Обязательное включение в Устав всех императивных норм, а также внимательное изучение и оценка на предмет необходимости включения в Устав диспозитивных норм позволят составить Устав, отвечающий требованиям конкретного ТСЖ.

В учредительных документах некоммерческих организаций необходимо определить предмет и цели деятельности юридического лица. Согласно ст. 135 Жилищного кодекса Российской Федерации, предметом и целями деятельности являются: управление комплексом недвижимого имущества в многоквартирном доме, обеспечение экс-

плуатации этого комплекса, владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжение общим имуществом в многоквартирном доме.

ТСЖ является созданным как юридическое лицо с момента его государственной регистрации в установленном федеральными законами порядке, которое вправе в установленном порядке открывать банковские счета на территории Российской Федерации и за ее пределами, иметь круглую печать, содержащую его полное фирменное наименование на русском языке и указание на место его нахождения. В печати может быть также указано фирменное наименование общества на любом иностранном языке или языке народов Российской Федерации. ТСЖ вправе иметь штампы и бланки со своим наименованием, собственную эмблему, а также зарегистрированный в установленном порядке товарный знак и другие средства визуальной идентификации. ТСЖ отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, не отвечает по обязательствам членов товарищества. Члены ТСЖ не отвечают по обязательствам товарищества, товарищество собственников жилья создается без ограничения срока деятельности. Однако ст. 135 Жилищного кодекса Российской Федерации предоставляет возможность в Уставе товарищества предусмотреть, на какой срок создается товарищество.

Таким образом, возможно составить преамбулу Устава ТСЖ, определив его статус, цели и задачи, а также правоспособность.

Юридическое лицо должно иметь свое наименование, которое отличало бы его от других организаций. Юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, должно иметь фирменное наименование [7].

Не менее важным разделом Устава и обязательным к включению в его содержание должен быть раздел «Порядок управления деятельностью юридического лица». Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами [6].

В соответствии со ст. 144 Жилищного кодекса Российской Федерации, органами управления ТСЖ являются общее собрание членов товарищества, правление товарищества.

Раздел «Права и обязанности членов товарищества собственников жилья» в Уставе товарищества может включать права и обязанности собственников жилых помещений, определенных в ст. 30, 45, 46 Жилищного кодекса Российской Федерации, их права и обязанности как участников организации – членов ТСЖ.

Устав некоммерческой организации должен содержать положения, регулирующие порядок внесения изменений в учредительные документы. Статья 135 Жилищного кодекса Российской Федерации предусматривает, что Устав ТСЖ принимается на общем собрании.

Положениями ст. 145 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено, что внесение изменений в Устав товарищества относится к компетенции общего собрания. При этом ст. 146 Жилищного кодекса определено, что принятие решения по этому вопросу осуществляется большинством от общего числа голосов присутствующих на общем собрании членов товарищества или их представителей.

В соответствии с положениями, установленными Жилищным кодексом Российской Федерации, в Уставе ТСЖ необходимо указать порядок управления. Высшим органом управления ТСЖ является общее собрание членов ТСЖ. Общее собрание избирает органы управления товариществом – правление и ревизионную комиссию (ревизора).

На законодательном уровне определен порядок избрания органов управления ТСЖ. В учредительных документах важно определить компетенцию каждого из органов управления.

Для достижения целей, предусмотренных Уставом, ТСЖ вправе заниматься хозяйственной деятельностью. Доходы, полученные от хозяйственной деятельности товарищества, используются для оплаты общих расходов товарищества. По решению общего собрания ТСЖ эти доходы могут быть направлены в специальные фонды

товарищества и расходоваться в порядке, предусмотренном Уставом товарищества, а также направляться на иные цели, предусмотренные Уставом товарищества.

Ликвидация юридического лица регулируется ст. 61–65 Гражданского кодекса Российской Федерации с особенностями, определенными в ст. 141 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Устав является основным сводом правил, регулирующих деятельность ТСЖ, который должен соответствовать положениям Жилищного кодекса Российской Федерации с учетом внесения изменений в законодательство. Законодательными актами не установлен определенный срок по внесению изменений в уставы действующих ТСЖ. Учредительные документы юридического лица должны соответствовать действующему законодательству.

Список литературы

1. Бюллетень строительной техники. – 1999. – № 1 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.01.2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2963 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 145 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Статья 53 Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Статья 54 Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации». – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: consultant.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛФЁРОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – ассистент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: n-alf@yandex.ru

АПАЛЬКИНА ЛИДИЯ АХМЕДОВНА – кандидат педагогических наук, директор Георгиевского филиала Невинномысского государственного гуманитарно-технического института (г. Георгиевск, Ставропольский край).

АХМЕДОВА ИРИНА АХСАНОВНА – аспирант кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: irina_lion_1785@mail.ru

БАЙБАТЫРОВА НАИЛЯ МУНИРОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики Астраханского государственного университета.

E-mail: aulova83@mail.ru

БАРБАРА РОНКЕТТИ – профессор кафедры русского языка и литературы Римского университета Ла Сапиенца.

E-mail: ronchett@cisadu2.let.uniroma1.it

БЕЛЬСКАЯ ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: julbell@yandex.ru

БУЗИНА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: tbuzina@yandex.ru

БЫЧКОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: dmitriybychkov@list.ru

ВАРЛАМОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.

E-mail: varlamow@rambler.ru

ГЛИНЧЕВСКИЙ ЭДВАРД ИВАНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.

E-mail: ned81@yandex.ru

ДАВЫДОВА АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: alina1983108@mail.ru

ДЕЛИНАД МАКСИМ ГОЛАМХАСАНОВИЧ – аспирант кафедры английской филологии, старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского государственного университета.
E-mail: m_delinad@mail.ru, m_delinad@aspu.ru

ДЖАМАЛУДИНОВА АЙШАТ ГАДЖИМУРАДОВНА – ассистент кафедры иностранных и латинского языков Дагестанской государственной медицинской академии, аспирант кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного педагогического университета.

ДОРОХОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки в гуманитарном и естественнонаучном образовании» Астраханского государственного технического университета.
E-mail: dorokhova_natalia@mail.ru

ЖУКОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – ассистент кафедры английского языка и технического перевода для Естественного института и ФМИ, аспирант кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.
E-mail: kasyanova@aspu.ru

ИБРАГИМОВ ГАСАН ГАСАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор, докторант Астраханского государственного университета, композитор-этнограф Российской академии образования.

ИЛОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.
E-mail: elenailova@rambler.ru

ИЛЮХИНА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Астраханского государственного университета.
E-mail: marussiya1@mail.ru

ИСАЕВ ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: kafruslit@mail.ru

КАЗАКОВА АННА ИГОРЕВНА – аспирант кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета, учитель русского языка и литературы СОШ № 36 г. Астрахани.
E-mail: liranna@bk.ru

КОНДРАШЕВА АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Астраханского государственного университета.
E-mail: a.v.kondrasheva@mail.ru

КУЗНЕЦОВА ЕЛЕНА ВЕНИАМИНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.
E-mail: lena_kouznetsova@mail.ru

КУНУСОВА АЛИНА НАГИЕВНА – аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета, аспирант Департамента американистики, славистики и иберистики Венецианского университета Ca`Foscari.

E-mail: alinakunusova@gmail.com

МАДЖАЕВА САНЬЯ ИБРАГИМОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Астраханской государственной медицинской академии.

E-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

МАЛАХОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – соискатель кафедры русской литературы и фольклора Московского городского педагогического университета.

E-mail: malata10@yandex.ru

МАНЧЕНКО ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: hcherska@mail.ru

МИЗОВА ЗАЛИНА ЗАМИРДЖАНОВНА – аспирант Отдела кабардинской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований при Правительстве КБР и КБНЦ РАН.

E-mail: fatima-mis@mail.ru

МИХАЙЛОВА ТАМАРА ВЛАДИМИРОВНА – преподаватель кафедры английского языка для юридического факультета и факультета социальных коммуникаций, аспирант кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: michaelelbonne@mail.ru

МОЛОВЦОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, заместитель директора Георгиевского филиала Невинномысского государственного гуманитарно-технического института (г. Георгиевск, Ставропольский край).

ОЧИРОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – аспирант кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета, методист факультета довузовской подготовки Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).

E-mail: ochirovasha@mail.ru

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – прокурор Ленинского района г. Астрахани, советник юстиции.

E-mail: art-voyage@mail.ru

ПОВХ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: goddess.yulla@rambler.ru

ПОДВОЙСКИЙ ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Астраханского государственного университета.

ПОЛОВИНИНА СВЕТЛАНА ГЕННАДИЕВНА – ассистент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: spolovinina@yandex.ru

ПОПОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Астраханского государственного университета.

E-mail: dukra@mail.ru

РАХИМБИРДИЕВА ИЛЬМИРА МУХАРЯМОВНА – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки в гуманитарном и естественнонаучном образовании» Астраханского государственного технического университета.

E-mail: ilmira-rim@mail.ru

РОГАЛЁВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гуманитарного образования Псковского педагогического университета.

E-mail: cambala2007@yandex.ru

РОМЕНСКАЯ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА – аспирант, ассистент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: romenskaja@inbox.ru

САВЕЛЬЕВА УЛЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: ulyanasaveljeva@gmail.com

СПЕСИВЦЕВА ЛЮБОВЬ ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: krilovalubov@bk.ru

СТОМПЕЛЬ ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: velena.2013@yandex.ru

УМЕРОВА ДИНАРА АБДУЛВАХИДОВНА – аспирант, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой турецкого языка Астраханского государственного университета.

E-mail: dinaraumerova@rambler.ru

ХАРИТОНОВА АННА НИКОЛАЕВНА – ассистент кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета.

E-mail: aharitonova@bk.ru

ЧЕРНОУСОВА ЮЛИАНА АНАТОЛЬЕВНА – соискатель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, преподаватель кафедры делового иностранного языка Высшей школы политического управления и инновационного менеджмента Пятигорского государственного лингвистического университета.

E-mail: ellemoi@rambler.ru

ШАМАРДАНОВА ЛИЛИЯ ШАМИЛЕВНА – студентка юридического факультета Астраханского государственного университета, руководитель аппарата мирового судьи Агентства по организации деятельности мировых судей Астраханской области.

E-mail: lilifleur1@mail.ru

ШЕВЕЛЬ ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА – аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы, преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы Пятигорского государственного лингвистического университета.

ШИРЯЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

E-mail: shiryaevat@list.ru

ШКУРСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА – ассистент кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).

E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

ЩУРИНА СВЕТЛАНА ПЕТРОВНА – учитель истории и обществознания СОШ № 2 ЗАТО «Озерный» Бологовского района Тверской области.

Правила для авторов

Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по направлениям «Филология», «Юриспруденция», «Педагогика».

Редколлегия журнала фундаментальных и прикладных исследований «Гуманитарные исследования» принимает к рассмотрению статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Экономическая теория», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Юридическая практика. Теория права», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объем публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Times New Roman, кегль 14, все поля по 2,5 см.

Оформление статьи. К статье необходимо приложить (в одном файле со статьей) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного адреса.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Образец оформления:

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – М. : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст / Л. Н. Тихомирова. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- внешнюю рецензию на статью (отсканированную);
- квитанцию об оплате статьи либо о подписке на журнал (отсканированную).

Научный редактор журнала – доктор филологических наук, профессор *Геннадий Григорьевич Исаев*.

Ответственный секретарь – и.о. начальника редакторского отдела Издательского дома «Астраханский университет» *Юлия Александровна Повх*.

На основании приказа ректора АГУ № 080101/193 от 25.03.2011 г., за размещение статей в журнале «Гуманитарные исследования» установлена цена в размере **500 рублей за 1 страницу** для иногородних и других авторов, не являющихся сотрудниками АГУ. **300 рублей за 1 страницу** для сотрудников АГУ.

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Для аспирантов Астраханского государственного университета и любых других вузов и научных учреждений публикация бесплатна.

Аспирантам необходимо оформить годовую подписку на журнал. Подписной индекс журнала – 11109. Копию квитанции об оплате или о подписке отправлять электронной почтой по адресу: **gis_00@mail.ru**.

Реквизиты для оплаты публикаций:

ИНН 3016009269

КПП 301601001

УФК по Астраханской области (Астраханский государственный университет)

л/сч 03251А29200

р/сч 40503810900001000158

Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по Астрах. обл. г. Астрахань

БИК 041203001

код ОКОНХ 92110

код ОКПО 02079218

КБК 07430201010010000130

ОКАТО 12401372000

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала, название статьи.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала Юлией Александровной Повх
по тел.: (8512) 48-53-44 и e-mail: gis_00@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с «Правилами для авторов».

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегией направляется мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение трех лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

**Подписка на наши издания осуществляется
по Объединенному каталогу «Пресса России»**

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Естественные науки»
Подписной индекс – 11172

Журнал публикует теоретические, обзорные (проблемного характера), а также экспериментально-исследовательские статьи по всему спектру естественнонаучных проблем химии, физики, математики, биологии, науки о Земле, истории естествознания, краткие сообщения и информацию о новых методах экспериментальных исследований, а также работы, освещающие современные технологии преподавания естественных наук.

Журнал публикует информацию о научных публикациях издательства университета по естественнонаучным проблемам, о предстоящих и о прошедших научных конференциях, симпозиумах, съездах.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Гуманитарные исследования»
Подписной индекс – 11171

В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Мировая и региональная экономика», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Из юридической практики», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазовости различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170

Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.

Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона. С этой целью используются различные формы публикаций: статьи, научные доклады, «круглые столы», интервью, отклики и комментарии, обзоры, рефераты, рецензии, сообщения.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.

Адрес Издательского дома «Астраханский университет»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20; тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга),
48-53-45 (магазин), 48-53-44; тел./факс (8512) 48-53-46,
48-53-41 (производственный отдел),
e-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2011
№ 3 (39)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Главный редактор Г.Г. Исаев

Редактор *Ю.А. Повх*
Компьютерная правка, верстка *Н.П. Туркиной*

Адрес редакции: Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Дата выхода в свет 31.10.2011 г.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Заказ № 2453. Тираж 500 экз. (первый завод – 75 экз.).

Оттиражировано на базе Издательского дома «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru